This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

WIDENER
HN ZRXC I

Slav 3099.05.10

Harvard College Library

BOUGHT WITH GIFTS RECEIVED
THROUGH THE COMMITTEE
APPOINTED BY THE BOARD
OF OVERSEERS TO VISIT THE
DEPARTMENT OF ECONOMICS

Н. Н. Черненковъ.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ

КРЕСТЬЯНСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

Выпускъ I.

БИБЛИОТЕКА
КООПЕРАТИВНАГО
ИНСТИТУТА
ВСЕРОСС. КООПЕР. СЪѢЗДОВЪ
№ 616-1

25.453 23-1

МОСКВА.
Типо-литографія «РУССКАГО ТОВАРИЩЕСТВА печати. и издательск. дѣла»
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., с. д.
1905.

Slav 3099.05.10

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF THE
OVERSEERS COMMITTEE
TO VISIT THE
DEPARTMENT OF ECONOMICS
Apr. 23, 1930

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Страницы.

Предисловіе . . . . . 6—10

ГЛАВА I.

Статистическія данныя, имѣющіяся по Петровскому уѣзду Саратовской губ.—Измѣненія въ количествѣ наличныхъ семей въ уѣздѣ по переписямъ 1884, 1894 и 1897 гг. и отсутствующихъ семей по переписямъ 1884 и 1894 гг.—Существованіе, наряду съ уходомъ на сторону, обратнаго движенія другихъ семей на родину; размѣры того и другаго явленія въ Петровскомъ у. за 10 лѣтъ съ 1884 по 1894 г.—Движеніе крестьянскаго скотоводства въ уѣздѣ, по 3 переписямъ и по другимъ свѣдѣніямъ, съ начала 80-хъ годовъ по 1899 г.—Измѣненія группировки хозяйствъ по количеству рабочихъ лошадей, числа безпосѣвныхъ и посѣвныхъ хозяйствъ и посѣвной площади . . . . . 10—25

ГЛАВА II.

Приростъ числа наличныхъ семей въ 6 волостяхъ Петровскаго у. съ 1894 по 1897 г.; уходъ на сторону, возвратъ на родину, раздѣлы и вымираніе семей за то-же время.—Аналогичныя данныя по нѣкоторымъ селеніямъ Сердобскаго у. и 3 уѣздовъ Орловской губ.—Многочисленность семейно-хозяйственныхъ единицъ, захватываемыхъ процессами дробленія (путемъ раздѣловъ) и вымиранія; сосредоточеніе этихъ процессовъ въ крайнихъ по составу группахъ крестьянскихъ семей, обусловливающее постоянное обновленіе этихъ группъ.—Относительная неизмѣнность средней величины семьи и группировки семей по работникамъ въ Петровскомъ у., какъ результатъ совокупности противоположныхъ процессовъ въ различныхъ группахъ семей.—Отсутствіе прямой зависимости (или даже обратная зависимость) между измельчаніемъ крестьянскихъ семей и частыми семейными раздѣлами.—Прямая связь между количествомъ раздѣловъ и величиною семьи, съ одной стороны, и приростомъ населенія, съ другой.—Тенденція величины семьи въ отдѣльныхъ общинахъ, районахъ и т. д. къ обычной въ данной мѣстности или разрядѣ населенія нормѣ.—Отсутствіе существенныхъ измѣненій величины семьи и группировки семей по работникамъ въ другихъ уѣздахъ Саратовской губ. (съ 1885—86 по 1897 гг.) и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ . 26—54

ГЛАВА III.

Необходимость пересмотра фактическихъ основаній мнѣнія о мельчаніи крестьянскихъ семей.—Непригодность ревизскихъ данныхъ для сужденія о величинѣ семей въ дореформенное время; искусственность ревизскаго счета, игнорировавшаго значительное количество фактическихъ раздѣловъ (особенно—у государственныхъ, удѣльныхъ и т. п. разрядовъ крестьянъ).—Отсутствіе прироста у крѣпостного населенія съ начала нынѣшняго столѣтія до 1861 г. и связанная съ этимъ рѣдкость дѣлежа семей среди крѣпостныхъ крестьянъ; значительная прибыль того-же населенія послѣ 1861 г. и обусловленное ею учащеніе семейныхъ раздѣловъ, какъ одно изъ вѣроятныхъ основаній ходячаго мнѣнія о тенденціи крестьянскихъ семей къ усиленному дробленію въ пореформенный періодъ.—Нѣкоторыя изъ условій крѣпостного строя, которыя должны были вліять на пониженіе средней нормы семейнаго состава: возможность обратнаго вліянія

развитой барщинной системы.—Указаніе въ матеріалахъ г. Скребицкаго на преобладаніе однотягольныхъ хозяйствъ среди крѣпостныхъ.—Несравнимость прежняго и обычнаго оффиціальнаго счета крестьянскихъ „дворовъ“ съ счетомъ крестьянскихъ „семей“ или „хозяйствъ“, принятымъ земскою статистикою.—Указанія г. Семевскаго на частые раздѣлы и на немноголюдность крестьянскихъ семей въ прошломъ столѣтіи.—Малая разница въ величинѣ семьи по даннымъ Румянцовской описи 1767 г. и земской переписи 1883 г. въ Черниговской губ.—Преобладаніе малыхъ семей и мелкихъ хозяйствъ у крестьянъ по даннымъ писцовыхъ и переписныхъ книгъ.—Наличность въ настоящее время хозяйственныхъ условій, противодѣйствующихъ мельчанію крестьянскихъ семей.—Разборъ данныхъ и нѣкоторыхъ заключеній гг. Личкова и Щербины объ измѣненіи количества семейныхъ раздѣловъ во времени . . . . . 55—81

ГЛАВА IV.

Малая измѣнчивость средней величины крестьянской семьи во времени и отсутствіе, въ частности, существенной разницы въ величинѣ и типѣ семьи до и послѣ 1861 г., какъ наиболѣе вѣроятный общій выводъ изъ приведенныхъ выше данныхъ.—Отсутствіе, въ большинствѣ случаевъ, сильныхъ колебаній средней величины семьи по болѣе или менѣе значительнымъ районамъ и категоріямъ крестьянъ. — Вѣроятныя причины, не допускающія крупныхъ и устойчивыхъ отклоненій средней величины семьи отъ извѣстной общей нормы.—„Физическій“ минимумъ средняго состава семьи.—Ограниченное значеніе семейныхъ раздѣловъ по отношенію къ средней величинѣ семьи.—Двойственный характеръ крестьянской семьи, какъ „семьи-хозяйства“; ограниченность организаціонной способности семейной формы общежитія, какъ основы хозяйственной коопераціи (при данныхъ хозяйственно-историческихъ условіяхъ).—Нѣкоторыя особенности большихъ или сложныхъ семей, обусловливающія ихъ непрочность и тенденцію къ распаденію.—Существованіе опредѣленнаго соотвѣтствія между среднею величиною семьи и среднимъ рабочимъ составомъ ея, съ одной стороны, и характеромъ группировки семей по величинѣ и по числу работниковъ, съ другой.—Разнообразіе отдѣльныхъ семей по ихъ величинѣ, составу, внутреннему строенію, продолжительности самостоятельнаго существованія и проч.; измѣнчивость состава и положенія отдѣльныхъ семей во времени при устойчивости количественныхъ соотношеній между цѣлыми группами однородныхъ семей . . . . . 82—97

ГЛАВА V.

Необходимость при изученіи крестьянскаго хозяйства имѣть въ виду какъ двойственный характеръ двора, въ качествѣ семьи-хозяйства, такъ и внутреннюю связь между лично-семейнымъ и хозяйственнымъ элементами данной единицы.—Неоднородность крестьянскихъ дворовъ, какъ хозяйственныхъ единицъ.—Малая изученность этого явленія въ его основахъ и динамикѣ.—Необходимость строгаго различенія статики и динамики неоднородности крестьянскихъ хозяйствъ.—Неправильность и затемняющее вліяніе обычной терминологіи; нѣкоторыя другія обстоятельства, содѣйствующія тому, что существованіе статической неоднородности хозяйственныхъ единицъ часто разсматривается, безъ достаточныхъ доказательствъ, какъ выраженіе процесса „дифференціаціи“ или „разслоенія“ деревни.—Отчетливое констатированіе хозяйственной неоднородности крестьянства нѣкоторыми представителями дореформеннаго періода.—Смутность представленій о деревнѣ въ то-же время и въ началѣ пореформеннаго періода въ болѣе широкихъ слояхъ общества; послѣдующее обнаруженіе неравенства въ крестьянской средѣ, какъ одно изъ основаній ходячаго мнѣнія о недавнемъ возникновеніи или значительномъ усиленіи его въ дѣйствительности.—Логическая допустимость обратнаго предположенія, что это неравенство (въ сферѣ земледѣльческаго хозяйства) не измѣнялось существенно во времени или даже могло уменьшиться.—Нѣкоторыя черты эволюціи представленій о неоднородности и „разложеніи“ деревни въ нашей литературѣ; широкое распространеніе убѣжденія относительно „упадка“ крестьянскаго хозяйства послѣ реформы 1861 года; упроченіе мнѣнія о „двухстороннемъ“ характерѣ происходящихъ въ данной сферѣ процессовъ; крайняя форма, въ которую оно отлилось въ 90-ые годы; стремленіе подвести явленія и процессы въ области крестьянскаго хозяйства подъ категоріи и понятія капиталистическаго строя.—Опредѣленіе, въ основныхъ чер-

тахъ, реальнаго содержанія господствующихъ представленій о процессѣ „дифференціаціи“ или „разслоенія“ деревни.—Главные вопросы, подлежащіе выясненію при изученіи хозяйственной неоднородности крестьянскихъ дворовъ.—Ограниченность задачъ настоящей работы въ этомъ отношеніи; полагаемое въ основу ея „предвзятое“ или апріорное понятіе о крестьянскомъ дворѣ.—Признаки, которые являются наиболѣе пригодными для изученія группировки крестьянскихъ дворовъ по объему и состоянію ихъ земледѣльческаго хозяйства.—Преимущественное пользованіе въ настоящей работѣ группировкою по количеству скота. . . . . 98—129

ГЛАВА VI.

Матеріалы военно-конскихъ переписей, какъ одинъ изъ источниковъ для изученія хозяйственной неоднородности деревни.—Общая группировка дворовъ по числу лошадей (всѣхъ возрастовъ) въ 299 уѣздахъ по даннымъ военно-конской переписи 1888—91 гг.—Крупныя различія между уѣздами въ распредѣленіи дворовъ по группамъ и, въ частности, въ численности крайнихъ группъ.—Наличность опредѣленной правильности въ различіяхъ группировки дворовъ по мѣстностямъ; наблюдаемая, какъ преобладающая тенденція, общая „подвижка“ всей группировки въ ту или иную сторону въ связи съ различіями въ среднемъ числѣ лошадей, приходящемся на 1 дворъ.—Аналогія съ тѣмъ, что установлено было раньше по отношенію къ рабочему составу семей.—Наличность, наряду съ указанною преобладающею тенденціею, многочисленныхъ и существенныхъ отклоненій отъ нея.—Двойственность явленій, обнаруживаемая болѣе глубокимъ изученіемъ мѣстныхъ различій въ характерѣ группировки дворовъ: а) сходство группировки при одинаковой средней обезпеченности населенія лошадьми въ однихъ случаяхъ и б) существенныя различія въ той-же группировкѣ, не смотря на одинаковую среднюю обезпеченность лошадьми, въ другихъ случаяхъ.—Классификація уѣздовъ, сообразно съ этою двойственностью явленій, по различіямъ въ характерѣ или типѣ группировки дворовъ при одинаковомъ среднемъ числѣ лошадей на 1 дворъ.—Послѣдующее примѣрное объединеніе однотипичныхъ по характеру группировки уѣздовъ въ разряды или классы (независимо отъ различій въ среднемъ числѣ лошадей на 1 дворъ).—Естественная группировка однотипичныхъ уѣздовъ, при нанесеніи классовыхъ дѣленій на общую карту Россіи, въ опредѣленные географическіе районы, объединяющіеся затѣмъ въ извѣстныя полосы.—Некапиталистическій характеръ различій въ фактической группировкѣ дворовъ по числу лошадей, какія наблюдаются въ предѣлахъ отдѣльныхъ районовъ (въ зависимости отъ неодинаковыхъ соотношеній между числомъ лошадей и числомъ дворовъ въ разныхъ уѣздахъ).—Необходимость строгаго различенія разныхъ формъ хозяйственной неоднородности или „дифференцированности“.—Явленія, наблюдаемыя по отношенію къ группѣ безлошадныхъ дворовъ при повышеніи средняго числа лошадей на 1 дворъ (въ предѣлахъ каждаго района).—Специфическій характеръ различій въ группировкѣ дворовъ между намѣченными выше районами и полосами, какъ подходящихъ подъ понятіе различій въ степени дифференцированности крестьянскихъ хозяйствъ въ точномъ смыслѣ этого термина.—Географическая послѣдовательность намѣченныхъ полосъ въ предѣлахъ изучаемой территоріи Россіи; сохраненіе данной послѣдовательности и при сравненіи характера группировки дворовъ по числу лишь взрослыхъ лошадей.—Возможность различныхъ гипотетическихъ объясненій наблюдаемыхъ различій въ типѣ группировки дворовъ между отдѣльными полосами.—Необходимость дальнѣйшаго изученія предмета для провѣрки правильности тѣхъ или иныхъ объясненій.—Приложенія: таблицы и картограмма . . . . . 130—171

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ КРЕСТЬЯНСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

ПРЕДИСЛОВІЕ *).

Земская статистика, получившая широкое развитіе въ послѣднія десятилѣтія, дала богатые матеріалы для уясненія современнаго состоянія нашего крестьянскаго хозяйства (особенно — земледѣльческаго). Нужно, однако, сознаться, что *научная* разработка этихъ, постепенно накоплявшихся и охватывавшихъ все новыя и новыя стороны крестьянской жизни, матеріаловъ шла впередъ далеко несоотвѣтствующимъ темпомъ развитія,—настолько несоотвѣтствующимъ, что нерѣдко можетъ возникнуть сомнѣніе, положено ли хотя бы серьезное начало такой разработкѣ. Конечно, въ такой формѣ подобныя сомнѣнія должны считаться слишкомъ преувеличенными; но, въ общемъ, едва ли можно отрицать, что во многихъ случаяхъ они отстоятъ отъ дѣйствительнаго положенія дѣла не особенно далеко... Русская научно-теоретическая мысль, — несмотря на жгучій и неослабѣвающій интересъ къ вопросамъ о жизни и судьбахъ нашего крестьянства,—оказывалась, однако, до сихъ поръ совершенно безсильною *овладѣть* (въ научномъ смыслѣ) всею совокупностью имѣющихся данныхъ, *понять* и *прочно установить* основные принципы и тенденціи крестьянскаго хозяйства, *построить* изъ груды накопленныхъ фактовъ и эмпирическихъ обобщеній *цѣльную* и *стройную систему* (исходя изъ упомянутыхъ основныхъ принциповъ и тенденцій) или, иначе говоря, создать согласованную съ совокупностью фактическихъ матеріаловъ *„теорію“ крестьянскаго хозяйства*, принимающую въ соображеніе какъ специфическія черты этого типа хозяйства (въ наиболѣе чистомъ его видѣ), такъ и черты сходства его съ другими хозяйственными типами, а затѣмъ и тѣ измѣненія и осложненія, которыя порождаются въ немъ спеціальными условіями даннаго времени [1]). Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы наши общественныя и литературныя теченія были совершенно лишены той или иной системы теоретическихъ представленій о крестьянскомъ хозяйствѣ и о процессахъ, въ немъ происходящихъ; такія системы всегда были и теперь имѣются и даже строились и строются скорѣе въ чрезмѣрномъ обиліи и съ чрезмѣрною легкостью;

*) Настоящая брошюра представляетъ собою перепечатку статей, помѣщенныхъ въ „Саратовской Земской Недѣлѣ“ за 1900—1902 г. г. Будучи написаны 4—5 лѣтъ тому назадъ, эти статьи носятъ на себѣ нѣкоторый спеціальный отпечатокъ того времени и тѣхъ интересовъ момента, подъ давленіемъ которыхъ онѣ писались. Кромѣ того, за послѣдніе годы по затронутымъ авторомъ вопросамъ, конечно, появились многіе новые матеріалы, изслѣдованія и проч. Однако, использовать эти новыя данныя и существенно переработать первоначальную редакцію авторъ не имѣлъ возможности.

[1]) Въ недавнее время явилась выдающаяся попытка подобнаго построенія цѣльной системы теоретическихъ представленій по отношенію къ одной изъ сторонъ нашего крестьянскаго хозяйства, а именно—по отношенію къ общинному землевладѣнію. Конечные результаты этой попытки (мы имѣемъ въ виду книгу г. Качоровскаго) пока еще не могутъ быть точно установлены; но самый *характеръ* ея вполнѣ согласуется съ тѣмъ, *какъ*, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ изучать далѣе крестьянское хозяйство. Крестьянскій „дворъ“ (во всемъ разнообразіи и измѣнчивости его размѣровъ, типовъ и положеній) еще болѣе настоятельно требуетъ такого же систематическаго изученія, какъ и община, тѣмъ болѣе, что только пониманіе жизни этого „двора“ (семьи-хозяйства) можетъ привести къ полному пониманію и тѣхъ обычно-правовыхъ отношеній, которыя выражаются терминомъ „общинное владѣніе“; между тѣмъ для такого изученія элементарной ячейки или „клѣточки“ нашей деревни, а затѣмъ и самой деревни, какъ совокупности такихъ „клѣточекъ“, сдѣлано пока еще слишкомъ мало

мы только подчеркиваемъ, что эти системы и отдѣльныя ихъ положенія едва ли могли и могутъ считаться научно обоснованными совокупностью имѣвшихся въ извѣстный моментъ или теперь имѣющихся фактическихъ данныхъ. Всѣ эти системы и положенія представляли и представляютъ изъ себя, чаще всего, или ничто иное, какъ облеченныя въ форму несомнѣнныхъ и установленныхъ истинъ ходячія обобщенія изъ отрывочныхъ наблюденій, распространенныя среди извѣстныхъ классовъ населенія и среди самихъ крестьянъ и сильныя исключительно своею распространенностью и привычностью [1]), или же они представляютъ изъ себя построенія, сдѣланныя à priori, нерѣдко притомъ на основаніи данныхъ, относящихся къ другимъ типамъ хозяйственнаго строя, и вносимыя въ сферу нашего крестьянскаго хозяйства какъ бы извнѣ и болѣе или менѣе насильственно, часто игнорируя весьма важныя его стороны и особенности [2]). Въ общемъ, совокупность такихъ „узаконенныхъ" ходячихъ представленій и болѣе или менѣе чуждыхъ крестьянскому хозяйству *по своему происхожденію* идей и построеній, вмѣстѣ съ частичными эмпирическими обобщеніями фактовъ крестьянской жизни, и образуетъ обыкновенно своего рода искусственную комбинацію, которая составляется, за отсутствіемъ чего-либо лучшаго, каждымъ изъ имѣющихся въ данный моментъ направленій и оттѣнковъ общественной мысли и основной характеръ которой остается при этомъ одинъ и тотъ же, хотя составные элементы въ разныхъ случаяхъ и бываютъ различны. Получаются въ конечномъ результатѣ лишь различныя разновидности того, что, въ извѣстномъ смыслѣ, можетъ быть названо „вульгарною экономіею крестьянскаго хозяйства", противоположность научной его экономіи, которая можетъ считаться лишь зарождающеюся, но, повидимому, имѣетъ шансы на быстрое развитіе при обиліи накопленныхъ матеріаловъ для ея построенія и при той острой борьбѣ направленій, которая характеризуетъ послѣдніе годы.

Мы не будемъ здѣсь касаться подробно вопроса о томъ, почему русская научно-теоретическая мысль до сего времени не оказывалась въ состояніи серьезно переработать наличные фактическіе матеріалы, но отмѣтимъ, что одною изъ причинъ такого явленія, вѣроятно, были и самыя свойства упомяну-

---

[1]) Многіе авторы по наиболѣе важнымъ и наименѣе выясненнымъ вопросамъ такъ и аргументируютъ: „всѣмъ извѣстно", „ни для кого не тайна" и т. д., совершенно упуская изъ вида, что именно то, что кажется „всѣмъ извѣстнымъ", требуетъ особенно тщательной провѣрки и критики въ видѣ противодѣйствія усыпляющему мысль вліянію формулъ и обобщеній обыденнаго мышленія.

[2]) Самая терминологія, которою приходится пользоваться при анализѣ и характеристикѣ явленій крестьянскаго хозяйства, заимствуется преимущественно изъ сферы иныхъ (по крайней мѣрѣ — не вполнѣ тождественныхъ) хозяйственныхъ отношеній, а вмѣстѣ съ нею вносятся сюда, конечно, и соотвѣтствующія представленія. „Пользуясь терминологіею политической экономіи,—говоритъ г. Щербина,—выработанною примѣнительно къ тѣмъ явленіямъ, какими характеризуется капиталистическій строй экономическихъ взаимоотношеній, мы прекрасно и теоретически сознаемъ и практически чувствуемъ всѣ неудобства пользованія установившимися терминами политической экономіи для анализа своеобразныхъ экономическихъ отношеній, вытекающихъ изъ существующаго строя крестьянской хозяйственной жизни при наличности общиннаго землевладѣнія, съ одной стороны, и совмѣщенія въ одномъ и томъ же лицѣ хозяина-предпринимателя и хозяина-работника, съ другой. Но наука не установила еще иной терминологіи для экономическихъ явленій съ указаннымъ характеромъ, т. е. при замѣнѣ главнаго рѣшающаго фактора въ капиталистическомъ производствѣ— капитала, главнымъ регулирующимъ факторомъ народнаго (въ данномъ случаѣ — мелкаго крестьянскаго?) производства — трудомъ, а собственно русская экономическая наука и ея представители, къ крайнему сожалѣнію, всегда и менѣе всего отдавали вниманія и силъ разработкѣ теоретическихъ положеній въ указанномъ направленіи" („Сборникъ оцѣночныхъ свѣдѣній по Землянскому, Задонскому, Коротоякскому и Нижнедѣвицкому уѣздамъ", стр. 111).

тыхъ матеріаловъ. Дѣло въ томъ, что земская статистика, не смотря на ея подробность и разносторонность, до послѣдняго времени могла давать почти исключительно лишь *картину* положенія крестьянскаго хозяйства въ тотъ или иной моментъ, обрисовывать его *статику*, не улавливая *динамики*, т. е. измѣненій и процессовъ, происходящихъ въ этомъ хозяйствѣ. При недостаточности однихъ статическихъ данныхъ для полнаго пониманія какого бы то ни было хозяйственнаго строя, при отсутствіи возможности сравнивать такія данныя за два или за нѣсколько періодовъ и при смутности свѣдѣній о состояніи крестьянскаго хозяйства до возникновенія земской статистики, болѣе или менѣе неизбѣжно или, по крайней мѣрѣ, вполнѣ возможно такое положеніе, при которомъ фактическія данныя служатъ не столько для построенія на основаніи ихъ извѣстной системы теоретическихъ представленій, сколько для приложенія къ нимъ и для истолкованія ихъ на основаніи заранѣе составленныхъ мнѣній. Въ послѣдніе годы, однако, обстоятельства и въ этомъ отношеніи значительно измѣнились: въ нѣкоторыхъ губерніяхъ уже произведены или производятся подробныя вторичныя переписи, въ другихъ—вторичной переписи подвергнуты были хотя нѣкоторыя стороны крестьянскаго хозяйства (преимущественно—скотоводство), въ третьихъ—текущей статистикѣ придана такая постановка, которая даетъ возможность изъ года въ годъ слѣдить за тѣми или иными сторонами хозяйства, и т. д.; въ то же время богатый матеріалъ, напр., относительно рабочаго скота стали давать періодически производимыя военно-конскія переписи. Различные матеріалы этого рода, затрагивающіе въ той или иной мѣрѣ уже и динамику крестьянскаго хозяйства, позволяютъ, во-первыхъ, произвести фактическую провѣрку наличныхъ представленій о происходящихъ въ немъ процессахъ и, во-вторыхъ, подвергнуть болѣе глубокому и детальному анализу многія стороны и явленія въ области крестьянскаго хозяйства, которыя до сихъ поръ оставались какъ бы въ тѣни, хотя они и представляются крайне важными для уясненія основныхъ чертъ и тенденцій этого хозяйства, а слѣдовательно и для надлежащаго разграниченія въ современномъ крестьянскомъ хозяйствѣ явленій и тенденцій, свойственныхъ ему, *какъ таковому*, отъ явленій и тенденцій, порождаемыхъ окружающей его въ данное время общей экономической атмосферой, т. е. частью привносимыхъ какъ бы извнѣ въ сферу даннаго типа хозяйства, частью же могущихъ возникать органически въ нѣдрахъ этого хозяйства, *на смѣну его*, подъ вліяніемъ извѣстныхъ перемѣнъ въ основныхъ хозяйственныхъ условіяхъ [1]).

---

[1]) Въ послѣдніе годы особенно усилилось стремленіе уловить и даже измѣрить тѣ измѣненія въ крестьянскомъ хозяйствѣ, которыя порождаются въ немъ общимъ развитіемъ мѣновыхъ и капиталистическихъ процессовъ въ русской экономической жизни. Очевидно, однако, что для дѣйствительнаго достиженія этой цѣли необходимо прежде всего достигнуть правильнаго и яснаго пониманія самого крестьянскаго хозяйства. Невозможно, конечно, плодотворно изучать *результаты воздѣйствія* чего-либо на извѣстный объектъ, не установивши болѣе или менѣе точно, что такое представляетъ изъ себя данный объектъ самъ по себѣ, каковы его свойства и основныя тенденціи, независимо отъ изучаемыхъ воздѣйствій. Если даже принять болѣе правильную, съ научной точки зрѣнія, постановку вопроса, при которой капиталистическіе процессы не столько вносятся извнѣ въ сферу крестьянскаго хозяйства, сколько могутъ возникать и развиваться въ немъ самомъ органически, то все-таки нужно признать не менѣе важнымъ для рѣшенія вопроса ясное установленіе того, что же такое представляло и представляетъ наше крестьянское хозяйство помимо или независимо отъ этихъ капиталистическихъ процессовъ и явленій, которыми оно, во всякомъ случаѣ, не исчерпывается; безъ такого установленія очень легко, конечно, смѣшать между собою категоріи явленій, сходныя лишь по внѣшнимъ признакамъ, но по существу совершенно различныя, преувеличить или преуменьшить значеніе извѣстныхъ тенденцій вслѣдствіе того, что тенденціи противоположныя ускользаютъ съ поля зрѣнія изслѣдователя, и т. д.

Въ настоящей нашей работѣ,—при ограниченности матеріаловъ и времени, которые имѣются въ нашемъ распоряженіи,—мы не можемъ задаваться какими-либо широкими задачами въ указанномъ направленіи, и предыдущими замѣчаніями мы хотѣли лишь оттѣнить ту общую точку зрѣнія, которой мы постараемся держаться при послѣдующемъ анализѣ статистическихъ матеріаловъ. Задача этой работы гораздо уже и ограниченнѣе и заключается, главнымъ образомъ, въ попыткѣ подвергнуть пересмотру лишь нѣкоторые отдѣльные вопросы въ области крестьянскаго хозяйства и подойти, если не къ разрѣшенію, то къ самой постановкѣ и къ провѣркѣ распространенныхъ мнѣній по этимъ вопросамъ нѣсколько инымъ путемъ и на основаніи, частью, иныхъ матеріаловъ, чѣмъ тѣ, какими обыкновенно пользуются другіе изслѣдователи при статистическомъ изученіи крестьянскаго хозяйства. За исходныя данныя при этомъ приняты будутъ преимущественно матеріалы по Петровскому уѣзду Саратовской губ., частью же по другимъ уѣздамъ Саратовской губ.; затѣмъ, важное мѣсто въ нашей работѣ займутъ матеріалы военно-конскихъ переписей, и, сверхъ того, мы будемъ пользоваться многими другими источниками и имѣющимися уже изслѣдованіями.

ГЛАВА I.

Статистическія данныя, имѣющіяся по Петровскому уѣзду Саратовской губ.—Измѣненія въ количествѣ наличныхъ семей въ уѣздѣ по переписямъ 1884, 1894 и 1897 гг. и отсутствующихъ семей по переписямъ 1884 и 1894 гг.—Существованіе, наряду съ уходомъ на сторону, обратнаго движенія другихъ семей на родину; размѣры того и другого явленія въ Петровскомъ у. за 10 лѣтъ съ 1884 по 1894 г.—Движеніе крестьянскаго скотоводства въ уѣздѣ, по 3 переписямъ и по другимъ свѣдѣніямъ, съ начала 80-хъ годовъ по 1899 г.—Измѣненія группировки хозяйствъ по количеству рабочихъ лошадей, числа безпосѣвныхъ и посѣвныхъ хозяйствъ и посѣвной площади.

Въ Петровскомъ уѣздѣ Саратовской губ.,—къ которому намъ придется особенно часто обращаться въ настоящей работѣ,—имѣли мѣсто 3 земскихъ переписи; первая изъ нихъ была произведена въ 1884 г. (по такъ называемой „листовой“ или „списочной“ системѣ), вторая—въ 1894 г. (по карточной системѣ и весьма подробной программѣ) и третья—въ 1897 г. (по краткой списочной программѣ). При этомъ послѣдняя перепись по 6 волостямъ, занимающимъ сплошной районъ въ юго-западной части уѣзда [1]), была произведена особымъ порядкомъ. Исходя изъ того соображенія, что въ настоящее время едва ли не наиболѣе настоятельнымъ является прямое и точное установленіе *процессовъ*, происходящихъ въ сферѣ крестьянскаго хозяйства, и что такое установленіе ихъ можетъ быть достигнуто лишь путемъ регистраціи перемѣнъ, имѣющихъ мѣсто *въ отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицахъ или дворахъ* (хотя бы за короткій промежутокъ времени и въ предѣлахъ ограниченнаго круга явленій), т.-е. путемъ такой ихъ регистраціи, которая давала бы полную возможность сравнивать между собой извѣстный рядъ данныхъ *по каждому двору за 2 момента* (исходный и конечный),—перепись въ этихъ волостяхъ была выполнена слѣдующимъ образомъ. Прежде всего, еще до выѣзда на мѣста, въ тетради, по которымъ должна была выполняться новая перепись, вписаны были, особою строкою по каждому двору, соотвѣтствующія свѣдѣнія изъ подворныхъ карточекъ переписи 1894 г., при чемъ послѣ каждаго двора оставлялись запасныя строки для записей тѣхъ данныхъ (по тому же двору или по дворамъ, изъ него образовавшимся путемъ раздѣловъ), которыя предстояло получить вновь за 1897 г. По пріѣздѣ на мѣсто для новой переписи, вызовъ хозяевъ дѣлался по этимъ выпискамъ изъ прежней переписи и, затѣмъ, заполнялись получавшимися отъ нихъ свѣдѣніями назначенныя для того запасныя строки (одна запасная строка—если семья не дѣлилась, 2 или 3 строки—если она раздѣлилась и т. д.); при этомъ задавался и рядъ вопросовъ относительно болѣе крупныхъ перемѣнъ, замѣчавшихся въ хозяйственномъ положеніи и составѣ того или иного двора. Когда перепись по такому способу была закончена, свѣдѣнія, какъ за 1894 г., такъ и за 1897 г., по каждому двору были перенесены, для удобства разработки ихъ, на особыя карточки, по которымъ уже и велся весь послѣдующій подсчетъ.

---

[1]) А именно въ волостяхъ: Камышинской, Петровской, Грязнушинской, Жуковской, Ново-Захаркинской и Вязьминской. Всѣхъ волостей въ Петровскомъ уѣздѣ—30.

Обслѣдованный такимъ образомъ районъ, какъ уже сказано, охватываетъ собою 6 волостей Петровскаго у., а именно — 100 земельныхъ общинъ, заключающихъ въ себѣ около 22% всего наличнаго крестьянскаго населенія уѣзда. По составу населенія и по хозяйственнымъ условіямъ данный районъ не представляетъ какихъ-либо рѣзкихъ отличій отъ остальныхъ частей Петровскаго и смежныхъ районовъ Сердобскаго, Аткарскаго и Саратовскаго уѣздовъ.

Помимо указаннаго района Петровскаго уѣзда, аналогичныя сравнительныя данныя по однимъ и тѣмъ же хозяйствамъ оказалось возможнымъ собрать по нѣсколькимъ десяткамъ селеній другихъ уѣздовъ Саратовской губ., съ промежуткомъ времени между конечными моментами уже въ 13—14 лѣтъ. Въ частности, о переходахъ земель, о раздѣлахъ семей и т. п. у насъ подобныя же свѣдѣнія имѣются по селеніямъ 3 уѣздовъ Орловской губерніи, населеннымъ государственными четвертными крестьянами.

Но прежде чѣмъ обратиться къ разсмотрѣнію спеціально тѣхъ матеріаловъ, которые имѣются по 6 волостямъ Петровскаго уѣзда, необходимо вкратцѣ ознакомиться съ нѣкоторыми данными болѣе общаго характера относительно положенія крестьянскаго хозяйства въ названномъ уѣздѣ за послѣднія $1^1/_2$ десятилѣтія и измѣненій въ немъ, обнаруживаемыхъ 3 земскими переписями и нѣкоторыми другими источниками. Только путемъ такого ознакомленія возможно уяснить себѣ, какіе моменты въ положеніи хозяйства застали переписи 1894 и 1897 гг. и въ томъ районѣ уѣзда, къ которому относятся наши болѣе подробные матеріалы, и насколько извѣстные факты, относящіеся къ этому району, представляютъ собою лишь частныя проявленія болѣе общихъ и широкихъ теченій.

Общее количество *наличныхъ* приписныхъ семей въ уѣздѣ по 3 переписямъ равнялось:

Въ 1884 г.	30467
„ 1894 „	32671
„ 1897 „	33203

Число отсутствующихъ приписныхъ семей съ достаточною полнотою регистрировалось лишь въ 1884 и въ 1894 гг., при чемъ по первой изъ этихъ переписей оно оказалось равнымъ 3188, а по второй—4037, т.-е. увеличилось на 849 или на $26_{,6}$%, тогда какъ число наличныхъ семей за тотъ же періодъ возросло на 2204 или на $7_{,2}$%. Такимъ образомъ, хотя уходъ на сторону поглотилъ лишь меньшую часть (около 28%) общаго прироста крестьянскихъ семей за 10-лѣтній періодъ времени, однако, онъ шелъ все же значительно быстрѣе этого общаго прироста, вслѣдствіе чего отсутствующія семьи въ 1894 г. составляли 11% всего числа приписныхъ семей (какъ наличныхъ, такъ и отсутствующихъ вмѣстѣ), тогда какъ въ 1894 г. процентъ ихъ равнялся только $9^1/_2$% [1]). Если бы ростъ обѣихъ категорій семей (наличныхъ и отсутствующихъ) совершался съ одинаковою быстротою, то къ 1894 г. число отсутствующихъ семей могло бы возрости лишь на 300 вмѣсто 849; слѣдовательно, 550 семей составляютъ уже излишекъ противъ общей нормы прироста.

Необходимо, однако, оговориться, что приведенныя цифры даютъ, вѣроятно, нѣсколько преувеличенное представленіе о размѣрахъ ухода крестьян-

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что средняя величина отсутствующей семьи почти вдвое меньше средней величины наличной семьи; поэтому % отсутствующаго *населенія* (т.-е. душъ обоего пола въ отсутствующихъ семьяхъ) ко всему крестьянскому приписному населенію выражается цифрами также вдвое меньшими.

скихъ семей на сторону за время съ 1884 по 1894 г. Дѣло въ томъ, что при переписи 1894 г., производившейся вообще по весьма подробной программѣ и по карточной системѣ, обращалось усиленное вниманіе при самомъ изслѣдованіи не только на возможно полную регистрацію отсутствующаго населенія, но и на строгое выдѣленіе его изъ населенія наличнаго; между тѣмъ, перепись 1884 г. выполнялась по сравнительно упрощенной списочной программѣ и въ такое время, когда техника земскихъ переписей вообще была еще недостаточно выработана, при чемъ окончательное выдѣленіе отсутствующихъ семей изъ общихъ списковъ дѣлалось не на мѣстѣ, а уже при разработкѣ собранныхъ данныхъ; поэтому есть полное основаніе предполагать [1]), что въ 1884 г., во-первыхъ, чаще бывали совершенные пропуски отсутствующихъ семей (каковые пропуски въ извѣстномъ количествѣ неизбѣжны даже и при самыхъ тщательныхъ и подробныхъ переписяхъ) и, во-вторыхъ, нерѣдко такія семьи засчитывались въ наличное населеніе.

Еще важнѣе, однако, съ точки зрѣнія болѣе полнаго уясненія процессовъ, происходящихъ въ крестьянской средѣ, другое обстоятельство, обнаруживаемое детальнымъ сравненіемъ данныхъ 2 переписей и нѣкоторыми прямыми указаніями изслѣдованія 1894 г. Именно, ближайшее ознакомленіе съ имѣющимися матеріалами показываетъ, что увеличеніе числа отсутствующихъ семей съ 1884 г. было далеко неодинаковымъ по своимъ размѣрамъ для различныхъ районовъ и группъ населенія и даже далеко не было повсемѣстнымъ и общимъ явленіемъ, такъ какъ, наряду съ уходомъ на сторону, имѣло мѣсто и весьма замѣтное обратное движеніе, т.-е. возвратъ на родину семей, раньше жившихъ на сторонѣ; такимъ образомъ, конечное увеличеніе числа отсутствующихъ (поскольку оно имѣло мѣсто въ дѣйствительности) явилось лишь результатомъ перевѣса ухода по сравненію съ возвратомъ. Такъ какъ задачею настоящей работы является, между прочимъ, болѣе всестороннее выясненіе нѣкоторыхъ процессовъ, происходящихъ въ сферѣ крестьянскаго хозяйства, обыкновенно представляемыхъ слишкомъ упрощенно и неполно, то мы остановимся на отмѣченномъ сейчасъ явленіи съ нѣкоторою подробностью. Это будетъ весьма полезно для послѣдующаго, болѣе детальнаго, анализа данныхъ по намѣченнымъ 6 волостямъ и въ то же время покажетъ на отдѣльномъ примѣрѣ, насколько недостаточно и односторонне обрисовываются явленія деревенской жизни даже сравненіемъ двухъ переписей, если такое сравненіе дѣлается въ видѣ простого сопоставленія ихъ конечныхъ итоговъ: подобныя сопоставленія даютъ возможность уловить не самые *процессы* въ ихъ дѣйствительныхъ размѣрахъ и въ ихъ настоящемъ значеніи, а только окончательные *результаты* нерѣдко совершенно противоположныхъ теченій и притомъ только въ томъ случаѣ, если одно изъ этихъ теченій имѣло извѣстный перевѣсъ надъ другими; въ противномъ же случаѣ получается болѣе или менѣе полная неизмѣнность положенія, на самомъ дѣлѣ могущая прикрывать собою богатую содержаніемъ и весьма сложную картину крупныхъ и разнообразныхъ измѣненій мѣстнаго, группового и даже, — если можно такъ выразиться, — „молекулярнаго“ характера.

Если мы возьмемъ для сравненія цифры не по цѣлому уѣзду, а, напримѣръ, по главнѣйшимъ разрядамъ крестьянъ, то получимъ уже нѣсколько иную картину прироста наличнаго и отсутствующаго населенія, чѣмъ та, которая отмѣчена была выше по отношенію ко всему уѣзду:

---

[1]) Относительно многихъ селеній это можно утверждать съ полною достовѣрностью.

Разряды крестьянъ.	Общее число всѣхъ приписныхъ семей (наличныхъ и отсутствующихъ вмѣстѣ).		% прироста числа ихъ за 10 лѣтъ.	Общее число наличныхъ приписныхъ семей.		% прироста числа ихъ за 10 лѣтъ.	Общее число отсутствующихъ семей.		% прироста числа ихъ за 10 лѣтъ.	% отсутствующ. семей къ общему числу приписныхъ семей.	
	Въ 1884 г.	Въ 1894 г.		Въ 1884 г.	Въ 1894 г.		Въ 1884 г.	Въ 1894 г.		Въ 1884 г.	Въ 1894 г.
Быв. государств.	17937	19903	11,0	16323	18212	11,6	1614	1691	4,8	9,0	8,5
Дарственники. .	6042	6387	5,7	5464	5589	2,3	578	798	38,1	9,6	12,5
Собственники. .	9478	10202	7,6	8518	8684	1,9	960	1518	58,1	10,1	14,4

Изъ этихъ цифръ видно, что значительные размѣры уходъ на сторону имѣлъ (или, точнѣе, наблюдался значительный перевѣсъ числа уходившихъ семей надъ числомъ возвращавшихся) лишь у находящихся въ худшихъ экономическихъ условіяхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, у которыхъ онъ поглотилъ отъ $^3/_5$ до $^3/_4$ всего прироста числа семей за 10 лѣтъ. Наоборотъ, у поставленныхъ въ сравнительно лучшія условія бывшихъ государственныхъ крестьянъ увеличеніе числа отсутствующихъ семей шло за эти 10 лѣтъ гораздо медленнѣе, чѣмъ увеличеніе числа наличныхъ семей, вслѣдствіе чего % отсутствующихъ къ общему числу приписныхъ семей здѣсь нѣсколько понизился (съ 9% до $8^1/_2$%); общее число живущихъ на сторонѣ семей въ этомъ разрядѣ крестьянъ увеличилось лишь на 77, при прежнемъ числѣ ихъ въ 1614, а если мы исключимъ одну волость (Ст.-Славкинскую), въ которой наблюдается исключительное по величинѣ возрастаніе количества отсутствующаго населенія (съ 104 до 234 семей), то по разсматриваемому разряду окажется даже и абсолютное сокращеніе количества семей, проживающихъ внѣ мѣстъ приписки.

Если, затѣмъ, мы отъ разрядовъ крестьянъ обратимся къ отдѣльнымъ общинамъ, то увидимъ, что изъ 338 общинъ въ уѣздѣ въ 17 — отсутствующихъ семей не было ни въ 1884 г., ни въ 1894 г., въ 23 — абсолютное число такихъ семей за 10 лѣтъ осталось неизмѣннымъ, въ 185 — оно увеличилось и въ 113 — сократилось, при чемъ размѣры такого сокращенія нерѣдко были весьма значительны, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ [1]):

[1]) Изъ перечисленныхъ далѣе 33 селеній 22 населены бывшими государственными крестьянами и 11 бывшими помѣщичьими.

Селенія.	Число отсутствов. семей: Въ 1884 г.	Въ 1894 г.	Селенія.	Число отсутствов. семей: Въ 1884 г.	Въ 1894 г.
Суляевка	84	39	Дал. Березовка	17	5
Яковлевка	34	14	Лысовка	12	2
Камаевка	31	23	Ключевка	22	6
Н. Назимкино	19	6	Тарумовка	6	0
Азрапина	22	12	Бутурлинка	9	3
Сосновка	47	28	Бл. Березовка	9	5
х. Хомяковъ	18	5	Вшивка	55	30
Аноевка	7	1	х. Долговъ	16	7
Маресевка	4	0	х. Крутецъ	8	4
Селитьба	13	2	Зайцевка	16	9
Языково	10	4	х. Ларинъ	14	5
Кутино	57	21	х. Ободимъ	9	2
М. Сердоба	114	76	Полчаниновка	11	5
Студенка	10	3	Рузлатка	22	13
Козловка	43	23	Чернавка	39	20
х. Бобровъ	8	4	Бол. Березовка	14	5
Бобровка	30	17			

Всѣ эти многочисленные примѣры даютъ такое сильное сокращеніе числа отсутствующихъ семей, которое (при относительной рѣдкости въ уѣздѣ случаевъ формальнаго перечисленія по мѣсту жительства, т.-е. въ другія общества и сословія) можетъ быть объяснено, *главнымъ образомъ*, лишь возвращеніемъ значительнаго количества жившихъ раньше на сторонѣ семей на родину, что и подтверждается прямыми данными на этотъ счетъ: при переписи 1894 г. для многихъ селеній приходилось констатировать такое возвратное движеніе (напримѣръ — изъ г. Петровска), какъ бросающійся въ глаза фактъ, особенно—въ селеніяхъ бывш. государственныхъ крестьянъ. Такъ, въ д. Бобровкѣ при послѣднемъ передѣлѣ (въ 1886 г.) землю раздѣлили на 435 наличныхъ душъ, не считая отсутствующія семьи; но къ 1894 г. 15 душъ изъ числа послѣднихъ вернулись обратно и имъ была нарѣзана постепенно земля изъ запасныхъ участковъ; поэтому въ 1894 г. въ общинѣ было уже 450 разверсточныхъ единицъ. Въ с. Вшивкѣ послѣдніе передѣлы земли были въ 1887 и 1893 гг.; въ промежутокъ между ними многія семьи изъ жившихъ въ г. Петровскѣ вернулись на родину, почему въ приговорѣ о первомъ передѣлѣ живущими въ городѣ значились 74 души, а въ приговорѣ о второмъ передѣлѣ только 41 (живущіе въ г. Петровскѣ сосчитывались здѣсь потому, что имъ, вмѣсто надѣленія землею, выплачивается деньгами по 6 р. на душу въ годъ). Въ д. Азрапиной въ 1888 г. раздѣлили землю, срокомъ на 10 лѣтъ, на 406 наличныхъ душъ, не считая отсутствующихъ; въ 1895 г., т.-е. до истеченія срока, крестьяне принуждены были, однако, вновь передѣлить землю въ виду возвращенія многихъ семей со стороны и предъявленія ими требованія о надѣленіи землею наравнѣ съ другими; при новомъ передѣлѣ число разверсточныхъ единицъ принято было уже 455, считая въ томъ числѣ 26

запасныхъ надѣловъ на случай возврата другихъ, остававшихся на сторонѣ, семей; весьма характерно, что въ приговоръ объ этомъ передѣлѣ введенъ былъ обширный параграфъ, подробно регулирующій порядокъ надѣленія возвращающихся крестьянъ (въ видахъ избѣжанія новаго общаго передѣла до истеченія установленнаго въ 1895 г. 12-лѣтняго срока). Въ д. Наумкиной „раньше на сторонѣ было 42 души, но многіе вернулись; теперь (т.-е. въ 1894 г.) снята поэтому земля лишь съ 25 душъ". Въ х. Савинишнинѣ къ передѣлу 1893 г., по показанію крестьянъ, вернулись 4 семьи, хотя онѣ жили на сторонѣ по 20 и болѣе лѣтъ; въ х. Быстровѣ къ передѣлу того же 1893 г. возвратились 2 семьи, въ х. Хомяковѣ—4, въ д. Бл. Березовкѣ—3 и т. д.

Вообще, судя по имѣющимся даннымъ, необходимо признать, какъ общее и болѣе или менѣе повсемѣстное явленіе, тотъ фактъ, что, на ряду съ уходомъ однѣхъ семей изъ деревни, имѣетъ мѣсто возвращеніе другихъ семей обратно на родину, причемъ лишь *размѣры* перваго движенія, въ большинствѣ случаевъ, превосходятъ размѣры второго; но въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ и группахъ населенія и въ отдѣльные періоды времени можетъ существовать и совершенно обратное соотношеніе между этими двумя теченіями. Въ частности, въ Петровскомъ уѣздѣ обратное движеніе на родину, повидимому, пріобрѣло особенную интенсивность въ концѣ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ. Надо думать, что въ эти годы общія условія (и при томъ далеко не только мѣстныя) сложились такимъ образомъ, что заработки на сторонѣ (при условіи проживанія тамъ цѣлыми семьями) перестали представлять большія выгоды, чѣмъ собственное хозяйство и заработки на родинѣ, для крестьянъ тѣхъ разрядовъ и мѣстностей, которыя поставлены въ относительно лучшія земельныя, податныя и т. п. условія, и для тѣхъ, въ частности, семей, которыя могутъ (по ихъ составу и проч.) вести удовлетворительно собственное хозяйство; что,—иначе говоря,—относительныя преимущества проживанія на сторонѣ продолжали быть ощутительными главнымъ образомъ лишь для наименѣе обезпеченныхъ категорій крестьянъ и для семей, наименѣе способныхъ къ борьбѣ съ неблагопріятными условіями своей родины. Это ясно показываютъ, между прочимъ, приведенныя выше цифры относительно измѣненій % отсутствующихъ семей среди крестьянъ разныхъ разрядовъ за 10 лѣтъ: въ то время, какъ въ 1884 г. % такихъ семей былъ у всѣхъ разрядовъ почти одинаковъ (9,0%, 9,6% и 10,1%), въ 1894 г. крайніе разряды разошлись уже весьма рѣзко, давая такую послѣдовательность цифръ въ томъ же порядкѣ: 8,5%, 12,5% и 14,4%. Сами крестьяне Петровскаго уѣзда усиленіе возврата отсутствующихъ семей ставятъ обыкновенно въ связь съ получившимъ здѣсь широкое распространеніе съ конца 80-хъ годовъ обычаемъ при передѣлахъ земли совершенно не надѣлять такія семьи, „пока онѣ не вернутся и не обзаведутся собственнымъ хозяйствомъ", тогда какъ раньше тѣ же семьи получали землю наравнѣ съ прочими и затѣмъ сдавали ее въ аренду, получая „верхи" въ свою пользу. Очевидно, однако, что указанная причина, вслѣдствіе незначительности того дохода, который извлекался живущими на сторонѣ семьями отъ сдачи своихъ надѣловъ, могла играть роль развѣ только ближайшаго толчка къ возврату на родину,—толчка, который могъ быть ощутительнымъ лишь при общей перемѣнѣ обстоятельствъ въ томъ же направленіи.

Какъ бы, однако, не объяснялось отмѣченное усиленіе возврата отсутствовавшихъ въ свои родныя селенія, намъ важно было установить здѣсь, прежде всего, самый фактъ двойственности того процесса, результатомъ котораго является то или иное измѣненіе въ общемъ числѣ отсутствующихъ се-

мей по истеченіи извѣстнаго періода времени, и неполноты или неправильности обычнаго представленія о наличности лишь односторонняго процесса ухода или „бѣгства“ изъ деревни. Насколько важно имѣть въ виду такую, обычную въ деревенской жизни, двойственность явленій, можно судить по слѣдующимъ даннымъ: перепись 1894 г. насчитала отсутствующихъ семей на 850 больше, чѣмъ перепись 1884 г.; между тѣмъ, въ дѣйствительности, размѣры ухода на сторону были значительно больше, а именно—въ 185 общинахъ, въ которыхъ количество живущихъ на сторонѣ увеличилось за 10 лѣтъ, общая сумма такого увеличенія равняется почти 1510; но, съ другой стороны, въ 113 общинахъ съ сокращеніемъ числа отсутствующихъ (обусловленнымъ, *главнымъ образомъ*, ихъ возвращеніемъ) общая сумма такого сокращенія равняется, приблизительно, 660; только въ результатѣ наличности этихъ двухъ противоположныхъ явленій и получается конечная цифра увеличенія числа отсутствующихъ на 850 семей. На самомъ дѣлѣ, конечно, положеніе является еще болѣе сложнымъ: мы брали здѣсь *цѣлыя общины* съ увеличеніемъ или уменьшеніемъ отсутствующаго населенія, тогда какъ и въ одной и той же общинѣ обыкновенно имѣютъ мѣсто тѣ же 2 противоположныя явленія (т.-е. уходъ однѣхъ семей и возвращеніе другихъ), взаимно компенсирующія другъ друга. Такимъ образомъ, очевидно, что при простомъ сопоставленіи общихъ поуѣздныхъ цифръ за два періода совершенно маскируются многія стороны разсматриваемаго явленія, которыя весьма существенны для его правильнаго пониманія, какъ, напримѣръ, фактъ постояннаго *обновленія* (измѣненія состава) значительной доли отсутствующаго населенія, не говоря уже о самой наличности обратнаго возврата въ деревню и о дѣйствительныхъ размѣрахъ ухода изъ нея.

За промежутокъ времени между переписями 1894 и 1897 гг., къ сожалѣнію, какъ упомянуто выше, уже не имѣется достаточно полныхъ данныхъ объ измѣненіи численности отсутствующаго населенія во всемъ уѣздѣ; поэтому за этотъ періодъ соотвѣтствующія данныя будутъ приведены ниже лишь по болѣе полно обслѣдованнымъ 6 волостямъ.

Обращаясь, затѣмъ, къ явленіямъ хозяйственнымъ въ болѣе узкомъ смыслѣ слова, мы остановимся съ большею подробностью на измѣненіяхъ въ количествѣ и распредѣленіи скота, какъ они обрисовываются для всего уѣзда 3 земскими переписями и нѣкоторыми другими матеріалами.

Количество скота разныхъ категорій у крестьянъ Петровскаго уѣзда по 3 переписямъ выражается слѣдующими цифрами:

Годы переписей.	Лошадей.		Коровъ (своихъ и исполыхъ).	Гуслевого рогатаго скота и телятъ.	Овецъ.	Свиней.	Козъ.
	Рабочихъ.	Нерабочихъ.					
1884 г. [1])	48132	13253	38934	36057	143828	34793 [2])	478
1894 г. [1])	40200	11001	32023	33090	110719	11635	416
1897 г.	45866	13864	39035	40281	135108	18170	799

[1]) Безъ дер. Н. Давыдовки Жуковской вол. (27 дворовъ въ 1894 г.), какъ и всѣ приводимыя ниже данныя за эти годы.

[2]) Повидимому, въ 1884 г. въ общую цифру были засчитаны и поросята, чѣмъ и объясняется ея рѣзкая разница даже съ цифрою 1897 г.; если по этому послѣднему году также присчитать поросятъ, то количество свиней опредѣлится въ 29573.

Изъ этихъ цифръ видно, что перепись 1894 г. застала крестьянское хозяйство въ такой моментъ, когда оно еще въ значительной мѣрѣ несло тяжелыя послѣдствія неурожаевъ начала 90-хъ годъ; въ промежутокъ же между этою переписью и переписью 1897 г. происходило возстановленіе прежняго его положенія, „поправка" разстроеннаго неурожаями хозяйства, причемъ эта поправка была, въ общемъ, еще неполною (если брать за мѣрило 1884 г. и принять притомъ во вниманіе приростъ населенія) и для различныхъ категорій скота неодинаковою по размѣрамъ. Наиболѣе важно отмѣтить здѣсь, что количество рабочихъ лошадей въ 1897 г. было еще на 2300 головъ меньше, чѣмъ въ 1884 г.

Чтобы еще болѣе уяснить ходъ измѣненій въ численности крестьянскаго скота въ уѣздѣ за послѣднія $1^1/_2$ десятилѣтія, приводимъ здѣсь болѣе полный рядъ цифръ, преимущественно изъ другихъ источниковъ (сравнимыхъ съ приведенными выше данными, конечно, лишь приблизительно):

Годы:	Источники свѣдѣній:	Количество скота разныхъ категорій:			
		Лошадей всѣхъ возрастовъ.	Коровъ, гулевого рог. скота и телятъ.	Овецъ.	Свиней.
1882 г.	Конская перепись	61285 (раб. 48132)	—	—	—
1884 г.	Земская перепись	57635 (раб. 43414)	74991 (кор. 38934)	143828	34793
1889 г. (весна)	Свѣдѣнія волостныхъ правленій, ежегодно доставляемыя ветеринарному отдѣленію Губ. Зем. Управы.	57064 [1]).	76927	144501	28695
1891 г. (весна)		62329	67200	126584	23418
„ (осень)		48814	48653	96503	?
1892 г. (весна)		47759	49805	90154	4246
1893 г. (весна)		48182	61093	99921	6420
1894 г. (весна)		47688	64684	106657	10735
1895 г. (весна)		49628	76050 (кор. 36771)	116962	22528
1896 г. (весна)		52958 (раб. 42119)	80561 (кор. 38466)	120132	22085
1897 г. (весна)		55567 (раб. 44480)	82359 (кор. 39590)	130674	23870
1898 г. (весна)		59970 (раб. 46574)	87914 (кор. 41207)	137001	18849
1899 г. (весна)		57672 (раб. 45271)	77468 (кор. 39503)	126716	9439

Мы не будемъ здѣсь подробно разсматривать приведенныя цифры, хотя онѣ представляютъ весьма большой интересъ со многихъ точекъ зрѣнія [2]). Отмѣтимъ здѣсь только, что перепись 1894 г., очевидно, застала количество лошадей у крестьянъ еще почти неизмѣнившимся послѣ громаднаго сокращенія его въ 1891 г., тогда какъ количество крупнаго рогатаго скота, а также — овецъ и свиней, ко времени производства этой переписи уже въ значительной мѣрѣ пополнилось. Пополненіе потерь, причиненныхъ неурожай-

[1]) Въ этомъ году былъ сдѣланъ лишь первый опытъ собиранія свѣдѣній о скотѣ чрезъ вол. правленія; поэтому свѣдѣнія о числѣ лошадей за 1889 г., вѣроятно, должны считаться недостаточно полными.

[2]) Ими довольно отчетливо обрисовываются, между прочимъ, тѣ крупныя измѣненія въ размѣрахъ скотоводства и составѣ скота, которыя имѣютъ мѣсто въ неурожайные и урожайные періоды. Изъ этого видно, какая осторожность требуется при пользованіи даже сравнительными (за 2 или нѣсколько моментовъ) данными, имѣющемъ цѣлью намѣтить *общій ходъ* измѣненій въ положеніи крестьянскаго хозяйства (независимо отъ временныхъ колебаній въ немъ).

ными 1890—92 гг., продолжалось затѣмъ вплоть до 1899 г., когда послѣдовало вновь нѣкоторое сокращеніе количества скота, вслѣдствіе неудовлетворительнаго сбора хлѣбовъ въ 1898 г. При этомъ обращаетъ на себя вниманіе, между прочимъ, существенно различный ходъ измѣненій въ численности двухъ главныхъ категорій скота—лошадей и крупнаго рогатаго скота: въ то время, какъ даже въ 1898 г. количество лошадей было меньше, чѣмъ въ 1884 г., количество крупнаго рогатаго скота значительно превысило первоначальную цифру. Здѣсь наблюдается, слѣдовательно, то же явленіе, которое въ послѣдніе годы было констатировано и для нѣкоторыхъ другихъ губерній и которое можетъ быть формулировано, въ основныхъ чертахъ, такими двумя положеніями: 1) количество рабочаго скота, *при малой измѣнчивости посѣвной площади*, имѣетъ тенденцію или также къ относительной неизмѣнности, или къ нѣкоторому сокращенію (вслѣдствіе постепеннаго низведенія этого количества къ минимально необходимому для эксплоатаціи наличнаго земельнаго фонда, замѣны худшихъ лошадей меньшимъ количествомъ лучшихъ, измѣненій въ техникѣ и орудіяхъ обработки, сокращенія извоза и т. д.) и 2) количество крупнаго рогатаго скота (потребительнаго или продуктивнаго) имѣетъ тенденцію возрастать пропорціонально или иногда даже нѣсколько быстрѣе прироста населенія [1]).

---

[1]) Однимъ изъ распространенныхъ мнѣній является то, что съ ростомъ населенія должно расти и количество рабочаго скота, подобно крупному рогатому скоту (продуктивному). Очевидно, однако, что такой ростъ допустимъ лишь до тѣхъ поръ, пока можетъ параллельно увеличиваться и количество обрабатываемой земли; но какъ только это увеличеніе останавливается, такъ и количество рабочаго скота должно также остановиться въ ростѣ или даже пріобрѣсти тенденцію къ нѣкоторому сокращенію (напр.—вслѣдствіе продолжающагося роста количества потребительнаго скота при ограниченности общей суммы кормовыхъ средствъ). Правда, въ то же время земледѣльческое хозяйство постепенно интенсифицируется; но интенсификація хозяйства часто вовсе не требуетъ увеличенія *числа головъ рабочаго* скота, а требуетъ лишь затраты на данную площадь *большого количества средствъ и труда*, а въ томъ числѣ и *конской силы*, причемъ затрата послѣдней обыкновенно распредѣляется на большее количество времени при томъ же или даже при уменьшенномъ числѣ головъ скота: вмѣсто, напр., одной тяжелой вспашки или бороновки дѣлается послѣдовательно нѣсколько болѣе легкихъ (вслѣдствіе большей разрыхленности почвы) вспашекъ и бороновокъ; вмѣсто посѣва преимущественно какого-либо одного хлѣба, требующаго затраты большого количества труда въ опредѣленный короткій промежутокъ времени, вводятся посѣвы разныхъ хлѣбовъ, требующихъ уже разновременныхъ работъ, и т. д. Увеличеніе количества скота при интенсификаціи хозяйства важно, конечно, для увеличенія количества навоза (если удобреніе уже примѣняется); но послѣднее можетъ достигаться увеличеніемъ количества не рабочаго, а продуктивнаго скота. Такимъ образомъ, неизмѣнность или нѣкоторое сокращеніе количества рабочаго скота, *сами по себѣ*, не могутъ служить непремѣнно признакомъ такъ называемаго „упадка“ крестьянскаго хозяйства: при неизмѣнности посѣвной площади увеличеніе количества такого скота (если, конечно, раньше его было достаточно), наоборотъ, представляло бы явленіе съ сельско-хозяйственной точки зрѣнія совершенно не раціональное. Разумѣется, если въ то же время число отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ продолжаетъ расти, то неизмѣнное или даже уменьшившееся количество рабочаго скота должно распредѣляться между все болѣе и болѣе увеличивающимся числомъ хозяйственныхъ единицъ, что должно весьма существенно отражаться на распредѣленіи самихъ этихъ единицъ по хозяйственнымъ группамъ и на самомъ строѣ ихъ хозяйства; но это уже дастъ иную постановку вопроса, при которой онъ является частью общаго вопроса о тѣхъ перемѣнахъ въ области крестьянскаго хозяйства, которыя неизбѣжно порождаются измѣняющимся соотношеніемъ между числомъ хозяйственныхъ единицъ и эксплоатируемою ими площадью земли. Эти перемѣны *теоретически* могутъ быть весьма различны, и требуется именно установить характеръ ихъ на основаніи фактическихъ данныхъ, не дѣлая вывода объ „упадкѣ“ изъ простого констатированія неизмѣнности или нѣкотораго сокращенія общаго количества рабочаго скота; во всякомъ случаѣ туманное понятіе „упадокъ“ едва ли можетъ характеризовать совокупность хозяйственныхъ измѣненій, возникающихъ при указанныхъ условіяхъ.

Какъ же отразились указанныя сейчасъ крупныя колебанія въ общемъ количествѣ скота у крестьянъ на группировкѣ хозяйствъ по ихъ обезпеченности однихъ изъ важнѣйшихъ средствъ земледѣльческаго производства—рабочимъ скотомъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ дается слѣдующими цифровыми данными:

Группы хозяйствъ по количеству рабочихъ лошадей.	Число наличныхъ хозяйствъ по 3 переписямъ:						Число рабочихъ лошадей по 3 переписямъ:					
	Въ 1884 г.		Въ 1894 г.		Въ 1897 г.		Въ 1884 г.		Въ 1894 г.		Въ 1897 г.	
	Абсолютное.	Въ % по группамъ.	Абсолютное.	Въ % по группамъ.	Абсолютное.	Въ % по группамъ.	Абсолютное.	Въ % по группамъ.	Абсолютное.	Въ % по группамъ.	Абсолютное.	Въ % по группамъ.
Безлошадные.	6119	20,1	8058	24,7	7104	21,4	—	—	—	—	—	—
Съ 1 раб. лошадью.	9726	31,9	13538	41,4	12726	38,3	9726	20,2	13538	33,7	12726	27,7
Съ 2 раб. лошадьми.	8634	28,3	7951	24,4	9047	27,3	17268	35,9	15902	39,6	18094	39,5
Съ 3 раб. лошадьми.	4043	13,3	2294	7,0	3100	9,3	12129	25,2	6882	17,1	9300	20,3
Съ 4 и болѣе рабоч. лошадьми.	1945	6,4	829	2,5	1226	3,7	9009	18,7	3878	9,6	5746	12,5
	24348		24612		26099							
По уѣзду	30467	100,0	32670 [1])	100,0	33203	100,0	48132	100,0	40200	100,0	45866	100,0

Обусловленная неурожаемъ 1891 года общая убыль рабочихъ лошадей въ 8000 головъ, судя по этимъ даннымъ, должна быть отнесена преимущественно на высшія группы хозяйствъ, которыя вслѣдствіе этого въ значительномъ количествѣ перешли въ среднія группы, а изъ этихъ послѣднихъ извѣстная часть, въ свою очередь, перешла въ категорію безлошадныхъ семей [2]); въ общемъ, группировка хозяйствъ въ 1894 г., по сравненію съ 1884 г., характеризуется возростаніемъ относительнаго количества безлошадныхъ, еще большимъ возростаніемъ количества однолошадныхъ и сокращеніемъ числа семей, имѣющихъ болѣе одной лошади, а особенно—многолошадныхъ (% ихъ понизился съ 6,4 до 2,5, а доля принадлежащихъ имъ лошадей—съ 18,7 % до 9,6 %). Промежутокъ времени съ 1894 г. по 1897 г. характеризуется, наоборотъ, уже тенденціею къ возстановленію прежняго положенія, т.-е. прежней группировки: прибыль къ 1897 г. рабочаго скота приблизительно въ 5700 головъ распредѣлилась такимъ образомъ, что даже абсолютное количество безлошадныхъ значительно сократилось по сравненію съ 1894 г.; сократилось также число

---

[1]) Сверхъ того, въ 1 хозяйствѣ количество лошадей неизвѣстно.

[2]) Конечно, здѣсь ходъ дѣла изображается лишь грубо-схематично. Въ дѣйствительности, большое осложненіе вносится, напр., уже однимъ фактомъ увеличенія общаго числа хозяйствъ путемъ семейныхъ раздѣловъ, которые и сами по себѣ (независимо отъ неурожая или урожая) сильно вліяютъ на перегруппировку хозяйствъ.—Важно отмѣтить, что, — не смотря на большое возрастаніе числа безлошадныхъ къ 1894 году, — оно не поглотило всего прироста числа наличныхъ семей, такъ какъ количество лошадныхъ хозяйствъ также нѣсколько увеличилось.

однолошадныхъ, а число хозяйствъ съ 2 и болѣе лошадьми увеличилось, хотя по сравненію съ 1884 г. общая картина осталась прежнею (т. е. сходною съ 1894 г.), но только является какъ бы ослабленною.

Группа хозяйствъ „съ 4 и болѣе рабочими лошадьми" представляется нѣсколько неопредѣленною какъ по болѣе детальному своему составу, такъ и по средней обезпеченности хозяйствъ этой группы рабочими лошадьми. Что касается послѣдней, то она уясняется для 3 сравниваемыхъ моментовъ слѣдующими цифрами:

Въ группѣ хозяйствъ съ 4 и болѣе раб. лошадьми:

Годы переписей.	Всѣхъ хозяйствъ.	Общее число рабочихъ лошадей въ нихъ.	Среднее число рабочихъ лошадей на 1 хозяйство (въ группѣ).	Какое, приблизительно, общее число раб. лошадей должно бы быть въ группѣ въ 1894 и 1897 гг., если бы сохранилась средняя норма 1884 г. ($4,_{63}$ лош. на 1 хозяйство).	Излишнее число головъ въ группѣ вслѣдствіе повышенія средней нормы въ 1894 и 1897 г. (по сравненію съ 1884 г.).
1884 г.	1945	9006	$4,_{63}$	—	—
1894 г.	829	3878	$4,_{68}$	3838	+40
1897 г.	1226	5746	$4,_{69}$	5676	+70

Слѣдовательно, при сильномъ сокращеніи разсматриваемой группы съ 1884 г. и при столь же значительномъ сокращеніи количества принадлежащихъ хозяйствамъ этой группы лошадей, среднее число послѣднихъ на 1 хозяйство нѣсколько увеличилось, хотя и на ничтожную величину, а именно— на $0,_{05}$ головы къ 1894 г. и еще на $0,_{01}$ къ 1897 г. Абсолютно, *для всей группы*, такое повышеніе средняго количества скота на 1 хозяйство выражается, приблизительно, въ излишкѣ рабочихъ лошадей въ 40 головъ для 1894 года и въ 70 гол. для 1897 г. Конечно, говорить на основаніи такихъ, ничтожныхъ по величинѣ, цифръ о сколько-нибудь замѣтной прогрессирующей концентраціи рабочаго скота въ рукахъ многолошадныхъ хозяевъ едва ли представляется возможнымъ; скорѣе,—судя по нѣкоторымъ даннымъ,—можно здѣсь видѣть проявленіе лишь того факта, что въ разсматриваемой группѣ извѣстное, очень ограниченное, количество *наиболѣе многолошадныхъ и зажиточныхъ* хозяевъ (напр.—съ 7, 8 и болѣе лошадьми) удержалось въ болѣе или менѣе прежнемъ положеніи и въ неурожайные годы, а если и не удержалось въ такомъ положеніи въ эти годы, то достигло его вновь въ послѣдующее время скорѣе менѣе зажиточныхъ членовъ той же группы (напр.— 4 или 5-лошадныхъ).

Что касается болѣе детальнаго расчлененія группы многолошадныхъ хозяйствъ, то, къ сожалѣнію, необходимыя для того данныя имѣются лишь для 1894 и 1897 гг.:

По переписямъ:	Рабочихъ лошадей.	Всѣхъ наличныхъ хозяйствъ.	Изъ числа наличныхъ хозяйствъ было: Безлошадныхъ.	Съ 1 раб. лошадью.	Съ 2 раб. лошадьми.	Съ 3 раб. лошадьми.	Съ 4 раб. лошадьми.	Съ 5 раб. лошадьми.	Съ 6 раб. лошадьми.	Съ 7 раб. лошадьми.	Съ 8 раб. лошадьми.	Съ 9 раб. лошадьми.	Съ 10 раб. лошадьми.	Съ 11 раб. лошадьми.	Съ 12 раб. лошадьми.	Имѣющихъ болѣе 12 рабочихъ лошадей.
1894 г.	40200	32670	8058	13538	7951	2294	537	179	66	22	4	7	3	3	3	1 съ 13 1 съ 14 1 съ 16 1 съ 20 1 съ 28
1897 г.	45866 +13 вол.	33203	7104	12726	9047	3100	789	251	106	33	21	8	8	—	1	2 по 13, 1 съ 14, 2 по 15, 1 съ 17, 1 съ 18, 1 съ 19, и 1 съ 25.
Прибыль (+) или убыль (—) хозяйствъ.	—	+533	—954	—812	+1096	+806	+252	+72	+40	+11	+17	+1	+5	—3	—2	+4 —1
Прибыль (+) или убыль (—) лошадей.	+5666 и 13 вол.	—	—	—812	+2192	+2418	+1008	+360	+240	+77	+136	+9	+50	—33	—24	+58 +1

Эти данныя, при отсутствіи соотвѣтствующихъ свѣдѣній за время, предшествовавшее неурожаю 1891 г., не позволяютъ сдѣлать какихъ-либо существенныхъ выводовъ (помимо сдѣланныхъ раньше) и приведены здѣсь преимущественно лишь для фактическаго выясненія тѣхъ измѣненій въ распредѣленіи скота по группамъ хозяйствъ, которыя имѣли мѣсто за время съ 1894 по 1897 годъ.

Свѣдѣнія о посѣвной площади у крестьянъ и о числѣ посѣвныхъ и безпосѣвныхъ хозяйствъ имѣются также лишь за 1894 и 1897 гг.:

Годы переписей.	Число хозяйствъ: Съ посѣвовъ.	Число хозяйствъ: Безъ посѣва.	Общая площадь посѣва у нихъ въ казенныхъ десятинахъ.
1894 г.	30266	2405	223,142
1897 г.	30411	2792	195,105
Разность . .	+145	+387	—28,037

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что приведенныя данныя за 2 года не могутъ считаться точно сравнимыми между собою. Такъ, что касается, прежде всего, посѣвной площади, то она регистрировалась въ 1897 г. вообще довольно грубо (особенно — за исключеніемъ болѣе подробно обслѣдованныхъ 6 волостей), путемъ простого опроса каждаго хозяина о количествѣ десятинъ, засѣянныхъ у него отдѣльными хлѣбами (рожью, овсомъ, просомъ и т. д.), безъ различія надѣльной, купленной, арендованной за деньги, взятой исполу и т. д. земли; при этомъ, во-первыхъ, цифры посѣва этихъ хлѣбовъ получались обыкновенно въ слишкомъ круглыхъ цифрахъ (чаще всего—въ цѣлыхъ десятинахъ, $^1/_2$-десятинахъ и $^1/_4$-десятинахъ), во-вторыхъ—посѣвы третьестепенныхъ растеній нерѣдко совсѣмъ пропускались, въ-третьихъ—особенно неоднообразно, повидимому, регистрировалась испольная аренда (иногда—въ полномъ количествѣ десятинъ, иногда же—въ видѣ доли съемщиковъ), и, въ-четвертыхъ, по отсутствію техническаго навыка у регистраторовъ, записи нерѣдко дѣлались въ принятыхъ во многихъ мѣстностяхъ хозяйственныхъ десятинахъ (въ 3200 и 3600 кв. саж.), безъ перевода ихъ въ казенныя десятины и безъ отмѣтокъ о размѣрѣ принятой десятины [1]). Поэтому, въ общемъ, посѣвная площадь за 1897 годъ должна считаться значительно преуменьшенною [2]). На-

[1]) Въ предисловіи къ своду матеріаловъ данной переписи говорится по этому поводу, что „только послѣ нѣкотораго навыка регистраторы научились безошибочно переводить хозяйственныя десятины въ казенныя, въ началѣ же переводъ этотъ былъ очень неточенъ, а главное—часто по забывчивости записывалось число хозяйственныхъ десятинъ". При этомъ важно, что вообще „существеннымъ недостаткомъ переписи 1897 г. является кратковременность участія въ ней каждаго регистратора, такъ какъ значительная часть регистраторовъ работала не болѣе 10—8 недѣль. Только къ концу этого срока каждый изъ нихъ пріобрѣлъ потребный для такой кропотливой работы навыкъ и опытъ; но, къ сожалѣнію, этимъ навыкомъ не пришлось уже пользоваться" („Труды Ветеринарнаго Отдѣленія Саратовской Губернской Земской Управы", т. III, пред., стр. II—III).

[2]) Это подтверждается, между прочимъ, тѣмъ, что по болѣе подробно обслѣдованнымъ въ 1897 г. 6 волостямъ разница въ посѣвной площади за 2 года оказывается уже сравнительно ничтожною (см. ниже). Свѣдѣнія о посѣвной площади, ежегодно доставляемыя съ 1892 г. по всѣмъ обществамъ волостными правленіями, также не указываютъ на сколько-нибудь замѣтное измѣненіе ея въ Петровскомъ уѣздѣ за 1893—97 гг.

оборотъ, въ 1894 г. посѣвная площадь по каждому двору устанавливалась двойнымъ опросомъ: во-первыхъ — детальнымъ опредѣленіемъ въ посѣвныхъ поляхъ количества пашни: надѣльной, купленной, снятой за деньги, снятой исполу и т. д., а затѣмъ сданной изъ этого количества, и, во-вторыхъ,—опросомъ о количествѣ десятинъ, засѣянныхъ отдѣльными хлѣбами; при несходствѣ итоговъ каждый разъ выяснялись тѣ ошибки и пропуски въ показаніяхъ, которыя обусловили это несходство; въ частности, земля, снимаемая исполу (съ раздѣломъ урожая), всегда регистрировалась и затѣмъ подсчитывалась полнымъ количествомъ десятинъ, а не только въ видѣ доли съемщиковъ (которая можетъ быть выражена въ десятинахъ лишь условно, примѣняясь къ выговоренной съемщиками долѣ урожая, тогда какъ условія испольнаго найма, въ дѣйствительности, бываютъ довольно сложны и разнообразны).

Точно также, въ силу большей грубости опроса о посѣвной площади въ 1897 году, могли при переписи этого года въ безпосѣвныя семьи попадать иногда и малопосѣвныя, т.-е. сдающія большую часть земли; поэтому показываемое приведенными выше цифрами замѣтное увеличеніе числа безпосѣвныхъ семей за 3 года на самомъ дѣлѣ можетъ быть фиктивнымъ. Между прочимъ, такое предположеніе возникаетъ само собою въ виду того факта, что за предшествующій 1894 году періодъ времени имѣло мѣсто въ уѣздѣ, наоборотъ, крупное сокращеніе числа безпосѣвныхъ семей, стоявшее, очевидно, въ связи съ отмѣченнымъ раньше „возвратомъ къ землѣ“ съ конца 80-хъ годовъ. Мы, правда, не имѣемъ цифръ для точнаго сравненія количества *безпосѣвныхъ наличныхъ* хозяйствъ въ 1884 и 1894 гг., но имѣемъ возможность сравнить за эти два года число приписныхъ хозяйствъ (какъ наличныхъ, такъ и отсутствующихъ вмѣстѣ), обрабатывавшихъ и необрабатывавшихъ *надѣльную* землю, что для данной цѣли представляется вполнѣ достаточнымъ:

Годы переписей:	Общее число приписныхъ семей.	Изъ этого числа:			
		Не имѣли надѣльной пашни или сдавали ее всю въ аренду [1]).	Обрабатывали надѣльную землю наймомъ.	Обрабатывали ее сами.	Вообще вели хозяйство на надѣльной землѣ (сѣяли сами или наймомъ).
1884 г.	33655	7074	2512	24069	26581
1894 г.	36708	6604	5363	24741	30104
Разность. . . .	+3053	—470	+2851	+672	+3523
Разность въ %%	+9,1%	—6,6%	+109,3%	+2,8%	+13,3%

Изъ этихъ цифръ видно, что, несмотря на значительное возростаніе количества безлошадныхъ семей къ 1894 г., количество хозяйствъ, обрабатывающихъ надѣльную землю, возросло сильнѣе (13,3%) прироста общаго числа семей (9,1%), благодаря тому, что часть крестьянъ, раньше предпочитав-

[1]) Неимѣющіе надѣльной земли и сдающіе ее показаны здѣсь вмѣстѣ въ виду того, что эти 2 категоріи семей отдѣльно не могутъ быть сравниваемы за 1884 и 1894 годы, вслѣдствіе получившаго широкое распространеніе съ конца 80-хъ и начала 90-хъ годовъ обычая лишать земли отсутствующихъ, не ведущихъ хозяйства, до ихъ возвращенія и обзаведенія хозяйствомъ (см. объ этомъ выше).

шихъ сдавать землю, въ 1894 году находили болѣе выгоднымъ обрабатывать ее хотя-бы наймомъ, вслѣдствіе чего (при параллельномъ возростаніи числа безлошадныхъ) количество семей, засѣвающихъ землю наймомъ, увеличилось болѣе чѣмъ вдвое; наоборотъ, количество безнадѣльныхъ и сдающихъ надѣльную землю сократилось даже абсолютно на 6.6%.

Ограничиваясь пока приведенными данными относительно явленій, констатируемыхъ 3 земскими переписями и другими свѣдѣніями по отношенію къ крестьянскому хозяйству Петровскаго уѣзда, взятаго въ цѣломъ, мы перейдемъ затѣмъ уже къ анализу, прежде всего, тѣхъ матеріаловъ, которые относятся къ названнымъ выше 6 волостямъ того же уѣзда, при чемъ будемъ касаться, главнымъ образомъ, переписей 1894 и 1897 гг., условія выполненія которыхъ (въ смыслѣ извѣстнаго положенія крестьянскаго хозяйства въ моменты производства этихъ переписей) являются до нѣкоторой степени обрисованными предыдущимъ изложеніемъ.

ГЛАВА II.

Приростъ числа наличныхъ семей въ 6 волостяхъ Петровскаго у. съ 1894 по 1897 г.; уходъ на сторону, возвратъ на родину, раздѣлы и вымираніе семей за то же время.—Аналогичныя данныя по нѣкоторымъ селеніямъ Сердобскаго у. и 3 уѣздовъ Орловской губ.—Многочисленность семейно-хозяйственныхъ единицъ, захватываемыхъ процессами дробленія (путемъ раздѣловъ) и вымиранія; сосредоточеніе этихъ процессовъ въ крайнихъ по составу группахъ крестьянскихъ семей, обусловливающее постоянное обновленіе этихъ группъ.—Относительная неизмѣнность средней величины семьи и группировки семей по работникамъ въ Петровскомъ у., какъ результатъ совокупности противоположныхъ процессовъ въ различныхъ группахъ семей.—Отсутствіе прямой зависимости (или даже обратная зависимость) между измельченіемъ крестьянскихъ семей и частыми семейными раздѣлами.—Прямая связь между количествомъ раздѣловъ и величиною семьи, съ одной стороны, и приростомъ населенія, съ другой.—Тенденція величины семьи въ отдѣльныхъ общинахъ, районахъ и т. д. къ обычной въ данной мѣстности или разрядѣ населенія нормѣ.—Отсутствіе существенныхъ измѣненій величины семьи и группировки семей по работникамъ въ другихъ уѣздахъ Саратовской губ. (съ 1885—86 по 1897 гг.) и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ.

Въ тѣхъ 100 общинахъ 6 волостей Петровскаго уѣзда, къ которымъ относятся наши матеріалы, *наличныхъ* (т.-е. живущихъ на мѣстахъ приписки) крестьянскихъ семей насчитывалось въ 1894 г. 7019, а въ 1897 г. — 7202; слѣдовательно, число такихъ семей возросло на 183 или на 2,6 %. Это увеличеніе числа наличныхъ хозяйствъ за 3 года явилось, однако, слѣдствіемъ не однихъ семейныхъ раздѣловъ, а лишь конечнымъ результатомъ довольно сложной совокупности явленій, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ:

Въ 1894 г. было всѣхъ наличныхъ хозяйствъ—7019.

Измѣненія за время съ 1894 по 1897 г.:

Изъ числа семей 1894 г.:	Было наличныхъ семей въ 1894 г.	Число всѣхъ семей въ 1897 г. по тѣмъ же группамъ.	Изъ нихъ: Наличныхъ (оставшихся на мѣстахъ припис. или вернувш.).	Изъ нихъ: Ушедшихъ на сторону.	Прибыль или убыль всѣхъ семей за 3 года.	Прибыль или убыль наличн. семей.	Прибыль или убыль отсутствующ. семей.
Вымерли, присоединились къ родственникамъ и вообще прекратили существов. въ качествѣ самостоят. единицъ. .	173	—	—	—	—173	—173	—
Не дѣлились.	6383	6383	6208	175	0	—175	+175
Раздѣлились на 2 семьи .	436	872	812	60	+436	+376	+ 60
„ „ 3 „	26	78	70	8	+ 52	+ 44	+ 8
„ „ 4 „	1	4	4	—	+ 3	+ 3	—
Вернулись со стороны . .	(108 отсут.).	108	108	—	(+108 верн.).	+108	—108
Итого	7019 +108 отс. 7127	7445	7202	243	+318 +108 вер. 426	+183	+135

Такимъ образомъ, увеличеніе числа наличныхъ хозяйствъ на 183 получилось въ результатѣ разнообразныхъ и существенныхъ перемѣнъ, коснувшихся не менѣе 744 [1]) существовавшихъ въ 1894 г. семей, т.-е. $10^1/_2$% тѣхъ 7127 семей, которыя вошли въ приведенную таблицу [2]). Это — фактъ, въ высшей степени характерный и важный для пониманія крестьянскаго хозяйства, и потому мы остановимся на немъ нѣсколько подробнѣе.

Во-первыхъ, семейные раздѣлы за разсматриваемые 3 года коснулись 463 семей, что составляетъ $6_{,6}$% по отношенію къ 7019 наличнымъ семьямъ, существовавшимъ въ 1894 г.; а такъ какъ недавній раздѣлъ существенно отражается на положеніи всѣхъ тѣхъ семей, которыя являются въ результатѣ его, то важно также отмѣтить, что изъ общаго числа 7202 наличныхъ семей 1897 года 886 или $12_{,3}$% (около $^1/_8$) принадлежали къ числу участвовавшихъ въ раздѣлахъ, имѣвшихъ мѣсто за время не свыше 3 лѣтъ до переписи этого года. Увеличеніе числа семей путемъ раздѣловъ, однако, въ значительной степени парализовалось тѣмъ фактомъ (обыкновенно совершенно игнорируемымъ, не смотря на его значительные размѣры), что, наряду съ образованіемъ новыхъ семейно-хозяйственныхъ единицъ, происходилъ и обратный процессъ—вымиранія извѣстнаго числа семей и присоединенія ихъ къ другимъ семьямъ [3]), коснувшійся 173 семей или $2^1/_2$% наличныхъ семей 1894 года.

Во-вторыхъ, за тѣ же 3 года ушли на сторону 175 семей изъ числа недѣлившихся (т.-е. около $2^1/_2$% наличныхъ семей 1894 г.) и еще 68—изъ числа вновь образовавшихся путемъ семейныхъ раздѣловъ, а всего 243 семьи; но, съ другой стороны, изъ жившихъ раньше на сторонѣ вернулись на родину 108 семей [4]), вслѣдствіе чего, въ конечномъ результатѣ, является увеличеніе отсутствующихъ семей лишь на 135. Однако, дѣйствительное увеличеніе числа такихъ семей должно быть еще меньше; такъ, во-первыхъ, 7 семей вернулись на родину помимо указанныхъ 108, но онѣ не вошли въ счетъ потому, что не образовали на родинѣ самостоятельныхъ единицъ, а присоединились къ семьямъ родителей, братьевъ и т. д.; во-вторыхъ, 26 семей изъ отсутствовавшихъ вымерли или на сторонѣ же вошли въ составъ какихъ-либо другихъ семей (путемъ замужества овдовѣвшихъ женщинъ, пріема въ зятья и т. д.). На самомъ дѣлѣ, число случаевъ вымиранія или прекращенія существованія въ качествѣ самостоятельныхъ единицъ должно быть еще болѣе значительнымъ, такъ какъ о многихъ отсутствовавшихъ въ 1894 г. семьяхъ въ 1897 г. приходилось дѣлать отмѣтки: „неизвѣстно—живы ли“, „давно нѣтъ никакихъ слуховъ“ и т. д.

---

[1]) 173+436+26+1+108 = 744.

[2]) Мы говоримъ „не менѣе“ 744 семей потому, что въ дѣйствительности даже однѣ указываемыя таблицею перемѣны въ положеніи отдѣльныхъ семей касаются большаго числа ихъ, т. к., напр., присоединеніе къ другимъ хозяйственнымъ единицамъ нѣкоторыхъ семей первой категоріи (изъ числа 173-хъ), очевидно, должно существенно отзываться и на положеніи этихъ единицъ.

[3]) Такое присоединеніе происходитъ частью въ формѣ простого сліянія 2 отдѣльныхъ (обыкновенно—родственныхъ) семей въ одну, частью—въ формѣ вторичнаго выхода замужъ вдовъ (съ дѣтьми или безъ дѣтей), замужества осиротѣвшихъ дочерей, ухода мужчинъ въ зятья, принятія малолѣтнихъ сиротъ въ пріемыши и т. д. Крестьяне такія семьи чаще всего называютъ „обмершими“, хотя это названіе, въ большинствѣ случаевъ, представляется весьма неточнымъ; въ основаніи употребленія его лежитъ, однако, тотъ фактъ, что бросающеюся въ глаза причиною прекращенія самостоятельнаго существованія этихъ семей является обыкновенно смерть главы семьи или даже нѣсколькихъ ея членовъ.

[4]) Всего въ 1894 году въ разсматриваемыхъ 100 общинахъ было 784 семьи отсутствующихъ.

Аналогичныя точныя данныя о раздѣлахъ, „обмиранія“ семей, уходѣ ихъ на сторону и проч. мы имѣемъ также по 14 селеніямъ разныхъ волостей Сердобскаго уѣзда, но уже за періодъ времени съ 1885 г. по 1899 г., т.-е. за 14 лѣтъ; эти данныя даютъ совершенно ту же картину, какъ и приведенныя свѣдѣнія по Петровскому уѣзду, но какъ бы въ большемъ масштабѣ, благодаря болѣе значительному промежутку времени между конечными моментами.

Въ 1885 г. въ 14 селеніяхъ было наличныхъ семей 766 и отсутствующихъ 105.

Изъ числа семей 1885 года:	Было семей въ 1885 г.:		Къ 1899 г. ушли на сторону изъ числа наличныхъ семей 1885 г.	Къ 1899 г. вернулись со стороны.	Въ 1899 г. было семей въ тѣхъ же груп.		Прибыло или убыло къ 1899 г. число семей:	
	Наличн.	Отсутств.			Наличн.	Отсутств.	Наличн.	Отсутств.
Вымерли, соединились съ родственниками и т. п.	56	6	—	—	—	—	—56	— 6
Не дѣлились.	553	99	51	31	533	119	—20	+20
Раздѣлились на 2 семьи.	115	—						
„ „ 3 „	36 } 157	—	21	—	341	21	+184	+21
„ „ 4 „	6	—						
Итого	766	105	72	31	874	140	+108	+35

Общее число наличныхъ семей возросло здѣсь за 14 лѣтъ съ 766 до 874, т.-е. на 108 или на $14,_1$%, при чемъ это возростаніе явилось въ результатѣ слѣдующихъ измѣненій: изъ 766 наличныхъ семей 1885 года 56 или $7,_3$% вымерли или соединились съ другими семьями, 51 или $6,_7$%—ушли на сторону и 157 семей или $20,_5$% раздѣлились каждая на 2, частью на 3 и даже на 4 семьи; при этомъ изъ образовавшихся путемъ раздѣловъ 362 семей 21 также ушли на сторону; въ то же время, изъ 105 жившихъ на сторонѣ семей 31 или около 30% вернулись обратно. Общее число отсутствующихъ семей, въ конечномъ результатѣ, возросло съ 105 до 140 или на $^1/_3$; по составъ отсутствующаго населенія и въ данномъ случаѣ въ значительной мѣрѣ обновился, такъ какъ изъ него свыше 35% выбыло вслѣдствіе возврата на родину и, отчасти, вымиранія. Изъ существовавшихъ въ 1899 г. 874 наличныхъ семей 341 или 39% принадлежали къ числу участвовавшихъ въ раздѣлахъ, имѣвшихъ мѣсто за послѣднія 14 лѣтъ.

Въ виду почти полнаго отсутствія въ нашей литературѣ (даже статистической) точныхъ свѣдѣній о разсматриваемой, весьма важной, сторонѣ деревенской жизни, мы приведемъ здѣсь еще слѣдующія данныя о раздѣлахъ и „обмиранія“ семей у четвертныхъ крестьянъ 134 селеній 3 уѣздовъ Орловской губ. (Кромского, Болховского и Карачевскаго) за время съ 1868 по 1887 г., т.-е. за 19 лѣтъ; по этимъ даннымъ, однако, уже не представляется возможнымъ прослѣдить размѣры ухода на сторону и возврата на родину,

такъ какъ при собираніи ихъ не дѣлалось различія между наличнымъ и отсутствующимъ населеніемъ [1]).

	Было всего семей въ 1868 году.	Изъ указаннаго числа семей: Вымерли и соединились съ другими.	Не дѣлились	Раздѣлились: На 2 сем.	На 3 сем.	На 4 сем.	На 5 сем.	На 6 сем.	Оказалось всего семей въ 1887 г.	Прибыль числа семей.
Абсол. число	3237	273	1987	706	214	45	11	1	4273	1036
				977						
Въ %% . .	100,0%	8,5%	61,4%	21,8%	6,6%	1,4%	0,3%	0,03%	—	+32,3%
				30,1%						

Такимъ образомъ, здѣсь за 19-лѣтній періодъ времени недѣлившимися и продолжавшими существовать въ качествѣ самостоятельныхъ единицъ оказались лишь немного болѣе $^3/_5$ общаго числа семей 1868 года, а около 30% ихъ раздѣлились и $8^1/_2$% вымерли или соединились съ другими семьями. Изъ дѣлившихся семей свыше 8% распались каждая на 3 и болѣе самостоятельныхъ единицъ, а въ общемъ, изъ существовавшихъ въ 1887 г. 4273 семей 2295 или около *54% принадлежали къ числу участвовавшихъ въ раздѣлахъ за предыдущее 19-лѣтіе.* Общее число „обмершихъ" семей,—необходимо замѣтить,—въ дѣйствительности было больше указаннаго количества, такъ какъ въ табличку вошли „обмершія" семьи лишь *изъ числа существовавшихъ въ 1868 г.;* между тѣмъ, та же судьба постигла и нѣкоторое число семей, образовавшихся уже позже, путемъ раздѣловъ; такъ, по Кромскому уѣзду случаевъ „обмиранія" такихъ семей зарегистрировано 21 (сверхъ вошедшихъ въ число 273-хъ), въ Болховскомъ уѣздѣ—10 и т. д.[2]).

Многочисленность семейно-хозяйственныхъ единицъ, захватываемыхъ процессами дробленія, съ одной стороны, и вымиранія и соединенія—съ другой, пріобрѣтаетъ особенно важное значеніе вслѣдствіе того, что эти, противоположные по характеру, процессы касаются преимущественно *крайнихъ группъ* существующихъ въ извѣстный моментъ крестьянскихъ дворовъ, мало задѣвая среднія группы ихъ, т.-е. фактически являются сконцентрированными въ предѣлахъ болѣе ограниченнаго количества семейно-хозяйственныхъ единицъ, стоящихъ выше и ниже извѣстнаго средняго уровня. Этотъ фактъ, конечно, очевиденъ самъ по себѣ; но онъ можетъ быть наглядно иллюстрированъ и тѣми детальными данными, которыми мы располагаемъ за 3-лѣтній періодъ

---

[1]) Свѣдѣнія о раздѣлахъ и проч. по названнымъ 3 уѣздамъ Орловской губерніи были получены попутно при переписи 1887 г., которая у четвертныхъ крестьянъ производилась, исходя отъ подворныхъ списковъ, имѣвшихся при влад. записяхъ 1868 года, съ цѣлью установленія переходовъ четвертныхъ земель и точныхъ размѣровъ владѣнія по каждому изъ дворовъ, существовавшихъ въ моментъ переписи.

[2]) Вслѣдствіе того, что отдѣлявшіяся послѣ 1868 г., но затѣмъ „обмиравшія", семьи въ приведенный выше подсчетъ совершенно не вводились, то и самое число дѣлившихся и образовавшихся изъ нихъ новыхъ семей въ этомъ подсчетѣ является также нѣсколько уменьшеннымъ по сравненію съ дѣйствительностью (если, напримѣръ, семья раздѣлилась собственно на 3 семьи, но одна изъ послѣднихъ затѣмъ „обмирала", то она сосчитывалась въ числѣ разсѣлившихся на 2 семьи, сообразно съ числомъ существовавшихъ въ 1887 г. происшедшихъ отъ нея самостоятельныхъ единицъ, и т. д.).

времени относительно 6 волостей Петровскаго уѣзда. Такое иллюстрированіе фактическимъ матеріаломъ представляется особенно необходимымъ именно въ данномъ случаѣ, въ виду той неполноты, неясности и нерѣдко изумительной путаницы представленій, которыя господствуютъ до сего времени въ литературѣ и въ обыденной жизни относительно такихъ крупныхъ по значенію и широтѣ явленій въ крестьянской жизни, какъ семейные раздѣлы, вымираніе семей, соединеніе ихъ и проч.: [1])

---

[1]) Вымираніе семей и ихъ соединеніе обыкновенно даже просто игнорируются, а семейные раздѣлы разсматриваются преимущественно не какъ нормальное явленіе, связанное съ естественнымъ ростомъ значительнаго числа семей, а какъ одно изъ „золъ“ или, наоборотъ, „новыхъ явленій“ деревенской жизни и при томъ какъ нѣчто, почти тождественное или неразрывно связанное съ общимъ „измельчаніемъ“ семей, съ замѣною „патріархальныхъ“ семей „малыми“ семьями и т. д. Едва ли не единственною работою въ статистической литературѣ, въ которой довольно подробно охарактеризовано явленіе „обмиранія“ извѣстной части крестьянскихъ семей, является трудъ Ѳ. А. Щербины „Сводный Сборникъ по 12 уѣздамъ Воронежской губ.“, представляющій въ значительной своей части вообще наиболѣе крупную (хотя во многомъ далеко не вполнѣ удачную) попытку дать разносторонній анализъ крестьянскаго „двора“, какъ „семьи—хозяйства“. Такъ, касаясь вопроса о „прибыли и убыли семей по земельнымъ группамъ“, г. Щербина говоритъ, между прочимъ: „Нѣтъ сомнѣнія, что въ конкретныхъ случаяхъ по отдѣльнымъ семьямъ, наряду съ приростомъ населенія по однимъ семьямъ, непремѣнно должна быть убыль его по другимъ. За извѣстный промежутокъ времени по каждой группѣ хозяйствъ могутъ оказаться и вымершія совершенно семьи, и семьи съ высокимъ процентомъ убыли, и семьи нейтральныя, не давшія ни убыли, ни прибыли, и семьи съ малымъ увеличеніемъ населенія. Тотъ или другой приростъ населенія выразится въ разницѣ между убылью населенія по однимъ семьямъ и прибылью по другимъ. Но убыль въ общемъ количествѣ семей получится, конечно, только въ томъ случаѣ, когда окажутся семьи совершенно вымершія. Слѣдовательно, на убыль семей по группамъ можетъ вліять прежде всего полное вымираніе отдѣльныхъ семей. Чаще на убыль семей высокая смертность вліяетъ въ другомъ отношеніи: семья съ значительнымъ количествомъ умершихъ распадается и уцѣлѣвшіе члены ея примыкаютъ къ другимъ семьямъ—дѣти поступаютъ къ опекунамъ, одиночки входятъ въ составъ родственныхъ семей, женщины выходятъ замужъ и т. п. Случаи эти, какъ и полное вымираніе семей, — относительно рѣдки и не могутъ существенно вліять на убыль семей по группамъ хозяйствъ. Но надо полагать, что тѣ и другіе случаи убыли семей падаютъ въ большемъ процентѣ на семьи мелкія, малоземельныя и маломощныя, чѣмъ на семьи крупныя, многоземельныя и сильныя по своему рабочему составу... Разъ въ малой семьѣ происходятъ, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ экономическихъ условій, процессы атрофіи—семья или вымираетъ окончательно, или обращается въ упалую“; и т. д. (стр. 395—397). По отношенію къ этой цитатѣ слѣдуетъ отмѣтить лишь слѣдующее: 1) для распаденія или дезорганизаціи малой семьи, влекущихъ за собою прекращеніе самостоятельнаго ея существованія, вовсе не необходимы „высокая смертность“ и „значительное число умершихъ“; чаще всего рѣшающую роль играетъ здѣсь смерть лишь главы семьи (если онъ былъ единственнымъ работникомъ) или даже простая утрата имъ работоспособности, вслѣдствіе старости, болѣзни, калѣчности и т. п.: 2) въ дѣйствительности, хотя и болѣе рѣдко, имѣютъ мѣсто также случаи простого сліянія 2 малыхъ семей, безъ предшествующей дезорганизаціи какой-либо изъ нихъ (что, впрочемъ, г. Щербиною отмѣчалось въ другихъ его работахъ); 3) случаи вымиранія, распаденія и т. д. семей не могутъ считаться рѣдкими и не могущими существенно вліять на убыль семей по группамъ, какъ это видно изъ приведенныхъ выше и приводимыхъ далѣе цифровыхъ данныхъ, тѣмъ болѣе, что они падаютъ *почти исключительно* на семьи мелкія и маломощныя, и 4) „процессы атрофіи“, наблюдаемые въ извѣстной части малыхъ семей и приводящіе къ ихъ вымиранію, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть поставлены въ исключительную или даже преимущественную зависимость отъ „неблагопріятныхъ *экономическихъ* условій“ (если только не понимать это выраженіе въ какомъ-либо расширенномъ смыслѣ); эти условія, конечно, могутъ играть здѣсь нѣкоторую роль, но на долю ихъ невозможно отнести большую часть случаевъ смерти, одряхлѣнія и проч. главныхъ работниковъ такихъ семей.

Болѣе кратко явленіе естественнаго вымиранія извѣстной части крестьянскихъ семей г. Щербиною отмѣчено и охарактеризовано было еще въ „Сборникѣ статистическихъ свѣдѣній по Воронежскому уѣзду“, вышедшемъ въ 1884 г.

Изъ числа наличныхъ семей 1894 года:	Число наличныхъ семей.		Въ нихъ душъ обоего пола.		Средн. число душъ обоего пола въ семьѣ.		На 100 мужчинъ приходилось женщинъ.		% мужчинъ работниковъ ко всему населенію.	
	Въ 1894 г.	Въ 1897 г.	Въ 1894 г.	Въ 1897 г.	Въ 1894 г.	Въ 1897 г.	Въ 1894 г.	Въ 1897 г.	Въ 1894 г.	Въ 1897 г.
1. Вымерли и т. п.	173	—	472	—	2,73	—	132,5	—	20,8	—
2. Не дѣлились (и остались на родинѣ).	6208	6208	35330	37031	5,69	5,97	104,2	102,9	23,8	23,7
3. Раздѣлились . .	463	886 [1])	4194	4512 [1])	9,06	5,09	96,4	99,4	25,3	24,2
4. Ушли на сторону (изъ недѣлившихся). . .	175	—[2])	803	—[2])	4,59	—	98,8	—	27,0	—
5. Изъ числа отсутствовавшихъ вернулись. . . .	—[2])	108	—[2])	440	—	4,07	—	88,8	—	27,5
Итого . .	7019	7202	40799	41983	5,81	5,83	103,5	102,9	23,9	23,8

Какъ и раньше, мы не будемъ здѣсь подробно останавливаться на семьяхъ, ушедшихъ на сторону и вернувшихся со стороны; отмѣтимъ только, что эта, оказавшаяся наиболѣе подвижною, часть населенія характеризуется, по сравненію съ осѣдлымъ населеніемъ, меньшею величиною семьи, перевѣсомъ числа мужчинъ надъ числомъ женщинъ и высокимъ процентомъ мужчинъ-работниковъ; иначе говоря, что процессы механическаго передвиженія цѣлыми семьями совершаются преимущественно въ части населенія, отличающейся указанными выше особенностями [3]). Но особенно отклоняющимися отъ средняго типа являются группы семей, съ одной стороны, вымершихъ, распавшихся и соединившихся съ другими за разсматриваемое 3-лѣтіе, а съ другой—раздѣлившихся. Первая группа даетъ средній для 1894 г. размѣръ семьи лишь въ $2_{,73}$ душъ об. пола, при громадномъ перевѣсѣ числа женщинъ надъ числомъ мужчинъ и при очень низкомъ процентѣ мужчинъ работниковъ ко

---

[1]) 68 семей, ушедшихъ на сторону изъ числа образовавшихся путемъ семейныхъ раздѣловъ, сюда совершенно не включены.

[2]) Данныя объ ушедшихъ семьяхъ приведены здѣсь лишь за 1894 г. и относительно вернувшихся—только за 1897 годъ потому, во-первыхъ, что мы касаемся отсутствующаго населенія вообще лишь постольку, поскольку это необходимо для выясненія вопросовъ о наличномъ населеніи, и, во-вторыхъ, потому, что *точныхъ* свѣдѣній о составѣ всѣхъ отсутствующихъ семей, во время проживанія ихъ на сторонѣ, обыкновенно имѣть нельзя (см. слѣдующее примѣчаніе).

[3]) По отношенію къ ушедшимъ послѣ 1894 г. семьямъ эти особенности состава еще рѣзче выразятся, если взять свѣдѣнія о нихъ не за 1894 г., а за 1897 г. Изъ числа недѣлившихся и ушедшихъ на сторону 175 семей свѣдѣнія о личномъ составѣ за 1897 г. оказалось возможнымъ собрать относительно 108 семей, при чемъ въ нихъ оказалось 359 душъ об. п. и 120 мужчинъ работниковъ, т.-е. средняя величина семьи оказалась равною лишь $3_{,32}$ душ. об. п., а % работниковъ ко всему населенію—$33_{,4}$%. Изъ 68 ушедшихъ семей изъ числа отдѣлившихся тѣ же свѣдѣнія получены были относительно 64, а именно въ нихъ было душъ об. п. 185, т.-е. $2_{,89}$ на 1 семью и мужчинъ работниковъ—62, т.-е. $33_{,5}$%. Слѣдуетъ, впрочемъ, оговориться, что эти цифры могутъ считаться лишь болѣе или менѣе приблизительными, какъ и всякія свѣдѣнія относительно отсутствующаго населенія.

всему населенію; и эти цифровые показатели являются вполнѣ соотвѣтствующими ея конкретному составу, въ которомъ преобладающую роль играютъ семьи, состоящія изъ лицъ старческаго возраста, семьи вдовъ, частью — пожилыхъ вдовцовъ, сироты, а также сравнительно молодыя брачныя пары (безъ дѣтей или съ малолѣтними дѣтьми), уже за время съ 1894 г. по 1897 г. разрушившіяся вслѣдствіе смерти главы семьи, при чемъ остававшіяся вдовы или снова выходили замужъ, или возвращались въ семьи родителей. Иначе говоря, мы въ данной группѣ имѣемъ преимущественно или семьи, уже раньше „дезорганизованныя" и близкія къ „дезорганизаціи", или семьи, не успѣвшія еще или не имѣвшія возможности упрочиться въ качествѣ самостоятельныхъ единицъ по бездѣтности, малолѣтству дѣтей и т. д. Совершенно противоположными признаками характеризовалась и иной составъ имѣла въ 1894 г. группа семей, *раздѣлившихся* въ послѣдующіе 3 года: средняя величина семьи равнялась здѣсь болѣе, чѣмъ 9 душамъ обоего пола, т.-е. значительно превосходила средній размѣръ семьи въ районѣ, при чемъ среди населенія этой группы наблюдались, сверхъ того, значительный перевѣсъ мужского элемента надъ женскимъ и нѣсколько повышенный процентъ мужчинъ рабочаго возраста ко всему населенію. Слѣдовательно, здѣсь,—обратно тому, что мы видѣли по отношенію къ предыдущей группѣ,—мы имѣемъ семьи, значительно переросшія по величинѣ среднюю норму и потому также сдѣлавшіяся неустойчивыми, но уже въ другомъ смыслѣ,—въ смыслѣ намѣтившагося внутри каждой изъ такихъ „сложныхъ" семей обособленія двухъ или болѣе самостоятельныхъ „простыхъ" семей или брачныхъ паръ. Осуществленіе такого, постепенно назрѣвавшаго, обособленія и совершилось въ послѣдующее трехлѣтіе, при чемъ содѣйствующими ему обстоятельствами являлись, при крупной величинѣ семей, преобладаніе мужского населенія надъ женскимъ и значительный % мужчинъ работниковъ [1]); кромѣ того, какъ видно изъ приведенныхъ выше данныхъ, раздѣлы коснулись преимущественно тѣхъ крупныхъ семей, которыя и въ послѣдующее 3-лѣтіе отличались особенно сильнымъ ростомъ: если принять въ соображеніе и ушедшія на сторону послѣ раздѣловъ 68 семей, то общій приростъ населенія въ группѣ за 3 года былъ не менѣе 12%, тогда какъ въ группѣ недѣлившихся и оставшихся на родинѣ семей этотъ приростъ не превышалъ 5%. Иначе говоря, за это 3-лѣтіе раздѣлились преимущественно тѣ изъ крупныхъ семей, которыя послѣ 1894 г. обнаруживали тенденцію къ еще большему и при томъ быстрому подъему надъ среднимъ или обычнымъ уровнемъ семейнаго состава.

Какъ же отразились, въ конечномъ результатѣ, всѣ разсмотрѣнныя измѣненія на средней величинѣ наличной семьи? Сократился ли средній составъ семьи за 3 года вслѣдствіе того факта, что 463 семьи распались за это время на 886 семей (+68 ушедшихъ на сторону), при чемъ среднее число душъ на 1 семью уменьшилось въ этой группѣ, благодаря раздѣламъ, съ $9_{,06}$ до $5_{,09}$? Приведенная выше таблица показываетъ, что *средняя величина семьи въ* интересующемъ насъ *районѣ, не смотря на значительное количество раздѣловъ, можетъ считаться совершенно неизмѣнившеюся*, такъ какъ въ 1894 г. она равнялась $5_{,81}$ душ. обоего пола, а въ 1897 г.—$5_{,83}$; ничтожная разница въ $0_{,02}$ (при томъ—въ сторону повышенія, а не пониженія), конечно, не можетъ

---

[1]) Эти 2 черты разсматриваемой группы, какъ видно изъ таблицы, замѣтно смягчились къ 1897 году, по сравненію съ 1894 г.; но это смягченіе въ значительной мѣрѣ, лишь кажущееся, такъ какъ въ таблицу не вошли тѣ 68 семей изъ образовавшихся путемъ раздѣловъ, которыя ушли на сторону и которыя, какъ и вообще отсутствующія семьи, характеризуются значительнымъ перевѣсомъ мужчинъ и высокимъ % работниковъ.

имѣть существеннаго значенія. Но какимъ же путемъ могло быть достигнуто сохраненіе прежняго средняго состава семьи и, слѣдовательно, совершенно уравновѣшено сокращеніе этого состава, обусловленное раздѣлами? Разсматривая послѣднюю таблицу, можно видѣть, что здѣсь нѣкоторую роль играли, во-первыхъ, вымираніе извѣстной части мелкихъ семей, а также перевѣсъ числа ушедшихъ на сторону, также сравнительно малыхъ, семей надъ числомъ возвратившихся, и, во-вторыхъ, отмѣченный выше быстрый ростъ населенія въ самой группѣ дѣлившихся семей. Но главное значеніе имѣлъ въ данномъ случаѣ преобладающій характеръ тѣхъ измѣненій, которыя происходили въ наиболѣе многочисленной категоріи семей—„недѣлившихся и оставшихся на родинѣ“: въ этой группѣ средняя величина семьи за 3 года повысилась съ $5_{,69}$ душъ обоего пола до $5_{,97}$, при чемъ *часть недѣлившихся семей достигла* приблизительно *той же величины, какую имѣли раньше семьи раздѣлившіяся, и*, такимъ образомъ, *восполнила обусловленную раздѣлами убыль въ количествѣ крупныхъ семей.*

Чтобы съ большею полнотою и наглядностью обрисовать разсматриваемыя явленія, мы приведемъ здѣсь еще слѣдующія данныя о распредѣленіи семей различныхъ группъ по ихъ обезпеченности рабочими силами и объ измѣненіяхъ въ этомъ распредѣленіи, имѣвшихъ мѣсто за періодъ времени съ 1894 г. по 1897 г.:

Изъ числа семей 1894 года:	Годы, къ которымъ относятся свѣдѣнія.	Абсолютное количество наличныхъ семей: Всего семей.	Семей безъ работниковъ и работницъ.	Семей безъ работниковъ, но съ работниц.	Семей съ работник., но безъ работницъ.	Изъ остальныхъ семей: Съ 1 работникомъ м. п.	Съ 2 работниками м. п.	Съ 3 работниками м. п.	Съ 4 работниками м. п.	Съ 5 и болѣе работ. м. п.	Количество семей въ %%. Всего семей.	Семей безъ работниковъ и работницъ.	Семей безъ работниковъ, но съ работниц.	Семей съ работник., но безъ работницъ.	Съ 1 работникомъ м. п.	Съ 2 работниками м. п.	Съ 3 работниками м. п.	Съ 4 работниками м. п.	Съ 5 и болѣе работниками м. п.
Вымерли и т. д.	1894 г.	173	43	41	21	60	7	1	—	—	100,0	24,9	23,7	12,1	34,7	4,0	0,6	—	—
			105									60,7							
	1897 г.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Не дѣлились (и живутъ на родинѣ)	1894 г.	6208	108	259	131	3703	1558	376	64	9	100,0	1,7	4,2	2,1	59,7	25,1	6,1	1,0	0,1
			498									8,0							
	1897 г.	6208	176	247	129	3422	1649	466	100	19	100,0	2,8	4,0	2,1	55,1	26,6	7,5	1,6	0,3
			552									8,9							
Раздѣлились	1894 г.	463	—	1	3	75	223	121	32	8	100,0	—	0,2	0,7	16,2	48,2	26,1	6,9	1,7
			4									0,9							
	1897 г.	886	9	26	19	647	141	38	5	1	100,0	1,0	2,9	2,2	73,0	15,9	4,3	0,6	0,1
			54									6,1							
Ушли на сторону	1894 г.	175	—	4	14	125	23	8	1	—	100,0	—	2,3	8,0	71,4	13,1	4,6	0,6	—
			18									10,3							
	1897 г.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Изъ отсутствовавшихъ вернулись обратно	1894 г.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	1897 г.	108	2	4	8	81	9	4	—	—	100,0	1,9	3,7	7,4	75,0	8,3	3,7	—	—
			14									13,0							
Итого	1894 г.	7019	151	305	169	3963	1811	506	97	17	100,0	2,2	4,3	2,4	56,5	25,8	7,2	1,4	0,2
			625									8,9							
	1897 г.	7202	187	277	156	4150	1799	508	105	20	100,0	2,6	3,8	2,2	57,6	25,0	7,0	1,3	0,3
			620									8,6							

Не касаясь семей, ушедшихъ на сторону и вернувшихся на родину (которыя характеризуются, главнымъ образомъ, громаднымъ преобладаніемъ однорабочихъ семей), мы видимъ, что остальныя 3 группы въ 1894 г. представляли крайне рѣзкія различія между собою по обезпеченности рабочими силами:

Группы семей въ 1894 г.:	Число семей въ %%:		
	Вымершихъ и т. п. къ 1897 г.	Недѣлившихся (оставшихся на родинѣ) за время съ 1894 по 1897 г.	Раздѣлившихся за то же время.
Съ неполнымъ рабочимъ составомъ	60,7	8,0	0,9
Съ 1 работникомъ м. п.	34,7	59,7	16,2
Съ 2 работниками м. п.	4,0 } 4,6	25,1 } 32,3	48,2 } 82,9
Съ 3 и болѣе работниками м. п.	0,6	7,2	34,7
Итого	100,0	100,0	100,0

Въ то время, какъ недѣлившіяся въ теченіе послѣдующаго 3-лѣтія семьи имѣли въ 1894 г. распредѣленіе по рабочимъ силамъ довольно близкое къ среднему по району, двѣ другія группы представляли, наоборотъ, какъ бы противоположные полюсы сельскаго населенія: въ группѣ вымершихъ затѣмъ или прекратившихъ самостоятельное существованіе семей свыше 60% составляли семьи съ неполнымъ рабочимъ составомъ и только $4^1/_2$% — семьи, имѣвшія болѣе 1 работника муж. пола; наоборотъ, въ группѣ съ послѣдующими раздѣлами первыя составляли менѣе 1%, а вторыя—почти 83%.

Если мы возьмемъ *всѣ* семьи 1894 года съ неполнымъ рабочимъ составомъ, съ 1 работникомъ и т. д. и посмотримъ, какую долю каждой изъ такихъ группъ поглотили къ 1897 г. процессы „обмиранія" и раздѣловъ, то получимъ столь же рѣзко выраженную картину:

Группы семей въ 1894 году:	Общее число семей въ 1894 г.	Изъ нихъ къ 1897 году:			
		Вымерли и соединились съ другими.		Раздѣлились.	
		Число.	% по отдѣльнымъ группамъ.	Число.	% по отдѣльнымъ группамъ.
Безъ работниковъ и работницъ	151 } 625	43 } 105	28,5 } 16,8	—	0,0 } 0,6
Съ работницами, но безъ работниковъ	305	41	13,4	1	0,3
Безъ работницъ, но съ работниками	169	21	12,4	3	1,8
Изъ остальныхъ: Съ 1 работн. м. п.	3963	60	1,5	75	1,9
„ 2 „ „ „	1811	7	0,4	223	12,3
„ 3 „ „ „	506	1	0,2	121	23,9
„ 4 „ „ „	97	—	0,0	32	33,0
„ 5 и болѣе работниками м. п.	17	—	0,0	8	47,1
Итого	7019	173	2,5	463	6,6

Эти цифры въ высшей степени наглядно обрисовываютъ то крупное значеніе, какое имѣютъ для крайнихъ по семейному и рабочему составу группъ населенія вымираніе и соединеніе семей, съ одной стороны, и раздѣлы ихъ, съ другой стороны. Не смотря на краткость разсматриваемаго періода времени, въ данномъ районѣ вымерли и присоединились къ другимъ семьямъ около 17% семей съ неполнымъ рабочимъ составомъ, а въ частности изъ числа семей безъ работниковъ и работницъ—даже $28^1/_2$%; въ то же время, среди остальной части населенія эти явленія имѣли совершенно ничтожное значеніе. Наоборотъ, раздѣлы коснулись почти исключительно семей, имѣвшихъ не менѣе 2 работниковъ муж. пола, а особенно—имѣвшихъ не менѣе 3 работниковъ, среди которыхъ раздѣлившіяся за послѣдующіе 3 года семьи составляютъ отъ $^1/_4$ до $^1/_2$ общаго ихъ числа. Такимъ образомъ, *разсматриваемыя крайнія группы представляются крайне неустойчивыми по своему составу и даже въ теченіе короткихъ промежутковъ времени составъ ихъ въ значительной мѣрѣ обновляется въ зависимости отъ естественнаго роста однѣхъ семей и упадка, вымиранія и поглощенія болѣе жизнеспособными семейно-хозяйственными единицами другихъ семей.*

Въ частности, семейные раздѣлы, происходящіе почти исключительно въ группахъ крупныхъ и наиболѣе обезпеченныхъ рабочими силами семей, сразу и весьма рѣзко мѣняютъ положеніе этихъ семей, перебрасывая ихъ въ среднія и низшія группы по семейному и рабочему составу. Относительно семейнаго состава это было достаточно выяснено уже выше; что же касается рѣзкости перемѣнъ въ рабочемъ составѣ, то, для наглядности, мы приводимъ здѣсь слѣдующее извлеченіе изъ приведенной раньше общей таблицы:

Группы раздѣлившихся семей:	Число наличныхъ семей въ 1894 г., до раздѣловъ.		Число наличныхъ семей въ 1897 г., послѣ раздѣловъ.	
	Абсолютн.	Въ %%	Абсолютн.	Въ %%
Семьи съ неполнымъ рабоч. составомъ. . .	4	0,9	54	6,1
„ „ 1 работн. м. п.	75	16,2	647	73,0
„ „ 2 „ „ „	223	48,2	141	15,9
„ „ 3 и болѣе работн. м. п.	161	34,7	44	5,0
Итого.	463	100,0	886	100,0

Въ дѣйствительности, вліяніе раздѣловъ на группировку семей, которыхъ эти раздѣлы коснулись, было, однако, еще значительнѣе, такъ какъ здѣсь не введены ушедшія на сторону 68 семей, принадлежащія также преимущественно къ однорабочимъ семьямъ.

Говоря выше о постоянномъ и быстромъ *обновленіи* крайнихъ, по рабочему составу, группъ крестьянскихъ дворовъ, мы останавливались пока преимущественно лишь на одной сторонѣ этого процесса, а именно — на количественномъ *сокращеніи* этихъ группъ вслѣдствіе вымиранія, соединенія и раздѣловъ. Чтобы отчетливѣе оттѣнить другую сторону того же процесса, а именно—происходящее вмѣстѣ съ тѣмъ *пополненіе* указаннаго сокращенія

крайнихъ группъ путемъ соотвѣтствующихъ измѣненій въ составѣ извѣстной части остальныхъ семей (недѣлившихся), мы приведемъ еще слѣдующія цифры изъ помѣщенной раньше таблицы:

Группы семей, не дѣлившихся за время съ 1894 по 1897 г. и оставшихся на родинѣ:	Число семей въ 1894 г.		Число семей въ 1897 г.		Прибыль или убыль дворовъ по группамъ.	
	Абсолютн.	Въ %%.	Абсолютн.	Въ %%.	Абсолютн.	Въ %%% разн.
Съ неполнымъ рабочимъ составомъ	498	8,0	552	8,9	+54	+0,9
„ 1 работникомъ м. п.	3703	59,7	3422	55,1	—281	—4,6
„ 2 „ „ „	1558	25,1	1649	26,6	+91	+1,5
„ 3 и болѣе работниками м. п.	449	7,2	585	9,1	+136	+2,2
Итого.	6208	100,0	6208	100,0	—	—

Среди недѣлившихся семей имѣли мѣсто, такимъ образомъ, слѣдующія явленія: замѣтное возростаніе количества многорабочихъ семей, нѣкоторое увеличеніе числа семей съ неполнымъ рабочимъ составомъ и сокращеніе количества семей съ 1 работникомъ муж. пола; первымъ было полностью покрыто сокращеніе группы многорабочихъ семей вслѣдствіе раздѣловъ, вторымъ — частью пополнена убыль слабѣйшей категоріи семей отъ вымиранія и проч. (въ другой же части эта убыль была пополнена,—какъ видно изъ приведенныхъ выше цифръ,—группою дѣлившихся семей) и третьимъ—уравновѣшено возростаніе числа одноробочихъ семей, обусловленное раздѣлами крупныхъ семей [1]). Въ конечномъ результатѣ,—какъ можно видѣть изъ итоговыхъ цифръ таблицы, помѣщенной на стр. 34,—количественныя соотношенія между группами семей, установленными по обезпеченности ихъ рабочими силами, оказываются почти тождественными какъ въ 1894 г., такъ и въ 1897 г. Нѣкоторая разница въ процентныхъ отношеніяхъ, наблюдаемая при сравненіи цифръ за эти годы, не выходитъ и здѣсь (какъ и по отношенію къ средней величинѣ семьи) за предѣлы того, что можетъ быть отнесено на долю неодинаковыхъ пріемовъ регистраціи и вліянія причинъ болѣе или менѣе случайныхъ. Иначе говоря, мы здѣсь имѣемъ яркій примѣръ болѣе или менѣе полной неизмѣнности общаго положенія или общей картины при наличности весьма значительныхъ, разнообразныхъ и противоположныхъ по направленію процессовъ или явленій „молекулярнаго“ характера.

Итакъ, въ разсматриваемомъ районѣ, за время съ 1894 по 1897 г., средняя величина наличной крестьянской семьи и группировка семей по рабочему составу (а слѣдовательно—и по общему числу душъ въ нихъ) не потерпѣли сколько-нибудь существенныхъ измѣненій, не смотря на довольно „частые“ семейные раздѣлы въ теченіе того же періода времени. Однако, 3-лѣтній промежутокъ, быть можетъ, слишкомъ незначителенъ, чтобы въ теченіе его могла быть обнаружена признаваемая едва ли не всѣми тенденція крестьянской семьи къ постепенному мельчанію. Поэтому и принимая въ соображеніе важность даннаго вопроса, мы обратимся къ обзору другихъ, имѣю-

[1]) Частью возростаніе числа однорабочихъ семей было парализовано уходомъ извѣстной доли ихъ на сторону.

щихся въ настоящее время, данныхъ по тому же предмету, хотя, къ сожалѣнію, данныя эти представляются крайне ограниченными.

За періодъ времени съ 1884 по 1894 г. по Петровскому уѣзду не представляется возможнымъ сдѣлать точное сравненіе средней величины *наличной* семьи, такъ какъ при разработкѣ переписи 1884 г. населеніе отсутствующихъ семей не выдѣлялось въ особую категорію, хотя самое число такихъ семей и сосчитывалось отдѣльно. Беря поэтому для сравненія цифры относительно всего приписного населенія (наличнаго и отсутствующаго вмѣстѣ) за указанные годы, мы получимъ слѣдующіе результаты:

Годы переписей:	По всему уѣзду.			По району изъ 6 волостей.		
	Число всѣхъ приписныхъ семей съ извѣстнымъ составомъ.	Душъ об. пола въ нихъ.	Среднее число душъ на 1 семью.	Число всѣхъ приписныхъ семей съ извѣстнымъ составомъ.	Душъ об. пола въ нихъ.	Среднее число душъ на 1 семью.
1884 г.	33249	185533	$5,_{58}$	7298	39105	$5,_{36}$
1894 г.	35667	207583	$5,_{82}$	7631	42664	$5,_{59}$
Разность въ величинѣ семьи между 1884 и 1894 г. г.		$+0,_{24}$				$+0,_{23}$

Мы видимъ здѣсь, какъ по изучаемому району, такъ и по всему уѣзду, не сокращеніе, а, наоборотъ, довольно значительное возростаніе средней величины крестьянской семьи (на $0,_{23}$—$0,_{24}$ души об. п.). Однако, въ данномъ случаѣ взяты лишь семьи съ извѣстнымъ составомъ, тогда какъ составъ значительнаго числа живущихъ на сторонѣ семей не могъ быть опредѣленъ при переписи, при чемъ количество такихъ семей было неодинаково въ 1884 и 1894 гг.: при первой переписи остался неизвѣстнымъ составъ 415 семей, а въ 1894 г.—1041 [1]). Но такъ какъ по даннымъ 1894 г. представляется возможнымъ особо установить среднюю величину отсутствующей и наличной семьи (по свѣдѣніямъ о наличныхъ семьяхъ и о тѣхъ отсутствующихъ, составъ которыхъ могъ быть приведенъ въ извѣстность), то мы можемъ приблизительно опредѣлить, во-первыхъ, численность всего населенія въ отсутствующихъ семьяхъ за оба года и, во-вторыхъ, численность населенія въ наличныхъ семьяхъ 1884 г., а затѣмъ уже вычислить и средніе размѣры приписной и наличной семьи за оба года (приводимъ цифры лишь для всего уѣзда [2]):

---

[1]) Большее количество семей съ неизвѣстнымъ составомъ въ 1894 году объясняется тѣмъ, что при переписи этого года принято было за правило записывать составъ отсутствующихъ семей лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ могъ быть опредѣленъ крестьянами достаточно точно.

[2]) Величина отсутствующей семьи въ 1894 году опредѣлилась въ $3,_{06}$ души обоего пола. Примѣненіе этой цифры къ 1884 году можетъ считаться вполнѣ допустимымъ въ виду того, что средній составъ отсутствующихъ семей вообще представляется, при болѣе или менѣе сходныхъ условіяхъ, довольно опредѣленнымъ и устойчивымъ. Такъ въ Петровскомъ уѣздѣ, по переписи 1894 года, средняя величина такой семьи у 3-хъ главныхъ разрядовъ крестьянъ (собственниковъ, б. государственныхъ и дарственниковъ) оказалась равною: $3,_{037}$, $3,_{055}$ и $3,_{085}$ души обоего пола; число женщинъ на 100 мужчинъ=$80,_0$, $78,_7$, и $80,_7$ и т. д. Въ другихъ сосѣднихъ уѣздахъ, по переписи 1885—86 гг., средняя величина отсутствующей семьи равнялась: въ Кузнецкомъ—$3,_{28}$ души об. п., въ Сердобскомъ—$3,_{30}$, въ Вольскомъ—$3,_{13}$ и въ Хвалынскомъ—$3,_{48}$ (при колебаніяхъ средней величины наличной семьи въ тѣхъ же уѣздахъ отъ $5,_{36}$ до $6,_{21}$ души об. п.).

Годы переписей:	Всѣ приписныя семьи:			Наличныя семьи:		
	Число семей.	Приблизит. число душъ об. п. въ нихъ.	Среднее число душъ на 1 семью.	Число семей.	Число душъ об. пола въ нихъ (для 1884 г.—приблизительно).	Среднее число душъ на 1 семью.
1884 г.	33655	186803	$5_{,55}$	30467	177048	$5_{,81}$
1894 г.	36708	210768	$5_{,74}$	32671	198417	$6_{,07}$
Абсолютная прибыль. .	+3053	+23965	$+0_{,19}$	+2204	+21369	$+0_{,26}$
Прибыль въ %% . . .	$+9_{,07}$%	$+12_{,83}$%	$+3_{,4}$%	$+7_{,23}$%	$+12_{,07}$%	$+4_{,5}$%

Такимъ образомъ, и при внесеніи поправки, устраняющей вліяніе неодинаковаго % семей съ неизвѣстнымъ составомъ при 2 переписяхъ, обнаруживается тотъ же фактъ замѣтнаго возростанія средней величины семьи. Между тѣмъ, за отдѣляющій ихъ 10-лѣтній промежутокъ времени число приписныхъ семей относительно возросло болѣе чѣмъ на 9%, а абсолютно — на 3050; иначе говоря, за этотъ періодъ времени раздѣлились свыше 3000 или болѣе 9% существовавшихъ въ началѣ 10-лѣтія 33655 семей, а изъ оказавшихся въ 1894 г. 36708 семей свыше 6000 или не менѣе $^1/_6$ должны были принадлежать къ числу участвовавшихъ въ раздѣлахъ послѣдняго 10-лѣтія. Такое количество раздѣловъ не можетъ быть названо малымъ, и, тѣмъ не менѣе, его оказалось, повидимому, недостаточно даже для того, чтобы дробленіе семей шло равномѣрно съ приростомъ самого населенія: послѣднее возросло за то же время почти на 13%, и, чтобы средняя величина семьи осталась тою же, какою была въ 1884 г., въ послѣдующія 10 лѣтъ должно было бы произойти еще значительное количество раздѣловъ (до 1250), отъ осуществленія которыхъ населеніе, повидимому, хотя частью воздержалось. Еще большею оказывается при этомъ разница между приростомъ числа семей ($7_{,23}$%) и количества населенія ($12_{,07}$%), если взять не все приписное, а лишь одно наличное населеніе (вычисленное, впрочемъ, для 1884 г. въ предположеніи неизмѣнности средней величины отсутствующей семьи).

Нельзя, конечно, утверждать, что указываемая переписями 1884 и 1894 гг. разница въ величинѣ семьи *въ полномъ размѣрѣ* соотвѣтствовала дѣйствительности, а не зависѣла частью отъ неодинаковости пріемовъ регистраціи населенія при той и другой переписи; но, въ то же время, эта разница слишкомъ значительна, чтобы представлялось возможнымъ объяснить ее всецѣло разницею въ регистраціи. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ представляетъ важность не столько *увеличеніе* средняго размѣра семьи за время съ 1884 по 1894 г., сколько фактъ *отсутствія* какого-либо *сокращенія его;* въ наличности же такого факта приведенныя данныя не оставляютъ никакого сомнѣнія.

Общая величина семьи, однако, не можетъ считаться *точнымъ* мѣриломъ относительной интенсивности семейныхъ дѣлежей, такъ какъ въ нее входятъ наполовину малолѣтки, старики и проч., а потребность въ обособленіи и реализація его возможны почти исключительно лишь для взрослаго ра-

ботоспособнаго населенія. Поэтому, если бы за извѣстный періодъ времени средняя величина семьи, напримѣръ, почти не измѣнилась (или даже нѣсколько увеличилась), а въ то же время составъ самого населенія измѣнился такимъ образомъ, что % работоспособной части его замѣтно сократился, то все-таки могло бы оказаться, что дробленіе семей въ данномъ случаѣ шло быстрѣе прироста *взрослаго* населенія и что семьи стали нѣсколько мельче по своему рабочему составу.

Необходимо замѣтить, что данныя по Петровскому уѣзду даютъ нѣкоторое основаніе для предположенія о перемѣнѣ въ возрастномъ составѣ населенія къ 1894 году именно въ указанномъ сейчасъ направленіи. Дѣйствительно, по переписи 1884 г., мужчины въ рабочемъ возрастѣ составляли 51,7% всего мужского населенія приписныхъ семей съ извѣстнымъ составомъ, а въ 1894 г.—только 50,1%; за вычетомъ солдатъ на дѣйствительной службѣ и калѣкъ, мужчины-работники составляли въ 1884 г. 49,7% мужского населенія и 24,8% населенія обоего пола, а въ 1894 г.—только 47,0% и 23,8%; точно также % женщинъ-работницъ понизился за это время съ 51,3% до 50,5%. Трудно, однако, допустить, чтобы въ дѣйствительности въ разсматриваемомъ уѣздѣ могли произойти такія значительныя измѣненія въ возрастномъ составѣ населенія, возможныя вообще лишь въ періоды или особенно повышеннаго естественнаго прироста населенія, или повышенной смертности среди рабочей части его, или, наконецъ, значительныхъ выселеній на сторону. Послѣднее предположеніе устраняется тѣмъ, что наши данныя относятся не къ одному наличному, а ко всему приписному населенію, считая и отсутствующее; случаевъ же полнаго выселенія изъ уѣзда, съ перечисленіемъ по мѣсту новаго жительства, за время съ 1884 по 1894 г. въ уѣздѣ почти не было; поэтому нѣкоторое вліяніе на пониженіе % лицъ въ рабочемъ возрастѣ могло имѣть лишь большее въ 1894 г. число семей съ неизвѣстнымъ составомъ изъ числа отсутствующихъ, т.-е. изъ числа семей, характеризующихся вообще высокимъ % лицъ въ указанномъ возрастѣ, но вліяніе одного этого обстоятельства, конечно, не могло быть значительнымъ и при томъ оно относится уже къ области не дѣйствительныхъ измѣненій въ населеніи, а его регистраціи. Особенно повышенный естественный приростъ населенія въ уѣздѣ за 10-лѣтіе съ 1884 по 1894 г. также едва ли можетъ быть допущенъ, особенно, если принять въ соображеніе неурожайные годы въ концѣ этого 10-лѣтія и обусловленное ими сильное потрясеніе экономическаго положенія мѣстныхъ крестьянъ. Наконецъ, нѣсколько усиленная смертность среди рабочей части населенія могла быть въ данномъ случаѣ обусловлена лишь холерною эпидеміею 1892 г., поражавшею, насколько извѣстно, чаще всего лицъ рабочаго возраста; но опредѣлить точные размѣры вліянія этой эпидеміи мы не имѣемъ возможности.

Наиболѣе вѣроятными *главными* причинами болѣе высокаго % въ 1884 г. рабочей части населенія должны, повидимому, считаться слѣдующія двѣ особенности самой переписи указаннаго года: 1) при переписи 1884 г. (какъ и 1897 г.) составъ отдѣльныхъ семей устанавливался огульнымъ опросомъ о числѣ всѣхъ душъ мужского пола и всѣхъ душъ женскаго пола, при чемъ опытъ показываетъ, что при такомъ способѣ опроса крестьяне нерѣдко забываютъ включать въ общій счетъ нѣкоторыхъ малолѣтковъ, дряхлыхъ стариковъ и т. п. членовъ семьи; между тѣмъ, при переписи 1894 г. составлялся по каждому двору полный списокъ членовъ семьи, при чемъ, конечно, пропускъ кого-либо изъ нихъ былъ возможенъ лишь въ совершенно исключительныхъ случаяхъ; вслѣдствіе этого, въ 1894 г. учетъ нерабочей части на-

селенія долженъ былъ имѣть большую точность, чѣмъ въ 1884 г., а слѣдовательно долженъ былъ, во-первыхъ, нѣсколько понизиться % взрослаго рабочаго населенія и, во-вторыхъ, оказаться нѣсколько повышеннымъ общій составъ семьи [1]), и 2) число работниковъ и работницъ въ 1884 году также опредѣлялось огульнымъ опросомъ о томъ, сколько ихъ считается самимъ домохозяиномъ въ его семьѣ, тогда какъ въ 1894 г. отмѣчался путемъ опроса лишь возрастъ каждаго лица и, затѣмъ, въ число работниковъ и работницъ зачислялись всѣ лица отъ 18 до 60 л. для мужчинъ и отъ 16 до 55 лѣтъ для женщинъ, за исключеніемъ калѣкъ, солдатъ на дѣйствительной службѣ и т. п.; хотя счетъ рабочихъ силъ, примѣняемый самими крестьянами, въ общемъ, очень близко подходитъ къ указанному сейчасъ возрастному дѣленію, однако, вполнѣ совпадать съ нимъ онъ, конечно, не можетъ, особенно— для группы маломощныхъ семей, въ которыхъ нерѣдко единственными фактическими работниками являются лица или еще нѣсколько не достигшія обычнаго рабочаго возраста, или уже вышедшія изъ него.

Такимъ образомъ, изложенныя причины, преимущественно регистраціоннаго характера, должны были, съ одной стороны, дать нѣсколько преувеличенную разницу въ общей величинѣ семьи по переписямъ 1884 и 1894 гг. (въ пользу послѣдняго года), а, съ другой стороны, — понизить для 1894 г. % рабочей части населенія ко всему населенію. При наличности послѣдняго обстоятельства пріобрѣтаетъ особенно важное значеніе тотъ фактъ, что въ 1894 г. среднее количество работниковъ и работницъ на 1 приписную семью оказывается, тѣмъ не менѣе, не сократившимся, а скорѣе также нѣсколько увеличившимся:

Годы переписей.	Среднее число на 1 приписную семью (съ извѣстнымъ составомъ):		
	Работниковъ.	Работницъ.	Тѣхъ и другихъ вмѣстѣ.
1884 г.	1,38	1,44	2,82
1894 г.	1,39	1,48	2,87

[1]) Такимъ образомъ, указанное выше возростаніе общей величины семьи по переписи 1894 г. по сравненію съ 1884 г. должно быть признано болѣе или менѣе преувеличеннымъ, хотя (какъ отмѣчено тамъ же) *все* это возростаніе едва ли можетъ быть отнесено на счетъ причинъ регистраціоннаго характера.

Приблизительно то же показываютъ и данныя о группировкѣ семей по количеству мужчинъ-работниковъ:

Годы переписей.	Распредѣленіе по числу мужчинъ-работниковъ:									
	Приписп. семей съ извѣстн. состав.:					Всѣхъ приписныхъ семей: [1])				
	Безъ работника.	Съ 1 работ.	Съ 2 работ.	Съ 3 работ.	Съ 4 и болѣе работ.	Безъ работника.	Съ 1 работ.	Съ 2 работ.	Съ 3 работ.	Съ 4 и болѣе работ.
Въ абсолютныхъ цифрахъ:										
1884 г.	2369	19602	8237	2399	633	2409	19910	8290	2411	635
1894 г.	2687	20733	8935	2613	699	2786	21506	9069	2642	705
Въ процентахъ:										
1884 г.	7,1	59,0	24,8	7,2	1,9	7,2	59,1	24,6	7,2	1,9
	66,1					66,3				
1894 г.	7,5	58,1	25,1	7,3	2,0	7,6	58,6	24,7	7,2	1,9
	65,6					66,2				

Такимъ образомъ, по всему Петровскому уѣзду,—считая при томъ и наличное, и отсутствующее населеніе, и уже за 10-лѣтній періодъ времени,—мы получаемъ, въ конечномъ результатѣ, приблизительно ту же картину, какая раньше была получена по 6 волостямъ того же уѣзда по отношенію къ наличному только населенію и лишь за 3-лѣтній періодъ времени: въ результатѣ всѣхъ перемѣнъ въ составѣ отдѣльныхъ семей, многочисленныхъ раздѣловъ однѣхъ семей, вымиранія и распаденія другихъ и т. д., средняя величина семьи оказывается или неизмѣнившеюся, или, скорѣе, нѣсколько повысившеюся, а группировка семей по работникамъ мужского пола по обѣимъ переписямъ оказывается также почти тождественною [2]). Иначе говоря, данныя по Петровскому уѣзду указываютъ на большую устойчивость (или даже на тенденцію къ нѣкоторому повышенію) установившейся здѣсь средней величины семьи и *соотвѣтствующей ей* группировки семей по рабочему (а слѣдовательно—и общему) составу, при наличности постоянныхъ, весьма значительныхъ и разнообразныхъ измѣненій въ составѣ отдѣльныхъ семей, частыхъ случаевъ дробленія послѣднихъ и проч., — устойчивость, являющуюся слѣдствіемъ болѣе или менѣе полнаго соотвѣтствія между общимъ приростомъ

---

[1]) Здѣсь отсутствующія семьи съ неизвѣстнымъ составомъ распредѣлены по группамъ пропорціонально распредѣленію по тѣмъ же группамъ въ 1894 году отсутствующихъ семей съ извѣстнымъ составомъ (среди послѣднихъ было: семей безъ работника—9,5%, съ 1 работникомъ—74,2%, съ 2 работниками—12,9%, съ 3-мя—2,8% и съ 4-мя и болѣе—0,6%.

[2]) Небольшому возрастанію группы семей безъ работника не можетъ быть придаваемо какое-либо существенное значеніе, такъ какъ именно на этой группѣ должна была особенно сказаться разница въ регистраціи рабочаго населенія: въ маломощныхъ семьяхъ, какъ указывалось раньше, должны быть особенно часты случаи, когда единственными фактическими работниками являются лица или еще не достигшія, или уже вышедшія изъ рабочаго возраста; очевидно, что при переписи 1884 г. такія семьи должны были попадать въ число семей съ 1 работникомъ, а въ 1894 году—въ число семей безъ работника; поэтому правильнѣе для сравненія брать обѣ эти группы вмѣстѣ.

числа семей и общимъ приростомъ самого населенія (особенно взрослаго или рабочаго).

Весьма важнымъ представляется вообще ясно установить тотъ элементарный фактъ, что „частость“ или *многочисленность семейныхъ раздѣловъ* (какъ абсолютная, такъ даже и относительная — по сравненію съ *численностью* населенія) и *„измельчаніе“ крестьянскихъ семей* далеко *не представляютъ чего-либо неразрывно между собою связаннаго и другъ другу непремѣнно сопутствующаго.* Вообще говоря, *количество* семейныхъ *раздѣловъ стоитъ* всегда *въ прямой связи съ быстротою роста населенія*, являясь лишь иною формою проявленія этого роста: гдѣ приростъ населенія великъ, тамъ и раздѣлы бываютъ часты, хотя параллельно съ этимъ можетъ итти даже нѣкоторое „укрупнѣніе“, а не мельчаніе крестьянскихъ семей; наоборотъ, гдѣ приростъ населенія незначителенъ, тамъ и семейные раздѣлы представляютъ рѣдкое явленіе, а средняя величина семьи при этомъ можетъ, тѣмъ не менѣе, сокращаться. Словомъ, здѣсь все зависитъ *прежде всего* отъ того или иного *соотношенія* между количествомъ раздѣловъ и приростомъ населенія (а затѣмъ и числомъ вымирающихъ, распадающихся и т. д. семей). Но и при отсутствіи общаго прироста населенія нельзя, однако, предположить полнаго отсутствія раздѣловъ: при такомъ положеніи все-таки извѣстное число отдѣльныхъ семей неизбѣжно переростаютъ обычную норму и дѣлятся, а другія семьи, наоборотъ, вымираютъ, соединяются и т. д.; отъ соотношенія между числомъ первыхъ и послѣднихъ семей и будетъ зависѣть то или иное измѣненіе средней величины семьи при неизмѣнной численности самого населенія (при убыли же его должны имѣть значеніе и размѣры этой убыли).

Въ дѣйствительности, частымъ семейнымъ раздѣламъ обыкновенно сопутствуетъ не относительно меньшая, а, напротивъ, относительно большая средняя величина семьи, тогда какъ при рѣдкихъ раздѣлахъ чаще всего наблюдается именно относительно меньшая величина ея, что представляется вполнѣ понятнымъ. Во-первыхъ, въ мѣстностяхъ или разрядахъ населенія съ большимъ приростомъ послѣдняго (и потому—съ частыми раздѣлами) бываетъ всегда выше % нерабочаго населенія (дѣтей и стариковъ), и уже одно это должно обусловливать относительно большую *общую* величину семьи (т.-е. большее число *всѣхъ* душъ об. п. на 1 семью). Во-вторыхъ же, въ такихъ случаяхъ и рабочій составъ семей чаще всего долженъ быть относительно повышеннымъ, вслѣдствіе большаго количества семей, переростающихъ въ извѣстный промежутокъ времени обычную норму рабочаго состава. Какъ уже выяснено раньше, въ каждой мѣстности въ каждый данный моментъ имѣются семьи, во-первыхъ,—сокращающіяся по составу и постепенно вымирающія, присоединяющіяся къ другимъ и т. д., во-вторыхъ,—остающіяся болѣе или менѣе неизмѣнными по величинѣ и, въ-третьихъ,—постепенно ростущія. Чѣмъ выше общій приростъ населенія, тѣмъ больше должно быть количество семей послѣдней категоріи и тѣмъ болѣе интенсивно долженъ совершаться ростъ значительной части ихъ, а слѣдовательно должно относительно повышаться среди даннаго населенія число сравнительно крупныхъ семей и понижаться число мелкихъ, причемъ, очевидно, и большій % крупныхъ семей имѣетъ шансы удержаться въ достигнутомъ ими положеніи безъ немедленнаго раздробленія или быть даже вынужденнымъ временно воздержаться отъ такого раздѣла. Напротивъ, при маломъ приростѣ населенія должно быть больше количество неизмѣняющихся или даже сокращающихся по величинѣ семей и сравнительно ограниченно число ростущихъ семей, вслѣдствіе чего долженъ понижаться % крупныхъ и повышаться % мелкихъ единицъ и должно умень-

шаться число случаевъ болѣе продолжительнаго существованія крупныхъ семей, являющихся при такихъ условіяхъ вообще какъ бы исключеніями.

Все сейчасъ изложенное можетъ быть иллюстрировано, напримѣръ, слѣдующими данными по одному изъ главныхъ разрядовъ крестьянъ Петровскаго уѣзда, а именно — по разряду крестьянъ собственниковъ изъ бывшихъ помѣщичьихъ:

Группы общинъ съ приростомъ или убылью приписного населенія за время съ 1884 г. по 1894 г.	Среднія цифры прироста или убыли всего населенія по каждой группѣ за 10 л.	Средній приростъ (или убыль) муж.-работниковъ по каждой группѣ за 10 л.	Срел. приростъ или убыль числа семей по каждой группѣ за 10 л.	Средн. число душъ об. п. на 1 семью:		Средн. число мужчинъ работн. на 1 семью:		% семей въ каждой группѣ: Безъ работника.		Съ 2 и бол. работник.	
				1884 г.	1894 г.	1884 г.	1894 г.	1884 г.	1894 г.	1884 г.	1894 г.
Съ убылью населенія . . .	— 6,7	— 2,9	— 3,5	5,07	4,90	1,22	1,23	10,5	11,9	27,2	27,2
„ прибылью до 5% . . .	+ 2,8	+ 1,9	— 2,0	5,04	5,29	1,20	1,21	10,8	10,2	27,3	27,9
„ приб. отъ 5 до 10% .	+ 8,3	+ 5,5	+ 3,7	5,25	5,18	1,28	1,31	9,0	9,2	28,7	31,0
„ „ „ 10 „ 15% .	+12,1	+11,0	+ 8,3	5,36	5,55	1,31	1,34	8,0	8,4	30,8	32,4
„ „ „ 15 „ 20% .	+17,5	+10,3	+11,4	5,45	5,75	1,37	1,36	6,3	7,2	33,3	32,3
„ „ „ 20 „ 25% .	+22,2	+13,4	+16,4	5,57	5,86	1,38	1,35	5,3	7,4	32,6	34,2
„ „ свыше 25% . . .	+29,9	+23,3	+23,1	5,63	5,91	1,40	1,40	5,9	5,9	33,9	33,6

Мы видимъ здѣсь,— несмотря на нѣкоторыя частныя отклоненія, неизбѣжныя при принятой дробной группировкѣ данныхъ,—слѣдующія соотношенія между разсматриваемыми явленіями: 1) прибыль (или убыль) числа семей, а слѣдовательно и количество семейныхъ раздѣловъ, возростаютъ, въ общемъ, параллельно съ приростомъ (или убылью) населенія и, особенно, работниковъ, хотя, въ большинствѣ случаевъ, они и отстаютъ отъ этого прироста (какъ это наблюдается и для всего уѣзда); въ послѣдней группѣ при этомъ, напр., наблюдается громадное для 10-лѣтняго періода возростаніе числа семей на 23% [1]), но такое возростаніе его оказывается лишь соотвѣтствующимъ такому же приросту мужского рабочаго населенія и еще большему приросту всего населенія, вслѣдствіе чего въ этой группѣ общая величина семьи даже увеличилась, а рабочій составъ семей, въ конечномъ результатѣ, остался безъ перемѣны (превышеніе прибыли числа семей надъ прибылью числа работниковъ наблюдается только въ 2 предпослѣднихъ группахъ, въ которыхъ большой приростъ населенія выразился пока, очевидно, главнымъ образомъ въ

[1]) Что означаетъ, что въ общинахъ этой группы за 10 лѣтъ раздѣлились до $1/4$ доли всѣхъ семей, существовавшихъ въ началѣ 10-лѣтія, а изъ семей, существовавшихъ въ концѣ его, до $1/2$ принадлежали къ числу участвовавшихъ или образовавшихся путемъ раздѣловъ въ теченіе послѣдняго 10-лѣтія.

прибыли нерабочихъ элементовъ населенія или женщинъ), и 2) общая величина семьи и число работниковъ на 1 семью по даннымъ за оба года возростаютъ по группамъ по мѣрѣ перехода отъ общинъ съ убылью населенія къ общинамъ съ наибольшимъ приростомъ его, при чемъ въ томъ же направленіи возростаетъ % семей съ 2 и болѣе работниками и падаетъ % семей безъ работниковъ; при этомъ весьма характерно то обстоятельство, что сокращеніе общей величины семьи наблюдается именно лишь въ группѣ съ убылью населенія и общаго числа семей [1]).

Отмѣченная сейчасъ прямая связь величины семьи съ интенсивностью роста населенія [2]) (которой сопутствуетъ и соотвѣтствующая интенсивность семейныхъ раздѣловъ), и, съ другой стороны, наблюдаемая наряду съ этимъ тенденція величины семьи къ обычной въ данной мѣстности или группѣ населенія нормѣ [3]), не менѣе наглядно обнаруживаются и въ томъ случаѣ, если мы въ основу группировки общинъ положимъ среднюю величину семьи въ каждой изъ нихъ по переписи 1884 г. Слѣдуетъ замѣтить, что средняя величина семьи по отдѣльнымъ общинамъ,—если даже отбросить мелкія общины (напр., тѣ изъ нихъ, которыя заключаютъ въ себѣ не свыше 25 семей), какъ дающія слишкомъ случайныя цифры,—во всякій данный моментъ представляетъ уже довольно значительныя колебанія: такъ, у крестьянъ собственниковъ Петровскаго уѣзда по отдѣльнымъ общинамъ средній размѣръ семьи въ 1884 г. колебался между $4_{,32}$ и $6_{,69}$ душъ об. п. и въ 1894 г.—между $4_{,46}$ и $6_{,64}$, у крестьянъ дарственниковъ въ 1884 г.—отъ $4_{,21}$ до $6_{,34}$ и въ 1894 г. — отъ $4_{,26}$ до $7_{,08}$ и у крестьянъ быв. государственныхъ въ 1884 г.—отъ $4_{,37}$ до $7_{,31}$ и въ 1894 г.—отъ $4_{,27}$ до $7_{,65}$. Далѣе, и при сравненіи средней величины семьи въ 1884 и 1894 гг. по отдѣльнымъ общинамъ уже не наблюдается однообразія въ характерѣ ея измѣненій; такъ, изъ 266 общинъ, заключающихъ въ себѣ не менѣе 25 семей, средняя величина семьи увеличилась за время съ 1884 по 1894 г. въ 161 общинѣ, осталась почти безъ перемѣны (измѣнившись въ ту или другую сторону не болѣе какъ на $0_{,05}$ души об. пола)—въ 34 общинахъ и сократилась въ 72 [4]).

Беря 3 главныхъ разряда крестьянъ въ уѣздѣ (собственниковъ, дарственниковъ и быв. государственныхъ) и отбрасывая мордовскія селенія (какъ характеризующіяся вообще болѣе крупными семьями и потому попадающія

---

[1]) Приведенная таблица представляетъ и нѣкоторыя другія любопытныя детали; но мы не будемъ на нихъ останавливаться, чтобы не отвлекаться слишкомъ далеко въ сторону, тѣмъ болѣе, что неполная сравнимость переписей 1884 и 1894 гг. дѣлаетъ нѣсколько рискованными обобщенія слишкомъ частнаго характера.

[2]) Эта связь уже неоднократно констатировалась земскими статистиками. „Средній размѣръ семьи,—говоритъ, напр., г. Щербина,—уменьшается по мѣрѣ уменьшенія прироста населенія у разныхъ разрядовъ крестьянъ. И это отчасти понятно. Разъ приростъ населенія оказывается уменьшившимся къ общей суммѣ населенія, онъ естественно долженъ быть такимъ и въ тѣхъ ячеичныхъ формахъ, изъ которыхъ складывается эта сумма,—въ семьяхъ. Что соотношеніе этого рода дѣйствительно существуетъ между приростомъ населенія и размѣромъ семьи, это можно подтвердить конкретными примѣрами“ (Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Воронежской губ.“, т. I, стр. 43—44).

[3]) Несомнѣнное существованіе такой тенденціи (проявляющейся въ разсматриваемой здѣсь формѣ) также нерѣдко отмѣчалась въ трудахъ земскихъ статистиковъ, особенно—въ „Сборникахъ“ по Казанской губ., отчасти по Вятской, Саратовской и др.

[4]) Размѣры увеличенія семьи въ первой группѣ и сокращенія ея въ послѣдней можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ:

почти цѣликомъ въ одну высшую группу), получимъ слѣдующія цифры при группировкѣ остальныхъ 232 общинъ по величинѣ семьи, бывшей въ 1884 г.:

Группы общинъ съ среднею величиною семьи въ 1884 г.:	Число общинъ.	Приростъ населенія къ 1894 году.	Приростъ числа семей къ 1894 году.	Число общинъ, въ которыхъ средняя величина семьи за 10 лѣтъ[1]):		% общинъ, въ котор. средн. велич. семьи за 10 лѣтъ:		Средняя величина семьи по группамъ общинъ:		Разность въ величинѣ семьи за 2 г. (увеличен. или сокращ. къ 1894 г.).
				Увеличил.	Уменьшил.	Увеличил.	Уменьшил.	Въ 1884 г.	Въ 1894 г.	
До 5 душъ об. пола . .	57	8,8	3,9	47	10	82,5	17,5	4,74	4,97	+0,23
Отъ 5,01 до 5,50 д. об. п.	74	8,8	6,2	54	18	73,0	24,3	5,32	5,42	+0,10
Отъ 5,51 до 6 д. об. п. .	67	11,6	10,7	32	33	47,8	49,3	5,70	5,75	+0,05
Свыше 6 д. об. п. . . .	34	14,2	16,0	13	21	38,2	61,8	6,25	6,15	—0,10

По мѣрѣ перехода отъ группъ съ наименьшею среднею величиною семьи въ 1884 г. къ группамъ съ наибольшимъ семейнымъ составомъ, приростъ населенія до 10 лѣтъ повышается съ 8,8 до 14,2 %. Но весьма важно то обстоятельство, что приростъ числа семей (т.-е. и количество семейныхъ раздѣловъ) измѣняется въ томъ же направленіи гораздо сильнѣе, а именно— отъ 3,9 до 16,0 %. Составляя въ группѣ тѣхъ общинъ, въ которыхъ величина семьи въ 1884 г. была минимальною, менѣе половины прироста душъ обоего пола (3,9 % противъ 8,8 %), въ слѣдующей группѣ приростъ числа семей равняется уже $^3/_4$ прибыли населенія, въ третьей—почти сравнивается съ нимъ, а въ четвертой—уже замѣтно обгоняетъ его. Иначе говоря, при неизбѣжно являющихся въ такихъ мелкихъ территоріальныхъ единицахъ, какъ

Размѣры увеличенія средней величины семьи за 10 л.	Число общинъ.	Размѣры сокращенія средней величины семьи за 10 лѣтъ.	Число общинъ.
На 0,06—0,15 души об. пола . . .	18	На 0,06—0,15 души об. пола . . .	21
„ 0,16—0,25 „ „ „ . . .	23	„ 0,16—0,25 „ „ „ . . .	14
„ 0,26—0,35 „ „ „ . . .	30	„ 0,26—0,35 „ „ „ . . .	8
„ 0,36—0,45 „ „ „ . . .	22	„ 0,36—0,45 „ „ „ . . .	11
„ 0,46—0,55 „ „ „ . . .	20	„ 0,46—0,55 „ „ „ . . .	7
„ 0,56—0,65 „ „ „ . . .	16	„ 0,56—0,65 „ „ „ . . .	3
„ 0,66—0,75 „ „ „ . . .	12	„ 0,66—0,75 „ „ „ . . .	2
„ 0,76—1,00 „ „ „ . . .	15	„ 0,76—1,00 „ „ „ . . .	3
Свыше 1,00 „ „ „ . . .	6	Свыше 1,00 „ „ „ . . .	3
Итого . . .	161	Итого . . .	72

[1]) Сюда не включены 4 общины, въ которыхъ средняя величина семьи въ 1884 и 1894 гг. оказалась *совершенно* тождественною.

отдѣльныя земельныя общины, болѣе или менѣе значительныхъ отклоненіяхъ средней величины семьи отъ обычной при общихъ условіяхъ даннаго района нормы семейнаго состава, въ то-же время наблюдается тенденція къ нѣкоторому сглаживанію этихъ отклоненій въ ближайшее послѣдующее время,—къ заключенію колебаній этого состава въ болѣе узкія и нормальныя рамки, причемъ роль регулятора пріобрѣтаютъ преимущественно семейные раздѣлы (а также, несомнѣнно, процессы вымиранія, соединенія и т. д. наиболѣе мелкихъ семей). Очевидно, что при данныхъ общихъ условіяхъ мѣстности (или группы населенія), измельчаніе или, наоборотъ, укрупнѣніе семей даже въ отдѣльныхъ селеніяхъ не можетъ быть устойчивымъ явленіемъ, разъ оно переходитъ за извѣстные, довольно тѣсные, предѣлы. Если семейный составъ, въ среднемъ, значительно повышается въ теченіи извѣстнаго періода, то это означаетъ, что среди даннаго населенія повысилось количество болѣе крупныхъ семей и понизилось количество мелкихъ; а тѣмъ самымъ создается почва для большаго числа раздѣловъ и усиливается потребность въ нихъ въ одной части населенія и сокращается количество случаевъ вымиранія, соединенія и т. д. въ другой его части (вслѣдствіе самаго уменьшенія количества мелкихъ семей, среди которыхъ преимущественно и имѣютъ мѣсто подобныя явленія). Если, наоборотъ, средняя величина семьи значительно понизилась то, слѣдовательно, понизилось и относительное количество крупныхъ семей, а относительное количество мелкихъ семей, напротивъ, повысилось; естественными результатами этого являются въ ближайшее послѣдующее время уменьшеніе количества дѣлящихся семей и увеличеніе количества вымирающихъ, распадающихся и т. п. Въ обоихъ случаяхъ сильно отклонившаяся (благодаря какимъ либо временнымъ или случайнымъ обстоятельствамъ) отъ нормы величина семьи снова въ большей или меньшей степени приблизится къ ней. Такъ, возвращаясь къ приведенной сейчасъ табличкѣ, мы видимъ, что въ первой группѣ (съ наименьшею величиною семьи въ 1884 г.) дальнѣйшее сокращеніе семейнаго состава имѣло мѣсто въ послѣдующее 10-лѣтіе лишь въ $17^1/_2$% общинъ, а повышеніе его наблюдалось въ $82^1/_2$% ихъ; въ слѣдующей группѣ сокращеніе состава наблюдается уже въ $^1/_4$ части общинъ, въ третьей группѣ—въ $^1/_2$, а въ четвертой—болѣе чѣмъ въ $^3/_5$. Въ результатѣ этого, хотя послѣдовательность группъ по величинѣ семьи осталась въ 1894 г. тою-же, какою она была въ 1884 г., но разница между крайними группами уменьшилась съ $6,_{25}-4,_{74}=1,_{51}$ до $6,_{15}-4,_{97}=1,_{18}$ [1]).

Не входя здѣсь въ дальнѣйшее разсмотрѣніе данныхъ по Петровскому уѣзду, мы обратимся къ тѣмъ матеріаламъ по вопросу объ измѣненіяхъ величины крестьянской семьи во времени, какіе имѣются по другимъ мѣстностямъ. Прежде всего, вторичная краткая перепись 1897 года позволяетъ сдѣлать сравненіе средней величины *наличной* семьи въ этомъ году по сравненію съ 1885—86 гг. еще по 7 уѣздамъ Саратовской губ., по которымъ въ опубликованныхъ сводкахъ прежней земской переписи отсутствующее населеніе выдѣлялось въ особую категорію. При этомъ, однако, слѣдуетъ имѣть въ виду, что способы регистраціи наличнаго населенія (какъ всего, такъ и рабочаго) въ 1897 г. были въ этихъ уѣздахъ приблительно таковы-же, какъ способы регистраціи его въ Петровскомъ уѣздѣ въ 1884 г.; регистрація же въ нихъ населенія при переписи 1885—86 гг. производилась, наоборотъ,

---

[1]) Какъ мы видѣли, эта разница совершенно уничтожиться не можетъ, разъ имѣются на лицо крупныя различія въ быстротѣ роста населенія (не говоря о вѣроятномъ вліяніи другихъ условій).

порядкомъ, одинаковымъ съ принятымъ для Петровскаго уѣзда въ 1894 г. Иначе говоря, вслѣдствіе разницы въ пріемахъ регистраціи, въ этихъ уѣздахъ, напротивъ, при послѣдующей переписи (а не при предшествовавшей) общая величина семьи должна быть нѣсколько пониженною [1]), а количество работниковъ—скорѣе нѣсколько преувеличеннымъ. Кромѣ того, какъ было отмѣчено раньше, учетъ населенія (даже рабочаго) въ 1897 г. былъ и вообще менѣе точенъ, такъ какъ онъ не входилъ въ число важнѣйшихъ задачъ этой переписи.

УѢЗДЫ.	Число наличныхъ семей.		Прибыль числа налич. семей за 11—12 л.		Среднее число душъ об. п. на 1 нал. семью.		Среднее число муж. работниковъ на 1 наличн. семью [2]).	
	Въ 1885—86 гг.	Въ 1897 г.	Абсол.	Въ %%.	1885—86 гг.	1897 г.	1885—86 гг.	1897 г.
Камышинскій. . .	40159	42906	2747	6,8	6,55	6,25(?)	1,55	1,57
Балашовскій. . . .	37931	42442	4511	11,9	6,50	6,31	1,61	1,60
Сердобскій. . . .	29337	31476	2139	7,3	6,24	6,15	1,45	1,50
Аткарскій.	38399	41058	2659	6,9	6,12	6,00	1,47	1,51
Хвалынскій . . .	26956	29387	2431	9,0	5,85	5,69	1,39	1,42
Кузнецкій	23355	24288	933	4,0	5,74	6,01(?)	1,36	1,39
Вольскій.	24936	27527	2591	10,4	5,36	5,29	1,34	1,33
По 7 уѣздамъ . .	221073	239084	18011	8,1	6,12	6,00	1,47	1,49

Перепись 1897 г. даетъ здѣсь по большей части уѣздовъ и въ общемъ выводѣ по 7 уѣздамъ нѣсколько меньшую величину семьи, чѣмъ предъидущая перепись (а именно—на $0,_{07}$—$0,_{16}$ душ. об. пола, если не считать Камышинскій уѣздъ, по которому цифра населенія 1897 г. представляется весьма сомнительною, также какъ и по Кузнецкому уѣзду, въ которомъ приведенныя данныя показываютъ, наоборотъ, значительное возростаніе величины семьи); напротивъ, количество работниковъ на 1 семью по всѣмъ уѣздамъ по переписи 1897 г. оказывается или нѣсколько большимъ, или почти не-

[1]) Въ предисловіи къ сводкѣ переписи 1897 г. („Труды Ветеринарнаго Отдѣленія Саратовской Губернской Земской Управы", т. III, стр. II) говорится слѣдующее по этому поводу: „Очень вѣроятно, что перепись не выяснила всего наличнаго населенія. Рѣдкому хозяину сосѣди не напоминали, что онъ забылъ мальчишку или старуху. Опытъ всенародной переписи показываетъ, что точный учетъ населенія возможенъ только при поименной регистраціи всѣхъ членовъ каждой семьи; при переписи-же 1897 г. регистрировалось огульно число душъ каждаго пола. Поэтому надо полагать, что были пропуски особенно дѣтей, стариковъ и старухъ, что въ общемъ повліяло на полноту трактуемыхъ свѣдѣній".—Слѣдуетъ также отмѣтить, что въ бланкахъ для переписи 1897 г. не было особыхъ графъ для работниковъ и работницъ, а они должны были отмѣчаться въ видѣ знаменателей въ тѣхъ-же графахъ, въ которыхъ записывалось общее число мужчинъ и женщинъ; вслѣдствіе этого, наименѣе привычные регистраторы иногда совершенно забывали проставлять число работниковъ и работницъ. При подсчетѣ семьи съ такими пробѣлами сосчитывались, правда, особо, какъ семьи съ неизвѣстнымъ рабочимъ составомъ; но нѣкоторыя мелкія семьи могли въ такихъ случаяхъ быть приняты за лишенныя работниковъ и засчитаны въ число таковыхъ.

[2]) Безъ солдатъ на дѣйствительной службѣ, калѣкъ и т. п.

измѣнившимся. Изъ этого,—имѣя въ виду отмѣченныя выше различія въ способахъ и точности регистраціи населенія между обѣими переписями,—единственно возможнымъ выводомъ является тотъ, что и въ данномъ случаѣ величина семьи за 11—12-лѣтній періодъ времени не потерпѣла въ дѣйствительности сколько-нибудь существенныхъ измѣненій.

Изъ этого заключенія уже самъ собою вытекаетъ, въ сущности, и другой выводъ, а именно, что въ поименованныхъ уѣздахъ (обнимающихъ, вмѣстѣ съ Петровскимъ уѣздомъ, $^{8}/_{10}$ всей Саратовской губ.) и группировка отдѣльныхъ семей по работникамъ и вообще по своему составу не могла существенно измѣниться за разсматриваемый періодъ времени, а если и могла измѣниться, то, вѣроятно, въ сторону нѣкотораго повышенія количества многорабочихъ семей. Къ сожалѣнію, провѣрить на цифрахъ этотъ послѣдующій выводъ представляется возможнымъ лишь по одному Аткарскому уѣзду, данныя по которому, однако, вполнѣ его подтверждаютъ:

Распредѣленіе наличныхъ семей въ уѣздѣ по числу работниковъ м. п.:

Годы переписей.	Въ абсолютныхъ цифрахъ.					Въ процентахъ.				
	Безъ работниковъ.	Съ 1 раб.	Съ 2 раб.	Съ 3 раб.	Съ 4 и болѣе работн.	Безъ работниковъ.	Съ 1 раб.	Съ 2 раб.	Съ 3 раб.	Съ 4 и болѣе работн.
1884—86 г. . . .	2878	20768	10258	3357	1138	7,5	54,1	26,7	8,7	3,0
						61,6				
1897 г. [1])	3121	20909	11448	3996	1445	7,6	51,1	28,0	9,8	3,5
						58,7				

По остальнымъ 6 уѣздамъ даже приблизительно-точное сравненіе группировки семей по работникамъ не можетъ быть сдѣлано по той причинѣ, что въ опубликованной сводкѣ переписи 80-хъ годовъ семьи разгруппированы по числу всѣхъ мужчинъ рабочаго возраста, безъ исключенія калѣкъ, солдатъ на дѣйствительной службѣ и т. п. [2]), хотя, въ видѣ общихъ цифръ по цѣлымъ общинамъ, въ таблицахъ показывались отдѣльно, какъ число всѣхъ

---

[1]) Рабочій составъ 139 семей неизвѣстенъ, почему они въ разсчетъ не приняты. По соображеніямъ, изложеннымъ выше по отношенію къ Петровскому у., здѣсь также правильнѣе сравнивать за 2 періода группы семей безъ работника и съ 1 работникомъ вмѣстѣ, а не въ отдѣльности.

[2]) Это указывается г. Харизоменовымъ въ предисловіи къ „Своду стат. свѣд. по Саратовской губ.“, ч. I: при группировкѣ хозяйствъ „подъ работникомъ разумѣлся принадлежащій къ составу семьи мужчина въ возрастѣ отъ 18 до 60 лѣтъ включительно. Было бы правильнѣе, конечно, изъ числа мужчинъ рабочаго возраста исключить калѣкъ и солдатъ на службѣ, но это не дѣлалось изъ боязни усложнить подсчетъ (комбинаціонный) и въ виду того соображенія, что исключеніе такого незначительнаго числа работниковъ (5—6%) не можетъ повліять сколько-нибудь замѣтно на построеніе таблицъ и на конечные выводы“. Послѣднее, въ общемъ, вполнѣ справедливо; но для сравненія 2 переписей включеніе или невключеніе калѣкъ и солдатъ имѣетъ уже существенное значеніе, такъ какъ напр., въ 7 уѣздахъ по переписи 80-хъ годовъ такихъ лицъ въ рабочемъ возрастѣ насчитывалось 17676, тогда какъ весь приростъ числа мужчинъ работниковъ (безъ калѣкъ и солдатъ) со времени этой переписи до 1897 г. по тѣмъ-же уѣздамъ составлялъ 31247 человѣкъ.

мужчинъ рабочаго возраста, такъ и число ихъ за вычетомъ лицъ означенныхъ категорій; наоборотъ, при переписи 1897 г. солдаты и калѣки исключались изъ числа работниковъ уже во время самой регистраціи [1]). Вслѣдствіе этого, конечно, значительное количество семей по сводкѣ переписи 80-хъ годовъ должно было попасть въ высшія группы, чѣмъ въ какія онѣ относились при переписи 1897 г., и наоборотъ [2]).

По другимъ губерніямъ, помимо Саратовской, до настоящаго времени почти не имѣется опубликованныхъ результатовъ повторныхъ переписей населенія, касающихся болѣе или менѣе крупныхъ районовъ и допускающихъ хотя бы приблизительно точное сравненіе данныхъ за 2 момента. Единственною работою подобнаго характера, если не ошибаемся, являются изданные въ 1899 году „Результаты обслѣдованія экономическаго состоянія селеній 5 волостей Михайловскаго уѣзда Рязанской губерніи, пострадавшихъ отъ неурожая въ 1897 и 1898 гг.“ Эта работа относится къ району, состоящему изъ 82 общинъ и заключавшему въ себѣ въ моментъ изслѣдованія 1898 г. 4532 *наличныхъ* крестьянскихъ семьи, причемъ этотъ районъ, „по своимъ внѣшнимъ условіямъ, не отличается отъ другихъ, ему подобныхъ, мѣстностей губерніи никакими рѣзкими особенностями и, въ общемъ,—насколько Губ. Управа можетъ судить,—можетъ быть названъ среднимъ для Рязанской губ.“ (стр. I). Такъ какъ въ Михайловскомъ уѣздѣ была уже произведена земская перепись въ 1885 г., то вторичная перепись 1898 г. даетъ возможность сравнить данныя о населеніи за два года, отдѣленные 13-лѣтнимъ промежуткомъ времени:

---

[1]) По инструкціи регистраторамъ при этой переписи указывалось, что „изъ числа лицъ рабочаго возраста исключаются солдаты, состоящіе на дѣйств. службѣ, и калѣки, неспособные къ труду (хотя въ составѣ семьи они должны быть сосчитаны)“ („Труды Ветер. Отд.“, т. III, стр. VIII).

[2]) Сдѣланное въ III т. „Трудовъ Ветер. Отд. Саратовской Губернской Земской Управы“ сравненіе итоговъ по 7 уѣздамъ (включая и Аткарскій) даетъ такія цифры:

	Количество семей въ %%.				
	Безъ работника.	Съ 1 работник.	Съ 2 работник.	Съ 3 и бол. работник.	Итого.
Въ 80-хъ гг. . . .	6,4	52,9	27,0	13,7	100,0
„ 1897 г.	6,6	54,5	26,4	12,5	100,0

На основаніи этого рода данныхъ, въ текстовой части книги дѣлается выводъ, что „въ распредѣленіи семей по работникамъ произошла рѣзкая перемѣна, выражающаяся въ замѣтномъ измельчаніи хозяйствъ“ (стр. 22). Точно также, на основаніи тѣхъ-же данныхъ г. Оболдуевъ въ своей статьѣ—„Крестьянское скотоводство Саратовской губ. по даннымъ двухъ земскихъ переписей“ (№ 7 „Саратовской Земской Недѣли“ за 1899 г., стр. 25) приходитъ къ заключенію, что „и здѣсь (т. е. въ Саратовской губ.) происходитъ разрушеніе семей многорабочихъ и увеличеніе на ихъ счетъ семей одно—и безъ-рабочихъ“. Какъ видно изъ сказаннаго выше, эти заключенія основаны всецѣло на нѣкоторомъ недоразумѣніи относительно возможности точно сравнивать данныя обѣихъ переписей; по единственному-же изъ 7 уѣздовъ, по которому данныя болѣе сравнимы (Аткарскому), картина измѣненій получается совершенно обратная.

Годы переписей.	Число наличныхъ семей.	Число душъ обоего пола въ нихъ.	Среднее число душъ обоего пола на 1 семью.	Среднее число на 1 семью:		
				Работниковъ.	Работницъ.	Тѣхъ и другихъ вмѣстѣ.
1885 г.	4464	28397	6,36	1,614	1,732	3,336
1898 г.	4532	31041	6,85	1,720	1,818	3,381
Прибыль. . . .	68 (+1,5%)	2644(+9,3%)	+0,49	+0,106	+0,096	+0,202

И въ данномъ случаѣ мы видимъ тѣ-же явленія, какія отмѣчены были выше по отношенію къ Петровскому уѣзду и, частью, другимъ уѣздамъ Саратовской губ., но только въ еще болѣе рѣзкой формѣ: приростъ населенія здѣсь шелъ, судя по приведеннымъ даннымъ, значительно быстрѣе прироста числа семей, вслѣдствіе чего за 13 лѣтъ величина семьи увеличилась почти на 0,5 души об. п., а число работниковъ и работницъ на 1 семью—на 0,2. Составитель брошюры, которою мы пользуемся, отмѣтивъ разницу въ величинѣ семьи въ 1885 и 1898 гг. говоритъ по этому поводу слѣдующее: „Явленіе это.... совершенно противорѣчитъ тому, что мы до сихъ поръ думали. Мы привыкли считать, что крестьяне послѣ отмѣны крѣпостного права дробили прежнія крупныя семьи вслѣдствіе частыхъ семейныхъ раздѣловъ, и склонны были видѣть въ этомъ одну изъ главныхъ причинъ крестьянскаго обѣдненія. Изданное въ 70-хъ годахъ Центр. Статист. Комитетомъ извѣстное изслѣдованіе „Статистика позем. собственности“ даже прямо удостовѣрило (?) размѣръ происшедшаго отъ того сокращенія численнаго состава крестьянскаго двора, опредѣленнаго, въ среднемъ выводѣ для 8 центральн. черноземн. губерній, именно, если не ошибаемся, въ 6 человѣкъ на дворъ. И такой результатъ тогда всѣхъ удивилъ. Ожидали большаго сокращенія. Произведенное изслѣдованіе въ 5 волостяхъ Михайловскаго уѣзда несомнѣнно доказываетъ, что въ настоящее время указаннаго явленія больше нѣтъ въ этой части Рязанской губ., и если оно было прежде,—что весьма вѣроятно,—то теперь оно давно уже смѣнилось обратнымъ стремленіемъ—скучивать больше народу въ одномъ дворѣ, въ силу чего численный составъ крестьянскаго двора снова увеличился... Это увеличеніе произошло рѣшительно во всѣхъ группахъ и волостяхъ, хотя и не въ равной степени“ [1]).

[1]) Стр. XIV—XV.—Приведенныя выше цифровыя данныя указываютъ на значительное возростаніе въ данномъ районѣ какъ общей величины семьи, *такъ и рабочаго ея состава*. Между тѣмъ, составитель текстовой части цитируемаго изданія (вообще не всегда согласованной съ табличною ея частью и носящей ясные слѣды вліянія нѣкоторыхъ предвзятыхъ представленій), отмѣтивъ, что за время съ 1885 по 1898 г. немного понизился % рабочей части населенія (мужчинъ-работниковъ—съ 25,7 до 25,1%, женщинъ-работницъ—съ 27,1 до 26,5% и тѣхъ и другихъ вмѣстѣ—съ 52,8 до 51,7% всего населенія), высказываетъ мысль, что возростаніе общей величины семьи представляетъ явленіе, „вполнѣ согласное съ (этимъ) измѣненіемъ, происшедшимъ въ возрастномъ составѣ населенія, такъ какъ число дворовъ должно находиться въ зависимости не отъ числа населенія вообще, а отъ числа лицъ рабочаго возраста, около которыхъ могутъ образоваться отдѣльныя хозяйства“ (стр. XIV). Послѣднее соображеніе, конечно, вполнѣ справедливо; однако, отнести не только все возростаніе величины семьи въ районѣ, но даже большую его часть, на долю указаннаго измѣненія въ возрастномъ составѣ населенія не представляется возможнымъ при наличности значительнаго возростанія также и средняго рабочаго состава семьи. Если бы авторъ вычислилъ, на основаніи прилагаемыхъ имъ таблицъ, среднее число работоспособныхъ лицъ на 1 семью въ 1885 и 1898 гг. (см. приведенныя нами цифры), то онъ

Уже по сравнительно малому району, состоящему изъ одной (Шумской) волости, имѣются сравнительныя данныя двухъ земскихъ переписей для Ново-Ладожскаго уѣзда С.-Петербургской губ. [1]) Первая перепись въ данной мѣстности была произведена въ 1882 г., а вторая—въ 1894 г., причемъ „для повторнаго изслѣдованія была выбрана именно Шумская вол., потому что она является среднею типичною волостью для района, гдѣ промыслы не вытѣснили еще земледѣлія и гдѣ это послѣднее не подпало всецѣло вліянію столичнаго рынка". „По изслѣдованію 1882 г. въ Шумской вол. числилось крестьянскаго населенія 4203 лица об. пола, въ 1894—4945... Число семей ростетъ медленнѣе: въ 1882 г. было 819 семей, а въ 1894 г.—946, такъ что средняя семья увеличилась съ $5_{,1}$ до $5_{,5}$ человѣкъ. Съ увеличеніемъ средней семьи, поднялась нѣсколько и степень обезпеченности каждой семьи рабочими силами, а именно":

	Изъ 100 семей было:				
	Безъ работника.	Съ 1 работникомъ.	Съ 2 работниками.	Съ 3 работниками.	Съ 4 и болѣе работниками.
Въ 1882 г.	$9_{,1}$	$63_{,0}$	$21_{,5}$	$5_{,5}$	$0_{,9}$
	$72_{,1}$				
„ 1894 г.	$11_{,3}$	$56_{,9}$	$21_{,5}$	$8_{,7}$	$1_{,6}$
	$68_{,2}$				

не могъ бы утверждать, что увеличеніе численнаго состава двора, въ данномъ случаѣ, „не имѣетъ ничего общаго съ увеличеніемъ работоспособности семьи: люди скучиваются по нуждѣ, въ силу уменьшенія количества лицъ рабочаго возраста... При такомъ увеличеніи числа душъ хозяйственная мощь двора не возросла, а стало только тѣснѣе жить" (стр. XV). Нужно замѣтить, что и самое измѣненіе возрастнаго состава (весьма притомъ незначительное) можетъ быть въ данномъ случаѣ болѣе или менѣе фиктивнымъ, что можно видѣть изъ слѣдующаго замѣчанія самого автора: „При пользованіи этимъ сопоставленіемъ (данныхъ 1885 и 1898 гг.) слѣдуетъ имѣть въ виду, что собственно свѣдѣнія о населеніи по обоимъ изслѣдованіямъ, можетъ быть, не вполнѣ однородны. При изслѣдованіи 1898 г. въ счетъ принималось только наличное приписное населеніе, а по переписи 1885 г.—наличное и отсутствующее. Правда, въ данныхъ переписи 1885 г. отсутствующее населеніе выдѣлено въ особую группу, такъ что оставшееся за такимъ выдѣленіемъ слѣдуетъ тоже считать наличнымъ, но неизвѣстно въ точности, что понимали подъ отсутствующимъ населеніемъ регистраторы 1885 года, такъ что, можетъ быть, эта группа по обѣимъ переписямъ и не вполнѣ совпадаетъ. Хотя это обстоятельство и не лишаетъ, конечно, возможности выводить заключенія изъ сравненія тѣхъ и другихъ цифръ, но все таки-же не должно упускаться изъ вида" (стр. IX). Дѣйствительно, такіе факты, обнаруживаемые таблицами, какъ, напр., очень большое число бездомовыхъ семей въ 1885 г. по сравненію съ 1898 г., заставляютъ предполагать, что при сводкѣ матеріаловъ старой переписи извѣстная часть отсутствующихъ семей не была выдѣлена и была засчитана вмѣстѣ съ наличными семьями; а такъ какъ отсутствующія семьи характеризуются особенно высокимъ $^0/_0$ лицъ рабочаго возраста, то присоединеніе части ихъ должно было нѣсколько повысить для 1885 г. $^0/_0$ означенныхъ лицъ и во всей массѣ семей, отнесенныхъ къ наличному населенію. Отсюда слѣдуетъ, однако, еще и другое заключеніе: такъ какъ отсутствующія семьи являются наиболѣе мелкими по величинѣ, то неполное выдѣленіе ихъ въ 1885 г. должно было нѣсколько понизить и средній размѣръ семьи по этой переписи, а тѣмъ самымъ въ большей или меньшей степени преувеличить разницу въ величинѣ семьи, даваемую сравненіемъ 2-хъ переписей. Поэтому, въ дѣйствительности, повышеніе численнаго состава семьи къ 1898 г., вѣроятно, было менѣе значительнымъ, чѣмъ указано выше.

[1]) „Объ успѣхахъ народнаго хозяйства и благосостоянія въ одной изъ волостей С.-Петербургской губ.", краткое изложеніе доклада В. И. Яковенко, читаннаго 3 дек. 1896 г. въ И. В. Э. Обществѣ.—Насколько данныя 1882 и 1894 гг. по Шумской вол. могутъ быть точно между собою сравниваемы, мы судить не имѣемъ возможности.

Всѣ приведенныя данныя повторныхъ переписей, въ общемъ — весьма согласныя между собою, относятся къ періоду времени отъ 1882 до 1898 г. Но въ нашемъ распоряженіи имѣются еще нѣкоторые матеріалы по 3 уѣздамъ Орловской губ., захватывающіе болѣе отдаленный періодъ времени, а именно— съ 1868 по 1887 г., хотя допускающіе, въ то же время, сопоставленія уже болѣе приблизительнаго характера. Мы разумѣемъ здѣсь тѣ свѣдѣнія о четвертныхъ крестьянахъ 134 селеній Кромского, Болховского и Карачевскаго уѣздовъ, которыя частью уже были использованы нами выше, по вопросу о вымираніи и раздѣлахъ крестьянскихъ семей. По этимъ селеніямъ мы имѣемъ такія исходныя данныя: 1) число душъ мужск. п. по ревизіи 1858 г., 2) число семей въ 1868 г. и 3) число семей и количество душъ мужск. п. въ нихъ по переписи 1887 г. Число душъ муж. п. съ 1858 по 1887 г. и число семей съ 1868 по 1887 г. дали по отдѣльнымъ уѣздамъ слѣдующій приростъ:

Уѣзды.	Число душъ м. п.		% прибыли за 29 лѣтъ.	Число семей:		% прибыли за 19 лѣтъ.	Средній (ариѳмет.) годичн. приростъ:	
	Въ 1858 г.	Въ 1887 г.		Въ 1868 г.	Въ 1887 г.		Населенія (за 29 лѣтъ).	Числа семей (за 19 лѣтъ).
Карачевскій	2407	3585	48,9	783	1037	32,4	1,69	1,71
Болховскій.	2782[1])	4133[1])	48,6	893[1])	1195[1])	33,8	1,68	1,78
Кромской.	4402	6128	39,6	1526	1933	26,7	1,35	1,41
По 3 уѣздамъ. .	9591	13846[2])	44,4	3202	4165[2])	30,1	1,53	1,58

Уже изъ этихъ цифръ можно видѣть, что и въ данномъ случаѣ наблюдаются довольно полный параллелизмъ въ быстротѣ роста населенія (мужского) и числа семей и значительная близость цифръ годичнаго прироста того и другого, хотя этотъ годичный приростъ выведенъ здѣсь довольно грубо, а именно—простымъ дѣленіемъ общаго прироста на число лѣтъ.

Чтобы имѣть болѣе сравнимыя цифры и предполагая, что быстрота прироста населенія оставалась одинаковою какъ въ періодъ съ 1858 по 1868 г., такъ и за время съ 1868 по 1887 г., мы можемъ приблизительно вычислить (по способу исчисленія сложныхъ процентовъ), какова была вѣроятная численность душъ муж. п. въ 1868 г., и, такимъ образомъ, во первыхъ, приурочить данныя о приростѣ населенія и числа семей къ одному и тому же промежутку времени, а, во вторыхъ, опредѣлить приблизительно количество душъ

---

[1]) Сюда не вошли 35 семей 1868 г. и соотвѣтствующія имъ 45 семей 1887 г. по одному селенію, въ которомъ для 1858 и 1887 гг. нельзя было выдѣлить число душъ м. п. четвертныхъ владѣльцевъ, сосчитанныхъ вмѣстѣ съ душевыми.

[2]) Сюда не вошли 63 семьи (помимо указанныхъ въ предъидущемъ примѣчаніи 45 семей), составъ которыхъ при переписи 1887 г. остался неизвѣстенъ.

муж. п. на 1 семью въ 1868 г. для сравненія съ соотвѣтствующею цифрою 1887 г.:

Уѣзды.	Число семей:		% прибыли ихъ за 19 лѣтъ.	Приблизит. число душъ м. п. въ 1868 году.	Число душъ м. п. въ 1887 году.	% прибыли ихъ за 19 лѣтъ.	Приблизит. число душъ м. п. въ 1868 г. на 1 семью.	Число душъ м. п. въ 1887 году на 1 семью.
	Въ 1868 г.	Въ 1887 г.						
Карачевскій.	783	1037	32,4	2762	3585	29,8	3,53	3,46
Болховской.	893	1195	33,8	3189	4133	29,6	3,57	3,46
Кромской. .	1526	1933	26,7	4934	6128	24,2	3,23	3,17
По 3 уѣздамъ.	3202	4165	30,1	10885	13846	27,2	3,40	3,32

Хотя нѣкоторыя цифры получены здѣсь нѣсколько искусственнымъ способомъ [1]), но, въ общемъ, эта табличка, вмѣстѣ съ предъидущею, даетъ полное основаніе утверждать, что въ данной группѣ населенія 3 уѣздовъ Орловской губ. за періодъ времени съ 1868 г. или даже съ 1858 г. по 1887 г. также не имѣло мѣста сколько-нибудь *значительное* измѣненіе средней величины семьи и что приростъ общаго числа семей, вслѣдствіе раздѣловъ ихъ, шелъ въ теченіи этого времени если и быстрѣе прироста населенія, то на весьма ничтожную величину, которая рѣшительно не позволяетъ усмотрѣть здѣсь что-либо похожее на смѣну господства крупныхъ „патріархальныхъ“ семей господствомъ „малыхъ“ семей и т. п. [2]).

---

[1]) Впрочемъ, примѣненный нами здѣсь „искусственный“ пріемъ, какъ увидимъ далѣе, по размѣрамъ возможной при его примѣненіи ошибки, можетъ считаться весьма точнымъ по сравненію съ тѣми пріемами и данными, съ помощью которыхъ обыкновенно обосновывается положеніе о постепенномъ мельчаніи крестьянскихъ семей.

[2]) Можетъ возникнуть сомнѣніе, соотвѣтствуютъ ли владѣльцы четвертныхъ земель, значащіеся въ спискахъ влад. записей 1868 г., домохозяевамъ или главамъ семей въ томъ смыслѣ, какъ послѣдніе понимаются въ земскихъ переписяхъ. На это нельзя дать безусловно одинаковаго для всѣхъ случаевъ отвѣта. Несомнѣнно, что во многихъ случаяхъ означенные списки составлялись довольно небрежно и безъ надлежащаго пониманія дѣла; но въ такихъ случаяхъ (имѣвшихъ мѣсто и въ разсматриваемыхъ уѣздахъ Орловской губ.) при опросѣ статистиками о послѣдующихъ переходахъ земель, раздѣлахъ и проч., производившемся—отправляясь отъ списковъ 1868 г., быстро обнаруживалась полная невозможность получить сколько-нибудь удовлетворительные результаты, и самый опросъ, въ такомъ его видѣ, совершенно прекращался. Въ большей части селеній, однако, опросъ объ измѣненіяхъ въ составѣ и землевладѣніи отдѣльныхъ дворовъ или семей не встрѣчалъ никакихъ затрудненій и вполнѣ подтверждалъ правильность исходныхъ списковъ или перечней, и только по такимъ селеніямъ и могли быть собраны тѣ свѣдѣнія, которыми мы здѣсь пользуемся. Если и приходилось изрѣдка наталкиваться и въ этихъ случаяхъ на неточность списковъ 1868 г., то почти исключительно въ томъ отношеніи, что въ этихъ спискахъ значились иногда „подъ однимъ номеромъ“ семьи, раздѣлившіяся еще до 1868 г.; но и такихъ случаевъ было немного, причемъ они могутъ, очевидно, имѣть лишь одно значеніе, а именно—нѣсколько уменьшать число семей въ 1868 г. и тѣмъ *повышать* величину семьи для того времени.

ГЛАВА III.

Необходимость пересмотра фактическихъ основаній мнѣнія о мельчаніи крестьянскихъ семей.—Непригодность ревизскихъ данныхъ для сужденія о величинѣ семей въ дореформенное время; искусственность ревизскаго счета, игнорировавшаго значительное количество фактическихъ раздѣловъ (особенно—у государственныхъ, удѣльныхъ и т. п. разрядовъ крестьянъ).—Отсутствіе прироста у крѣпостного населенія съ начала нынѣшняго столѣтія до 1861 г. и связанная съ этимъ рѣдкость дѣлежа семей среди крѣпостныхъ крестьянъ; значительная прибыль того же населенія послѣ 1861 г. и обусловленное ею учащеніе семейныхъ раздѣловъ, какъ одно изъ вѣроятныхъ основаній ходячаго мнѣнія о тенденціи крестьянскихъ семей къ усиленному дробленію въ пореформенный періодъ.—Нѣкоторыя изъ условій крѣпостного строя, которыя должны были вліять на пониженіе средней нормы семейнаго состава; возможность обратнаго вліянія развитой барщинной системы.—Указаніе въ матеріалахъ г. Скребицкаго на преобладаніе однотягольныхъ хозяйствъ среди крѣпостныхъ крестьянъ.—Несравнимость прежняго и обычнаго оффиціальнаго счета крестьянскихъ „дворовъ" съ счетомъ крестьянскихъ „семей" или „хозяйствъ", принятымъ земскою статистикою.—Указанія г. Семевскаго на частые раздѣлы и на немноголюдность крестьянскихъ семей въ прошломъ столѣтіи.—Малая разница въ величинѣ семьи по даннымъ Румянцевской описи 1767 г. и земской переписи 1883 г. въ Черниговской губ.—Преобладаніе малыхъ семей и мелкихъ хозяйствъ у крестьянъ по даннымъ писцовыхъ и переписныхъ книгъ.—Наличность въ настоящее время хозяйственныхъ условій, противодѣйствующихъ мельчанію крестьянскихъ семей. — Разборъ данныхъ и нѣкоторыхъ заключеній гг. Личкова и Щербины объ измѣненіи количества семейныхъ раздѣловъ во времени.

Всѣ приведенныя данныя, такимъ образомъ, стоятъ въ полномъ противорѣчіи съ ходячимъ мнѣніемъ о прогрессивномъ и значительномъ по своимъ размѣрамъ мельчаніи крестьянскихъ семей. Конечно, этихъ данныхъ (которыми, насколько намъ извѣстно, исчерпываются или почти исчерпываются всѣ имѣющіеся болѣе точные матеріалы по настоящему предмету) слишкомъ недостаточно, чтобы на основаніи ихъ можно было *рѣшить* такъ или иначе данный вопросъ, особенно—въ виду того, что большая часть матеріаловъ относится лишь къ періоду съ начала 80-хъ до конца 90-хъ годовъ [1]); но ихъ вполнѣ достаточно для того, чтобы заставить отнестись критически къ упомянутому мнѣнію и *подвергнуть пересмотру* тѣ основанія, которыя считаются обыкновенно доказывающими правильность этого мнѣнія.

Изъ этихъ основаній мы, прежде всего, исключаемъ, конечно, самую *распространенность* убѣжденія относительно мельчанія семей, хотя она-то, несомнѣнно, и лежитъ въ основѣ почти всѣхъ изслѣдованій даннаго вопроса, сводящихся въ силу этого обыкновенно не къ фактической провѣркѣ правильности даннаго мнѣнія, а главнымъ образомъ лишь къ вящшему его подтвержденію, къ цифровой иллюстраціи и къ выясненію самыхъ размѣровъ измельчанія семей, его хозяйственнаго значенія и проч.; при такой постановкѣ дѣла

---

[1]) Послѣ того, какъ была первоначально напечатана настоящая работа, появились нѣкоторые новые матеріалы по разсматриваемому вопросу, и едва-ли не всѣ они подтверждаютъ, что, по крайней мѣрѣ за послѣднія десятилѣтія, крестьянская семья не только не мельчала, но обыкновенно нѣсколько возростала по своему среднему составу. Нѣкоторыя относящіяся сюда позднѣйшія данныя сгруппированы въ статьѣ г. Пѣшехонова „Изъ теоріи и практики крестьянскаго хозяйства" („Рус.-Богатство" за 1902 г., №№ 9 и 10).

разнаго рода фактическіе матеріалы естественно считаются пригодными и не подвергаются критикѣ, разъ они подтверждаютъ общераспространенное мнѣніе [1]). Точно также мы исключаемъ изъ числа доказательствъ мельчанія семей наличность „частыхъ“ семейныхъ раздѣловъ, такъ какъ предъидущимъ изложеніемъ достаточно уже выяснено, что „частость“ раздѣловъ является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ быстраго роста крестьянскаго населенія и, сама по себѣ, съ измельчаніемъ семей имѣетъ весьма мало общаго.

По обычнымъ представленіямъ, разрушеніе господствовавшихъ или, по крайней мѣрѣ, широко распространенныхъ раньше (по тѣмъ же представленіямъ) крупныхъ „патріархальныхъ“ семей, вслѣдствіе усилившихся дѣлежей, приурочивается обыкновенно къ пореформенному періоду времени [2]); при

---

[1]) Въ Воронежской губ. число душъ въ семьѣ по земской переписи оказалось на 38,1% меньше, чѣмъ число ихъ на 1 дворъ по X ревизіи. „Фактъ въ сущности, общеизвѣстный, банальный. Что раньше семьи были больше, чѣмъ теперь, давно, конечно, извѣстно безъ всякаго анализа цифровыхъ статистическихъ данныхъ. Такимъ образомъ, аналогіи среднихъ величинъ по даннымъ о ревизскомъ и наличномъ населеніи совершенно совпадаютъ съ установившимся выводомъ о томъ, что раньше крестьянская семья была болѣе по своему составу и что въ настоящее время она мельчаетъ и дробится. Но... такое измельчаніе непремѣнно должно было сопровождаться усиленіемъ семейныхъ дѣлежей. Это также общеизвѣстный фактъ“. („Сводный Сборникъ по 12 уѣздамъ Воронежской губ.“, сост. Ѳ. А. Щербиною, стр. 315—316).

[2]) „Семейные раздѣлы крестьянъ—продуктъ пореформенной жизни. До освобожденія крестьянъ они не носили того интенсивнаго характера, какимъ отличаются въ настоящее время. Только въ послѣднія 25 или 30 лѣтъ начали особенно часто дѣлиться крестьяне, и съ тѣхъ поръ дѣлежи все усиливаются и усиливаются, отличаясь чисто стихійнымъ направленіемъ... Югъ (Воронежской губ.) опередилъ въ этомъ отношеніи сѣверные уѣзды. Малороссы раньше начали дѣлиться, и размѣръ уменьшившейся средней семьи новѣйшаго типа у нихъ установился прежде, чѣмъ у великороссовъ... Въ южныхъ уѣздахъ раньше пошатнулись и разложились большія патріархальныя семьи... Раньше, до дѣлежей, при большихъ патріархальныхъ семьяхъ, приходилось, положимъ, скота“, и т. д. („Русское Богатство“, 1896 г., № 6, ст. г. Щербины—„Семейные раздѣлы у крестьянъ Воронежской губ.“, стр. 199, 201, 206).—Судя по даннымъ X ревизіи, „до освобожденія крестьянъ сложная (большая) семья... была явленіемъ обычнымъ. Въ настоящее время типичною семьею оказывается такая, которая состоитъ либо изъ молодыхъ супруговъ, съ малолѣтними дѣтьми, либо изъ отца и его сыновей ниже 18-лѣтняго возраста, либо, наконецъ, изъ отца и одного изъ взрослыхъ его сыновей. Въ общемъ, крестьянская семья уменьшилась на три, на четыре человѣка“. „Индивидуалистическая тенденція экономическаго развитія въ пореформенную эпоху не могла не повліять разлагающимъ образомъ и на эту ячейку архаическаго коммунизма. Распаденіе сложной семьи сдѣлалось злобою дня въ деревнѣ и предметомъ самыхъ горячихъ споровъ, какъ въ литературѣ, такъ и въ административныхъ сферахъ“. „Патріархальная семья не разрушалась вслѣдствіе смерти одного изъ своихъ членовъ м. п. Лишь послѣ распаденія патріархальнаго двора слабые и безпомощные начали фигурировать въ качествѣ особой группы деревенскаго населенія“ (И. Гурвичъ—„Экономич. положеніе рус. деревни“, стр. 106, 102 и 111). — Любопытно, что г. Гурвичъ разложеніе патріархальной семьи, которое явилось, по его мнѣнію, неизбѣжнымъ результатомъ „ростущей экономической дифференціаціи въ предѣлахъ семьи,—кладетъ въ основу своего построенія о зарожденіи и постепенномъ развитіи „классоваго“ дѣленія нашего деревенскаго населенія въ пореформенный періодъ. „Разложеніе стараго крестьянскаго двора имѣло въ высшей степени важныя экономическія послѣдствія... Мелкое крестьянское земледѣліе, основывавшееся на трудѣ самого хозяина, могло существовать только до тѣхъ поръ, пока сохранялся его базисъ—сложная (большая) кооперативная семья... Для образованія устойчиваго крестьянскаго двора требуется, въ среднемъ выводѣ, кооперація 3 взрослыхъ работниковъ“; а такъ какъ количество сложныхъ семей все болѣе и болѣе сокращается, то „недостатокъ (собственныхъ) рабочихъ силъ придется восполнять посредствомъ найма. Разложеніе патріархальной сложной семьи неизбѣжно порождаетъ хозяйства съ батрацкимъ трудомъ..; такимъ образомъ получается требуемая кооперація изъ трехъ работниковъ. Потребность въ наемномъ трудѣ въ болѣе крупныхъ крестьянскихъ хозяйствахъ возростаетъ по мѣрѣ того, какъ дѣлится сложная семья... Собственная семья земледѣльца, трудъ котораго дополняется трудомъ одного или двухъ постоянныхъ рабочихъ,—таковъ грядущій типъ земледѣльческой коопераціи,

этомъ,—помимо общихъ отзывовъ и жалобъ сельскихъ жителей, наблюдателей деревни, самихъ крестьянъ и т. д. (каковые отзывы и жалобы, въ дѣйствительности, имѣютъ, по меньшей мѣрѣ, столѣтнюю давность,)—главнымъ фактическимъ основаніемъ въ данномъ случаѣ является сравненіе численности состава крестьянскаго „двора“ или „семейства“ по X ревизіи (т. е. въ концѣ 50-хъ годовъ) и величины семьи по позднѣйшимъ даннымъ (обыкновенно—по земскимъ переписямъ). И, дѣйствительно, такое сравненіе даетъ среднія цифры, обыкновенно настолько разнящіяся между собою, что изъ нихъ можно сдѣлать только два вывода: или допустить (по крайней мѣрѣ—для значительной или даже большей части Россіи) наличность коренной ломки семейнаго строя среди крестьянскаго населенія въ пореформенный періодъ, или же признать полную несоизмѣримость „двора“ ревизскихъ сказокъ съ „семьею“, „домохозяйствомъ“ или „дворомъ“ земскихъ переписей. Мы уже указывали выше, что по Воронежской губ. семья по земской переписи оказалась на $38,_1$% меньше числа душъ на 1 дворъ по X ревизіи ($6,_{87}$ душъ обоего пола противъ $9,_{49}$), причемъ для бывш. государственныхъ крестьянъ эта разница возростаетъ даже до $48,_2$% ($6,_{99}$ и $10,_{37}$ душъ обоего пола). Точно также, напр., въ Хвалынскомъ уѣздѣ на дворъ по ревизіи приходилось $8,_{12}$ душъ обоего пола, а на 1 семью въ 1885 г.—$5,_{85}$, т. е. на 28% меньше; въ частности, у бывш. государственныхъ крестьянъ тѣ же цифры равняются $9,_7$ и $6,_{06}$ душъ обоего пола (—$37,_6$%); въ Балашовскомъ уѣздѣ—$8,_4$ и $6,_5$ душъ обоего пола, а у быв. государственныхъ—$9,_7$ и $6,_7$ и у быв. удѣльныхъ—даже $11,_2$ и $6,_7$; въ Аткарскомъ уѣздѣ—$8,_{47}$ и $6,_{12}$ (—$27,_7$%), а, въ частности, у быв. государственныхъ—$11,_{85}$ и $6,_{53}$ (—$44,_9$%), у быв. удѣльныхъ—$12,_{54}$ и $6,_{69}$ (—$46,_7$%), у полныхъ собственниковъ (быв. своб. хлѣбопашцевъ)—$12,_{76}$ и $6,_{06}$ (—$52,_5$%) и у нѣмцевъ колонистовъ—$14,_{22}$ и $8,_{41}$ (—$40,_9$%); въ Кузнецкомъ уѣздѣ—$7,_{40}$ и $5,_{74}$ (—$18,_4$%), а у быв. государственныхъ—$8,_{48}$ и $6,_{07}$ (—$28,_4$%); въ Камышинскомъ уѣздѣ—$9,_{23}$ и $6,_{55}$, а у быв. государственныхъ крестьянъ даже $11,_{07}$ и $6,_{82}$. По всей Тамбовской губ. по ревизіи на дворъ приходилось $8,_{97}$ душъ обоего пола, а на семью по земской переписи $6,_{65}$; въ частности, у быв. государственныхъ тѣ же цифры=$8,_{94}$ и $6,_{91}$; и т. д.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что болѣе осторожные изслѣдователи, приводя параллельныя данныя о составѣ двора или семейства по X ревизіи и семьи по земскимъ переписямъ, обыкновенно оговариваются, что, въ сущности, эти двѣ единицы („семейство“ ревизскихъ сказокъ и „семья“ современныхъ переписей) не могутъ считаться тождественными и величина ихъ

которому суждена придти на смѣну натуральной семейной кооперации“. Необходимый для того контингентъ наемныхъ рабочихъ доставляется и будетъ доставляться,—по мнѣнію г. Гурвича,—тѣмъ же разложеніемъ патріархальной семьи, въ результатѣ котораго значительное число крестьянъ лишается возможности вести самостоятельное хозяйство. Въ концѣ концовъ, авторъ приходитъ къ оригинальному заключенію, что „указаніе на развитіе русской деревни въ будущемъ мы находимъ въ томъ фактѣ, что главные классы, на какіе дѣлится крестьянство, имѣютъ тѣсную связь съ возрастнымъ составомъ населенія. Почву удержало за собою лишь меньшинство: старинныя сложныя семьи, которыя остались настоящими земледѣльческими семьями. Среднюю экономическую группу деревни образуютъ „середняки“, т. е. домохозяева среднихъ лѣтъ, въ семьяхъ которыхъ есть, кромѣ нихъ самихъ, полуработники или по 1 взрослому работнику. Пролетаріи набираются изъ среды молодыхъ поколѣній, семьи которыхъ состоятъ изъ мужа и жены съ малыми дѣтьми... Старики „середняки“ и молодые являются представителями трехъ различныхъ соціальныхъ классовъ“. (стр. 116, 119, 135, 146—148 и др.). Къ этому построенію г. Гурвича (очень странному въ послѣдней его части при той постановкѣ, какая дана ему авторомъ, но заслуживающему вниманія съ иной точки зрѣнія) мы еще будемъ имѣть случай возвратиться въ дальнѣйшей части нашей работы.

поэтому не можетъ быть точно сравниваема; но что, тѣмъ не менѣе, *примѣрное* сравненіе этихъ единицъ возможно и во всякомъ случаѣ указываетъ на значительность происшедшаго послѣ ревизіи сокращенія средней величины крестьянской семьи, хотя и не позволяетъ точно измѣрить его размѣры [1]). Однако, и такая степень сравнимости ревизскихъ данныхъ и данныхъ земскихъ переписей по разсматриваемому вопросу не можетъ быть допущена. „Благодаря канцелярскому формализму, ревизскія сказки представляютъ собою не подворную перепись въ строгомъ смыслѣ этого слова. Въ отдѣльную сказку заносилась не отдѣльно живущая самостоятельнымъ хозяйствомъ семья, а часто цѣлая группа ихъ, фамилія, распавшаяся уже на отдѣльныя хозяйства. Дѣлалось это, конечно, только по отношенію къ тѣмъ семьямъ, которыя формально считались нераздѣлившимися, а въ дѣйствительности давно уже вели самостоятельное хозяйство, независимо одна отъ другой. Такимъ образомъ,... ревизскія сказки не заключаютъ въ себѣ дѣйствительнаго количества хозяйствъ или семей". „При учетѣ ревизскаго населенія, во многихъ случаяхъ, послѣднее было пріурочено не къ семьямъ, а къ фамиліямъ, особымъ сложнымъ единицамъ, обнимавшихъ двѣ или даже нѣсколько семей. Фактически нѣкоторыя семьи подѣлились и жили отдѣльно, въ видѣ самостоятельныхъ хозяйствъ, а въ ревизскія сказки тѣ же семьи попали подъ однимъ номеромъ, какъ бы составляющія одну нераздѣльную семью. Особенно часты такіе случаи были у бывш. государственныхъ крестьянъ" [2]).

Эта характеристика счета дворовъ или семействъ при ревизіи, къ формулировкѣ которой г. Щербина пришелъ въ результатѣ многолѣтнихъ статистическихъ работъ, должна быть признана весьма удачною и вполнѣ соотвѣтствующею дѣйствительности, хотя самъ г. Щербина вслѣдъ за тѣмъ считаетъ нужнымъ значительно смягчить ее [3]). Насколько искусственную единицу пред-

---

[1]) Авторъ настоящей работы считаетъ необходимымъ указать, что онъ также примыкалъ раньше къ этому мнѣнію и высказывалъ его, напр., въ „Сборникѣ" по Кузнецкому у.; но дальнѣйшее изученіе вопроса заставило его отказаться даже отъ такой оцѣнки данныхъ ревизскихъ сказокъ о числѣ дворовъ.

[2]) „Сводный Сборникъ по 12 уѣздамъ Воронежской губ.", стр. 21 и 314.

[3]) Хотя количество семей по ревизіи „ниже дѣйствительнаго и, слѣдовательно, средняя крестьянская семья по ревизскимъ даннымъ, быть можетъ (?), нѣсколько больше, чѣмъ какова она была въ дѣйствительности, тѣмъ не менѣе эти данныя все-таки могутъ дать нѣкоторыя аналогичныя указанія... Во-первыхъ, записи фамилій вмѣсто семей были не сплошными, а единичными, исключительными (?), а, во-вторыхъ, при внесеніи въ нихъ тѣхъ или другихъ поправокъ (?), онѣ все таки не теряютъ своихъ характерныхъ особенностей по данному вопросу. Однимъ словомъ, если ревизскія данныя о средней крестьянской семьѣ выражаютъ собою не дѣйствительныя средніе величины, а лишь нѣкоторыя аналогіи ихъ (!), то и въ такомъ видѣ онѣ оказываются весьма характерными" (Тамъ же, стр. 314). На основаніи чего оказываются возможными такія смягченія (частью довольно туманныя) данной раньше характеристики, представляется совершенно неяснымъ.—Рѣзко отрицательные отзывы о сравнимости ревизскихъ дворовъ или семействъ съ семьями или хозяйствами земскихъ и т. п. переписей даются, между прочимъ, гг. Личковымъ и Астыревымъ. Мнѣніе г. Личкова приводится ниже (въ концѣ настоящей главы); что же касается г. Астырева, то онъ, въ своей работѣ по Иркутской губ., указываетъ, что „единицей (производившейся здѣсь въ 1887—8 г., по типу земскихъ изслѣдованій) переписи служило хозяйство, иногда не совпадающее съ *семьею*, какъ она понималась, напр., при составленіи ревизскихъ сказокъ; поэтому сравненіе данныхъ о численности *семей* по ревизіи съ численностью *хозяйствъ* въ 1887—88 гг. не можетъ быть цѣнно само по себѣ; но при разсмотрѣніи данныхъ X ревизіи о численности семей замѣчаются такія огромныя колебанія въ величинѣ этихъ послѣднихъ (по волостямъ и проч.), что поневолѣ приходится предположить весьма различное представленіе у регистраторовъ, производившихъ „ревизію", о томъ, какую именно группу лицъ слѣдуетъ засчитывать въ одну семью... Тогда какъ данныя, относящіяся къ нынѣшнему времени, обладаютъ извѣстною стройностью и колеблются (по волостямъ и вѣдомствамъ) въ предѣлахъ только отъ $5_{,0}$ до $6_{,8}$ для крестьянъ и отъ $4_{,3}$

ставляло изъ себя „семейство“ ревизскихъ сказокъ, могутъ показать, на отдѣльныхъ примѣрахъ, хотя бы слѣдующія извлеченія изъ приговоровъ 60-хъ годовъ, относящіяся къ одной волости Петровскаго у. Такъ, 24 авг. 1864 г. общество д. Князевки постановило: „*Дозволить раздѣлъ* крестьянамъ Кочетовымъ на 2 дома, но *съ тѣмъ, чтобы они,* въ виду отбыванія рекрутской очереди, *считались подъ однимъ ревизскимъ номеромъ, за общее семейство*“. 16 февраля 1866 г. общество д. Булыгиной составило приговоръ—разрѣшить отдѣлъ сына отъ отца (всего было 3 работника), „но съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ рекрутскаго набора и буде дойдетъ до ихъ семейства очередь, они отбывали таковую *общимъ семействомъ, не считая оффиціальнаго на разные номера раздѣла*“. Такіе же 2 приговора тѣмъ же обществомъ были составлены 26 февраля и 10 іюня 1866 г. Наоборотъ, 16 же февраля 1866 г. то же общество постановило: „по ходатайству одного крестьянина, указывавшаго на то, что ихъ семейство, значившееся по X ревизіи, раздѣлилось въ 1863 и 1866 гг. на три (по 2 работника въ каждомъ), признать это семейство окончательно раздѣлившимся на 3 дома, которые при новой ревизіи и показать подъ особыми номерами“; и т. д. Очевидно, что составляемые такимъ образомъ „ревизскіе номера“ имѣютъ очень мало общаго съ дѣйствительнымъ распредѣленіемъ населенія по хозяйствамъ и что, вслѣдствіе важнаго значенія „оффиціальнаго“ счета семействъ для отбыванія рекрутской повинности и проч., обособившіяся фактически семьи безпрепятственно „расписывались подъ отдѣльными номерами“ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда изъ этихъ семей каждая заключала въ себѣ болѣе 1 работника, т.-е. когда онѣ имѣли сравнительно крупную величину; въ противномъ же случаѣ, если раздѣлъ и признавался состоявшимся, для ревизіи и „оффиціальнаго“ счета семья продолжала очень часто числиться нераздѣльною [1]). Въ частности, у

до 5,4 душъ об. п. для инородцевъ,—данныя X ревизіи представляютъ собой значительныя отступленія отъ средней, подчасъ ничѣмъ не объяснимыя, и колеблются въ предѣлахъ отъ 4,1 до 9,4 душъ для крестьянъ и отъ 5,7 до 9,6 для инородцевъ. Если придавать какое-либо значеніе столь неустойчивымъ даннымъ“, и т. д. (Матеріалы по Иркутской губ., т. II, стр. 104—105). Приведенныя соображенія автора представляютъ большую важность, такъ какъ ревизскія сказки вообще очень часто даютъ чрезвычайно крупныя и трудно объяснимыя колебанія средней величины семьи по отдѣльнымъ районамъ, категоріямъ крестьянъ и т. д., тогда какъ земскія переписи такихъ рѣзкихъ колебаній не констатируютъ. Этотъ фактъ обращалъ на себя вниманіе многихъ изслѣдователей, которые на основаніи его заключали, что послѣ X ревизіи произошло извѣстное нивеллированіе средней величины семейнаго состава; въ дѣйствительности же разница между ревизскими и позднѣйшими данными въ разсматриваемомъ отношеніи съ наибольшею вѣроятностью можетъ быть отнесена на счетъ крайней искусственности ревизскаго счета дворовъ и притомъ искусственности, весьма неодинаковой въ различныхъ случаяхъ.

[1]) Въ извѣстномъ трудѣ г. Скребицкаго—„Крестьянское дѣло въ царствованіе Имп. Александра II“ имѣются многія указанія на то, въ какой тѣсной связи оффиціальный или условный счетъ семействъ стоялъ въ то время съ отбываніемъ рекрутской повинности и съ нѣкоторыми другими узаконеніями. Изъ отзывовъ Губернскихъ Комитетовъ видно, между прочимъ, что *господствующимъ* порядкомъ отбыванія рекрутской повинности у крѣпостныхъ крестьянъ фактически былъ очередный, хотя юридически и формально она отправлялась почти всецѣло „по назначенію“ и усмотрѣнію помѣщиковъ. Проектируя сохраненіе того же очереднаго порядка и въ будущемъ и имѣя въ виду примѣнявшійся раньше счетъ семей для соблюденія очередей, нѣкоторые Комитеты и группы членовъ ихъ въ своихъ „Положеніяхъ“ высказывали, напримѣръ, что, въ противность прежнему порядку, очередные списки должны составляться не по ревизскимъ сказкамъ, а „по наличному составу семействъ“ или „по дѣйствительному ихъ раздѣлу“; при этомъ 2 члена Симбирскаго Комитета поясняли, что „во многихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ *семейства, давно раздѣлившіяся* и проживающія отдѣльно, *числятся подъ однимъ нумеромъ въ ревизскихъ сказкахъ*, потому только, что, при полноправіи помѣщика, такое соединеніе или списываніе семействъ не имѣло никакого вліянія на порядокъ очередей“. По заключенію нѣкоторыхъ членовъ Рязанскаго Комитета, такъ какъ „рекрутская повинность, при суще-

государственныхъ, удѣльныхъ и т. п. крестьянъ различія между „оффиціальнымъ“ счетомъ семействъ или дворовъ и дѣйствительнымъ числомъ послѣднихъ должны были усиливаться также существованіемъ для нихъ общихъ ограничительныхъ правилъ о раздѣлахъ, благодаря которымъ въ наличности оказывались еще категоріи „самовольныхъ“ и „утвержденныхъ“ или совершенныхъ „установленнымъ порядкомъ“ семейныхъ дѣлежей [1]). Въ общемъ,

---

ствующей очередной системѣ, находится въ прямой связи съ раздѣломъ семействъ, то этотъ послѣдній долженъ непремѣнно зависѣть отъ общины земледѣльческой“ (т. III, стр. 1132 и 1129). Съ другой стороны, Редакціонныя Коммиссіи полагали, что „семейные раздѣлы, произведенные въ прежнее время, до обнародованія Положенія о крестьянахъ, хотя бы раздѣлившіяся семьи были записаны въ ревизскихъ сказкахъ подъ однимъ номеромъ, должны признаваться законными, если дѣйствительность ихъ будетъ удостовѣрена мірскимъ приговоромъ“ (т. I, стр. 1168—1169); и т. д.

Примѣненіе очередной системы (при которой въ рекруты шли вообще лица въ возрастѣ отъ 20 до 35 лѣтъ) на практикѣ, конечно, у помѣщичьихъ крестьянъ могло быть весьма различнымъ; но у бывш. удѣльныхъ крестьянъ эта система была регулирована закономъ, причемъ установлены были такія правила: „Въ каждомъ обществѣ лица, по послѣдней ревизіи *записанныя подъ однимъ нумеромъ*, считаются за одно семейство, хотя бы жили въ разныхъ домахъ, *доколѣ не раздѣлятся установленнымъ порядкомъ*“ (о правахъ на раздѣлъ и о порядкѣ разрѣшенія онаго изложено въ ст. 74 и 75 Рекр. Устава). „Рекрутская очередь каждаго семейства опредѣляется наличнымъ числомъ его работниковъ изъ тѣхъ лицъ мужскаго пола, которыя *записаны* въ немъ *при ревизіи*, или послѣ ревизіи *установленнымъ порядкомъ* къ нему присоединились, и потомъ изъ семейства этого не выбыли, и имѣютъ отъ роду не менѣе 18 и не болѣе 60 лѣтъ“. „Первой очереди въ участкѣ подлежатъ тѣ семейства, изъ которыхъ въ каждомъ число работниковъ есть самое большое, второй—въ которыхъ оно менѣе, третьей—въ которыхъ оно еще менѣе, и такъ далѣе до тѣхъ семействъ, въ которыхъ работниковъ не болѣе какъ по два“. „Семейства, въ которыхъ считается наличныхъ работниковъ не болѣе какъ по одному, изъемлются изъ очереди рекрутской“. „Если очередное семейство *самовольно раздѣлилось*, то рекрутъ берется съ той части, въ которой больше рабочихъ рукъ; при равенствѣ же бросается между ними жребій“. „Поставки рекрутъ, при прежнихъ ревизіяхъ бывшія, семействамъ зачитаются слѣдующимъ образомъ: 1) По установленному порядку, всякая поставка рекрута должна быть отмѣчаема въ очередномъ спискѣ противъ того семейства, которое его поставило, *начиная съ седьмой ревизіи* (бывшей въ 1816 году)... 2) Изъ рекрутъ, въ теченіе седьмой ревизіи поставленныхъ, зачитать семейству не болѣе какъ одного послѣдняго рекрута; изъ поставленныхъ же въ теченіе ревизій восьмой, девятой и при послѣдующихъ зачитать всѣхъ. 3) Этотъ зачетъ продолжать по очереднымъ спискамъ дотолѣ, пока рекрутская очередь не обойдетъ всѣхъ семействъ, къ участку принадлежащихъ, послѣ чего, если это случится, исключаются изъ списковъ семействъ всѣ ихъ зачеты и начинаются снова“. „О зачетѣ прежнихъ послугъ при раздѣлѣ семействъ, какъ *разрѣшенномъ надлежащимъ порядкомъ*, такъ и *самовольномъ*“, были установлены особыя правила (т. III, стр. 1147—1148).

Въ участкахъ государственныхъ крестьянъ, за нѣкоторыми исключеніями, рекрутская повинность отправлялась по жеребьевому порядку, при которомъ жеребій рѣшалъ, кому изъ числа лицъ 20—21 года идти на службу. Отъ призыва къ жеребью, по семейному положенію, освобождались единственные работники въ семьѣ и нѣкоторыя двойниковыя семейства; затѣмъ, остальные призываемые дѣлились на 2 разряда, причемъ въ первый относились призываемые, принадлежащіе къ многорабочимъ семействамъ, а во второй—двойники и нѣкоторые тройники; изъ втораго разряда дѣлался призывъ единственно въ случаѣ недостатка людей въ первомъ разрядѣ (т. III, стр. 1149, 1154, 1165). Очевидно, что и при этой системѣ „оффиціальное“ признаніе или непризнаніе состоявшихся раздѣловъ имѣло не менѣе важное значеніе для отбыванія рекрутской повинности, чѣмъ при очередной. (Курсивъ въ настоящемъ примѣчаніи вездѣ принадлежитъ намъ).

[1]) „Министерство государственныхъ имуществъ и удѣльное вѣдомство Богъ знаетъ съ какихъ поръ принимали разныя мѣры противъ раздѣловъ у государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ; но мы по Архангельской губ. хорошо знаемъ, какъ мало дѣйствительными оказывались всякіе приказы, указы и законы, когда крестьянство внутренними условіями своей жизни приводилось къ необходимости раздѣловъ. Единственнымъ результатомъ мѣропріятій было то, что *семьи, по оффиціальнымъ* семейнымъ *спискамъ, числились неподѣленными въ то время, какъ онѣ были раздѣлены на дѣлъ*“ (А. Ефименко—„Изслѣдованія народной жизни“, вып. I, стр. 133; курсивъ нашъ).—См. также предыдущее примѣчаніе и приведенную раньше въ текстѣ выписку изъ „Сводного Сборника“ г. Щербины.

нужно замѣтить, одновременное существованіе какъ бы нѣсколькихъ особыхъ способовъ счета дворовъ или семействъ и самого населенія настолько съ теченіемъ времени спутало самихъ крестьянъ и оттѣснило въ ихъ представленіяхъ дѣйствительность въ пользу ревизскихъ и другихъ „номеровъ", что и въ настоящее время, напримѣръ—при земскихъ переписяхъ, они часто затрудняются при неоформленныхъ раздѣлахъ показывать отдѣльно уже обособившіяся семьи, если онѣ „еще не расписаны", а съ другой стороны—показывать слитно семьи соединившіяся, если „по бумагамъ" онѣ „пишутся" особо.

Упомянутая сейчасъ спеціальная причина, по которой у бывш. государственныхъ и вообще некрѣпостныхъ крестьянъ должны были быть особенно частыми случаи записи въ ревизскихъ сказкахъ раздѣлившихся семей въ одно общее семейство, вмѣстѣ съ вообще болѣе давнимъ, болѣе широкимъ и многообразнымъ вторженіемъ въ жизнь этой части крестьянскаго населенія канцелярскихъ порядковъ, понятій, способовъ составленія и веденія списковъ, ревизскаго счета населенія и проч., можетъ служить объясненіемъ того обстоятельства, что ревизскія сказки чаще всего даютъ особенно крупныя цифры средняго состава двора именно для этой группы крестьянъ. Это можно было видѣть уже изъ приведенныхъ выше примѣровъ, которые показываютъ, что разница въ составѣ ревизскаго двора и современной семьи у бывшихъ государственныхъ крестьянъ гораздо больше, чѣмъ въ общемъ по уѣздамъ или губерніямъ, т.-е. что эта разница и приходится главнымъ образомъ на долю некрѣпостныхъ крестьянъ (относя сюда и бывш. удѣльныхъ). Такъ, въ общемъ выводѣ по Воронежской губ., по X ревизіи на 1 дворъ приходилось у бывш. государственныхъ крестьянъ $10,_{37}$ душъ обоего пола, а у бывш. помѣщичьихъ—$7,_{72}$; по земской переписи на 1 семью приходится у тѣхъ и другихъ $6,_{99}$ и $6,_{53}$ душъ обоего пола; слѣдовательно, „сокращеніе" состава счетной единицы равняется у первыхъ $48,_{3}$%, а у вторыхъ только $10,_{6}$%. Точно также въ Тамбовской губ. составъ двора по ревизіи у тѣхъ же 2 категорій крестьянъ равнялся $9,_{94}$ и $7,_{98}$ душъ обоего пола, а составъ семьи по земской переписи—$6,_{91}$ и $6,_{33}$ душъ обоего пола; сокращеніе въ первомъ случаѣ равняется $30,_{5}$%, а во второмъ—$20,_{7}$% [1]). Въ Балашовскомъ уѣздѣ у бывшихъ государственныхъ крестьянъ та же разница = 31%, у бывшихъ удѣльныхъ—$40,_{2}$%, а у бывш. помѣщичьихъ—$13,_{6}$%; въ Аткарскомъ уѣздѣ, въ той же послѣдовательности,—$44,_{9}$%, $46,_{7}$% и $17,_{3}$%; во всей же Саратовской губ. величина семьи по ревизіи равнялась у государственныхъ—$9,_{94}$, у удѣльныхъ—$10,_{76}$, у колонистовъ—$11,_{25}$ и у помѣщичьихъ—$7,_{03}$, и т. д. Такое, обыкновенно упускаемое изъ вида, но наиболѣе часто встрѣчающееся, соотношеніе между величиною „двора" у бывш. помѣщичьихъ и бывшихъ государственныхъ крестьянъ по ревизскимъ сказкамъ [2]), а также между размѣрами разницы у нихъ же въ величинѣ этого двора и величинѣ современной семьи, уже само по себѣ сильно подрываетъ значеніе обычныхъ построеній

---

[1]) При сводкѣ данныхъ по этой губерніи въ число бывш. помѣщичьихъ крестьянъ вошли (судя по цифрамъ относительно нѣкоторыхъ уѣздовъ) всѣ крестьяне, за исключеніемъ бывш. государственныхъ, т.-е. и бывш. своб. хлѣбопашцы, и бывшіе удѣльные, что должно нѣсколько повышать составъ двора по X ревизіи для этой группы крестьянъ въ ея цѣломъ.

[2]) Изъ значительнаго числа пересмотрѣнныхъ нами уѣздовъ обратное соотношеніе между величиною семьи у государственныхъ и у помѣщичьихъ крестьянъ по даннымъ ревизскихъ сказокъ мы встрѣтили лишь въ Духовщинскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи (по ревизіи у первыхъ $9,_{20}$ и у вторыхъ $10,_{78}$ душ. об. п., а теперь—$6,_{8}$ и $6,_{3}$) и въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Казанской, Новгородской и, особенно, Тверской губ. Приводимъ здѣсь

относительно господства „патріархальныхъ“ семей въ дореформенный періодъ времени и разложенія ихъ въ послѣдующее время. Въ самомъ дѣлѣ, если бы интересующія насъ цифры ревизскихъ сказокъ сколько-нибудь точно соотвѣтствовали дѣйствительности, то пришлось бы признать, во-первыхъ, что крупныя семьи и „рѣдкіе раздѣлы“ до 1861 г. имѣли мѣсто преимущественно у свободной или болѣе свободной части крестьянскаго населенія, а

всѣ цифры по этимъ 3-мъ губерніямъ (по Казанской губерніи у насъ есть данныя лишь по 9 уѣздамъ):

Уѣзды.	По X ревизіи душъ об. п. на 1 дворъ.		
	У помѣщ. крестьянъ.	У государств.	У удѣльныхъ.
Казанской губ.			
Свіяжскій.	5,99	8,63	—
Тетюшскій	6,50	8,53	8,44
Цивильскій	5,93	8,28	—
Мамадышскій . . .	5,61	8,21	9,84
Казанскій	6,37	8,49	7,78
Чистопольскій . . .	6,39	8,93	—
Царевококшайскій.	6,69	7,34	7,12
Чебоксарскій . . .	6,06	5,31	Помѣщ. крестьянъ въ этихъ уѣз. очень мало.
Ядринскій	6,56	5,70	
Новгородской губ.			
Новгородскій . . .	5,9	6,5	6,4
Демянскій . . .	6,3	7,0	7,9
Крестецкій	5,4	5,9	6,4
Боровичскій . . .	6,3	7,4	7,5
Тихвинскій	5,7	6,9	6,6
Череповецкій . . .	6,7	7,3	—
Кириловскій . . .	6,3	7,7	8,1

Уѣзды.	По X ревизіи душъ об. п. на 1 дворъ.		
	У помѣщ. крестьянъ.	У государств.	У удѣльныхъ.
Бѣлозерскій. . . .	6,4	7,0	9,3
Устюжскій	6,2	6,1	6,9
Старорусскій . . .	6,6	6,3	7,2
Валдайскій	6,7	6,2	6,6
Тверской губ.			
Тверской	7,6	7,8	9,0
Корчевской. . . .	6,8	7,3	—
Калязинскій . . .	8,0	9,6	7,4
Кашинскій	7,1	6,8	6,9
Весьегонскій . . .	6,4	6,7	5,9
Осташковскій . . .	7,2	7,3	8,0
Ржевскій	6,2	7,8	8,0
Новоторжскій . . .	8,1	6,5	6,6
Зубцовскій	8,5	7,3	—
Бѣжецкій	6,9	6,3	7,5
Вышневолоцкій .	7,6	6,5	6,5
Старицкій	7,8	7,2	6,6

Между прочимъ, здѣсь обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что въ Тверской и Новгородской губ. ревизскія данныя вообще даютъ чаще всего неособенно высокія цифры для средняго состава двора (иногда даже низкія), вслѣдствіе чего въ данномъ случаѣ трудно говорить о господствѣ крупныхъ семей даже по этимъ даннымъ. Слѣдуетъ отмѣтить также, что удѣльныхъ крестьянъ въ Тверской губ. во многихъ уѣздахъ очень мало.—Изъ другихъ губерній, напр., въ Нижегородской величина двора по ревизіи равнялась: въ Княгининскомъ уѣздѣ у собственниковъ изъ помѣщичьихъ—6,03, у государственныхъ—6,94 и у удѣльныхъ 7,49 душъ об. п.; въ Васильскомъ у., въ той же послѣдовательности,—6,37, 8,98 и 7,59; въ Балахнинскомъ у.—5,63, 8,11 и 6,41; въ Арзамасскомъ у.—6,20 8,06 и 7,28; въ Макарьевскомъ у.—5,69, 7,34 и 7,10; въ Горбатовскомъ—6,22 и 7,29 (удѣльныхъ нѣтъ), и въ Нижегородскомъ—7,61 и 6,23. Въ Кролевецкомъ у. Черниговской губ.—5,93 (помѣщ.), 7,93 (госуд.) и 7,47 (казаки); и т. д.

не у той, для которой существованіе въ то время крупныхъ семей обыкновенно объясняется прямыми запрещеніями раздѣловъ со стороны владѣльцевъ, и, во-вторыхъ, что разложеніе „патріархальной“ семьи, „развитіе личнаго начала“ и индивидуализма, стремленіе возможно полнѣе освободиться отъ всѣхъ наслѣдій крѣпостного права и проч. проявились съ особенною силою также въ тѣхъ группахъ населенія, для которыхъ дореформенный и пореформенный періоды наименѣе чувствительно разнились, и что, наоборотъ, эти явленія обнаружились сравнительно слабо среди самихъ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Такое положеніе вещей было бы, по меньшей мѣрѣ, странно, не говоря уже о томъ, что вообще пора бы отказаться отъ такихъ грубыхъ схемъ по отношенію къ глубокимъ явленіямъ народной и массовой хозяйственной жизни, какъ рѣзкое дѣленіе нашей новѣйшей исторіи на 2 части—1) до реформы 1861 г. и 2) послѣ нея, причемъ по одну сторону этого рубежа предполагается одно положеніе, а по другую совершенно иное и даже какъ бы противоположное прежнему. Несравненно правильнѣе и плодотворнѣе была бы здѣсь болѣе современная *эволюціонная* точка зрѣнія, по которой „пореформенный“ періодъ для глубоко лежащихъ жизненныхъ и хозяйственныхъ явленій долженъ быть ничѣмъ инымъ, какъ прямымъ органическимъ продолженіемъ „дореформенной“ исторіи, представляющимъ съ нею (по отношенію къ этого рода явленіямъ и особенно въ ближайшее время) больше сходствъ, чѣмъ различій (по крайней мѣрѣ—по существу, если не по формѣ). Во всякомъ же случаѣ, чтобы установить эти различія и новыя наслоенія, необходимо точно и детально уяснить строй дореформенной жизни и постепенный ходъ послѣдующихъ измѣненій въ этомъ строѣ, преемственно съ нимъ связанныхъ [1]).

Вѣроятность значительной разницы въ счетѣ семействъ при ревизіяхъ у крѣпостныхъ крестьянъ, съ одной стороны, и у государственныхъ, удѣльныхъ и т. п. категорій крестьянъ, съ другой, выяснится еще болѣе, если обратить вниманіе на самый порядокъ составленія ревизскихъ сказокъ [2]). Каждая послѣдующая ревизія производилась—отправляясь отъ сказокъ предъидущей ревизіи или свѣряясь съ ними, съ отмѣтками происшедшей послѣ составленія ихъ „убыли“ и „прибыли“. При такой постановкѣ дѣла, въ селеніяхъ государственныхъ, удѣльныхъ и т. п. крестьянъ обозначеніе раздѣлившихся семей подъ однимъ или подъ разными „номерами“ должно было стать въ полную зависимость отъ „оффиціальнаго“ счета семействъ и отъ того, былъ ли раздѣлъ въ данномъ случаѣ „самовольный“ или же „утвержденный установленнымъ порядкомъ“ [3]). Напротивъ, у крѣпостныхъ крестьянъ, „при

---

[1]) „Для пониманія нашего пореформеннаго хозяйства необходимо прежде всего изученіе хозяйства дореформеннаго. Общераспространенные въ публикѣ и нерѣдко высказываемые въ литературѣ взгляды на весь экономическій строй Россіи до реформы 1861 г. и, въ частности, на хозяйственное положеніе крестьянъ въ эту эпоху не могутъ выдержать самаго слабаго прикосновенія исторической критики... Повторяю: только пониманіе того экономическаго строя, ликвидація (?) котораго *началась* (?) 19 февраля 1864 г., можетъ пролить свѣтъ на экономическія явленія современности“ (П. Струве—„Критическія замѣтки по вопросу объ эконом. развитіи Россіи“, в. 1, стр. X).

[2]) См. краткій очеркъ I—X ревизій при „Статистическихъ таблицахъ Россійской Имперіи“, вып. II, изд. 1863 г. (сост. г. Бушеномъ).

[3]) При такомъ способѣ составленія ревизскихъ сказокъ нужно ожидать, что величина семействъ по этимъ сказкамъ нерѣдко росла съ каждою новою ревизіею. Мы не имѣемъ возможности провѣрить основательность такого предположенія на значительномъ количествѣ данныхъ; но вотъ одинъ примѣръ, повидимому, вполнѣ его подтверждающій. Въ извѣстной книгѣ г. Клауса—„Наши колоніи“, имѣются, между прочимъ, подробныя свѣдѣнія о численности населенія нѣмецкихъ колоній по V—X ревизіямъ. Беря цифры

полноправіи помѣщиковъ" въ дѣлахъ отбыванія рекрутской повинности, допущенія раздѣловъ и т. д., формальная сторона дѣла должна была, по отношенію къ счету семействъ, утрачивать большую часть своего значенія и самый этотъ счетъ *могъ* болѣе приближаться къ дѣйствительности: сказки на крѣпостныхъ подавались помѣщиками или ихъ уполномоченными, и если, тѣмъ не менѣе, въ нихъ практиковалось соединеніе „подъ однимъ номеромъ" раздѣльно живущихъ семей, то иногда уже потому, что,—какъ объясняется въ цитированномъ выше отзывѣ членовъ Симбирскаго Комитета,—*ревизскій* счетъ семействъ здѣсь имѣлъ нерѣдко лишь весьма малое реальное значеніе.

Такимъ образомъ, необходимо придти къ заключенію, что ревизскія данныя ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить сколько-нибудь пригоднымъ матеріаломъ для доказательства или провѣрки мнѣнія о значительно большей величинѣ крестьянскихъ семей въ дореформенный періодъ времени и что цифры ревизскихъ сказокъ чаще всего даютъ сильно преувеличенный составъ крестьянскаго двора или семейства, особенно—у крестьянъ государственныхъ, удѣльныхъ и т. п. Слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторые изслѣдователи, признавая существованіе въ прошломъ болѣе высокой нормы семейнаго состава, именно для этихъ послѣднихъ группъ дореформеннаго населенія (по крайней

этихъ ревизій по всѣмъ колоніямъ Камышинскаго у. (гдѣ колонистовъ въ 1886 г. было 13910 семей), получимъ слѣдующія измѣненія средняго числа душъ об. п. на 1 ревизскій дворъ или семейство:

Годы ревизій.	Среднее число душъ об. п. на 1 дворъ или семейство.
1788	6,27
1798	6,70
1816	7,56
1834	8,56
1850	11,13
1857	10,51

Трудно, конечно, предположить, чтобы ростъ колонистской семьи могъ въ дѣйствительности идти такимъ порядкомъ, какой указывается приведенными цифрами, тѣмъ болѣе, что у г. Клауса мы находимъ и прямыя подтвержденія несоотвѣтствія ревизскаго счета семействъ съ ихъ дѣйствительнымъ количествомъ. Въ одной изъ таблицъ г. Клауса по многимъ колоніямъ приводятся параллельныя цифры „семействъ" и „дворовъ" (которые авторъ понимаетъ въ смыслѣ „хозяйствъ") по ревизскимъ сказкамъ; цифры эти чаще всего не совпадаютъ между собою, причемъ несовпаденіе это въ разныхъ случаяхъ имѣетъ различный характеръ, т.-е. иногда „семействъ" показывается больше, чѣмъ „дворовъ" иногда же—наоборотъ. Мы не знаемъ, чѣмъ руководился г. Клаусъ при своемъ подсчетѣ числа тѣхъ и другихъ единицъ и насколько правильно сдѣлано имъ вообще ихъ различеніе въ общихъ таблицахъ. Но въ текстѣ его книги встрѣчаются отдѣльныя указанія, которыя настолько опредѣленны, что трудно въ нихъ усомниться. Такъ, въ кол. Рибендорфъ,—говоритъ онъ,—„по X ревизіи числится 150 семействъ, 771 душа м. п., дворовъ же или самостоятельныхъ хозяйствъ—264" (стр. 138). „Въ 1851 г. (около IX ревизіи) Молочанско-Меннонитскій округъ состоялъ изъ 47 колоній; въ немъ числилось—1636 *ревизскихъ* семействъ... *Наличнаго* населенія состояло: 2953 семейства, 8362 муж. и 7995 жен. пола душъ; изъ этого числа 2109 семействъ владѣли собственною усадебною осѣдлостью, а остальныя 844 семейства, не имѣя ни усадьбы, ни полевого надѣла, проживали на наемныхъ квартирахъ" (стр. 161—162; курсивъ принадлежитъ г. Клаусу, который пользуется въ данномъ случаѣ отчетомъ Молочанско-Меннонитской сельско-хозяйственной коммиссіею о состояніи округа за 1851 г.); по сказкамъ слѣдующей X ревизіи, т.-е. въ 1857 г., однако, въ томъ же округѣ значилось опять лишь 1935 семействъ, съ населеніемъ въ 9828 душъ муж. пола (прилож., стр. 38).

мѣрѣ—по отношенію къ нѣкоторымъ мѣстностямъ) измельчаніе семей относятъ къ болѣе раннему времени, чѣмъ періодъ, начинающійся освобожденіемъ крестьянъ. Такъ, извѣстный знатокъ крестьянскаго обычнаго права, Е. Якушкинъ, развивая мысль о „начавшихся уже давно", но особенно усилившихся „въ послѣднее время" измѣненіяхъ въ понятіяхъ крестьянъ о власти главы семьи надъ ея членами, говоритъ, между прочимъ: „Частые случаи семейныхъ раздѣловъ несомнѣнно (?) указываютъ на ослабленіе власти главы семьи. Власть эта начала терять свою силу задолго до 1861 г.; уже въ 40-хъ и 50-хъ годахъ у государственныхъ крестьянъ промышленныхъ губерній частые семейные раздѣлы были обычнымъ явленіемъ. Законъ, ограничивавшій раздѣлы, былъ совершенно безсиленъ, и къ 1861 г. у государственныхъ крестьянъ промышленныхъ мѣстностей большія семьи встрѣчались уже только какъ исключеніе. У крѣпостныхъ крестьянъ семейные раздѣлы нерѣдко задерживались помѣщиками. Съ 1861 г. начинаются усиленные семейные раздѣлы у временно-обязанныхъ крестьянъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ число этихъ раздѣловъ въ промышленныхъ мѣстностяхъ было такъ велико, что, напр., въ Ярославской губ. можно было съ перваго взгляда отличить селенія государственныхъ крестьянъ отъ селеній временно-обязанныхъ, по значительному числу новыхъ избъ и дворовъ въ послѣднихъ" [1]).

На чемъ основано предположеніе, что у государственныхъ крестьянъ промышленныхъ мѣстностей семейные раздѣлы были рѣдкими, а семьи—крупными, въ еще болѣе раннее время, авторъ не объясняетъ; но приведенная цитата, особенно—въ послѣдней ея части, весьма важна въ томъ отношеніи, что она съ замѣчательною ясностью указываетъ наиболѣе вѣроятныя реальныя основы распространеннаго мнѣнія о мельчаніи крестьянскихъ семей послѣ 1861 г. и тотъ путь, которымъ приходили къ нему наблюдатели и сами жители бывшей крѣпостной деревни. „Съ 1861 г. начинаются усиленные семейные раздѣлы" и у бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, говоритъ авторъ и выводитъ отсюда ослабленіе власти отца, существованіе раньше большого числа крупныхъ семей, которыя начавшимися усиленными раздѣлами безвозвратно уничтожаются, и т. д. Послѣдній выводъ, т.-е. заключеніе о мельчаніи семей на основаніи усиленныхъ или частыхъ раздѣловъ, какъ мы уже видѣли, совершенно незаконенъ; но самый фактъ, что у бывш. помѣщичьихъ крестьянъ съ начала 60-хъ годовъ начались усиленные семейные раздѣлы, едва ли подлежитъ сомнѣнію, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлается вполнѣ понятнымъ или, по крайней мѣрѣ, очень вѣроятнымъ одно изъ главныхъ основаній мнѣнія о дробленіи съ этого времени семей у бывш. крѣпостныхъ, а затѣмъ и у остальныхъ крестьянъ: учащеніе раздѣловъ безсознательно смѣшивалось съ мельчаніемъ семей (какъ оно смѣшивается постоянно и теперь), а такъ какъ у государственныхъ и др. крестьянъ также были на лицо частые раздѣлы, то сдѣланный выводъ распространялся и на нихъ.

Для выясненія этого важнаго вопроса мы обратимся къ другому нашему маститому изслѣдователю, П. П. Семенову, который говоритъ слѣдующее: „Бывшее *крѣпостное населеніе*, вовсе *не приросставшее* въ теченіе нынѣш-

---

[1]) „Обычное Право", вып. II, стр. XXII, изд. 1896 г.—Далѣе почтенный авторъ справедливо замѣчаетъ: „Стремленіе къ семейнымъ раздѣламъ, вызванное экономическими условіями быта, не можетъ быть остановлено закономъ, не измѣняющимъ этихъ условій; поэтому и законъ 18 марта 1886 г., ограничивающій раздѣлы, не имѣлъ тѣхъ послѣдствій, которыхъ отъ него ожидали". Можно только сказать, что такое стремленіе не можетъ быть задержано закономъ, чѣмъ бы оно ни вызывалось, такъ какъ причины его, во всякомъ случаѣ, очень глубоки и серьезны.

няго вѣка *до 1861 г.* (какъ это ясно доказываетъ сравненіе ревизій VII, VIII, IX и X), *послѣ 1861 г. стало приростать съ неимовѣрною быстротою...* Еще сильнѣе (?), чѣмъ населеніе, *возросло число дворовъ вслѣдствіе дѣлежей*, которые прежде были неестественно сдерживаемы крѣпостнымъ правомъ... *При крѣпостномъ правѣ... въ исключительныхъ случаяхъ* мѣстнаго прироста (населенія) *возникавшіе* вслѣдствіе того *дворы* надѣлялись помѣщиками землею", и т. д. [1]). Мы оставляемъ въ сторонѣ утвержденіе, что число дворовъ возростало еще сильнѣе, чѣмъ количество населенія, какъ не подтверждаемое никакими достовѣрными данными, а обращаемъ вниманіе на 2 факта: 1) до 1861 г. прироста населенія у крѣпостныхъ крестьянъ, какъ общаго явленія, не было, часто замѣчалась даже убыль его, а въ связи съ этимъ и семейные раздѣлы должны были составлять и, по многимъ отзывамъ, дѣйствительно составляли сравнительно рѣдкое явленіе, за исключеніемъ мѣстностей, дававшихъ и въ то время замѣтную прибыль населенія, и 2) послѣ 1861 г. бывшее крѣпостное населеніе стало давать значительный приростъ, а въ связи съ этимъ и семейные раздѣлы должны были пріобрѣсти характеръ общаго, повседневнаго и массового явленія, невольно поражая своими размѣрами и контрастомъ съ прежнимъ временемъ всѣхъ наблюдателей и самихъ крестьянъ, постоянно показывая на отдѣльныхъ примѣрахъ „вредъ" раздѣловъ, рѣзкую разницу въ хозяйственномъ положеніи не успѣвшихъ еще раздѣлиться семей (изъ числа достигавшихъ крупнаго состава) и уже раздѣлившихся и т. д. Хотя бы, въ конечномъ результатѣ, обычная норма семейнаго состава при этомъ не понижалась, однако, такое компенсированіе раздѣловъ однѣхъ семей ростомъ другихъ уже не могло быть констатировано простымъ наблюденіемъ.

Что бывшее крѣпостное населеніе давало и даетъ значительный приростъ въ пореформенный періодъ и что семейные раздѣлы были и теперь остаются у того же населенія частымъ явленіемъ въ теченіе указаннаго періода,—эти два положенія не нуждаются, конечно, въ какихъ-либо новыхъ доказательствахъ, такъ какъ они подтверждаются всею совокупностью имѣющихся данныхъ (если не касаться, конечно, отдѣльныхъ районовъ, группъ селеній и т. д.). Гораздо менѣе извѣстнымъ является фактъ отсутствія прироста и, частью, убыли того же населенія въ теченіе предшествовавшаго періода времени; но и онъ, повидимому, можетъ считаться прочно установленнымъ изслѣдованіями гг. Тройницкаго, Бунге и др. Результаты этихъ изслѣдованій вкратцѣ сгруппированы, между прочимъ, г. П. Струве въ его „Критическихъ замѣткахъ" (стр. 186 — 189), гдѣ особенно подчеркивается, что разсматриваемое явленіе не можетъ быть объяснено такими причинами, какъ перечисленіе части крѣпостного населенія въ другія сословія и т. п., а должно было стоять въ связи съ общимъ положеніемъ указаннаго населенія, неблагопріятнымъ для сколько-нибудь быстраго его размноженія. Такъ, г. Тройницкій, въ книгѣ о „Крѣпостномъ населеніи въ Россіи по X народной ревизіи" (изд. 1861 г.), высказывалъ слѣдующее: „Нѣтъ сомнѣнія, что и условія естественнаго приращенія въ этой части народонаселенія, т.-е. заключеніе браковъ (въ крѣпостномъ сословіи несвободныхъ), рождаемость и смертность, находятся въ положеніи менѣе выгодномъ и менѣе правильномъ, нежели въ другихъ сословіяхъ государства; нельзя не предположить, что весь экономи-

---

[1]) „Конская перепись 1882 г.", стр. XXVI.—Курсивъ принадлежитъ намъ.

ческій бытъ крѣпостного сословія находится въ ненормальномъ положеніи" [1]). Другіе же авторы, изслѣдовавшіе данный вопросъ, высказывались въ подобномъ смыслѣ еще болѣе опредѣленно.

Но фактъ болѣе или менѣе полнаго отсутствія или наличности лишь слабаго и мѣстнаго прироста населенія (а часто—убыли его) среди крѣпостныхъ крестьянъ приводитъ къ заключенію не только относительно рѣдкости случаевъ раздѣла семей у нихъ въ періодъ времени до 1861 г., но,—на основаніи указанной раньше связи величины семьи съ приростомъ населенія,—заставляетъ предполагать, что крѣпостныя семьи, *поскольку величина ихъ опредѣлялась даннымъ обстоятельствомъ*, должны были, въ общемъ, скорѣе быть болѣе мелкими по составу до 1861 г., чѣмъ въ послѣдующее время, а не наоборотъ. Въ томъ же направленіи должно было вліять въ крѣпостной періодъ и еще одно, очень важное, условіе, а именно—несомнѣнное существованіе своего рода хозяйственной опеки со стороны владѣльцевъ по отношенію къ принадлежавшимъ имъ крестьянамъ (особенно въ барщинныхъ имѣніяхъ), выражавшейся въ помощи при неурожаяхъ, пожарахъ, падежахъ скота, а также при нуждѣ и утратѣ скота и проч. отдѣльными хозяевами [2]). Едва-ли можно сомнѣваться, что однимъ изъ главнѣйшихъ реальныхъ основаній для возможнаго „воздержанія" отъ раздѣловъ являются преимущества болѣе крупныхъ семей въ борьбѣ съ неблагопріятными хозяйственными условіями и потому такое „воздержаніе" должно имѣть гораздо большее значеніе средъ населенія, принужденнаго вести эту борьбу почти исключительно собственными силами, чѣмъ среди населенія, находившагося въ условіяхъ, создававшихся крѣпостнымъ правомъ; поэтому, при существованіи послѣдняго, *само населеніе* должно было, повидимому, въ меньшей степени тяготѣть къ болѣе высокой нормѣ семейнаго состава. Правда, сторонниками болѣе крупныхъ семей были помѣщики, которые, какъ указывается нерѣдко, сдерживали стремленіе крестьянъ къ раздѣламъ или иногда „даже вовсе не допускали послѣднихъ у своихъ крѣпостныхъ; бывали даже случаи принудительнаго соединенія двухъ крестьянскихъ семействъ въ одну семью" [3]). Но многіе ли владѣльцы такъ дѣйствовали, часты ли были подобные „случаи" и т. д., мы не знаемъ; вѣроятнѣе всего, что это были именно „отдѣльные случаи" у „нѣкоторыхъ помѣщиковъ", такъ какъ и самый вопросъ о раздѣлѣ, при отсутствіи или при слабомъ приростѣ населенія, могъ въ то время возникать сравнительно рѣдко (при каковомъ условіи, въ сущности, только и допустима возможность „запрещенія" и вообще регулированія раздѣловъ). Во всякомъ случаѣ, намъ кажется трудно мыслимымъ такое широкое значеніе прямого вмѣшательства помѣщичьей власти въ сферу семейнаго быта крѣпостныхъ крестьянъ, которое могло бы создать и искусственно поддерживать значительно повышенную

---

[1]) Стр. 56. Цитир. по названному сочиненію г. Струве. — Одну изъ главныхъ причинъ убыли крестьянскаго населенія за періодъ времени въ VIII до X ревизіи (т.-е. съ 1836 по 1858 г.), равнявшейся 250000 душъ об. п., при возростаніи всего народонаселенія Имперіи (не включая Царства Польскаго, Великаго Княжества Финляндскаго и не входившихъ въ перепись регулярныхъ войскъ и киргизовъ Оренбургскаго вѣдомоства) за тотъ же 22-лѣтній промежутокъ времени съ 53,600,000 до 62,600,000 душъ об. п., г. Тройницкій видѣлъ въ „особенномъ вліяніи на крѣпостное населеніе отбыванія въ натурѣ рекрутской повинности".

[2]) Совершенно „упадавшія" въ хозяйственномъ отношеніи семьи, какъ имѣется много указаній, въ барщинныхъ имѣніяхъ часто брались „во дворъ" или назначались для отправленія обязанностей по караулу и проч., каковой порядокъ, съ разсматриваемой точки зрѣнія, долженъ былъ также имѣть значеніе, сходное съ общею системою крѣпостной опеки.

[3]) Е. Якушкинъ—„Обычное Право", вып. II, стр. XXII.

норму семейнаго состава наперекоръ противоположному вліянію такихъ важныхъ общихъ условій, какъ слабый приростъ (если не убыль) населенія и, слѣдовательно, малый % ростущихъ по величинѣ семей, указанная система крѣпостной опеки и т. п. Для уясненія того, насколько мало, въ дѣйствительности, крѣпостная деревня представляла картину господства крупныхъ „патріархальныхъ“ семей, весьма характернымъ является, напримѣръ, слѣдующее мнѣніе 36 членовъ Губернскихъ Комитетовъ „второго приглашенія“, высказанное по вопросу о желательномъ составѣ сельскихъ сходовъ у крестьянъ, освобождаемыхъ отъ крѣпостной зависимости: „Если допустить на сельскіе сходы по одному крестьянину отъ каждаго двора, то лучшіе домохозяева... не будутъ имѣть достаточнаго вліянія на рѣшеніе дѣлъ и, такимъ образомъ, всѣ приговоры сходовъ перейдутъ во власть *однотягольныхъ крестьянъ*, людей, большею частью бѣдныхъ, охотниковъ до передѣла полей и противниковъ всякой денежной раскладки на предметы общественной надобности. Поэтому было бы полезнѣе... предоставить нѣкоторыя преимущества многотягольнымъ крестьянамъ, постановивъ, что 2- и 3-тягольный дворъ даетъ своему представителю на сходѣ 2 голоса, 4-и 5-тягольный — 3 голоса и т. д. Это преимущество содѣйствовало бы вмѣстѣ съ тѣмъ къ предотвращенію семейныхъ раздѣловъ, столь вредныхъ и разорительныхъ для крестьянъ“ [1]).

Впрочемъ, по отношенію къ *барщиннымъ* имѣніямъ (по крайней мѣрѣ—нѣкоторымъ),—на ряду съ указанными обстоятельствами, которыя должны были вести скорѣе къ мельчанію крестьянскихъ семей,—возможно допустить противоположное вліяніе самаго существованія барщинной повинности: необходимость отдавать помѣщику, по меньшей мѣрѣ, половину всего рабочаго времени дѣйствительно могла вынуждать крестьянъ особенно дорожить составомъ семьи, при которомъ число работниковъ было бы не менѣе двухъ, поскольку, конечно, такая норма семейнаго состава была достижима и прочна для болѣе или менѣе значительнаго числа семей при слабомъ ростѣ или даже убыли всего населенія. Однорабочія семьи принуждены были часто самымъ невыгоднымъ образомъ дробить силы своего единственнаго работника между барщинными работами и своимъ хозяйствомъ, тогда какъ при наличности хотя бы 2 работниковъ барщина могла быть отбываема каждымъ изъ нихъ поочередно (понедѣльно и т. д.), при чемъ одинъ работникъ всегда могъ оставаться для исполненія работъ по собственному хозяйству. Однако, установить дѣйствительное значеніе даннаго обстоятельства,—при полной невыясненности до сего времени фактической организаціи крѣпостного хозяйства,—не представляется возможнымъ. Изъ труда г. Скребицкаго и др. источниковъ видно только, что въ разныхъ имѣніяхъ и мѣстностяхъ существовали различные порядки отбыванія барщины: съ одной стороны—послѣдняя отбывалась иногда всѣми тяглами въ теченіе 3 дней въ недѣлю, а съ другой стороны — половиною тяголъ въ теченіе всѣхъ 6 рабочихъ дней; въ третьихъ случаяхъ, наконецъ, примѣнялся смѣшанный порядокъ. [2]).

---

[1]) Скребицкій—„Крестьянское дѣло“, т. I, стр. 434.—Курсивъ нашъ.

[2]) То же было и въ прошломъ столѣтіи: „Тамъ, гдѣ существовала 3-дневная барщина, она исполнялась крестьянами двоякимъ образомъ: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ всѣ крестьяне какого-нибудь помѣщика работали на господина 3 дня въ недѣлю и 3 дня на себя... Въ другихъ мѣстностяхъ дѣлали такимъ образомъ: если въ семьѣ было два мужика, то одинъ постоянно, кромѣ праздниковъ, работалъ на помѣщика, а другой на себя“ (Семевскій—„Крестьяне въ царствованіе Имп. Екатерины II“, стр. 59).—Насколько, однако, мало извѣстенъ до сихъ поръ крѣпостной строй хозяйственныхъ отношеній въ различныхъ мѣстностяхъ и въ насколько неожиданную форму отливались иногда эти отношенія въ дѣйствительности, можно отчасти судить, напр., по слѣдующимъ выпискамъ изъ показаній крестьянъ,

Затѣмъ, вообще у крѣпостныхъ крестьянъ и, въ особенности, у барщинныхъ существовала еще одна причина, по которой личный составъ *крестьянскихъ дворовъ* (въ болѣе узкомъ смыслѣ этого слова) долженъ былъ оказываться нѣсколько повышеннымъ. Дѣло въ томъ, что,—какъ это указано было выше,—приходившія въ упадокъ маломощныя, т.-е. мелкія, безрабочія, и т. п. семьи, нерѣдко брались „во дворъ", назначались для караула и т. д. и, такимъ образомъ, выдѣлялись изъ остальной массы полнотягольнаго крестьянства; во всякомъ же случаѣ, въ счетъ крестьянскихъ дворовъ" они едва ли полагались, (такъ же, какъ и проживавшія на сторонѣ оброчныя семьи), чѣмъ и долженъ былъ повышаться семейный составъ этихъ дворовъ [1]). Но это обстоятельство, очевидно уже не имѣетъ

набранныхъ нами въ 1889 г., при изслѣдованіи Ивановской вол. Богородскаго уѣзда Московской губ. (представляющей собою мѣстность съ сильнымъ развитіемъ кустарной и фабричной промышленности). Въ с. Ивановскомъ, дд. Котельникахъ, Якушевой и части дер. Черноголовки, принадлежавшихъ одному владѣльцу, до 1861 г. большинство крестьянъ состояли на барщинѣ и лишь меньшинство — на оброкѣ, при чемъ на оброкъ отпускались не цѣлыя семьи, а лишь отдѣльные члены изъ болѣе исправныхъ дворовъ, имѣвшихъ не менѣе 3 работниковъ; одинъ изъ послѣднихъ обыкновенно уходилъ на фабричные заработки и платилъ за себя оброкъ, а остальные двое—правили барщину. Барщинные крестьяне работали на помѣщика круглый годъ по 3 дня въ недѣлю, а въ особенно нужное время сгонялись всѣ и не въ очередь; на работы выходили съ тягла мужъ и жена, а не въ очередь сгонялись также парни и дѣвушки. Одинокіе работали день на себя и день на помѣщика, а гдѣ было 2 работника—одинъ все время на себя, другой же все время на помѣщика. Изъ малыхъ семей работники также могли уходить на заработки, но въ такихъ случаяхъ они нанимали за себя годовыхъ работниковъ, которые замѣняли ихъ и по хозяйству, и на барщинѣ; всего въ 4 селеніяхъ крестьяне держали до 30 работниковъ, которыхъ нанимали въ Москвѣ (въ 1889 году на всѣ 4 селенія имѣлся лишь 1 батракъ у одного хозяина). Въ дд. Сутокахъ и Сукманихѣ крестьяне числились на барщинѣ, но фактически жили больше по фабрикамъ, причемъ за себя нанимали работниковъ; если въ семьѣ было два брата, то она нанимала одного работника одна, а мелкія семьи нанимали по 1 работнику на 2 семьи: всего на два селенія въ то время было до 30 батраковъ (въ 1889 г. не было ни одного батрака). Въ с. Каблуковѣ отбывалась барщина по 4 дня въ недѣлю лѣтомъ и по 3 дня — зимою, но сами крестьяне изстари были фабричные: малосемейные для отбыванія барщины, нанимали за себя работниковъ, обыкновенно — на 2 семьи одного работника; всего въ селеніи было до 20 батраковъ. Въ одной изъ общинъ с-ца Кромлина крестьяне состояли также на 3-дневной барщинѣ, но сами жили почти всѣ на фабрикахъ, а вмѣсто себя держали работниковъ.

[1]) Такое исключеніе части семей (съ которыхъ снята земля, которыя не имѣютъ избъ, а также вдовы и т. п.) должно было имѣть и теперь имѣетъ мѣсто при всякомъ „оффиціальномъ" счетѣ дворовъ. Даже сами крестьяне при земскихъ переписяхъ только послѣ особыхъ разъясненій и напоминаній обыкновенно вызываютъ или указываютъ такія семьи, полагая, что „писать ихъ нечего, ничего у нихъ нѣтъ".— „Число дворовъ, исчисленное по нашей переписи,—говоритъ, напр., Е. И. Красноперовъ въ своей работѣ по Енапаевской вол. Пермской губ.,—гораздо болѣе того, какое значится оффиціально (338 вмѣсто 309), такъ какъ физическій раздѣлъ семей далеко опережаетъ ихъ оффиціальную регистрацію, фиктивно считающую заднимъ числомъ многія раздѣлившіяся семьи нераздѣленными. Кромѣ этого, нашъ счетъ увеличился еще хозяйствами неокладными, какъ-то: солдатскими, женскими, хозяйствами стариковъ — одиночекъ, которыя въ оффиціальный счетъ не принимаются" (стр. 18).—Хозяйства послѣдней категоріи существовали, конечно, и въ помѣщичьихъ имѣніяхъ до 1861 г. „На практикѣ,— указывало, напр., меньшинство членовъ Самарскаго Губ. Комитета въ концѣ 50-хъ годовъ,—нерѣдко попадаются въ деревняхъ небольшіе дворы и землянки, въ которыхъ проживаютъ одинокіе бобыли, отставные солдаты, бездѣтныя вдовы, не получающіе тягловаго надѣла"; но что такія семьи едва ли включались въ общій счетъ „крестьянскихъ дворовъ", можно судить по тому, что нѣкоторые Губ. Комитеты (какъ Орловскій) не признавали за бобылями даже права на выкупъ занятыхъ ими усадебныхъ участковъ (только одинъ изъ членовъ названнаго Комитета, „относительно лишенія усадебъ бобылей, замѣтилъ, что бобыли, принадлежа къ одному сословію съ крестьянами, должны воспользоваться одинаковыми съ ними правами,... тѣмъ болѣе, что бобыль завтра же можетъ сдѣлаться тяглецомъ"). Точно также почти всѣ Комитеты относили къ принадлежностямъ

прямого отношенія къ разсматриваемому вопросу, касаясь скорѣе того или иного способа счета крестьянскихъ семей или дворовъ [1]).

Все до сихъ поръ сказанное относится, однако, преимущественно къ той части дореформеннаго періода, которая по времени наиболѣе близко соприкасается съ періодомъ пореформеннымъ; но, повидимому, такъ же мало имѣется вѣскихъ основаній предполагать господство или широкую распространенность семей иного типа и размѣра въ крестьянской средѣ и въ болѣе давнее время. Такъ, во второй половинѣ прошлаго столѣтія, какъ и много позже того, „считая семейные раздѣлы вредными для благосостоянія крестьянъ, а слѣдовательно и для себя, нѣкоторые помѣщики не дозволяли ихъ вовсе или допускали въ весьма рѣдкихъ случаяхъ... Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что самыя жалобы агрономовъ на вредъ семейныхъ раздѣловъ указываютъ, что они совершались весьма часто". Въ частности, „мы видимъ, что въ нечерноземныхъ губерніяхъ, гдѣ крестьяне болѣе занимались отхожими промыслами и гдѣ, слѣдовательно, при меньшемъ развитіи земледѣлія, менѣе чувствовалась потребность въ общемъ трудѣ большой семьи, на одинъ дворъ обыкновенно приходилось гораздо менѣе душъ, чѣмъ въ черноземныхъ губерніяхъ. Экономическія причины, конечно, вызывали тутъ и иной складъ характера, большее развитіе личности и т. п. Не смотря на то, что помѣщики могли, по своему усмотрѣнію, ограничивать семейные раздѣлы, оказывается, однако, вопреки общераспространенному мнѣнію о ихъ сильномъ вліяніи въ этомъ отношеніи, что при Екатеринѣ II въ нечерноземной полосѣ, въ губерніяхъ съ весьма развитыми отхожими промыслами и значительнымъ распространеніемъ оброчной системы, это вліяніе было совершенно ничтожно. Такъ, на основаніи „экономическихъ примѣчаній" мы получили слѣдующій,

---

помѣщичьей усадьбы (а не къ крестьянскому поселенію) „всѣ помѣщенія должностныхъ крестьянъ при экономическихъ заведеніяхъ"; объ обезпеченіи этихъ крестьянъ при освобожденіи усадебною осѣдлостью упоминали только два Комитета (Скребицкій, т. II, в. II, стр. 721, 728 и 729).

[1]) Выше было указано, что въ помѣщичьихъ имѣніяхъ ревизскій счетъ семействъ могъ быть болѣе близкимъ къ дѣйствительности, чѣмъ у государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ, поскольку этотъ счетъ находился въ зависимости отъ существованія ограничительныхъ правилъ о семейныхъ раздѣлахъ у послѣднихъ категорій крестьянъ. Но слѣдуетъ замѣтить, что хозяйственный и вообще выработанный условіями обыденной жизни крѣпостного періода счетъ крестьянскихъ „дворовъ" также имѣлъ весьма мало общаго съ современнымъ счетомъ крестьянскихъ семей или хозяйствъ, какъ это частью уже указано въ текстѣ и въ предыдущемъ примѣчаніи. Самые термины: „дворъ" „домохозяйство", „домохозяинъ" и т. п., достаточно указываетъ на этотъ фактъ, хотя эти термины перешли и въ новѣйшія статистическія работы въ качествѣ условныхъ синонимовъ болѣе точныхъ обозначеній—„семья" и „хозяйство". Насколько отличное, однако, значеніе отъ современнаго условнаго его пониманія имѣлъ иногда терминъ „дворъ", можно видѣть, напр., изъ слѣдующаго примѣра. Саратовскій Комитетъ 1858—59 гг. (по выработкѣ проекта положенія объ устройствѣ и улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ), состоявшій изъ мѣстныхъ дворянъ, въ своихъ программахъ описанія отдѣльныхъ имѣній и въ сводкахъ полученныхъ свѣдѣній употребляетъ выраженіе—число „крестьянскихъ дворовъ или усадебъ"; при этомъ, въ общемъ выводѣ по губерніи, такихъ „дворовъ" было насчитано (по описаннымъ имѣніямъ) 68010, а ревизскихъ душъ об. п. въ нихъ—517190; слѣдовательно, на 1 „дворъ или усадьбу" приходилось $7_{,60}$ души об. п. Между тѣмъ, даже по сказкамъ только что произведенной тогда X ревизіи на 1 дворъ или семейство у помѣщичьихъ крестьянъ Саратовской губ. приходилось лишь $7_{,03}$ души об. п.; иначе говоря, счетъ самыхъ помѣщиковъ далъ даже большую величину „двора", чѣмъ счетъ ревизскій, произведенный почти одновременно съ нимъ. Очевидно, однако, что принятый помѣщиками способъ счета дворовъ (вѣроятно—въ различныхъ мѣстностяхъ далеко не одинаковый) не могъ не отражаться и на порядкѣ составленія ревизскихъ сказокъ по ихъ имѣніямъ.

совершенно точный (?), выводъ. Въ Ярославской губ. у помѣщичьихъ крестьянъ приходилось по 2,8 душ. муж. п. на дворъ; тоже было и у экономическихъ крестьянъ. Въ Костромской губ. семьи помѣщичьихъ крестьянъ были даже болѣе раздроблены, чѣмъ экономическихъ и дворцовыхъ: у крѣпостныхъ приходилось по 2,5 д. м. п. на дворъ, у экономическихъ по 2,6 и у дворцовыхъ по 2,7. Наоборотъ, въ Нижегородской губ. крѣпостныя семьи были нѣсколько болѣе, чѣмъ у крестьянъ другихъ наименованій: въ помѣщичьихъ вотчинахъ приходилось по 3 д. на дворъ, а у экономическихъ и дворцовыхъ крестьянъ по 2,8. Что касается черноземныхъ губерній, то мы знаемъ, что въ Тульской, съ особенно развитою барщинною системою, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ семьи были значительно многолюднѣе, чѣмъ у крестьянъ государственныхъ: въ помѣщичьихъ вотчинахъ приходилось по 4,3 д. м. п. на одинъ дворъ, а въ среднемъ выводѣ относительно крестьянъ всей губерніи мы получаемъ 4 души, слѣдовательно—у государственныхъ крестьянъ оказывается значительно менѣе 4 душъ на дворъ. Наоборотъ, въ Тамбовской губ., гдѣ также преобладала барщинная система, хотя семьи у крестьянъ, какъ и вообще въ черноземной полосѣ, были значительно крупнѣе, чѣмъ въ нечерноземныхъ губерніяхъ,—по 3,8 душ. м. п. на дворъ, но не крупнѣе, чѣмъ у крестьянъ государственныхъ: у однодворцевъ этой губерніи было также по 3,8 души на дворъ. Какъ бы то ни было, относительно прошлаго столѣтія мы должны признать, что въ нечерноземной полосѣ вліяніе помѣщиковъ на семейные раздѣлы было ничтожно, а въ черноземной, повидимому, менѣе значительно, чѣмъ слѣдовало бы ожидать. Попытки помѣщиковъ, пробовавшихъ вводить въ этомъ отношеніи строгую регламентацію, должны были встрѣчать упорное сопротивленіе со стороны крестьянъ" [1]).

Конечно, нельзя согласиться съ авторомъ цитируемаго изслѣдованія, что „экономическія примѣчанія" (къ даннымъ генеральнаго межеванія) позволяютъ сдѣлать „совершенно точный" выводъ относительно состава крестьянской семьи въ концѣ прошлаго столѣтія: мы имѣемъ здѣсь опять не „семью-хозяйство" въ современномъ нашемъ пониманіи, а „крестьянскіе дворы", въ неясномъ для насъ смыслѣ сосчитанные межевщиками того времени. Но такъ какъ всякій оффиціальный счетъ „дворовъ" (при сравнительно точномъ въ то-же время счетѣ „душъ") долженъ давать ни въ какомъ случаѣ не уменьшенную, а преувеличенную величину „двора" по сравненію съ дѣйствительною величиною „семьи", то цифры г. Семевскаго, несомнѣнно оправдываютъ его выводъ о немноголюдности крестьянскихъ семей въ концѣ прошлаго вѣка [2]). По сравненію съ обычными въ настоящее время размѣрами семьи, только составъ „двора" въ Тамбовской губ. и особенно „двора" крѣпостныхъ крестьянъ Тульской губ., по этимъ цифрамъ, оказывается имѣющимъ сравнительно большую величину [3]).

---

[1]) В. И. Семевскій — „Крестьяне въ Царствованіе Императрицы Екатерины II" стр. 286—287.

[2]) Сопоставляя приводимыя имъ цифры съ ревизскими и др. оффиціальными данными позднѣйшаго времени и довѣряя послѣднимъ, г. Семевскій высказываетъ поэтому мнѣніе, что „передъ уничтоженіемъ крѣп. права семьи помѣщичьихъ крестьянъ... были вообще гораздо многолюднѣе, чѣмъ въ прошломъ столѣтіи. Быть можетъ, это объясняется усиленіемъ вліянія помѣщиковъ на крестьянскую жизнь, что, въ свою очередь, связано съ замѣною во множествѣ имѣній чисто оброчной системы смѣшанною, дававшею большой просторъ такому вліянію" (тамъ же, стр. 287).

[3]) Въ Тамбовской губ., по земской переписи, душъ *обоего пола* на 1 семью оказалось, какъ мы видѣли, $6_{,65}$; въ частности же — у быв. помѣщичьихъ $6_{,33}$ и у остальныхъ $6_{,91}$.

По Черниговской губ. земскими статистиками разработаны были, между прочимъ, данныя извѣстной „Румянцовской описи“ 1767 г., причемъ для Кролевецкаго, Суражскаго и Городницкаго уѣздовъ средняя величина семьи по этой описи опредѣлилась въ 6,0 душъ об. п., а по земской переписи начала 80-хъ годовъ настоящаго столѣтія—въ 6,0 душъ об. п. [1]). Въ частности, напр., въ Кролевецкомъ уѣздѣ величина семьи въ 1767 г. равнялась 6,3 душъ об. п., а въ 1883 г.—5,7 душъ об. п., что даетъ „разницу настолько незначительную, что ею можно пренебречь, особенно въ виду нѣкоторыхъ неточностей регистраціи прошлаго вѣка, и считать численный составъ семей одинаковымъ“ [2]).

---

[1]) А. Ѳ. Фортунатовъ—„Сельско-хозяйственная статистика“.

[2]) „Юридич. Вѣстникъ“, 1888 г., 12, „Изъ исторіи экономич. быта“, стр. 630.—Изъ названныхъ 3 уѣздовъ Черниговской губ. у насъ имѣется въ рукахъ сборникъ „Матеріаловъ для оцѣнки земел. угодій“ лишь по Кровелевецкому уѣзду. Составитель его, г. Червинскій, обсуждая вопросъ о сравнимости данныхъ Румянцовской описи съ данными современной переписи, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее; „Графа 2-я, число дворовъ,—требуетъ оговорки. Въ современной переписи (1883 г.)... терминъ „дворъ“ понимался въ экономическомъ смыслѣ, какъ отдѣльное самостоятельное „хозяйство“,... такъ что, если встрѣчались, напр., двѣ семьи, имѣвшія каждая свой отдѣльный скотъ и свою землю, то, хотя бы онѣ жили въ одномъ дворѣ или даже въ одной хатѣ,—онѣ все-таки считались за двѣ самостоятельныя хозяйственныя единицы и регистрировались, какъ два двора. Но что подразумѣвали подъ „дворомъ“ Румянцовскіе ревизоры, да и могли ли они вообще добиваться какихъ либо точныхъ разграниченій?—Сравненіе бѣловыхъ описей съ черновыми, гдѣ таковыя сохранились, показываетъ, что въ этомъ отношеніи у нихъ господствовалъ достаточный произволъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ пришлось констатировать нѣсколько случаевъ, когда два или даже три двора, показанные по черновой описи отдѣльно, съ особымъ спискомъ скота и земли, словомъ со всѣми признаками самостоятельнаго хозяйства, соединялись затѣмъ въ бѣловой описи въ одинъ номеръ и фигурировали, какъ одинъ дворъ. Нужно думать, что такъ дѣлалось и по другимъ описямъ, для которыхъ не сохранилось черновыхъ. А въ такомъ случаѣ всѣ среднія числа (населенія, скота, земли и пр.)... для одного двора должны быть нѣсколько больше тѣхъ, которыя получились бы при перечисленіи на одно хозяйство“ (стр. 67).

Приведя слѣдующія цифры группировки семей по работникамъ:

Число хозяевъ (въ процентахъ):

	Безъ раб.	Съ 1 раб.	Съ 2 раб.	Съ 3 раб.	Съ 4 раб.	Всего.
1767 годъ.	7,8	55,1	24,4	8,0	4,7	100,0
1883 годъ.	8,2	61,1	23,4	6,2	1,1	100,0

г. Червинскій вновь оговаривается, что „Румянцовская регистрація, собственно говоря, не знала „хозяйства“ въ смыслѣ... современной переписи и въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, случаяхъ она соединяла подъ однимъ нумеромъ по нѣскольку хозяйственныхъ единицъ. Такъ что въ числѣ полученныхъ Рум. Описью 13% многорабочихъ дворовъ есть и такіе, которые для точности сравненія слѣдовало бы расколоть на нѣсколько хозяйствъ“ (стр. 81). Въ другомъ мѣстѣ авторъ замѣчаетъ: „Въ противность всякимъ ожиданіямъ, семья прошлаго вѣка оказывается только немногимъ крупнѣе теперешней (6,3 противъ 5,7)..., да и то часть этой разницы должна быть отсчитана на неодинаковость пріемовъ регистраціи, такъ что наклонность къ раздѣламъ и дробленію семей въ прежней Малороссіи была не меньше, или развѣ только немногимъ меньше, противъ теперешней. Какъ кажется, она нѣсколько сдерживалась только крѣпостнымъ помѣщикомъ; по крайней мѣрѣ, по даннымъ ревизіи 1858 г., размѣръ семьи выходитъ наибольшій—почти въ 7 душъ (6,9). Т.-е. крѣпостная семья была больше семьи прошлаго столѣтія“. (стр. 79). Однако, здѣсь выраженіе „крѣпостная семья“ употреблено совершенно ошибочно и ошибочно приписано повышеніе величины семьи къ 1858 г. воздѣйствію помѣщиковъ: изъ приводимыхъ далѣе таблицъ (стр. 187—188 и 280—281) видно, что на самомъ дѣлѣ по ревизскимъ сказкамъ наиболѣе повышеннымъ составъ семьи оказывается не у помѣщичьихъ крестьянъ, а у казаковъ. Въ общемъ же, за три періода получаются слѣдующія цифры:

По отношенію къ XVI и XVII столѣтіямъ обширный матеріалъ для сужденія о величинѣ крестьянской семьи и самихъ крестьянскихъ хозяйствъ (по размѣрамъ запашки) заключаютъ въ себѣ, какъ извѣстно, „писцовыя“ и и „переписныя“ книги того времени. Мы не будемъ, однако, подробно касаться здѣсь этихъ данныхъ, рекомендуя интересующимся ими обратиться, напр., къ изслѣдованіямъ г. Лаппо-Данилевскаго и, особенно, г. Рожкова [1]). Свѣдѣнія о населеніи, заключающіяся въ указанныхъ матеріалахъ, конечно, не могутъ считаться точными; но общая картина, даваемая ими, говоритъ во всякомъ случаѣ для громаднаго большинства мѣстностей скорѣе за господство мелкихъ семей и мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ (несмотря на экстенсивность тогдашняго земледѣлія) или среднихъ, но не крупныхъ. Очевидно, такимъ образомъ, что если бы даже передъ 1861 г. „большія семьи“ дѣйствительно имѣли широкое распространеніе, то съ „патріархальностью“, въ смыслѣ переживанія или остатка болѣе древняго или „первобытнаго“ семейнаго строя, такое явленіе едва ли могло имѣть что-нибудь общее; оно могло бы быть,—какъ это допускаетъ г. Семевскій,—лишь сравнительно „новымъ“ результатомъ высшаго расцвѣта крѣпостныхъ отношеній въ мѣстностяхъ, въ которыхъ наиболѣе долго существовала и получила особенно сильное развитіе барщинная система веденія помѣщичьяго хозяйства. Среди государственныхъ и т. п. крестьянъ, а также значительной (если не большей) части крѣпостного населенія, данное явленіе не могло бы получить уже и такого объясненія. Правда, если нельзя найти вѣскихъ основаній за то, чтобы въ дореформенный періодъ господствовали вообще крупныя семьи, то остаются на лицо обычные доводы относительно вѣроятности или даже необходимости сравнительнаго мельчанія семей въ послѣдующее время, какъ то—развитіе „личности“ и индивидуализма среди крестьянъ, обостреніе эгоистическихъ тенденцій подъ вліяніемъ все большаго „утѣсненія въ землѣ“ и развитія денежнаго хозяйства, проникновеніе въ болѣе широкихъ размѣрахъ внутрь семьи „раздѣленія занятій“ и т. д. Но очевидно, что всѣ эти доводы могли бы имѣть извѣстное значеніе для *объясненія* уже констатированнаго факта сокращенія размѣровъ семьи; для *доказательства* же его существованія они совершенно непригодны, такъ какъ, во-первыхъ, сами указанныя явленія не представляютъ, въ значительной мѣрѣ, чего-либо точно установленнаго и даже достаточно яснаго, а, во-вторыхъ, наряду съ ними, могутъ имѣть мѣсто вліянія и другого рода, имъ противоположныя. Важное значеніе въ послѣднемъ смыслѣ должно имѣть, напримѣръ, хотя бы слѣдующее об-

---

	Среднее число душъ обоего пола на 1 дворъ.		
	Казаки.	Государств. кр-не.	Помѣщичьи кр-не.
1765-69 гг. (половина уѣзда).	$6_{,6}$ (всего 1976 дв.).	$8_{,1}$ (всего 233 дв.).	$5_{,6}$ (всего 1431 дв.).
1858 г. (весь уѣздъ). . . .	$7_{,5}$	$8_{,0}$	$5_{,9}$
1883 г. (весь уѣздъ). . . .	$5_{,6}$	$5_{,8}$	$5_{,6}$
„ (половина уѣзда, къ которой относятся данныя 1765-69 гг.).	$5_{,5}$ (всего 4596 дв.).	$6_{,2}$ (всего 1033 дв.).	$5_{,6}$ (всего 2573 дв.)

[1]) „Организація прямого обложенія въ Московскомъ Государствѣ“ и „Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в.“.

стоятельство, уже намѣченное нами выше, при сравненіи положенія бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ до и послѣ освобожденія. Съ увеличеніемъ плотности населенія, съ ростомъ арендныхъ цѣнъ, а также государственнаго, земскихъ, волостныхъ и мірскихъ бюджетовъ, съ упадкомъ многихъ промысловъ, съ общимъ развитіемъ денежнаго хозяйства и проч., крестьянскимъ семьямъ приходится вести хозяйство при все болѣе и болѣе трудныхъ условіяхъ, при чемъ въ борьбѣ съ послѣдними отдѣльныхъ хозяйствъ должна играть немаловажную роль величина семьи, т.-е. большая способность крупныхъ семей противостоять воздѣйствію неблагопріятныхъ условій. Поэтому, поскольку указанныя сейчасъ измѣненія въ условіяхъ крестьянскаго хозяйства не могутъ быть отрицаемы, постольку же необходимо допустить существованіе постепенно ростущаго по своему значенію важнаго реальнаго основанія для воздержанія отъ большаго дробленія семей (если не для тенденціи къ повышенію обычной нормы семейнаго состава); сохраненіе установившейся раньше нормы (или даже извѣстное повышеніе ея) должно явиться въ данномъ случаѣ однимъ изъ важныхъ средствъ самообороны или борьбы за существованіе со стороны мелкаго крестьянскаго хозяйства. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ этомъ именно обстоятельствѣ слѣдуетъ видѣть причину обнаруженной для нѣкоторыхъ мѣстностей приведенными раньше данными тенденціи къ повышенію средней величины семьи и увеличенію количества многорабочихъ семей. По отношенію же, въ частности, къ *наличнымъ* семьямъ, т.-е. проживающимъ на мѣстѣ родины, эта тенденція должна также обусловливаться и постояннымъ отливомъ извѣстной части *мелкихъ* семей на сторону,—отливомъ, какъ мы видѣли на примѣрѣ Петровскаго уѣзда, особенно значительнымъ также среди крестьянъ, находящихся въ наиболѣе стѣсненныхъ экономическихъ условіяхъ.

Мы до сихъ поръ, однако, не касались еще одного рода данныхъ, служащихъ для фактическаго обоснованія общераспространеннаго мнѣнія о постепенномъ мельчаніи крестьянскихъ семей, а именно—собиравшихся земскими статистиками нѣкоторыхъ губерній свѣдѣній о количествѣ „дѣлившихся семей“ или, точнѣе, участвовавшихъ въ семейныхъ раздѣлахъ по 5-лѣтіямъ, 10-лѣтіямъ и т. д. Наиболѣе крупныя опубликованныя работы на основаніи этого рода матеріаловъ относятся къ Воронежской и Саратовской губ. и принадлежатъ гг. Щербинѣ и Личкову; изъ нихъ первою по времени является работа г. Личкова [2]), на которой мы прежде всего и остановимся.

Въ началѣ брошюры г. Личкова приводятся, между прочимъ, свѣдѣнія о числѣ домохозяевъ и о количествѣ населенія въ изучаемыхъ имъ 3 уѣздахъ по X ревизіи и по земской переписи 1883—84 гг., изъ которыхъ видно, что населеніе за 25 лѣтъ возросло здѣсь, въ общемъ, съ 292925 до 393775 душъ об. п. или на $34^1/_2$%, число же „домохозяевъ“ увеличилось съ 35043 до 71771 или на 105% [1]), т.-е. болѣе чѣмъ удвоилось, такъ что, если бы цифры „домохозяевъ“ по ревизіи и по земской переписи были сравнимы между собою, то за 25 лѣтъ или почти всѣ семьи должны были хотя однажды раздѣлиться на 2 и болѣе самостоятельныхъ единицъ, или значительная часть ихъ должна была дѣлиться неоднократно; самая величина семьи въ 1883—84 гг. оказа-

[1]) „Семейные раздѣлы въ Саратовскомъ, Петровскомъ и Царицынскомъ уѣздахъ Саратовской губ.“, изд. 1885 г. (особая брошюра).

[2]) Изъ „Сборниковъ стат. св.“ по тѣмъ же уѣздамъ видно, однако, что здѣсь не приняты въ разсчетъ 1094 семьи за $188^3/_4$ г., составъ которыхъ остался неизвѣстнымъ; присчитывая и эти семьи (полагая въ каждой лишь 3 души об. п., такъ какъ это семьи отсутствующія), получимъ прибыль дворовъ въ 108%, а населенія—не менѣе $35.^5$%.

лась поэтому на $2_{,8}$ души об. п. меньше числа душъ об. п. на 1 дворъ при ревизіи.

Хотя,—какъ замѣчаетъ авторъ,—„точно такое же явленіе мельчанія крестьянской семьи замѣчается и въ др. губерніяхъ“, при чемъ „объясняется обыкновенно семейными раздѣлами, на все большее и большее усиленіе которыхъ въ настоящее время слышатся жалобы чуть ли не со всѣхъ сторонъ“ (стр. 2), однако, повидимому, самая невѣроятность полученныхъ въ данномъ случаѣ цифръ заставила его отнестись весьма критически къ полученнымъ результатамъ. „Но X ревизія считала цѣлые дворы,—говоритъ онъ далѣе,—а при „подворной“ статистической переписи населеніе записывалось не подворно, а по хозяйствамъ; поэтому данныя X ревизіи и переписи оказываются между собою не вполнѣ сравнимыми. Изъ этого вытекаетъ необходимость пользоваться при изслѣдованіи вопроса о раздѣлахъ только данными подворной переписи. Производя подворное описаніе названныхъ 3 уѣздовъ, мы дѣлали опросъ каждаго домохозяина о томъ, сколько разъ, когда именно, почему и съ кѣмъ онъ дѣлился. По этимъ отмѣткамъ...легко сосчитать, сколько семей... дѣлилось въ то или иное время и сколько не дѣлилось совсѣмъ (съ X ревизіи). Однако, справедливость требуетъ замѣтить, что если крестьянами давались самыя точныя (?) и обстоятельныя показанія относительно времени, причинъ и условій раздѣла въ послѣднее время, то сообщаемыя ими свѣдѣнія о давнишнихъ раздѣлахъ, за время свыше 20 лѣтъ, не всегда были достаточно точны... Достовѣрность же свѣдѣній о раздѣлахъ, совершившихся менѣе 20—15 лѣтъ назадъ, не оставляетъ желать лучшаго“ (стр. 3). Въ общемъ, свѣдѣнія о раздѣлахъ были собраны указаннымъ способомъ относительно 65861 семьи (изъ 71711), при чемъ,—судя по цифрамъ относительно отдѣльныхъ уѣздовъ и по общему порядку выполненія переписи 1883—84 гг.,—эти свѣдѣнія собирались и подсчитывались безразлично по отношенію какъ къ наличнымъ, такъ и къ отсутствующимъ семьямъ (чѣмъ данныя г. Личкова существенно отличаются по полнотѣ отъ данныхъ по Воронежской губ., относящихся исключительно къ наличнымъ семьямъ).

Къ сожалѣнію,—на основаніи опыта по Орловской губ., Петровскому уѣзду Саратовской губ. и нѣкоторымъ др. мѣстностямъ,—мы никакъ не можемъ согласиться, что собираемыя изложеннымъ способомъ свѣдѣнія о раздѣлахъ могутъ быть *точными* и *одинаково полными* хотя за ближайшій 15-лѣтній промежутокъ времени (по крайней мѣрѣ—въ томъ случаѣ, если собираніе ихъ не является *главною* задачею всего изслѣдованія). До извѣстной степени это очевидно уже à priori, въ силу самой искусственности пріема собиранія свѣдѣній о событіяхъ прежняго времени *по воспоминаніямъ* опрашиваемыхъ крестьянъ. На одну память даже активныхъ участниковъ раздѣла трудно было бы положиться, особенно—при крайней неточности и смутности вообще крестьянской хронологіи; но при переписи присутствуютъ и даютъ свѣдѣнія весьма часто не сами „домохозяева“, а кто-либо изъ другихъ членовъ семьи, родственниковъ или даже сосѣдей (относительно отсутствующихъ это, конечно, является уже общимъ правиломъ); затѣмъ, если раздѣлъ совершился не въ послѣдніе годы, то не менѣе часто и самъ теперешній домохозяинъ является уже не тѣмъ лицомъ, которое активно участвовало въ раздѣлѣ, а его сыномъ, внукомъ, племянникомъ, зятемъ и т. д., для которыхъ данное событіе вовсе не представляетъ уже памятнаго факта. Въ послѣднихъ случаяхъ новый глава семьи часто даже сознательно отвѣчаетъ, что онъ „ни съ кѣмъ не дѣлился“, понимая вопросъ вполнѣ конкретно, т.-е. въ отношеніи лично къ себѣ, а не въ отношеніи къ отвлеченной

семейно-хозяйственной единицѣ, которой онъ въ данное время является представителемъ въ глазахъ статистика; иногда онъ и поясняетъ, что—„отцы еще наши“ или „дѣды“ дѣлились. Нерѣдко также, при послѣдовательномъ опросѣ двоихъ раздѣлившихся, второй изъ нихъ считаетъ уже излишнимъ повторить показаніе перваго (по порядку опроса) изъ участниковъ того же раздѣла, такъ какъ послѣдній уже „обсказанъ“ и „записанъ“; понять же технику и планъ опроса и записей крестьянамъ, конечно, очень затруднительно. Наконецъ, мы видѣли уже выше, что довольно значительный % семей съ теченіемъ времени вымираетъ, соединяется и т. д.; а въ такихъ случаяхъ за отдаленные годы неизбѣжно многія отмѣтки о раздѣлахъ являются односторонними: для продолжающей существовать семьи (изъ числа участвовавшихъ въ раздѣлѣ) отмѣтка о немъ можетъ быть сдѣлана, для другой же, „обмершей“, она будетъ отсутствовать. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, свѣдѣнія о раздѣлахъ, собираемыя изложеннымъ выше способомъ, являются вообще крайне неудовлетворительными и тѣмъ болѣе неполными, чѣмъ къ болѣе давнему времени они относятся: т.-е., они завѣдомо уменьшаютъ количество раздѣловъ прежняго времени по сравненію съ настоящимъ [1]). Однако, неудовлетворительность подобныхъ свѣдѣній весьма значительна даже по отношенію къ послѣднимъ годамъ. Такъ, въ Петровскомъ уѣздѣ, при вторичномъ обслѣдованіи 1894 г., систематически собирались свѣдѣнія о раздѣлахъ лишь за послѣднія 5 лѣтъ, при чемъ предварительно дѣлались выписки изъ всѣхъ приговоровъ по данному предмету за тотъ же періодъ времени, а при самомъ опросѣ было принято за правило при каждомъ показаніи о раздѣлѣ со стороны одного изъ его участниковъ сейчасъ же подыскивать карточку другого участника и дѣлать на ней соотвѣтствующую помѣтку; сейчасъ же подыскивался при этомъ и листокъ съ выпискою изъ относящагося сюда приговора (если раздѣлъ былъ не „самовольный“). Во многихъ селеніяхъ, однако, приходилось, по разнымъ обстоятельствамъ, отказываться отъ такого сложнаго пріема, при чемъ, впрочемъ, изъ предосторожности, при каждой отмѣткѣ о раздѣлѣ дѣлалась самая подробная запись, съ кѣмъ именно (родство, имя, отчество и фамилія) дѣлился данный хозяинъ; но, не смотря на подобныя вспомогательныя помѣтки, въ такихъ селеніяхъ для значительнаго числа карточекъ впослѣдствіи не оказывалось соотвѣтствующей „пары“ съ отмѣткою о томъ же раздѣлѣ, т.-е. показанія частью оказывались односторонними и слѣдовательно, неполными; когда же „пара“ и оказывалась на лицо, то нерѣдко обнаруживалось, что различные участники одного и того же раздѣла даже въ предѣлахъ 5-лѣтія опредѣляли годъ его совершенія поразительно неодинаково.

Обратимся, однако, къ тѣмъ результатамъ, которые были получены г. Личковымъ на основаніи собранныхъ имъ свѣдѣній. Изъ 65861 семей оказались „дѣлившимися“ съ X ревизіи 35718 или 54.2%; „въ числѣ ихъ имѣются, конечно, и такія, которыя дѣлились за это время 2 и 3 раза“; но „если считать, что всѣ раздѣлившіяся семьи дѣлились на 2, то количество дѣйствительно прибывшихъ отъ раздѣла семей должно быть вдвое меньше всего числа домохозяйствъ, показанныхъ выше дѣлившимися. Значитъ, при-

---

1) Слѣдуетъ также замѣтить, что если бы означенныя свѣдѣнія и были точными, то все-таки они могли бы указывать лишь на измѣненія самаго *количества раздѣловъ* по періодамъ, но не давали бы права заключать о соотвѣтствующемъ измѣненіи средней *величины семьи*, такъ какъ при этомъ остается совершенно неизвѣстнымъ ходъ прироста населенія по тѣмъ же періодамъ, который, конечно, можетъ быть и не вполнѣ равномѣрнымъ.

быль семей отъ раздѣловъ должна быть выражена цифрой — $\frac{35718}{2}$ = 17859 [1]), что составитъ уже не 54,2 %, а только 27,1 % наличнаго числа домохозяевъ. Но такъ какъ свѣдѣнія о давнишнихъ раздѣлахъ не совсѣмъ полны, а нѣкоторыя домохозяйства дѣлились болѣе, чѣмъ на 2 части [2]), то въ дѣйствительности этотъ % долженъ быть нѣсколько выше 27,1" (а именно—далѣе авторъ опредѣляетъ его въ 30—35% къ общему числу наличныхъ семей 1883—84 г.). „Но даже и при такой поправкѣ... этотъ % представляется не настолько значительнымъ, какъ это можно было бы ожидать, судя по распространеннымъ жалобамъ на крестьянскіе раздѣлы" (стр. 4).

Крайне характерно, что авторъ даже не пытается сопоставить полученныя имъ вѣроятныя цифры дѣйствительной прибыли числа дворовъ со времени X ревизіи съ прибылью самого населенія за тотъ же періодъ, а также и весь послѣдующій анализъ своихъ данныхъ ведетъ, совершенно не задаваясь вопросамъ о величинѣ прироста населенія и не касаясь его [3]) (за однимъ только исключеніемъ, которое будетъ указано ниже). Между тѣмъ, такое сопоставленіе можетъ дать весьма небезынтересные результаты. Мы видѣли выше, что прибыль числа семей за 25 лѣтъ *отъ раздѣловъ* г. Личковъ считаетъ возможнымъ опредѣлить не болѣе какъ въ 30—35% по отношенію къ 65861 наличнымъ семьямъ 1883—84 г., т.-е. отъ 19758 до 23051 или, въ среднемъ, около 21405 семей; вычитая это послѣднее количество изъ 65861, получимъ приблизительное количество семей во время X ревизіи въ 44456; но, въ дѣйствительности, оно должно было быть значительно большимъ, вслѣдствіе того, что, наряду съ раздѣлами однѣхъ семей, происходитъ всегда вымираніе, соединеніе и проч. другихъ семей, при чемъ,—судя по приведеннымъ раньше даннымъ для Орловской губ. и Сердобскаго уѣзда,—за 25 лѣтъ количество вымершихъ и т. п. семей должно равняться не менѣе 10% по отношенію къ прежнему ихъ общему количеству, т.-е. въ данномъ случаѣ не менѣе какъ 4940 семьямъ (1/9 изъ 44456). Такимъ образомъ, *дѣйствительная* прибыль числа семей при 30—35% семей дѣлившихся должна приблизительно равняться: 65861—(44456+4940)=49396 [4])=*16465* или *33,3* %; прибыль же населенія за это время была, какъ мы видѣли, не менѣе 35,5 %. Слѣдовательно, и въ данномъ случаѣ получается выводъ, что число семей шло не

---

[1]) У автора, по ошибкѣ, показано $\frac{37717}{2}$ = 18858, хотя % далѣе выведенъ вѣрно.

[2]) Хотя по каждой семьѣ записывались, по возможности, всѣ случаи раздѣла, въ которыхъ она участвовала, однако, *въ счетъ* такія, дѣлившіяся по 2, 3 и болѣе разъ, семьи входили, какъ дѣлившіяся одинъ разъ; по 5-лѣтіямъ подобныя семьи распредѣлялись, вѣроятно, по году *послѣдняго* дѣлежа (какъ это дѣлалось и въ Воронежской губ.), вслѣдствіе чего часть прежнихъ раздѣловъ отъ учета ускользала уже вслѣдствіе такого счетнаго пріема.

[3]) Между тѣмъ, г. Личковъ старается прослѣдить „наклонность къ семейнымъ раздѣламъ" въ зависимости отъ размѣровъ надѣла, отъ просторности жилищъ, рода занятій населенія, даже пожаровъ и т. д., при чемъ, оперируя почти исключительно съ данными о *числѣ* раздѣловъ, приходитъ къ оригинальнымъ выводамъ, что „дѣлятся преимущественно среднеобезпеченныя хозяйства", что на увеличеніе раздѣловъ вліяетъ тѣснота избъ, что „у промышленниковъ наклонность къ семейнымъ раздѣламъ гораздо слабѣе, чѣмъ у крестьянъ, занятыхъ исключительно земледѣліемъ", и т. д., лишь мелькомъ отмѣчая, что „раздѣлы отчасти (!) зависятъ отъ крупности семей". Если бы авторъ сопоставилъ число раздѣловъ съ приростомъ населенія, то, вѣроятно, убѣдился бы, что большая „наклонность къ раздѣламъ" у земледѣльческаго населенія, а также, вообще, у быв. государственныхъ крестьянъ, стоитъ въ прямой связи ни съ чѣмъ инымъ, какъ именно съ болѣе значительною прибылью населенія.

[4]) Ревизія же насчитала 35043 двора или семейства.

быстрѣе роста населенія, а потому мельчанія семей быть не могло, если только приведенные выше разсчеты г. Личкова считать сколько-нибудь правильными.

Самъ г. Личковъ приходитъ, однако, къ другому заключенію, останавливаясь исключительно на собранныхъ данныхъ *о числѣ раздѣловъ* по отдѣльнымъ періодамъ. Именно, прежде всего онъ приводитъ свѣдѣнія по Саратовскому и Петровскому уѣздамъ, итоги которыхъ даютъ слѣдующее (стр. 9):

	Въ томъ числѣ дѣлившихся:					Тоже въ процентахъ:				
Всѣхъ раздѣлившихся семей.	Свыше 20 лѣтъ назадъ.	15—20 л. назадъ.	10—15 л.	5—10 л.	0—5 л.	Свыше 20 лѣтъ.	15—20 л.	10—15 л.	5—10 л.	0—5 л.
24066	2144	3812	4885	6263	7062	8,7	15,8	20,1	26,0	29,4
			18210							

„Если въ эти числа внести поправку на дѣйствительный приростъ населенія—полагая, что средній годичный приростъ равенъ 1% (такъ какъ приростъ со времени X ревизіи въ этихъ 2 уѣздахъ равенъ 25%)—то окажется подобная же послѣдовательность въ увеличеніи %% по 5-лѣтіямъ:

Свыше 20 л.	15—20 л.	10—15 л.	5—10 л.	0—5 л.
11,0%	18,5%	22,5%	27,0%	29,4%.

„Очевидно, что каждое новое 5-лѣтіе ведетъ за собою новое усиленіе семейныхъ раздѣловъ,... такъ какъ достовѣрность данныхъ за 3 ближайшихъ 5-лѣтія не подлежитъ сомнѣнію“ (стр. 10). Далѣе авторъ приводитъ подобныя же данныя по Царицынскому уѣзду, по разрядамъ крестьянъ и племенамъ, при чемъ получаетъ во всѣхъ случаяхъ сходные результаты. На основаніи этого и нѣкоторыхъ отзывовъ крестьянъ, авторъ заключаетъ, что „семейные раздѣлы усиливаются и дробятъ семью“ (стр. 30), что „въ крестьянской средѣ колеблются патріархальныя начала, на которыхъ основана была прежняя семья... На ряду съ стремленіемъ къ самостоятельности и равноправности, сильнѣй выступаетъ на сцену личный эгоизмъ“; и т. д. (стр. 29).

Намъ не вполнѣ ясно, какого рода поправка „на приростъ населенія“ внесена авторомъ въ приведенныя выше цифры [1]); но несомнѣнно, что простое процентное расчисленіе абсолютнаго числа раздѣловъ по 5-лѣтіямъ нуждается въ такой поправкѣ, такъ какъ, при наличности прибыли населенія, извѣстное возростаніе числа раздѣловъ является уже прямымъ результатомъ этой прибыли, безъ всякаго увеличенія „наклонности“ къ раздѣламъ. Самые размѣры или распредѣленіе абсолютной прибыли населенія (а слѣдовательно — и соотвѣтствующей прибыли числа семей) по 5-лѣтіямъ, при общемъ возростаніи его за 25 лѣтъ на 25%, должны быть приблизительно слѣдующіе (согласно съ формулою наростанія сложныхъ процентовъ и при предположеніи равномѣрности роста населенія):

0—5 л.	5—10 л.	10—15 л.	15—20 л.	20—25 л.
18,3%	19,1%	20,0%	20,9%	21,7%=100,0%

Но мы видѣли, что г. Личковъ считаетъ вѣрными свѣдѣнія о числѣ раздѣловъ лишь за послѣднія 15 лѣтъ; поэтому мы возьмемъ для сопоставленія цифры только за этотъ періодъ времени:

---

[1]) Это и есть тотъ единственный случай прямого указанія на значеніе прироста населенія по отношенію къ раздѣламъ, о которомъ мы упоминали выше.

	15—10 л. тому назадъ.	10—5 л. тому назадъ.	5—0 л. тому назадъ.	Итого за 15 лѣтъ.
Абсолютное число дѣлившихся семей въ Петровскомъ и Сарат. уѣздахъ по свѣдѣніямъ г. Личкова	4885	6263	7062	18210
Тоже въ %%	26,8	34,4	38,8	100,0
Нормальное распредѣленіе прибыли населенія и числа семей по взятымъ 5-лѣтіямъ при валовомъ приростѣ ихъ въ 25% за 25 лѣтъ . .	31,8	33,3	34,9	100,0

Такимъ образомъ, уже самою наличностью постояннаго роста населенія объясняется извѣстная доля разницы въ абсолютномъ числѣ раздѣловъ по отдѣльнымъ періодамъ; въ остальной же своей части эта разница достаточно объясняется указанною раньше неодинаковостью полноты свѣдѣній за разныя 5-лѣтія, исключеніемъ изъ счета прежнихъ раздѣловъ, если послѣ того семья еще разъ дѣлилась или вымирала, и неточнымъ распредѣленіемъ по отдѣльнымъ періодамъ извѣстной доли зарегистрированныхъ раздѣловъ.

Не ограничиваясь 5-лѣтними періодами, г. Личковъ за послѣднія 5 лѣтъ приводитъ и погодныя свѣдѣнія о числѣ раздѣловъ (стр. 11):

	Число сем., дѣлившихся за посл. 5 л.	Въ томъ числѣ дѣлившихся:					Тоже въ процентахъ:				
		5 лѣтъ.	4 года.	3 года.	2 года.	1 годъ.	5 лѣтъ.	4 года.	3 года.	2 года.	1 годъ.
Саратовскій у.	3205	561	528	622	512	982	17,6	16,4	19,2	16,1	30,8
Петровскій у.	3861	692	704	828	713	925	18,0	18,2	21,3	18,5	24,0
Оба уѣзда вмѣстѣ	7066	1253	1232	1449	1225	1907	17,6	17,5	20,5	17,4	27,0
Царицынскій у.	1626	244	251	316	279	536	15,0	15,4	19,6	17,1	32,9

При просмотрѣ этихъ цифръ (особенно по первымъ 2-мъ уѣздамъ, которымъ и самъ авторъ придаетъ главное значеніе, такъ какъ по Царицынскому уѣзду цифры слишкомъ малы), наиболѣе обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что за 3 года изъ 5 число раздѣловъ оказывается почти неизмѣннымъ; остальные же 2 года даютъ рѣзкое повышеніе этого числа, при чемъ, въ частности, послѣдній годъ даетъ настолько увеличенную цифру, что ничего кромѣ сомнѣній, она возбудить, какъ намъ кажется, не можетъ: очевидно, что или крестьяне, или регистраторы относили къ этому году многіе раздѣлы, совершившіеся за предѣлами строго годичнаго періода времени (можетъ быть потому, что перепись длилась въ каждомъ уѣздѣ по нѣсколько мѣсяцевъ). Вслѣдствіе этого, едва ли можно согласиться, что приведенная „таблица подтверждаетъ мысль о постепенномъ усиленіи семейныхъ раздѣловъ“; „т.-е. не только раздѣлы усиливаются по 5-лѣтіямъ, но и по годамъ послѣдняго 5-лѣтія, слѣдовательно—вообще имѣютъ тенденцію къ умноженію“ (стр. 11).

Что касается аналогичныхъ свѣдѣній по Воронежской губерніи, то они могутъ считаться еще менѣе пригодными для сколько-нибудь доказательныхъ выводовъ и заключеній, хотя именно эти свѣдѣнія нерѣдко фигурируютъ и въ нашей общей литературѣ. Относительно общаго характера этихъ свѣдѣній могло бы быть повторено лишь то, что уже было сказано выше по этому поводу, хотя г. Щербина высказываетъ категорическое мнѣніе, что „семейные раздѣлы представляютъ настолько заурядное и всѣмъ извѣстное явленіе, что

учетъ ихъ не сопровождался никакими затрудненіями и отличался безусловною точностью" [1]). Нѣсколько странно послѣ такого заявленія непосредственно слѣдующее за нимъ указаніе, что при регистраціи „къ семейнымъ раздѣламъ обыкновенно (?) относились какъ тѣ случаи, когда семья распадалась, такъ и факты соединенія семей или пріема въ семьи работниковъ (!)... Впрочемъ, случаи второго рода были вообще рѣдки" (стр. 127). Гораздо важнѣе, однако, то, что здѣсь „регистраціи подлежали *одни случаи послѣдняго раздѣла* семьи. Если отецъ выдѣлялъ, положимъ, одного сына 12 лѣтъ тому назадъ, а другого—3 года, то въ карточку заносился только послѣдній случай. Въ свою очередь, по карточкѣ перваго сына значился первый случай раздѣла, а по карточкѣ втораго сына—второй" (стр. 127). Иначе говоря, здѣсь уже при самой переписи отбрасывалось значительное число болѣе давнихъ раздѣловъ, а именно—всѣ тѣ изъ нихъ, послѣ которыхъ данная семья дѣлилась еще хотя бы одинъ разъ. При этомъ, „чтобы не мѣшать быстротѣ переписи, каждому хозяину [2]) неизмѣнно ставился одинъ и тотъ же вопросъ: „сколько лѣтъ тому назадъ дѣлился?" и въ записяхъ ставилось не названіе года раздѣла, а количество лѣтъ со времени дѣлежа" (стр. 127—128). Наконецъ, едва ли не наибольшее значеніе имѣетъ тотъ фактъ (отмѣченный уже раньше), что свѣдѣнія о раздѣлахъ въ Воронежской губ. подсчитывались [3]) исключительно по отношенію къ наличному населенію, оставляя въ сторонѣ отсутствующія семьи и выселившіяся; поэтому, во всѣхъ случаяхъ ухода или выселенія (какъ и въ случаяхъ вымиранія, соединенія и т. д.) одной изъ раздѣлившихся семей, въ счетъ могла попадать лишь *одна* отмѣтка о данномъ раздѣлѣ, а въ случаяхъ проживанія обѣихъ раздѣлившихся семей въ деревнѣ въ моментъ переписи—въ счетъ должны были идти *двѣ* отмѣтки о такомъ же дѣлежѣ. Насколько это обстоятельство существенно для полноты свѣдѣній о раздѣлахъ (и притомъ полноты, которая должна быть одинаковою для различныхъ періодовъ, чтобы этими свѣдѣніями возможно было пользоваться для выясненія движенія раздѣловъ во времени), можно судить по тому, что въ 11 уѣздахъ Воронежской губ. по переписи насчитывалось слѣдующее количество отсутствующихъ семей (не считая совершенно выселившихся):

	Число семей.
Ушли за послѣднія 5 лѣтъ . .	6390
„ „ „ 5—10 л. .	7067
„ „ „ 10—20 „ .	8491
„ свыше 20 л.	2161
„ неизв. когда	3218
Итого . .	27327
Число наличныхъ семей . .	292299

Въ частности, по Острогожскому уѣзду мы имѣемъ болѣе подробныя свѣдѣнія:

Наличныхъ хозяйствъ	33581	
Отсутствующихъ хозяйствъ . . .	5723	9378
Переселившихся окончательно . .	3655	

[1]) „Сводный сборникъ по 12 уѣздамъ Воронежской губ.", стр. 127.

[2]) Точнѣе было бы сказать—„каждому опрашиваемому", такъ какъ,—по объясненію г. Щербины,—„для цѣлей переписи достаточно было присутствія кого-либо изъ представителей семьи. Поэтому, на ряду съ хозяевами, на сборы во время переписи являлись ихъ жены, братья, сыновья, невѣстки и даже работники" (стр. 24).

[3]) О регистраціи въ этомъ отношеніи мы не нашли точныхъ указаній.

При наличности всѣхъ указанныхъ условій, естественно возникаетъ вопросъ о реальномъ содержаніи и значеніи тѣхъ цифръ, которыя въ Воронежскихъ „Сборникахъ“ фигурируютъ въ графахъ подъ заголовкомъ: „семей, раздѣлившихся—за послѣднія 5 л., за 5—10 л., за 10—20 л., свыше 20 л. и недѣлившихся“, и служатъ г. Щербинѣ для иллюстраціи и доказательства положенія объ усиливающемся дробленіи крестьянскихъ семей. Намъ кажется, что эти цифры ни въ какомъ случаѣ не могутъ представлять „точнаго учета“ раздѣловъ вообще и по отдѣльнымъ періодамъ въ особенности, а есть просто подсчетъ по извѣстнымъ рубрикамъ отмѣтокъ объ участіи въ послѣднихъ по времени раздѣлахъ, сдѣланныхъ (при условіяхъ выполненія крайне сложной и въ то же время быстрой переписи) на карточкахъ, относящихся къ самостоятельно существующимъ въ моментъ опроса наличнымъ семьямъ, по памяти (а отчасти—и разумѣнію) присутствующихъ при опросѣ членовъ этихъ семей или другихъ крестьянъ. Убѣдительность получаемыхъ при такомъ подсчетѣ результатовъ должна быть всецѣло отнесена затѣмъ на долю согласія ихъ съ общераспространеннымъ мнѣніемъ.

Не входя здѣсь въ подробный анализъ самыхъ цифръ о раздѣлахъ по Воронежской губ. и выводовъ изъ нихъ г. Щербины (частью цитированныхъ уже раньше, на стр. 63—64), мы ограничимся лишь простымъ приведеніемъ ихъ здѣсь въ итогахъ по 11 уѣздамъ:

Семей, раздѣлившихся (т.-е. участвовавшихъ въ раздѣлахъ) за послѣднія 5 л.	47467	или	16,2%	98229 или 33,6%
Тоже за 5—10 лѣтъ	50762	„	17,4%	
Тоже за 10—20 „	65039	„	22,3%	
Тоже свыше 20 л. и недѣлившихся . .	129031	„	44,1%	
Итого . . .	292299	„	100,0%	

Приведя эти данныя въ упоминавшейся раньше статьѣ въ „Рус. Богатствѣ“, г. Щербина совершенно не останавливается на соотношеніи цифръ за послѣднія 2 *пятилѣтія*, за которыя замѣчается *сокращеніе* числа раздѣловъ (хотя именно за этотъ періодъ времени свѣдѣнія такого рода должны считаться наиболѣе вѣрными и полными), а ограничивается сравненіемъ *десятилѣтій*, отмѣчая, что „дѣлежи за послѣднія 10 лѣтъ были по Воронежской губ. значительно интенсивнѣе, чѣмъ за предшествующее десятилѣтіе. Другими словами, семейные раздѣлы въ губерніи не только часты, но съ каждымъ годомъ (?) несомнѣнно усиливаются“ [1]).

---

[1]) „Рус. Богатство“, 1886 г., № 6, стр. 200.—Распредѣленіе раздѣловъ по періодамъ въ процентахъ нами взято изъ этой статьи, но абсолютныя цифры по тѣмъ же періодамъ заимствованы уже изъ „Свода“ по Воронежской губ., такъ какъ приводимыя въ статьѣ цифры (51386+54946+70404+139669) не даютъ приводимаго въ ней же общаго итога семей въ 11 уѣздахъ (292299), а даютъ итогъ въ 316405 семей, что равняется общему числу семей въ 12 уѣздахъ губерніи, вмѣстѣ съ Воронежскимъ уѣздомъ, въ которомъ свѣдѣній о раздѣлахъ не собиралось. Конечно, эта разница абсолютныхъ цифръ здѣсь не имѣетъ значенія, такъ какъ и г. Щербину, и насъ интересуютъ въ данномъ случаѣ лишь цифры относительныя, а эти послѣднія оказываются въ обоихъ случаяхъ одинаковыми.—Слѣдуетъ, далѣе, замѣтить, что, какъ видно изъ „Свода“, въ разныхъ уѣздахъ замѣчается различное соотношеніе цифръ за 2 послѣднія пятилѣтія: въ однихъ уѣздахъ насчитано больше раздѣловъ за ближайшее 5-лѣтіе, въ другихъ же—за предыдущее.—Ни въ цитированной статьѣ, ни въ „Сводѣ“, ни въ „Сборникѣ“ по Острогожскому уѣзду (въ которомъ имѣется отдѣльная глава о семейныхъ раздѣлахъ) мы не нашли у г. Щербины упоминанія о томъ, что *число* раздѣловъ по 5 лѣтіямъ, 10-лѣтіямъ и т. д. должно въ извѣстной мѣрѣ возростать уже въ силу самой наличности непрерывно идущаго прироста населенія (что считалъ необходимымъ принять въ соображеніе г. Личковъ).

ГЛАВА IV.

Малая измѣнчивость средней величины крестьянской семьи во времени и отсутствіе, въ частности, существенной разницы въ величинѣ и типѣ семей до и послѣ 1861 г., какъ наиболѣе вѣроятный общій выводъ изъ приведенныхъ выше данныхъ. — Отсутствіе, въ большинствѣ случаевъ, сильныхъ колебаній средней величины семьи по болѣе или менѣе значительнымъ районамъ и категоріямъ крестьянъ.—Вѣроятныя причины, не допускающія крупныхъ и устойчивыхъ отклоненій средней величины семьи отъ извѣстной общей нормы.—„Физическій" минимумъ средняго состава семьи.—Ограниченное значеніе семейныхъ раздѣловъ по отношенію къ средней величинѣ семьи.—Двойственный характеръ крестьянской семьи, какъ „семьи-хозяйства"; ограниченность организаціонной способности семейной формы общежитія, какъ основы хозяйственной коопераціи (при данныхъ хозяйственно-историческихъ условіяхъ).—Нѣкоторыя особенности большихъ или сложныхъ семей, обусловливающія ихъ непрочность и тенденцію къ распаденію.—Существованіе опредѣленнаго соотвѣтствія между среднею величиною семьи и среднимъ рабочимъ составомъ ея, съ одной стороны, и характеромъ группировки семей по величинѣ и по числу работниковъ, съ другой.—Разнообразіе отдѣльныхъ семей по ихъ величинѣ, составу, внутреннему строенію, продолжительности самостоятельнаго существованія и проч.; измѣнчивость состава и положенія отдѣльныхъ семей во времени при устойчивости количественныхъ соотношеній между цѣлыми группами однородныхъ семей.

Резюмируя вкратцѣ все изложенное въ предыдущихъ главахъ по вопросу объ измѣненіяхъ величины крестьянской семьи, мы можемъ придти къ слѣдующимъ общимъ заключеніямъ. Мнѣніе о прогрессивномъ мельчаніи крестьянскихъ семей и о господствѣ или очень широкой распространенности въ дореформенный періодъ времени крупныхъ семей должно быть отнесено къ числу наименѣе обоснованныхъ ходячихъ представленій, причемъ дѣйствительною основою его является, повидимому, ничто иное, какъ смѣшеніе *частыхъ* (а у помѣщичьихъ крестьянъ — несомнѣнно *участившихся* послѣ 1861 г.) *раздѣловъ* семей съ постепеннымъ *сокращеніемъ* ихъ *состава*; смѣшеніе, очень характерное для обыденнаго мышленія, которымъ очень часто, при наличности двухъ параллельно идущихъ, но противоположныхъ процессовъ, улавливается и формулируется лишь тотъ изъ нихъ, который отличается особенною наглядностью (въ данномъ случаѣ—*распаденіе* крупныхъ семей на мелкія), тогда какъ обратный процессъ, если онъ менѣе бросается въ глаза въ силу его болѣе равномѣрнаго и постепеннаго хода (какъ это имѣетъ мѣсто по отношенію къ *росту* другихъ семей, занимающихъ мѣсто раздѣлившихся), какъ бы ускользаетъ съ поля зрѣнія непосредственныхъ наблюдателей или умаляется въ своемъ значеніи. Фактическія данныя, приводимыя обыкновенно въ подтвержденіе разсматриваемаго мнѣнія, оказываются, при ближайшемъ разсмотрѣніи, совершенно не выдерживающими критики и косвенно, скорѣе, опровергаютъ его, такъ какъ ими даются несомнѣнно преувеличенныя цифры семейнаго состава и преуменьшенныя цифры числа семей и семейныхъ раздѣловъ именно для прежняго времени [1]). Наряду съ этими дан-

---

[1]) Мы не упоминали выше о работѣ Н. Н. Романова по с. Каменкѣ и Каменской вол. Тамбовской губ., которая даетъ по 1 селу (съ небольшою деревнею) сравненіе величины семьи по даннымъ хозяйственной переписи 1852 г., произведенной мѣстною помѣщицею, и земской переписи 80-хъ годовъ. Это сравненіе говоритъ въ пользу общепринятаго мнѣнія о сильномъ измельчаніи семьи въ пореформенное время; но, во-первыхъ, крайняя ограниченность района уже само по себѣ лишаетъ это сравненіе почти безъ всякаго значенія, а, во-вторыхъ, работа г. Романова совершенно не даетъ матеріаловъ для сужденія о дѣйствительной сравнимости переписей 1852 г. и 80-хъ годовъ.

ными имѣются нѣкоторыя другія (хотя довольно скудныя и также недостаточно точныя), которыя дѣлаютъ гораздо болѣе вѣроятнымъ, что въ дореформенный періодъ величина и типъ крестьянской семьи *существенно* не отличались отъ современной величины и современнаго типа ея; въ частности же для послѣднихъ 10-лѣтій всѣ извѣстныя намъ болѣе точныя сравнительныя данныя указываютъ на почти полную неизмѣнность или даже на нѣкоторое повышеніе величины семьи и ея рабочаго состава.

Такимъ образомъ, значительная устойчивость или весьма слабая измѣнчивость средняго семейнаго состава во времени и болѣе или менѣе близкое соотвѣтствіе роста числа семей съ ростомъ населенія—таковъ *наиболѣе вѣроятный* конечный выводъ, который вытекаетъ изъ совокупности разсмотрѣнныхъ данныхъ. Конечно, это—выводъ преимущественно эмпирическаго характера и, какъ таковой, нуждается, во-первыхъ, въ дальнѣйшей фактической провѣркѣ и, во-вторыхъ,—въ объясненіи; кромѣ того, какъ всякій подобный выводъ, онъ можетъ выражать собою лишь общую или преобладающую тенденцію въ сферѣ данной категоріи явленій, не исключая возможности болѣе или менѣе крупныхъ частныхъ и мѣстныхъ отклоненій въ ту или иную сторону; но, во всякомъ случаѣ, и при такихъ ограниченіяхъ, онъ можетъ считаться совершенно противоположнымъ господствующему мнѣнію, признающему существованіе рѣзко выраженной тенденціи къ все большему и большему мельчанію семей (притомъ—исключительно путемъ семейныхъ раздѣловъ) и не менѣе рѣзко выраженной разницы въ величинѣ семей въ прежнее и въ настоящее время.

Мы знаемъ, между прочимъ, что величина семьи представляетъ довольно существенныя различія при сравненіи различныхъ уѣздовъ, губерній, разрядовъ крестьянъ, племенъ и т. д.,—различія, порождаемыя несомнѣнно неодинаковостью важнѣйшихъ экономическихъ и, вѣроятно, нѣкоторыхъ другихъ условій сравниваемыхъ мѣстностей, группъ населенія и пр. По аналогіи съ этимъ, необходимо допустить возможность и даже необходимость для отдѣльныхъ мѣстностей и категорій крестьянъ нѣкоторыхъ измѣненій въ величинѣ семьи также и во времени, при наличности важныхъ перемѣнъ въ упомянутыхъ общихъ условіяхъ. Но, во-первыхъ, такія измѣненія могутъ быть установлены въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ лишь на основаніи изученія относящихся къ нему фактическихъ матеріаловъ и въ разныхъ случаяхъ могутъ быть различны по своему характеру, а, во-вторыхъ, имѣющіяся въ настоящее время отрывочныя данныя заставляютъ думать, что, для значительныхъ районовъ и болѣе или менѣе многочисленныхъ категорій населенія, условія, вліяющія на величину семьи, въ большинствѣ случаевъ взаимно парализуются, слѣдствіемъ чего и является значительная устойчивость ея. Какія именно условія, какимъ путемъ и въ какомъ направленіи воздѣйствуютъ на величину семьи, это могло бы быть установлено лишь спеціальнымъ изслѣдованіемъ даннаго вопроса, уже выходящимъ за предѣлы настоящей работы. Нѣкоторыя изъ такихъ условій мы, впрочемъ, старались намѣтить въ предшествующемъ изложеніи, и въ числѣ ихъ едва ли не главное мѣсто должно быть отведено величинѣ прироста населенія, а слѣдовательно—и всему тому, что оказываетъ существенное вліяніе на этотъ приростъ, т. е. на число браковъ, число рожденій и величину смертности [1]). Поэтому, по-

[1]) По отношенію, въ частности, къ *наличному* или осѣдлому населенію, какъ уже было указано, аналогичное значеніе пріобрѣтаютъ также размѣры отлива населенія на сторону, а слѣдовательно и тѣ условія, которыя вліяютъ на размѣры этого явленія.

скольку въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, категоріяхъ крестьянъ и т. д., напримѣръ, приростъ населенія испытываетъ какія-либо измѣненія во времени [1]), постольку мы можемъ ожидать и соотвѣтствующихъ измѣненій въ величинѣ семьи, если только тенденція къ этимъ измѣненіямъ не встрѣтитъ противодѣйствующихъ вліяній. Въ общемъ, самый приростъ населенія, увеличивая плотность послѣдняго въ предѣлахъ извѣстной территоріи, при отсутствіи другихъ важныхъ перемѣнъ, долженъ съ теченіемъ времени сокращаться, а вмѣстѣ съ тѣмъ должна бы нѣсколько уменьшаться и средняя величина семьи (вслѣдствіе уменьшенія числа ростущихъ семей и размѣровъ ихъ роста при увеличеніи числа семей, сокращающихся въ своемъ составѣ, и размѣровъ ихъ сокращенія); но, въ дѣйствительности, послѣдняго, конечно, можетъ и не быть, такъ какъ то же увеличеніе плотности населенія измѣняетъ обыкновенно условія крестьянскаго хозяйства въ такомъ направленіи, которое, какъ указано было раньше, дѣлаетъ сохраненіе прежняго размѣра семьи или даже его повышеніе особенно необходимымъ (по крайней мѣрѣ—для тѣхъ семей, которыя остаются въ деревнѣ): раздѣлы ростущихъ семей при этихъ условіяхъ должны, по необходимости, сдерживаться болѣе прежняго, а мелкія семьи должны „атрофироваться" въ большемъ числѣ и съ большею быстротою, или же въ большемъ числѣ уходить изъ деревни [2]).

Однако, колебанія средней величины семьи по значительнымъ мѣстностямъ, категоріямъ крестьянъ и т. д., — судя по современнымъ земскимъ переписямъ, — въ громадномъ большинствѣ случаевъ также не выходятъ за предѣлы сравнительно небольшихъ отклоненій отъ извѣстной, какъ бы еще болѣе общей, нормы, которая, съ наибольшимъ приближеніемъ къ дѣйствительности, можетъ быть, повидимому, опредѣлена въ 6 душъ об. п. Въ чемъ заключаются важнѣйшія причины, не допускающія болѣе крупныхъ отклоненій отъ такой средней нормы, въ настоящее время едва-ли возможно рѣшить съ надлежащею полнотою и достовѣрностью, такъ какъ вопросы объ измѣненіи величины и типа семьи въ исторіи и о связи между „формами семьи" и „формами (и условіями) хозяйства" до сихъ поръ являются недостаточно разработанными въ научной литературѣ. Не претендуя поэтому на сколько-нибудь полное освѣщеніе ихъ въ приложеніи, въ частности, къ той стадіи развитія народнаго (т.-е. массоваго) хозяйства, которую переживало въ болѣе или менѣе недавнее время и переживаетъ теперь большая часть нашего крестьянства, мы ограничимся лишь нѣкоторыми общими соображеніями на этотъ счетъ.

Сравнительно малые размѣры отклоненій семейнаго состава отъ указанной примѣрной нормы *въ сторону* его *пониженія*, повидимому, наиболѣе легко объяснимы, такъ какъ средній составъ семьи въ 5—6 человѣкъ является уже болѣе или менѣе близкимъ къ „естественному" минимуму (конечно—среднему) этого состава при существующемъ возрастномъ дѣленіи и

---

[1]) Сколько-нибудь точныхъ данныхъ объ измѣненіяхъ въ ходѣ прироста населенія по отдѣльнымъ періодамъ до сихъ поръ, къ сожалѣнію, имѣется очень мало; между тѣмъ, на немъ должны были существенно отражаться, напр., даже такія перемѣны въ условіяхъ жизни населенія, какъ замѣна прежней рекрутской повинности всеобщею воинскою повинностью и проч.

[2]) Разумѣется, однако, что при рѣзкихъ пониженіяхъ прироста населенія эти, задерживающіе сокращеніе величины семьи, процессы едва ли могутъ уравновѣшивать полностью вліяніе такого пониженія.

нѣкоторыхъ другихъ условіяхъ жизни крестьянскаго населенія [1]). Въ самомъ дѣлѣ, при обычномъ % мужчинъ рабочаго возраста среди всего населенія около 25%, на одного работника должно приходиться, въ среднемъ, около 4 душъ об. п. (считая въ томъ числѣ и самого работника), что и даетъ какъ бы физическій минимумъ средней величины семьи, дальше котораго сокращеніе послѣдней, при сколько-нибудь нормальныхъ условіяхъ, идти не можетъ. Но, въ дѣйствительности, этотъ минимумъ долженъ быть нѣсколько выше, такъ какъ около 25% населенія составляютъ всѣ мужчины отъ 18 до 60 лѣтъ; между тѣмъ, среди нихъ имѣются лица, неспособныя къ работѣ или веденію хозяйства, солдаты на дѣйствительной службѣ, еще неженатые молодые люди и т. д., при которыхъ не можетъ образоваться самостоятельной семейно-хозяйственной единицы. Такимъ образомъ, даже при безусловномъ господствѣ „простыхъ" семей, т.-е. имѣющихъ въ своей основѣ лишь одну брачную пару въ рабочемъ возрастѣ, средняя норма семейнаго состава должна быть нѣсколько выше 4 душъ об. п. Въ дѣйствительности, однако, простыя семьи могутъ быть только господствующими или численно преобладающими, но не исключительно существующими. Во-первыхъ, вслѣдствіе обычной смертности, утраты съ возрастомъ работоспособности и проч., всегда получается извѣстный % семей болѣе или менѣе дезорганизованныхъ, а во-вторыхъ, въ качествѣ еще болѣе крупнаго явленія, въ семьяхъ съ дѣтьми муж. пола, по достиженіи послѣдними рабочаго возраста, возникаютъ новыя брачныя пары, которыя, однако, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ могутъ немедленно же обособляться, такъ какъ этому препятствуютъ, при раннихъ бракахъ, самый возрастъ и отсутствіе навыка къ самостоятельному хозяйствованію у большинства лицъ, вступающихъ въ бракъ при этихъ условіяхъ. Помимо того, при условіяхъ крестьянскаго хозяйства, *въ нормальныхъ случаяхъ*, раздѣлъ *семьи* является въ то же время и раздѣломъ *хозяйственнымъ*, а для послѣдняго необходимо или, по крайней мѣрѣ, крайне важно предварительное доведеніе совмѣстными силами вновь возникшей сложной семьи своего имущественнаго положенія до извѣстнаго, нѣсколько повышеннаго, уровня, при которомъ только и возможенъ раздѣлъ данной семейно-хозяйственной единицы безъ большого риска относительно дальнѣйшей будущности ея членовъ. Еще болѣе важно, наконецъ, то обстоятельство, что тенденція къ распаденію (если она не обостряется какими-либо побочными и случайными причинами) должна быть вообще относительно слаба въ значительной части сложныхъ семей, состоящихъ лишь изъ двухъ брачныхъ паръ, а именно—въ той части ихъ, которая состоитъ изъ родителей съ однимъ женатымъ сыномъ. Для извѣстнаго начальнаго періода такого сожительства причины этого уже были сейчасъ указаны; но и въ послѣдующее время оно должно быть довольно прочнымъ, потому что при немъ обыкновенно не можетъ возникнуть остраго антагонизма интересовъ, рѣзкихъ устойчивыхъ различій въ хозяйственной роли взрослыхъ членовъ семьи и т. д., а, наоборотъ, получается естественная преемственность какъ отношеній къ общему имуществу, такъ и главенства въ дѣлѣ веденія хозяйства: съ тече-

---

[1]) Е. И. Красноперовъ въ своемъ изслѣдованіи Енапаевской волости Красноуфимскаго уѣзда Пермской губ., установивъ средній размѣръ семьи по волости въ $5_{,3}$ души об. п., замѣчаетъ: „Это вычисленіе показываетъ, что раздѣлы семействъ (величина послѣднихъ?) здѣсь, вообще говоря, достигли почти естественнаго предѣла, такъ что опасаться какой-либо дальнѣйшей дробности уже нельзя: если сложить мужчинъ съ 26 лѣтъ и старѣе (353 человѣка) и исключить изъ этого числа стариковъ (отцовъ, дѣдовъ и пр., уже не домохозяевъ, 25 чел.), то мы получимъ число даже меньшее числа дворовъ — 328 при 338 дворахъ" (стр. 31).

ніемъ времени, вмѣстѣ съ измѣненіями въ возрастѣ членовъ семьи, одна часть ихъ естественно и постепенно заступаетъ здѣсь мѣсто другой ихъ части безъ всякой ломки данной хозяйственной единицы. Всѣ эти обстоятельства въ достаточной мѣрѣ уясняютъ, почему фактическое дробленіе крестьянскихъ семей для значительныхъ районовъ и группъ почти никогда не достигаетъ указанной выше „физической“ минимальной нормы семейнаго состава.

Менѣе ясными представляются, особенно—на первый взглядъ, причины того, почему средняя величина семьи встрѣчаетъ какъ бы непреодолимыя препятствія къ повышенію ея далѣе извѣстной максимальной нормы (довольно низкой), хотя для такого повышенія, повидимому, имѣются основанія громадной важности въ видѣ тѣхъ выгодъ, которыя даются болѣе широкой коопераціей. Однако, уже предыдущее изложеніе въ значительной мѣрѣ выяснило, что *большинство* (тѣмъ болѣе значительное, чѣмъ слабѣе приростъ населенія) существующихъ въ каждое данное время семей даже не имѣютъ реальной возможности дѣлать выборъ между малой и большой семьею: извѣстная группировка семей по ихъ величинѣ (по крайней мѣрѣ—если брать болѣе или менѣе ограниченные періоды времени) является результатомъ далеко не однихъ семейныхъ раздѣловъ, которые могутъ еще поддаваться въ той или иной мѣрѣ регулированію со стороны самого населенія, а и такихъ причинъ, какъ различія въ рождаемости, смертности, половомъ составѣ и проч. между отдѣльными семьями и группами семей. Приростъ населенія,—по скольку онъ имѣетъ мѣсто,—какъ уже подчеркивалось раньше, конкретно совершается неравномѣрно во всѣхъ семьяхъ, а является лишь результатомъ массы разнообразныхъ и совершенно противоположныхъ перемѣнъ въ ихъ составѣ: довольно значительная часть семей при этомъ (вслѣдствіе малой рождаемости, высокой смертности, преобладанія дѣтей женскаго пола и т. д.) болѣе или менѣе неуклонно сокращаются въ своемъ составѣ и, наконецъ, „обмираютъ“; затѣмъ, обыкновенно главная масса семей находится въ состояніи болѣе или менѣе стаціонарномъ, давая лишь временныя (хотя иногда и значительныя) колебанія въ своемъ составѣ, и, наконецъ, только остальная часть семей (тѣмъ большая, чѣмъ больше приростъ населенія, и наоборотъ) даетъ картину значительнаго или болѣе или менѣе устойчиваго роста. Очевидно, такимъ образомъ, что только для послѣдней доли семей и, частью, для предыдущей можетъ имѣть (въ теченіе даннаго періода времени) реальное значеніе вопросъ о преимуществахъ малой и крупной семьи.

Изложенными соображеніями, какъ намъ кажется, уже выясняется одно изъ важнѣйшихъ условій, ограничивающихъ размѣры отклоненій *средней* величины семьи въ сторону ея повышенія. Въ частности, вопроса о *хозяйственныхъ* преимуществахъ крупной семьи по сравненію съ малою намъ придется касаться въ слѣдующихъ главахъ; здѣсь же мы ограничимся лишь общимъ замѣчаніемъ о вѣроятной основной причинѣ того, почему семьи, достигнувшія крупной величины, чаще всего лишь временно удерживаются въ такомъ положеніи, распадаясь затѣмъ на болѣе мелкія единицы. Причину этого, повидимому, слѣдуетъ видѣть въ самомъ типѣ той хозяйственной единицы, съ которою намъ приходится въ данномъ случаѣ имѣть дѣло, а именно—въ двойственномъ ея характерѣ, въ силу котораго она является, съ одной стороны, *хозяйственною* (производственно-потребительною) *единицею* въ собственномъ смыслѣ, а съ другой—*семьею*, т.-е. извѣстною формою общежитія, со спеціально свойственными этой формѣ чертами и тенденціями. Этотъ двойственный характеръ крестьянскаго „двора“, какъ семьи-хозяйства,

неизбѣжно долженъ налагать глубокій отпечатокъ на всю его жизнь и, въ частности, при извѣстныхъ условіяхъ, вносить въ нее неустранимый разладъ, приводящій къ распаденію или раздѣлу этого двора.

Какъ мы уже видѣли выше, господствующимъ и, слѣдовательно, какъ бы нормальнымъ типомъ семьи среди крестьянъ является (и, насколько можно судить, являлась и раньше) „простая" семья, имѣющая въ своей основѣ лишь одну брачную пару; весьма близкими къ тому же типу по своей структурѣ, какъ также было указано, могутъ считаться и тѣ сложныя семьи, которыя состоятъ изъ родителей съ однимъ женатымъ сыномъ. Но если мы обратимся къ тѣмъ, ограниченнымъ по количеству, семьямъ, которыя состоятъ изъ родителей съ двумя или нѣсколькими женатыми сыновьями, изъ двухъ или нѣсколькихъ братьевъ и т. д., т.-е. къ семьямъ, которыя только и могутъ быть названы „сложными" въ болѣе строгомъ смыслѣ этого слова, то не трудно замѣтить, что такія семьи разнятся отъ „простой" семьи не только по величинѣ, но и по самому типу: каждая такая семейно-хозяйственная единица является уже не просто семьею, хозяйствующею въ рамкахъ тѣхъ отношеній и того распредѣленія ролей и занятій, которыя болѣе или менѣе естественно вытекаютъ (при данныхъ условіяхъ и формахъ хозяйства) изъ структуры семьи, какъ элементарной формы сожительства группы лицъ, связанныхъ бракомъ, воспитаніемъ подростающихъ дѣтей и содержаніемъ престарѣлыхъ членовъ ея, а особаго рода сложною кооперативною единицею, состоящею не изъ *лицъ*, а изъ нѣсколькихъ простыхъ *семей*, т.-е. цѣлыхъ *группъ* лицъ, гораздо тѣснѣе объединенныхъ между собою въ предѣлахъ каждой такой группы въ отдѣльности, чѣмъ въ предѣлахъ болѣе широкой группы—сложной семьи. Такая сложная кооперативная единица выростаетъ, конечно, на почвѣ собственно-семейныхъ отношеній; но дальнѣйшее существованіе ея можетъ обусловливаться, главнымъ образомъ, уже не этими отношеніями, имѣющими (при данныхъ историческихъ условіяхъ) для „простой" семьи въ значительной мѣрѣ характеръ *необходимости*, а преимущественно *хозяйственнымъ разсчетомъ*, т.-е. сознаніемъ выгодъ кооперативнаго хозяйствованія. Выгоды такого хозяйствованія, съ отвлеченной точки зрѣнія, несомнѣнны, если мы будемъ разсматривать сложную семью, какъ цѣлое; но такая точка зрѣнія, конечно, совершенно искусственна и въ жизни можетъ имѣть лишь весьма малое значеніе, какъ только въ данномъ цѣломъ мы можемъ различать составные элементы, способные къ самостоятельному существованію и могущіе имѣть свои особые частные интересы и расчеты. И если мы обратимся къ этимъ элементамъ, т.-е. индивидуальнымъ семьямъ, входящимъ въ составъ сложной семьи, то будетъ совершенно ясно, что только при исключительныхъ условіяхъ выгоды и интересы всѣхъ или большинства этихъ индивидуальныхъ семей могутъ въ теченіи долгаго времени совпадать между собою и съ выгодами и интересами образуемаго ими сложнаго цѣлаго. Отдѣльныя индивидуальныя семьи всегда бываютъ неравны, во-первыхъ, по числу членовъ или ѣдоковъ (потребителей) и, во-вторыхъ, по силамъ, способностямъ, предпріимчивости и т. д. тѣхъ же членовъ, вслѣдствіе чего неизбѣжно возникаетъ положеніе, при которомъ однѣ семьи работаютъ въ значительной мѣрѣ на другія семьи, а другія семьи кормятся, отчасти, за счетъ первыхъ; выгоды тѣхъ и другихъ, очевидно, при этомъ болѣе или менѣе рѣзко расходятся, причемъ,—если только не допускать въ данномъ случаѣ идеальныхъ отношеній между всѣми членами сложной семьи,—наиболѣе жизнеспособные (въ хозяйственномъ смыслѣ), производительные и энергичные элементы послѣдней не могутъ имѣть настоятельныхъ побужденій, а частью и возможности (вслѣд-

ствіе своего несамостоятельнаго положенія), къ полному примѣненію своихъ силъ и способностей. Иначе говоря, при возникновеніи указаннаго положенія, сложная семья, даже разсматриваемая какъ цѣлое, сохраняя часть выгодъ, вытекающихъ изъ коопераціи, вмѣстѣ съ тѣмъ становится тормазомъ для полнаго развитія и приложенія всѣхъ ея производительныхъ силъ; для значительной же части членовъ семьи данная форма хозяйствованія становится наглядно невыгодною и слишкомъ тѣсною даже въ узко экономическомъ смыслѣ [1]).

Но причины неустойчивости, при данныхъ хозяйственно-историческихъ условіяхъ, существованія сложныхъ семей этимъ не исчерпываются. Сложная семья, хотя уже и не представляетъ собою „семью" въ строгомъ смыслѣ этого слова (являясь скорѣе выросшимъ изъ нея хозяйственнымъ союзомъ нѣсколькихъ семей), однако сохраняетъ многія такія ея основныя черты, какъ совмѣстная жизнь, общее потребленіе, болѣе или менѣе полное регулированіе какъ образа жизни, такъ и потребленія, распредѣленіе рабочаго времени и т. д. главою семьи (отцомъ, дѣдомъ, „большакомъ") и его женою или „большухою". Въ индивидуальной семьѣ, при ея обычномъ составѣ, такое положеніе совершенно естественно, но въ сложной семьѣ, состоящей изъ нѣсколькихъ способныхъ и необходимо тяготѣющихъ къ самостоятельной жизни и самостоятельному хозяйствованію индивидуальныхъ семей, оно не можетъ быть нормальнымъ и прочнымъ. Сочетаніе семейной формы отношеній съ большимъ числомъ взрослыхъ членовъ и съ тою организаціею рабочихъ силъ,

---

[1]) Сообразно съ этимъ, почти при каждомъ раздѣлѣ сложной семьи, бываютъ элементы проигрывающіе въ хозяйственномъ отношеніи и элементы выигрывающіе, для которыхъ раздѣлъ является путемъ *высвобожденія* ихъ рабочихъ и хозяйственныхъ силъ изъ ставшихъ чрезмѣрно для нихъ тѣсными рамокъ прежней кооперативной единицы. Очевидно, слѣдовательно, что о „вредѣ", „разорительности" и проч. семейныхъ раздѣловъ невозможно говорить огульно: для одной стороны они, несомнѣнно, невыгодны и разорительны, но для другой (и при томъ часто наиболѣе жизнеспособной въ хозяйственномъ смыслѣ) они могутъ имѣть совершенно противоположное значеніе. Слѣдуетъ замѣтить, что и мнѣнія самихъ крестьянъ о вліяніи раздѣловъ, вслѣдствіе этого, вовсе не отличаются такимъ согласіемъ, какое нерѣдко предполагается. Напр., въ цитированной раньше брошюрѣ г. Личкова прямо отмѣчаются двѣ категоріи такихъ отзывовъ: наряду съ такими отзывами, какъ—„мы и противъ дѣлежа, да ничего не подѣлаемъ", „въ семьѣ каша гуще", „въ семьѣ все получше жить", „раздѣлились и разорились" и т. д., встрѣчаются совершенно иные, указывающіе, что „иной лучше живетъ, который подѣлится", „раздѣлятся—всякій для себя стараться будетъ", „послѣ раздѣловъ всяко бываетъ—на какую точку угодитъ", „раздѣлы къ особенному обѣдненію не ведутъ", „пока какъ будто раздѣлы не разоряли" и т. п.—Е. И. Красноперовъ въ изслѣдованіи Енапаевской вол. также подчеркиваетъ подобную двойственность крестьянскихъ отзывовъ о раздѣлахъ, опредѣленно называя мнѣніе: „стали дѣлиться—стали хуже жить", „жалобами стариковъ", т.-е. одной изъ наиболѣе проигрывающихъ сторонъ въ такихъ случаяхъ. Г. Красноперовъ при этомъ высказываетъ предположеніе, что „выгоды экономіи въ трудѣ и въ расходахъ по домашнему обиходу при сожительствѣ членовъ большой семьи", въ случаѣ ея раздѣла, могутъ уравновѣшиваться „тою энергіею, тѣмъ личнымъ благополучіемъ, какія сопутствуютъ отдѣлившемуся члену семьи, когда онъ переходитъ въ разрядъ домохозяина, независимаго равноправнаго члена общества". „Семейная кооперація,—замѣчаетъ онъ далѣе,—не выдерживаетъ напора противъ выгодъ и удобствъ *своего угла*... Не полевыя совмѣстныя работы... гонятъ семьи къ раздѣлу, а семейныя несогласія и отчасти сосредоточеніе всѣхъ доходовъ семейнаго заработка въ рукахъ одного: не производство—причина раздѣловъ, а потребленіе" (стр. 39).—Небезынтересны также слѣдующія замѣчанія г. Щербины: „Въ большой семьѣ... не существовало равноправности членовъ, а слѣдовательно и стимула къ самостоятельной дѣятельности. Надъ всѣми царила безконтрольная воля большака, который былъ, въ сущности, неограниченнымъ деспотомъ, а всѣ остальные члены семьи—полными его рабами и послушниками. Натурально, что въ такой семьѣ-артели ея члены работали больше подъ страхомъ и палкою большака, чѣмъ подъ сознаніемъ общаго интереса" („Рус. Богат.", 1886 г, іюнь, „Семейные раздѣлы у крестьянъ Воронежск. губ.", стр. 208).

какая необходима для веденія хозяйства въ большихъ размѣрахъ, почти неизбѣжно превращается въ нѣчто уродливое и внутренне противорѣчивое, могущее держаться или въ силу необходимости (въ извѣстные историческіе періоды, а также при извѣстныхъ мѣстныхъ или временныхъ условіяхъ), или на почвѣ семейнаго деспотизма, временныхъ хозяйственныхъ разсчетовъ, особенно благопріятно сложившагося семейнаго состава и проч. (въ отдѣльныхъ случаяхъ—во всякое время) [1]); сама же по себѣ, организаціонная способность семьи въ хозяйственной области должна, по необходимости, быть очень ограниченною [2]).

Не входя въ дальнѣйшее разсмотрѣніе вопроса о тѣхъ причинахъ, которыя не допускаютъ значительнаго повышенія средней нормы семейнаго состава среди крестьянскаго населенія и прочнаго существованія большого числа крупныхъ семей, мы возвратимся къ полученному нами раньше общему выводу, что въ значительныхъ районахъ и категоріяхъ крестьянъ установившаяся въ нихъ *средняя* величина семьи, повидимому, подвергается лишь крайне незначительнымъ измѣненіямъ во времени при наличности постоянныхъ, крайне разнообразныхъ крупныхъ перемѣнъ и колебаній въ составѣ и величинѣ отдѣльныхъ семей, ихъ дробленія, вымиранія и проч. Намъ представляется крайне важнымъ особенно подчеркнуть здѣсь одну сторону дѣла, частью уже выясненною предыдущимъ изложеніемъ, но пока недостаточно оттѣненную. Мы видѣли выше, что, при неизмѣнности средней величины и, особенно, средняго числа работниковъ на одну семью, остается всегда настолько же неизмѣнною и группировка семей по работникамъ (по относительной численности различныхъ группъ); при измѣненіи же величины семьи или, точнѣе, числа работниковъ на одну семью, *въ соотвѣтственномъ*, вполнѣ опредѣленномъ, *направленіи* измѣняется и эта группировка. Въ сущности, это явленіе настолько обычно, что можетъ, кажется, считаться, хотя бы

---

[1]) См. замѣчанія гг. Красноперова и Щербины, приведенныя въ концѣ предыдущаго примѣчанія. —„Предложите,—говоритъ В. П. Тихоновъ,—крестьянину вопросъ: „А гдѣ лучше жить: въ большой семьѣ или въ маленькой?“ и онъ вамъ тотчасъ же отвѣтитъ: „не приведи Богъ никому жить въ большой семьѣ!“ И тутъ же, въ видѣ иллюстраціи къ своему отвѣту, начнетъ разсказывать,... какъ тяжело для каждаго работника-семьянина жить въ большой семьѣ, гдѣ ему приходится переносить несправедливости отца, часто благоволящаго не по заслугамъ къ одному сыну въ ущербъ другого, гдѣ у него буквально вырываютъ изъ рукъ каждый заработанный кусокъ хлѣба, и много, много другого. А о женѣ своей онъ и не упоминаетъ: рѣдкая женщина, прожившая долго въ большой семьѣ, не страдаетъ какими-либо женскими болѣзнями, происходящими прямо отъ надсады, вслѣдствіе непосильнаго труда“ (Е. Якушкинъ—„Обычное право“, вып. II, стр. XXIII). Далѣе авторъ указываетъ на развитіе въ деспотическихъ „патріархальныхъ“ семьяхъ снохачества, принудительныхъ браковъ и проч.—Очень характерны также отзывы нѣкоторыхъ членовъ Губернскихъ Комитетовъ конца 50-хъ годовъ по поводу предположеній допускать по освобожденіи крестьянъ на сходы лишь по 1 человѣку съ двора: для большихъ семей это значило бы, по ихъ мнѣнію, отдать остальныхъ членовъ такихъ семей „въ крѣпостную зависимость“ домохозяину (Скребицкій, т. I, стр. 433 и 752).

[2]) Съ изложенной точки зрѣнія, какъ намъ кажется, представляютъ гораздо большія затрудненія для удовлетворительнаго объясненія случаи продолжительнаго и болѣе или менѣе прочнаго существованія крупныхъ семей, чѣмъ тенденція ихъ къ распаденію. Сообразно съ этимъ, если бы оказались основанія за то, что раньше дѣйствительно господствовали такія семьи, передъ изслѣдователями стояла бы трудная задача—выяснить экономическую и жизненную *необходимость* такого явленія, граничащую съ *невозможностью* въ то время существованія иныхъ способовъ веденія хозяйства и иной формы общежитія, чѣмъ тѣ, какія даются крупными семейно-кооперативными единицами. Обычныя построенія, относящіяся къ господству въ прежнее время такихъ единицъ въ деревнѣ, какъ къ естественному факту, и пытающіяся лишь объяснить послѣдующее ихъ разложеніе, очевидно, и въ такомъ случаѣ были бы крайне недостаточны.

молчаливо, всѣми признаваемымъ; однако, оно имѣетъ настолько важное значеніе, что его необходимо отчетливо формулировать и не упускать изъ вида при дальнѣйшемъ изученіи крестьянскаго хозяйства.

Математически, при одной и той-же средней величинѣ семьи или, точнѣе, при одномъ и томъ же среднемъ числѣ работниковъ на 1 семью, могутъ быть допущены различныя группировки семей по работникамъ; но, въ дѣйствительности, среднее число душъ и работниковъ на 1 семью является лишь цифровымъ выраженіемъ равнодѣйствующей (если можно такъ выразиться) всѣхъ тѣхъ перемѣнъ, которыя строго закономѣрно совершаются въ отдѣльныхъ семьяхъ при совокупности условій данной мѣстности или данной группы населенія. Поэтому всякому данному цифровому выраженію средняго состава семьи обыкновенно соотвѣтствуетъ и извѣстная, довольно опредѣленная, группировка семей по величинѣ и, въ частности, по рабочему составу, причемъ упомянутое цифровое выраженіе и является, строго говоря, лишь болѣе или менѣе точнымъ *показателемъ* наличности этой именно, а не какой-либо иной, группировки семей. Мы говоримъ—„болѣе или менѣе точнымъ" показателемъ—потому, что, конечно, въ отдѣльныхъ случаяхъ могутъ оказаться на лицо какія-либо спеціальныя (мѣстныя, временныя и т. д.) условія, въ силу которыхъ, при одномъ и томъ же среднемъ числѣ душъ и работниковъ на семью, въ различныхъ мѣстностяхъ или въ различное время можетъ оказаться замѣтная разница въ относительной численности семей разной величины и съ разнымъ числомъ работниковъ (причемъ, однако, эта разница, повидимому, можетъ представлять лишь сравнительно незначительныя отклоненія отъ *типичной* для данныхъ условій группировки); кромѣ того, степень соотвѣтствія между среднимъ составомъ семьи и характеромъ группировки ихъ по тому же составу не можетъ быть и провѣрена съ безусловною точностью, такъ какъ такой точности и полнаго однообразія въ пріемахъ регистраціи и подсчета не имѣютъ даже лучшія переписи [1]).

Беря имѣющіяся у насъ подъ руками данныя по Саратовской (за 1897 г.), Воронежской, Нижегородской и Владимірской губ., въ которыхъ *наличное населеніе сосчитывалось отдѣльно* (отъ отсутствующаго), и располагая уѣзды въ порядкѣ возростанія средняго числа работниковъ м. п. на 1 наличную семью, получимъ слѣдующую картину измѣненій въ томъ же направленіи группировки наличныхъ семей по количеству работниковъ:

Уѣзды.	Среднее число работник. м. п. на 1 семью.	Количество семей въ %%:				
		Безъ работника.	Съ 1 работникомъ.	Съ 2 работник.	Съ 3 работник.	Съ 4 и болѣе работниками.
Балахнинскій (Нижегор.). . . .	1,10	17,0	61,9	16,4	4,7	
		78,9				
Горбатовскій „	1,12	15,1	63,5	16,8	4,6	
		78,6				
Нижегородскій „	1,13	15,6	61,3	18,2	4,9	
		76,9				

[1]) Въ частности, по отношенію къ учету работниковъ, выше неоднократно отмѣчались различія въ способахъ опредѣленія числа ихъ при различныхъ переписяхъ, а также тотъ фактъ, что иногда наличныя и отсутствующія семьи соединяются вмѣстѣ, иногда же раздѣляются, и т. д.

УѢЗДЫ.	Среднее число работник. м. п. на 1 семью.	Количество семей въ %%: Безъ работника.	Съ 1 работникомъ.	Съ 2 работник.	Съ 3 работник.	Съ 4 и болѣе работниками.
Макарьевскій (Нижегор.) . . .	1,17	13,2	62,8	18,4	5,6	
		76,0				
Арзамасскій „	1,23	14,5	57,3	21,0	7,2	
		71,8				
Княгининскій „	1,25	13,2	58,2	21,2	7,4	
		71,4				
Муромскій (Владимір.).	1,48	11,2	57,0	23,0	6,9	1,9
		68,2			8,8	
Васильскій (Нижегор.).	1,31	11,1	57,4	23,2	8,3	
		68,5				
Вольскій (Сарат.).	1,33	8,2	60,7	23,0	6,6	1,6
		68,9			8,2	
Саратовскій „	1,35	9,2	58,7	23,1	7,6	2,0
		67,9			9,0	
Владимірскій (Владим.)	1,38	9,7	56,5	23,3	8,1	2,4
		66,2			10,5	
Кузнецкій (Сарат.)	1,39	7,5	58,5	24,3	7,6	2,0
		66,0			9,6	
Хвалынскій „	1,42	7,0	56,8	26,1	7,7	2,4
		63,8			10,1	
Царицынскій „	1,45	5,2	58,0	26,1	8,1	2,3
		63,2			10,7	
Петровскій (Сарат.)	1,47	7,0	54,5	26,7	8,7	3,1
		61,5			11,8	
Саратовская губ. (10 уѣзд.) . .	1,48	6,8	55,0	26,2	8,7	3,2
		61,8			11,9	
Сердобскій (Сарат.)	1,50	6,0	54,0	28,0	9,1	2,9
		60,0			12,0	
Острогожскій (Воронеж.) . . .	1,30	6,3	52,9	28,8	12,0	
		59,2				
Аткарскій (Сарат.)	1,52	7,6	51,1	28,0	9,7	3,1
		58,7			13,1	
Бобровскій (Воронеж.).	1,54	6,8	51,9	27,4	13,9	
		58,7				
Задонскій „	1,58	5,6	50,9	28,9	14,6	
		56,5				
Богучарскій „	1,58	5,0	50,8	30,2	14,0	
		55,8				
Балашовскій (Сарат.)	1,60	5,1	51,1	28,3	10,8	4,1
		56,2			15,2	

УѢЗДЫ.	Среднее число работник. м. п. на 1 семью.	Количество семей въ %%:				
		Безъ работника.	Съ 1 работникомъ.	Съ 2 работник.	Съ 3 работник.	Съ 4 и болѣе работниками
Павловскій (Воронеж.)	1,61	6,3	49,5	27,8	16,4	
		55,8				
Валуйскій „	1,61	5,0	49,1	30,4	15,5	
		54,1				
Воронежская губ. (11 уѣзд.) . .	1,61	5,3	49,7	29,4	15,4	
		55,2				
Бирюченскій (Воронеж.)	1,62	5,0	49,2	30,0	15,8	
		54,2				
Землянскій „	1,62	5,4	50,2	28,7	15,7	
		55,6				
Н.-Хоперскій „	1,66	6,0	47,0	29,9	17,1	
		53,0				
Коротоякскій „	1,71	4,7	45,9	30,5	18,9	
		50,6				
Нижнедѣвицкій „	1,79	3,7	44,3	31,7	20,3	
		48,0				

Эта таблица можетъ служить достаточно наглядною иллюстраціею къ выставленному выше положенію, особенно—если принять во вниманіе, что въ разныхъ губерніяхъ, а частью и уѣздахъ, примѣнялись завѣдомо не вполнѣ однообразные пріемы учета рабочихъ силъ, не одинаково строго выдѣлялись отсутствующія семьи и что во многихъ уѣздахъ имѣли мѣсто крупныя выселенія въ послѣдніе годы, а также, вѣроятно, и многія другія обстоятельства, могущія нарушать нормальныя соотношенія между различными группами. Между прочимъ, въ разсматриваемой таблицѣ обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что особенно крупныя отклоненія отъ общей тенденціи въ измѣненіяхъ численности различныхъ группъ съ измѣненіемъ средняго рабочаго состава семьи представляютъ группы семей безъ работниковъ и съ однимъ работникомъ; но если эти двѣ группы брать вмѣстѣ, то получается уже почти полное соотвѣтствіе съ указанной общей тенденціей. Чѣмъ обусловливается такое явленіе,—дѣйствительно ли большею неустойчивостью численности этихъ группъ (въ связи, напр., съ отмѣченною раньше большею подвижностью мелкихъ семей), или особенно важнымъ значеніемъ для этихъ именно группъ полнаго однообразія и выдержанности пріемовъ регистраціи и подсчета (что еще болѣе возможно),—сказать трудно; вѣроятнѣе же всего, что здѣсь играютъ роль причины и того, и другого рода.

Какъ бы то ни было, мы можемъ, однако, считать несомнѣннымъ, что, въ общемъ,—1) малая измѣнчивость средней величины семьи и средняго рабочаго ея состава во времени означаетъ и малую измѣнчивость группировки семей по величинѣ и по числу работниковъ, и 2) если извѣстны общее число семей и общее число душъ и работниковъ въ этихъ семьяхъ или, иначе говоря, извѣстно среднее число душъ и работниковъ на 1 семью, то этими данными уже приблизительно предрѣшается и на основаніи ихъ можетъ быть въ боль-

шинствѣ случаевъ довольно точно предъугадана существующая въ дѣйствительности *группировка* тѣхъ же семей по числу душъ и работниковъ (по крайней мѣрѣ—при отсутствіи какихъ-либо особыхъ различій въ хозяйственныхъ условіяхъ и формахъ быта сравниваемыхъ мѣстностей и группъ населенія).

Иллюстрируемъ это послѣднее положеніе еще нѣсколькими примѣрами. Кузнецкій уѣздъ, какъ мы видѣли, занимаетъ одно изъ низшихъ мѣстъ въ Саратовской губ. по числу работниковъ на 1 семью ($1_{,39}$); но въ немъ есть много мордовскихъ общинъ, въ которыхъ на 1 семью приходится уже $1_{,62}$ работн. м. п.; близкое къ этому числу работниковъ мы находимъ въ Балашовскомъ уѣздѣ Саратовской губ., нѣкоторыхъ уѣздахъ Воронежской губ. и въ цѣлой Воронежской губ.; поэтому, на основаніи предъидущаго, мы можемъ предполагать въ мордовскихъ общинахъ Кузнецкаго уѣзда группировку семей по работникамъ, близкую къ названнымъ сейчасъ мѣстностямъ. Дѣйствительно, цифры вполнѣ подтверждаютъ такое предположеніе:

	Среднее число работн. на 1 семью.	Число семей въ %%.				
		Безъ работн.	Съ 1 работн.	Съ 2 работн.	Съ 3 работн.	Съ 4 и болѣе работн.
Весь Кузнецкій уѣздъ	$1_{,39}$	$7_{,5}$	$58_{,5}$	$24_{,3}$	$7_{,6}$	$2_{,0}$
		$66_{,0}$			$9_{,6}$	
Мордовскія общины Кузн. у. .	$1_{,62}$	$3_{,8}$	$51_{,8}$	$29_{,0}$	$11_{,5}$	$3_{,9}$
		$55_{,6}$			$15_{,4}$	
Балашовскій уѣздъ	$1_{,60}$	$5_{,1}$	$51_{,1}$	$28_{,6}$	$10_{,8}$	$4_{,4}$
		$56_{,2}$			$15_{,2}$	
Воронежская губ.	$1_{,61}$	$5_{,5}$	$49_{,7}$	$29_{,1}$	$15_{,4}$	
		$55_{,2}$				
Бирюченскій уѣздъ	$1_{,62}$	$5_{,0}$	$49_{,2}$	$30_{,0}$	$15_{,8}$	
		$54_{,2}$				
Землянскій уѣздъ	$1_{,62}$	$5_{,4}$	$50_{,2}$	$28_{,7}$	$15_{,7}$	
		$55_{,6}$				

Вотъ еще нѣсколько не менѣе рѣзкихъ аналогичныхъ примѣровъ:

Петровскій у. Сарат. губ. . . .	$1_{,47}$	$7_{,0}$	$54_{,5}$	$26_{,7}$	$8_{,7}$	$3_{,1}$
Елецкій у. Орловской губ. . .	$1_{,47}$	$7_{,3}$	$54_{,5}$	$26_{,1}$	$8_{,9}$	$3_{,2}$
Сердобскій у. Сарат. губ. . . .	$1_{,50}$	$6_{,0}$	$54_{,0}$	$28_{,0}$	$13_{,1}$	
		$60_{,0}$				
Острогожскій у. Ворон. губ. .	$1_{,50}$	$6_{,3}$	$52_{,9}$	$28_{,8}$	$12_{,0}$	
		$59_{,2}$				
Аткарскій у. Сарат. губ. . . .	$1_{,52}$	$7_{,6}$	$51_{,1}$	$28_{,0}$	$13_{,1}$	
		$58_{,7}$				

Духовщинскій у. Смолен. губ. .	1,52	6,0	53,0	28,5		12,5	
		59,0					
Бобровскій у. Ворон. губ. . .	1,54	6,8	51,9	27,1		13,9	
		58,7					
Васильскій у. Нижег. губ. . . .	1,31	11,1	57,4	23,2		8,3	
		68,5					
Кролевецкій у. Черниг. губ. . .	1,31	8,2	61,1	23,4	6,2	1,1	
		69,3				7,3	
Вольскій у. Сарат. губ.	1,33	8,2	60,7	23,0	6,6	1,6	
		68,9				8,2	
Саратовскій у. Сарат. губ. . .	1,35	9,2	58,7	23,1	7,0	2,0	
		67,9					
Кунгурскій у. Пермской губ. .	1,37	7,6	59,3	24,1	7,1	1,9	
		66,9					
Владимірскій у. Владим. губ. .	1,38	9,7	56,5	23,3	8,1	2,4	
		66,2					
Кузнецкій у. Саратовск. губ. .	1,39	7,5	58,5	24,3	7,6	2,0	
		66,0					

Постоянное единовременное существованіе семей различной величины и различнаго рабочаго состава, характеризующееся болѣе или менѣе опредѣленными и весьма устойчивыми *количественными* соотношеніями между группами семей разнаго состава, съ одной стороны, и постоянною измѣнчивостью величины и состава отдѣльныхъ семей, а слѣдовательно—и *качественнаго* состава каждой группы [1]), съ другой стороны, въ общихъ чертахъ, въ достаточной мѣрѣ обрисовывается уже приведенными выше данными. Но самая *степень* разнообразія величины и состава семей въ каждый данный моментъ ими уясняется далеко не полно, такъ какъ имѣющіеся матеріалы обыкновенно не даютъ достаточно детальной или исчерпывающей группировки ихъ, чѣмъ, между прочимъ, еще болѣе поддерживаютъ предразсудокъ, что только прежде существовали очень крупныя семьи, а теперь ихъ нѣтъ или почти не встрѣчается. „Въ дѣйствительности,—какъ указываетъ г. Щербина,—семейный составъ у крестьянъ отличается чрезвычайнымъ разнообразіемъ и колебаніями: начиная съ одиночекъ и мелкихъ хозяйствъ въ 2, 3 и 4 души, отдѣльныя семьи состоятъ иногда изъ 20, 30, 40 и даже болѣе душъ“ [2]). Такъ, напр., по Петровскому (за 1894 годъ) и по Кузнецкому у. (за 1886 годъ) мы имѣемъ слѣдующія цифры, могущія болѣе точно иллюстрировать это разнообразіе состава крестьянскихъ семей:

---

[1]) Т.-е. конкретнаго содержанія каждой группы, опредѣляемаго тѣмъ, *какія именно* семьи въ данное время входятъ въ ея составъ, и мѣняющагося съ измѣненіями въ составѣ отдѣльныхъ семей, постоянно какъ бы переводящими эти семьи изъ однѣхъ группъ въ другія.

[2]) „Сводный Сборникъ по 12 уѣздамъ Воронежской губ.“, стр. 309.

Распредѣленіе семей по числу ѣдоковъ или душъ обоего пола:

Семей:	Петровск. уѣздъ.	Кузнецкій уѣздъ.	Семей:	Петровск. уѣздъ.	Кузнецкій уѣздъ.
Съ 1 ѣдокомъ . . .	667	624	Съ 20 ѣдоками . . .	34	10
„ 2 ѣдоками . . .	2565	1756	„ 21 „ . . .	13	3
„ 3 „ . . .	3289	2527	„ 22 „ . . .	7	3
„ 4 „ . . .	4359	3367	„ 23 „ . . .	1	3
„ 5 „ . . .	4968	3744	„ 24 „ . . .	8	1
„ 6 „ . . .	4701	3421	„ 25 „ . . .	3	—
„ 7 „ . . .	3911	2663	„ 26 „ . . .	2	—
„ 8 „ . . .	2804	1802	„ 27 „ . . .	—	—
„ 9 „ . . .	1878	1218	„ 28 „ . . .	1	—
„ 10 „ . . .	1280	748	„ 29 „ . . .	2 } 41	— } 11
„ 11 „ . . .	796	546	„ 30 „ . . .	—	—
„ 12 „ . . .	641	319	„ 31 „ . . .	—	—
„ 13 „ . . .	402	193	„ 32 „ . . .	2	—
„ 14 „ . . .	263	121	„ 33 „ . . .	—	—
„ 15 „ . . .	148	80	„ 34 „ . . .	1	—
„ 16 „ . . .	90	73	„ 35 „ . . .	—	—
„ 17 „ . . .	83	38	„ 36 „ . . .	1	—
„ 18 „ . . .	52	20	„ 39 „ . . .	—	1
„ 19 „ . . .	26	14			

Въ частности, по числу работниковъ м. п. полная группировка семей за 1897 г. имѣется по всѣмъ уѣздамъ Саратовской губ.:

УѢЗДЫ.	Число семей:													
	Всего.	Безъ работн.	Съ 1 работн.	Съ 2 работн.	Съ 3 работн.	Съ 4 работн.	Съ 5 работн.	Съ 6 работн.	Съ 7 работн.	Съ 8 работн.	Съ 9 работн.	Съ 10 работ.	Свыше 10 работн.	Съ неизвѣст. числомъ раб.
Кузнецкій . . .	24288	1811	14221	5901	1848	386	80	15	3	1	—	1	—	21
Петровскій . .	33203	2271	17784	8718	2823	794	165	43	6	4	3	3	1(12р.)	588
Сердобскій . .	31476	1887	16994	8801	2873	726	142	26	11	1	1	—	—	14
Вольскій . . .	27527	2245	16640	6320	1802	375	54	8	3	1	—	—	—	79
Саратовскій . .	28955	2657	16939	6649	2026	463	92	25	2	1	2	—	—	99
Хвалынскій . .	29387	2072	16686	7666	2251	544	136	26	4	1	—	—	1(10р.)	—
Аткарскій. . .	41058	3121	20909	11448	3996	1097	257	68	16	6	1	—	—	139
Балашовскій .	42442	2167	21667	12141	4567	1373	389	107	16	6	1	1	—	7
Камышинскій .	42906	2569	23023	10722	4277	1490	515	174	60	15	5	3	1(13р.)	52
Царицынскій .	11858	588	6567	2951	949	227	29	7	2	—	1	—	—	537
Итого. .	313100	21388	171430	81317	27412	7475	1859	499	123	36	14	8	3	1536

Но данныя о числѣ душъ и о числѣ работниковъ въ отдѣльныхъ семьяхъ еще далеко, конечно, не обрисовываютъ всего разнообразія ихъ состава. Такъ, прежде всего, громадная разница между отдѣльными семьями наблюдается въ соотношеніи между числомъ работниковъ м. п. и общимъ числомъ ѣдоковъ или душъ об. п. въ нихъ, какъ это можно видѣть, напр., изъ слѣдующихъ цифръ по Кузнецкому у. (за 1886 г.):

Совершенно лишены мужской рабочей силы				1756	семей	или	7,5%
Имѣютъ на 1 работника м. п.			10,1—13 ѣдоковъ	36	„	„	0,2 „
„ „ „ „			9,1—10 „	82	„	„	0,4 „
„ „ „ „			8,1— 9 „	262	„	„	1,1 „
„ „ „ „			7,1— 8 „	670	„	„	2,9 „
„ „ „ „			6,1— 7 „	1381	„	„	5,9 „
„ „ „ „			5,1— 6 „	2484	„	„	10,7 „
„ „ „ „			4,1— 5 „	3770	„	„	16,2 „
„ „ „ „			3,1 — 4 „	5317	„	„	22,8 „
„ „ „ „			2,1 — 3 „	5169	„	„	22,2 „
„ „ „ „			1,1 — 2 „	2176	„	„	9,3 „
„ „ „ „			1 [1]) „	192	„	„	0,8 „
Итого				23295	„	„	100,0 „

Или, изображая то же самое болѣе детально:

Семей съ числомъ работниковъ м. п.:	Число семей, въ которыхъ на 1 работника приходится ѣдоковъ (семьи безъ работниковъ м. п. здѣсь исключены):											Итого семей.
	До 1.1	1,1—2.	2,1—3.	3,1—4.	4,1—5.	5,1—6.	6,1—7.	7,1—8.	8,1—9.	9,1—10.	10,1—13.	
1	158	1190	2037	2624	2614	2113	1321	654	260	82	36	13089
2	29	662	2031	1889	934	333	58	15	2	—	—	5953
3	4	246	837	620	176	35	2	1	—	—	—	1921
4	1	68	211	146	42	3	—	—	—	—	—	471
5	—	10	39	34	3	—	—	—	—	—	—	86
6 и болѣе.	—	—	14	4	1	—	—	—	—	—	—	19
Итого. . .	192	2176	5169	5317	3770	2484	1381	670	262	82	36	21539
Тоже въ процентахъ.												
1	1,2	9,1	15,6	20,0	20,0	16,1	10,1	5,0	2,0	0,6	0,3	100,00
2	0,5	11,1	34,1	31,7	15,8	5,7	0,9	0,2	0,03	—	—	100,00
3	0,2	12,8	43,6	32,3	9,1	1,8	0,1	0,1	—	—	—	100,00
4	0,2	14,5	44,8	31,0	8,9	0,6	—	—	—	—	—	100,00
5	11,6	45,4	39,5	3,5	—	—	—	—	—	—	—	100,00
6 и болѣе.	—	73,7	21,0	5,3	—	—	—	—	—	—	—	100,0
По уѣзду . .	0,8	10,1	24,0	24,7	17,5	11,5	6,4	3,1	1,2	0,4	0,3	100,00

[1]) Т.-е. состоятъ изъ однихъ мужчинъ-работниковъ.

Но не меньшее разнообразіе должны представлять отдѣльныя семьи и по обезпеченности женской рабочей силой, по соотношенію ея съ мужскою, по числу полуработниковъ и полуработницъ и вообще по возрастному и половому составу. Помимо этого, положеніе отдѣльныхъ семейно-хозяйственныхъ единицъ (особенно мелкихъ) должно существенно разниться въ зависимости отъ того, въ какомъ именно періодѣ своего существованія находится въ данный моментъ каждая изъ нихъ: давно ли она существуетъ самостоятельно (послѣ раздѣла, если таковой былъ), какія перемѣны въ ея составѣ имѣли мѣсто въ ближайшее предшествовавшее время, каковъ возрастъ главныхъ работниковъ семьи и т. д. Принимая все это въ соображеніе, необходимо признать, что степень того разнообразія, которое представляютъ въ каждый данный моментъ различныя крестьянскія семейно-хозяйственныя единицы со стороны ихъ лично-семейнаго состава и положенія, настолько велика, что лишь съ большимъ трудомъ можетъ поддаваться даже простому количественному выраженію и измѣренію, не говоря уже объ установленіи значенія этого разнообразія въ хозяйственномъ отношеніи, которое поэтому можетъ быть выяснено съ надлежащею полнотою только путемъ спеціальнаго изслѣдованія. Но и однѣ и тѣ же семьи въ разные періоды своего существованія проходятъ весьма различныя естественныя стадіи развитія и упадка и претерпѣваютъ весьма разнообразныя измѣненія въ своемъ составѣ; разнообразію въ пространствѣ, иначе говоря, соотвѣтствуетъ здѣсь измѣнчивость во времени, значеніе которой уже a priori представляется не менѣе важнымъ [1]).

---

[1]) „Нормальное положеніе земледѣльцевъ есть и должно быть семейное; оно подраздѣляется, по справедливому разсчету одного французскаго писателя, на слѣдующіе 5 періодовъ или возрастовъ: a) въ малолѣтствѣ онъ содержится и прокармливается отъ труда своихъ родителей; b) достигая 14—15-лѣтняго возраста, поступаетъ въ подростки, полурабочіе и зарабатываетъ нѣкоторую часть своего пропитанія; c) затѣмъ, женится и, приживая дѣтей, вступаетъ въ самый тяжкій періодъ своего существованія, выращивая малолѣтковъ, которые обременяютъ его безвозвратными расходами на ихъ содержаніе; d) затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ дѣти подростаютъ, положеніе хозяина улучшается, полевыя работы распредѣляются между членами семейства сообразно ихъ возрасту и силамъ; младшіе пасутъ скотъ, средніе—боронятъ, грабятъ сѣно, возятъ навозъ; e) наконецъ, послѣдній возрастъ—престарѣлости—соотвѣтствуетъ первому—малолѣтнему; домохозяинъ содержится трудами своихъ домочадцевъ. Таково круговое движеніе, чрезъ которое проходятъ всѣ земледѣльцы; одно и то же семейство нуждается въ разныя эпохи жизни то въ большемъ, то въ меньшемъ количествѣ пашни, и каждое семейство проходитъ сначала очень тяжкій періодъ, именно—третій, гдѣ нужды много превышаютъ рабочія силы домохозяина“ (кн. Васильчиковъ—„Землевладѣніе и земледѣліе“, т. II, стр. 21—22).—Эту цитату (по основной ея мысли могущую служить нѣкоторымъ дополненіемъ къ сказанному въ текстѣ) весьма небезынтересно сопоставить съ приведеннымъ выше построеніемъ г. Гурвича (см. стр. 56—57).

ГЛАВА V.

Необходимость при изученіи крестьянскаго хозяйства имѣть въ виду какъ двойственный характеръ двора, въ качествѣ семьи-хозяйства, такъ и внутреннюю связь между личносемейнымъ и хозяйственнымъ элементами данной единицы.—Неоднородность крестьянскихъ дворовъ, какъ хозяйственныхъ единицъ. — Малая изученность этого явленія въ его основахъ и динамикѣ.—Необходимость строгаго различенія статики и динамики неоднородности крестьянскихъ хозяйствъ. — Неправильность и затемняющее вліяніе обычной терминологіи; нѣкоторыя другія обстоятельства, содѣйствующія тому, что существованіе статической неоднородности хозяйственныхъ единицъ часто разсматривается, безъ достаточныхъ доказательствъ, какъ выраженіе процесса „дифференціаціи“ или „разслоенія“ деревни.—Отчетливое констатированіе хозяйственной неоднородности крестьянства нѣкоторыми представителями дореформеннаго періода.—Смутность представленій о деревнѣ въ то же время и въ началѣ пореформеннаго періода въ болѣе широкихъ слояхъ общества; послѣдующее обнаруженіе неравенства въ крестьянской средѣ, какъ одно изъ основаній ходячаго мнѣнія о недавнемъ возникновеніи или значительномъ усиленіи его въ дѣйствительности.—Логическая допустимость обратнаго предположенія, что это неравенство (въ сферѣ земледѣльческаго хозяйства) не измѣнялось существенно во времени или даже могло уменьшиться.—Нѣкоторыя черты эволюціи представленій о неоднородности и „разложеніи“ деревни въ нашей литературѣ: широкое распространеніе убѣжденія относительно „упадка“ крестьянскаго хозяйства послѣ реформы 1861 года; упроченіе мнѣнія о „двухстороннемъ“ характерѣ происходящихъ въ данной сферѣ процессовъ; крайняя форма, въ которую оно отлилось въ 90-ые годы; стремленіе подвести явленія и процессы въ области крестьянскаго хозяйства подъ категоріи и понятія капиталистическаго строя.—Опредѣленіе, въ основныхъ чертахъ, реальнаго содержанія господствующихъ представленій о процессѣ „дифференціаціи“ или „разслоенія“ деревни. — Главные вопросы, подлежащіе выясненію при изученіи хозяйственной неоднородности крестьянскихъ дворовъ.—Ограниченность задачъ настоящей работы въ этомъ отношеніи; полагаемое въ основу ея „предвзятое“ или апріорное понятіе о крестьянскомъ дворѣ.—Признаки, которые являются наиболѣе пригодными для изученія группировки крестьянскихъ дворовъ по объему и состоянію ихъ земледѣльческаго хозяйства.—Преимущественное пользованіе въ настоящей работѣ группировкою по количеству скота.

Выше намъ уже приходилось попутно подчеркивать двойственный характеръ крестьянскаго „двора“, какъ „семьи-хозяйства“; но непосредственно мы до сихъ поръ касались почти исключительно тѣхъ вопросовъ, которые относятся къ крестьянской *семьѣ, какъ таковой*,—поскольку, конечно, этого рода вопросы могутъ быть разсматриваемы изолированно. Теперь мы обратимся къ изученію крестьянскаго *„двора“, какъ хозяйственной единицы*, все время, однако, не упуская изъ вида указаннаго его двойственнаго характера. Лично-семейный и хозяйственный элементы крестьянскаго „двора“,—какъ очевидно уже à priori,—не могутъ быть независимыми другъ отъ друга, но должны представлять нѣчто, какъ бы органически между собою связанное. Размѣры, характеръ и значеніе этой связи могутъ быть представляемы весьма различно, но совершенно изолированное изученіе двухъ указанныхъ сторонъ крестьянскаго двора допустимо лишь какъ болѣе или менѣе искусственный методологическій пріемъ, необходимый при изученіи всякаго сложнаго объекта, но который, однако, ни въ какомъ случаѣ не долженъ заслонять собою внутреннюю цѣлостность послѣдняго: напротивъ, эта „внутренняя цѣлостность“ сама должна составлять одинъ изъ центральныхъ пунктовъ въ дѣлѣ изученія крестьянскаго хозяйства.

Разсматривая крестьянскіе дворы, какъ хозяйственныя единицы, мы прежде всего наталкиваемся на фактъ крайняго разнообразія ихъ по объему

и типу хозяйства (употребляя въ данномъ случаѣ слово „типъ“ въ нѣсколько неопредѣленномъ смыслѣ): мы видимъ здѣсь хозяйства безлошадныя, безпосѣвныя, бездомовыя и даже живущія нищенствомъ, съ одной стороны, и многолошадныя, многопосѣвныя и т. д., съ другой стороны; видимъ хозяйства, живущія поденщиною и батрачествомъ, рядомъ съ хозяйствами, нанимающими батраковъ и имѣющими промышленныя и торговыя заведенія; хозяйства чисто земледѣльческія—рядомъ съ хозяйствами смѣшаннаго характера и чисто промысловыми (при большомъ различіи самыхъ промысловъ), и проч. Словомъ, какой бы хозяйственный признакъ мы ни взяли, крестьянскіе дворы всякаго района, всякаго даже отдѣльнаго селенія или общины оказываются представляющими по этому признаку цѣлую градацію размѣровъ, положеній и проч.,—градацію, позволяющую распредѣлять эти дворы на извѣстное число группъ, конечно болѣе или менѣе условныхъ и произвольныхъ, какъ и всякія группировки существующихъ въ дѣйствительности объектовъ наблюденія, но, въ цѣломъ, дающихъ болѣе или менѣе яркую картину сосуществованія въ крестьянской средѣ весьма различныхъ между собою „слоевъ“ хозяйственныхъ единицъ [1]).

Едва ли какому-нибудь другому явленію современной русской дѣйствительности было удѣлено въ послѣдніе годы столько вниманія со стороны нашей общей литературы, какъ отмѣченному сейчасъ факту неоднородности крестьянскихъ хозяйствъ или, какъ принято (особенно—въ послѣднее время) выражаться, факту „дифференціаціи“, „разслоенія“ или, наконецъ, „разложенія“ деревни; но едва ли нужно доказывать, что это усиленное вниманіе не принесло пока достаточныхъ результатовъ и не привело до сихъ поръ къ сколько нибудь полному и доказательному освѣщенію даннаго вопроса. Не смотря на горячность споровъ и нерѣдкую категоричность утвержденій, относительно невыясненности даннаго пункта оказываются, повидимому, вполнѣ согласными между собою представители даже болѣе или менѣе противоположныхъ воззрѣній, какъ только они ставятъ передъ собою вопросъ вполнѣ опредѣленно и ясно. Такъ, говоря о „констатированной земскою статистикою неоднородности крестьянской массы“, въ которой „многіе склонны видѣть результатъ той неизбѣжной экономической дифференціаціи, которая должна отдѣлить овецъ отъ козлищъ, „освободить“, съ одной стороны, рабочаго отъ средствъ производства, а съ другой—сосредоточить послѣднія въ сильныхъ и надежныхъ рукахъ представителей капитала“, нарождающихся, между прочимъ, въ средѣ самихъ крестьянъ, въ лицѣ „хозяйственныхъ мужичковъ-собирателей земли“, г. Пѣшехоновъ замѣчаетъ: „Къ крайнему сожалѣнію, насколько хорошо *констатирована* неоднородность крестьянской массы въ ея статикѣ, настолько же плохо она изучена еще въ ея динамикѣ. Мы не имѣемъ достаточныхъ фактическихъ данныхъ, чтобы утверждать, что *въ области земледѣльческаго производства* разоренію массы сопутствуетъ накопленіе капиталовъ и обогащеніе хотя бы немногихъ. Мы не имѣемъ права утверждать даже, что „хозяйственный мужичекъ“—группа многоземельныхъ и многолошадныхъ—представляетъ изъ себя явленіе новое въ экономической жизни. Вполнѣ вѣроятно другое, противоположное предположеніе“ [2]). Не менѣе рѣшительно выражает-

---

[1]) „Ни община, ни селеніе не представляютъ собою чего-либо однообразнаго по составу. Отдѣльныя хозяйства, составляющія ихъ, всюду дробятся въ дѣйствительности на группы различной экономической силы. Однообразныхъ хозяйствъ мало или совсѣмъ нѣтъ, и имущественная дифферерецировка ихъ нерѣдко выражается въ самыхъ рѣзкихъ формахъ“. („Сводный Сборникъ по 12 уѣздамъ Воронежской губ.“, стр. 283).

[2]) „Рус. Богатство“, 1897 г., № 7, — „Къ вопросу о роли собирателей земли“, стр. 36—37.—Курсивъ нашъ.

ся, съ другой стороны, г. Ильинъ: „По вопросу о томъ, идетъ ли впередъ разложеніе крестьянства и какъ быстро,—мы не имѣемъ точныхъ статистическихъ данныхъ... Это и не удивительно, ибо до сихъ поръ... не было сдѣлано даже попытки систематически изучить хотя бы статику разложенія крестьянства и указать тѣ формы, въ которыхъ происходитъ этотъ процессъ“ [1]). Правда, г. Ильинъ сейчасъ же дѣлаетъ исключеніе для „прекрасной работы И. Гурвича“ и замѣчаетъ, что „всѣ общія данныя объ экономикѣ нашей деревни свидѣтельствуютъ о непрерывномъ и быстромъ ростѣ разложенія“; но, во всякомъ случаѣ, этимъ (какъ и вообще рѣшительностью *мнѣній* г. Ильина о разложеніи деревни) не можетъ быть устранено значеніе отсутствія „точныхъ статистическихъ данныхъ“ и „даже попытки систематическаго изученія хотя бы статики разслоенія деревни“; если же мы обратимъ вниманіе, что и г. Пѣшехоновъ рѣшается утверждать лишь о „констатированіи“ земскими изслѣдованіями той же статической неоднородности, но не объ „изученіи“ ея, то мнѣнія обоихъ авторовъ о положеніи даннаго вопроса окажутся почти тождественными между собою.

Приведенныя замѣчанія гг. Пѣшехонова и Ильина заслуживаютъ вниманія, между прочимъ, и въ томъ отношеніи, что въ нихъ вполнѣ опредѣленно разграничиваются *статика* и *динамика* деревенской неоднородности, строгое логическое различеніе которыхъ крайне важно для уясненія вопроса, тогда какъ усвоенные въ настоящее время, обычные способы выраженія скорѣе содѣйствуютъ ихъ смѣшенію. Въ самомъ дѣлѣ, состояніе нашихъ болѣе или менѣе точныхъ знаній въ данной области, какъ мы видѣли, таково, что ими лишь *констатируется* (даже не уясняется по существу) статическая неоднородность крестьянской массы; измѣненія же (динамика) этой неоднородности намѣчаются изслѣдователями или только предположительно, или на основаніи распространенныхъ въ обществѣ мнѣній, или по „общимъ даннымъ объ экономикѣ деревни“ и т. д. Между тѣмъ, обычная нынѣ терминологія по отношенію къ данному явленію — „дифференціація“, „разслоеніе“ и „разложеніе“ деревни и т. п.—характеризуется именно тѣмъ, что соотвѣтствующія ей понятія относятся, если не всецѣло, то прежде всего, къ области динамическихъ представленій. Всѣ приведенные термины болѣе или менѣе неразрывно связаны съ понятіемъ объ извѣстномъ *процессѣ* и при томъ довольно опредѣленнаго характера, а именно — о постепенномъ *превращеніи* однородной массы въ разнородную или, по крайней мѣрѣ,—менѣе разнородной въ болѣе разнородную. Постоянное употребленіе этихъ терминовъ по отношенію къ крестьянскому хозяйству поэтому,—не смотря на фактическую невыясненность его динамики, — неизбѣжно навязываетъ извѣстныя опредѣленныя представленія, во-первыхъ, объ этой неизученной еще динамикѣ, а, во-вторыхъ, даетъ не менѣе опредѣленную предвзятую окраску самой *статической* неоднородности крестьянства: эта послѣдняя психологически неизбѣжно при такихъ условіяхъ получаетъ довольно опредѣленное истолкованіе относительно ея происхожденія (изъ прежней *относительной* однородности) и пріобрѣтаетъ характеръ явленія болѣе или менѣе „новаго“ и прогрессивно развивающагося. Такой ходъ мысли облегчается при томъ и многими другими обстоятельствами, въ числѣ которыхъ видное мѣсто занимаютъ шаблонныя представленія о „первобытномъ“ экономическомъ равенствѣ или однородности, о „патріархальномъ“ натуральномъ или самодовлѣющемъ хозяйствѣ и т. п., при чемъ эти предствленія нерѣдко приурочиваются въ болѣе или менѣе полномъ объемѣ ко времени, от-

---

[1]) „Развитіе капитализма въ Россіи“, 1899 г.—стр. 123.

стоящему отъ насъ не далѣе нѣсколькихъ десятилѣтій, а именно—къ „дореформенному“ періоду, полная неизученность котораго вполнѣ допускаетъ такое упрощенное его освѣщеніе; затѣмъ, здѣсь играютъ видную роль не менѣе шаблонныя представленія объ общемъ ходѣ и общихъ тенденціяхъ общественнаго и, въ частности, экономическаго развитія,—представленія, заимствованныя преимущественно изъ сферы капиталистической обрабатывающей промышленности. Въ общемъ, всѣ эти обстоятельства приводятъ къ очень странному въ логическомъ смыслѣ положенію, при которомъ *существованіе* неоднородности крестьянской массы разсматривается какъ выраженіе начавшагося въ болѣе или менѣе недавнее время и быстро идущаго впередъ *процесса* расчлененіе ея на различныя группы или слои, т.-е.—извѣстное статическое состояніе разсматривается какъ *иллюстрація* и *доказательство* наличности опредѣленныхъ измѣненій динамическаго характера. Такое простое умозаключеніе отъ статики къ динамикѣ, конечно, совершенно незаконно; но именно оно по преимуществу лежитъ въ основѣ распространенныхъ представленій объ эволюціи крестьянскаго хозяйства и многихъ работъ, посвященныхъ вопросу объ этой эволюціи. Однимъ изъ наиболѣе яркихъ примѣровъ такого пользованія статическими данными можетъ служить, напр., книга г. Ильина—„Развитіе капитализма въ Россіи“ [1]), авторъ которой, оперируя съ цифровыми данными почти исключительно статическаго характера, все время говоритъ о *процессѣ* разложенія крестьянства, о *сосредоточеніи* или *концентраціи* (въ динамическомъ смыслѣ) средствъ производства въ рукахъ зажиточнаго крестьянства, объ *оттѣсненіи* этою частью крестьянства остального населенія въ сферѣ, напр., аренды земель, о *вымываніи* среднихъ группъ и т. д. и полагаетъ, что имъ такимъ образомъ „показано“, „на основаніи земско-статистическихъ данныхъ, что разложеніе (крестьянства) есть теперь уже совершившійся фактъ, что крестьянство совершенно раскололось на противоположныя группы“ [2]).

---

[1]) Мы имѣемъ здѣсь въ виду (какъ и въ другихъ случаяхъ) тѣ части названной книги, которыя касаются крестьянскаго хозяйства.

[2]) Стр. 127.—Любопытно, что работа г. Ильина, въ значительной мѣрѣ посвященная вопросу о динамикѣ крестьянскаго „разслоенія“, характеризуется поражающимъ пренебреженіемъ къ болѣе прямымъ, т.-е. динамическимъ же, даннымъ по этому вопросу. Не говоря уже о томъ, что г. Ильинъ почти не касается имѣющихся въ настоящее время (правда—ограниченныхъ еще по количеству и содержанію, но тѣмъ болѣе цѣнныхъ) статистическихъ матеріаловъ, дающихъ прямыя указанія на нѣкоторыя измѣненія, происходящія въ области крестьянскаго хозяйства *во времени*, но даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ, очевидно, располагалъ и, частью, пользовался подобными матеріалами, способъ этого пользованія не можетъ не вызывать весьма серьезныхъ недоумѣній. Такъ, на стр. 91—92 г. Ильинъ приводитъ данныя „конской переписи“ 1888—1891 гг. о распредѣленіи крестьянскихъ дворовъ по числу лошадей въ 49 губерніяхъ Европ. Россіи, при чемъ особенно подчеркиваетъ „глубину“ рисуемаго ими разложенія крестьянства: „Въ рукахъ 22-хъ процентовъ дворовъ (2,2 милліона дворовъ изъ 10,2 милліоновъ) сосредоточено 9½ милліоновъ лошадей изъ 17 милліоновъ, т.-е. 56,3% общаго числа. Громадная масса въ 2,8 милліоновъ дворовъ (27,3%) совсѣмъ обдѣлена (безлошадные), а у 2,9 милліоновъ однолошадныхъ дворовъ (28,6%) лишь 17,2% всего числа лошадей“. Изъ слѣдующаго затѣмъ *краткаго подстрочнаго примѣчанія* видно, что авторъ располагалъ также и матеріалами конской переписи 1893—94 г. г.; но, вмѣсто болѣе или менѣе детальнаго и правильнаго сопоставленія данныхъ обѣихъ переписей (и не оговоривъ даже того, что имъ введены въ счетъ и губерніи съ широкимъ примѣненіемъ воловьей рабочей силы, конскими переписями совершенно не учитываемой), онъ ограничивается лишь слѣдующими строками въ томъ же примѣчаніи: „Какъ измѣняется въ послѣднее время распредѣленіе лошадей въ крестьянствѣ, объ этомъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ военно-конской переписи 1893—94 г. г. (Статистика Россійск. Имп., т. XXXVII). Въ 38 губерніяхъ Евр. Россіи было въ 1893—94 г. г. 8.288.987 крестьянскихъ дворовъ; изъ нихъ безлошадныхъ 2.641.754 или 31,9%, однолошадныхъ—31,4%, двухлошадныхъ—20,2%, трехлошадныхъ—8,7%, съ 4-мя лошадьми и болѣе — 7,8%. Лошадей у крестьянъ было 15.560.358; изъ этого числа 22,5% было у

Самый фактъ неоднородности крестьянства,—въ формѣ дѣленія дворовъ на бѣдные, достаточные, зажиточные и богатые, на безтягольные, малотягольные и многотягольные, на пѣшіе и конные и т. д.,—конечно, былъ извѣстенъ и въ прежнее время. Такъ, въ матеріалахъ г. Скребицкаго мы постоянно встрѣчаемъ указанія на подобныя категоріи крестьянскихъ дворовъ, а, напр., въ приведенномъ выше (гл. III, стр. 80) мнѣніи 36 членовъ Губ. Комитетовъ „второго приглашенія" довольно отчетливо формулируется даже извѣстнаго

однолошадныхъ, 28,9% у двухлошадныхъ, 18,8% у трехлошадныхъ и 29,8% у многолошадныхъ. Такимъ образомъ, у 16,5% зажиточныхъ крестьянъ — 48,6% всего числа лошадей". Едва ли возможно, конечно, выяснить измѣненія въ распредѣленіи скота сопоставленіемъ данныхъ одной переписи *по 49 губерніямъ* съ данными послѣдующей переписи только *по 38 губерніямъ;* но разъ авторъ считаетъ это возможнымъ, то едва ли онъ могъ ограничиться указаніемъ того, что у „16,5% зажиточныхъ крестьянъ сосредоточиваются 48,6% всего числа лошадей", не разъяснивши, какъ же слѣдуетъ отнестись съ его точки зрѣнія (признающей прогрессивную концентрацію средствъ производства въ рукахъ зажиточнаго меньшинства) къ такимъ фактамъ, какъ, напр., слѣдующіе: 1) доля всѣхъ лошадей, принадлежащая однолошадным дворамъ, по второй переписи оказывается равною 22,5% вмѣсто 17,2% прежней переписи; 2) количество трехлошадныхъ хозяйствъ и хозяйствъ съ 4 и болѣе лошадьми по второй переписи оказывается значительно меньшимъ, а именно 8,7% вмѣсто 10,6% и 7,8% вмѣсто 11,4%, при чемъ и приходящееся на долю высшей группы количество лошадей также равняется лишь 29,8% вмѣсто прежнихъ 37,4%, и 3) на 1 дворъ въ высшей группѣ (съ 4 и болѣе лошадьми) по прежней переписи приходилось 5,18 головы, а по второй—уже нѣсколько меньше, а именно—5,33 головы.

Еще болѣе поразительный примѣръ имѣемъ мы на стр. 79-й. „По Тверской губерніи,—говоритъ г. Ильинъ,—...въ сборникахъ... группировки дворовъ по хозяйственной состоятельности нѣтъ. Этимъ недостаткомъ пользуется (!) г. Вихляевъ въ „Сборникѣ статистическихъ свѣдѣній по Тверской губерніи" (т. XIII в. 2, Крестьянское хозяйство. Тверь 1897 г.), чтобы отрицать „дифференціацію" крестьянства, усматривать стремленіе къ „наибольшей равномѣрности" и пѣть гимнъ „народному производству" (стр. 312) и „натуральному хозяйству". Г. Вихляевъ пускается въ самыя рискованныя и голословныя сужденія о „дифференціаціи", не только не приведя никакихъ точныхъ данныхъ о группахъ крестьянъ, но даже и не выяснивъ себѣ той элементарной истины, что разложеніе происходитъ внутри общины, что поэтому толковать о „дифференціаціи" и брать *исключительно* группировки по общинамъ или по волостямъ просто смѣшно" (курсивъ принадлежитъ г. Ильину). Въ видѣ образчика, въ примѣчаніи г. Ильинъ приводитъ фактъ, когда г. Вихляевъ беретъ дѣйствительно *группы общинъ* съ различнымъ надѣломъ, замѣчаетъ, что при этомъ въ малонадѣльныхъ *общинахъ* оказывается большій % дворовъ съ купчей землей, и дѣлаетъ выводъ, что „покупка земель крестьянами Тверской губерніи имѣетъ тенденцію уравнять размѣръ землевладѣнія".—Мы не имѣемъ въ виду давать здѣсь оцѣнку работы г. Вихляева и его заключеній; но достаточно самаго бѣглаго ея просмотра, чтобы убѣдиться, напр., въ томъ, что „группировка *дворовъ* по хозяйственной состоятельности" (а именно—по числу лошадей и, частью, коровъ) у него *имѣется*, а не имѣется лишь болѣе или менѣе разносторонней хозяйственной характеристики (по посѣву, арендѣ и проч.) каждой группы, и что для изученія именно *внутри-общинной* „дифференціаціи" въ области скотоводства онъ прибѣгаетъ къ сравненію размѣровъ этой „дифференціаціи" (% хозяйствъ безъ лошади, съ 1 лошадью и т. д.) по группамъ общинъ съ различнымъ надѣломъ. Послѣдній пріемъ, конечно, не только не смѣшонъ, но безусловно необходимъ, какъ одинъ изъ способовъ изученія даннаго вопроса. Но важнѣе всего то, что у г. Вихляева, на стр. 66—69 и 83—85, приводятся весьма любопытныя данныя объ измѣненіи хозяйственной группировки дворовъ во времени по числу лошадей и коровъ (на основаніи матеріаловъ военно-конскихъ переписей 1888 и 1894 г. г. по всей губерніи и земскихъ свѣдѣній 1892 и 1895 г. г. по 4777 дворамъ Ржевскаго уѣзда), о которыхъ г. Ильинъ уже совершенно не упоминаетъ. Между тѣмъ, сравненіе данныхъ 1892 и 1895 г. г. по Ржевскому уѣзду особенно важно тѣмъ, что оно сдѣлано авторомъ, между прочимъ, *и по однимъ и тѣмъ же дворамъ*. Такого рода сравнительныхъ данныхъ, если не ошибаемся, въ статистической литературѣ болѣе до настоящаго времени не имѣется (если не считать работы г. Громана по Орловскому уѣзду Вятской губерніи, изданной уже послѣ выхода книги г. Ильина), а потому со стороны лицъ, изучающихъ „дифференціацію" крестьянства, они заслуживаютъ особеннаго вниманія; во всякомъ же случаѣ они совершенно не подходятъ подъ огульную характеристику матеріаловъ и пріемовъ г. Вихляева, сдѣланную г. Ильинымъ (не говоря уже о нѣкоторыхъ деталяхъ и общемъ духѣ этой характеристики).

рода антагонизмъ или разнородность интересовъ, замѣчающіеся между „лучшими“ или многотягольными хозяевыми и однотягольными, „бѣдными“: господство на сходѣ первыхъ, — по мнѣнію названныхъ членовъ, — дастъ одно направленіе дѣятельности „міра“, господство другихъ — совершенно иное. Но особенно любопытный примѣръ того, насколько представители дореформеннаго періода въ нѣкоторыхъ случаяхъ ясно улавливали существовавшую въ то время неоднородность крестьянскихъ хозяйствъ и въ своихъ формулировкахъ какъ бы предвосхищали позднѣйшія обобщенія и группировки, представляетъ замѣчательная во многихъ отношеніяхъ для своего времени книга А. Никольскаго—„Хозяйственное описаніе Балашовскаго уѣзда Саратовской губ.“, изданная въ 1855 г. Авторъ этой книги, „крѣпостной человѣкъ Тайнаго Совѣтника Талызина“ и потому близко знакомый съ бытомъ мѣстныхъ крестьянъ, даетъ, между прочимъ, такую характеристику ихъ хозяйственнаго положенія. „Скудость или довольство въ быту крестьянина выражается матеріальнымъ его состояніемъ. Въ этомъ смыслѣ крестьянъ можно раздѣлить на 4 класса: бѣдныхъ, исправныхъ, зажиточныхъ и богатыхъ. Бѣдный крестьянинъ не имѣетъ ни одной лошади, ни одной или одну плохую корову, двѣ—три овцы, нѣсколько куръ и самый скудный запасъ хлѣба. Строеніе у него, по большей части, ветхое или разоренное; одежда худая, загонъ его плохо обработанъ, въ исправленіи повинностей онъ всегда отстаетъ и въ домашней жизни постоянно чувствуетъ скудость и недостатокъ, а въ неурожайный годъ его доля—нищета. Исправный крестьянинъ имѣетъ на тягло, по крайней мѣрѣ, одну хорошую или двѣ посредственныхъ лошади, двѣ коровы съ подтелкомъ, до 10 овецъ, иногда 2—3 свиньи, да нѣсколько куръ и утокъ. Строеніе его, хотя и не обширно, но хозяйственно устроено [1]), одежда потребная есть, обработкою своего поля онъ хорошо кормитъ семью, оплачиваетъ повинности и исправляетъ свои обязанности во-время; одинъ неурожай или другое несчастіе являетъ въ быту его недостатки и дѣлаетъ на время неисправнымъ противъ другихъ. Зажиточный крестьянинъ имѣетъ на тягло по 2 и болѣе лошадей, нѣсколько коровъ и рабочихъ быковъ, собственный плугъ; платья и строенія въ избыткѣ; нѣкоторые больше-семейные имѣютъ по двѣ избы. При избыткѣ рабочаго скота, онъ сверхъ своихъ полей засѣваетъ съемныя земли и потому въ домашнемъ быту его изобиліе; запасы хлѣба у него остаются ежегодно отъ своего продовольствія и уплаты повинностей, такъ что неурожай или случайныя несчастія не вдругъ сдѣлаютъ его неисправнымъ. Къ классу богатыхъ крестьянъ относятся тѣ-же зажиточные, но отъ долговременнаго домашняго избытка скопившіе запасный денежный капиталъ, который у многихъ простирается отъ 300 до 1500 и болѣе руб. сер. Въ домашнемъ быту у нихъ является, безъ особой роскоши, все то же, что и у крестьянина зажиточнаго; но, при способностяхъ, многіе изъ нихъ ведутъ сверхъ хозяйства и торгъ хлѣбомъ и скотомъ“ (стр. 54—55). Не ограничиваясь общею характеристикою, авторъ пытается далѣе опредѣлить „на глазъ“ и относительную численность намѣченныхъ имъ „классовъ“: „Приблизительно можно полагать,—говоритъ онъ,—между здѣшними крестьянами болѣе половины дворовъ исправныхъ, до $^1/_4$ зажиточныхъ, остальные—бѣдные; богатыхъ, денежныхъ дворовъ встрѣтится по два и по три изъ сотни. Имѣніе, въ которомъ болѣе половины двухлошадныхъ тяголъ, остальныя—однолошадныя, можно, сравнительно съ общею сте-

---

[1]) „Достаточные крестьяне для избъ покупаютъ въ Саратовѣ сосновые брусья, а бѣдные собираютъ ихъ изъ мелкаго домашняго лѣса—ольхи, дуба и ветлы“ (стран. 48).

пенью крестьянской достаточности въ здѣшнемъ краѣ, назвать среднимъ" (стр. 55) [1]).

[1]) Слѣдуетъ отмѣтить, что Балашовскій уѣздъ принадлежитъ къ числу наиболѣе плодородныхъ по почвѣ въ Саратовской губерніи и въ 50-хъ годахъ могъ быть названъ многоземельнымъ, почему г. Никольскій характеризуетъ его, какъ „край обильный хлѣбомъ и достаточный скотоводствомъ"; „на все народонаселеніе,—говоритъ онъ,—приходится пашни и сѣнокосовъ по 12 десятинъ на мужскую душу; есть гдѣ развернуться трудолюбивому земледѣльцу" (стр. 52 и 66). По переписи 1886 года въ уѣздѣ было изъ 37931 семей 17291 быв. государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ, а остальные—быв. помѣщичьи. Среди помѣщичьихъ крестьянъ до освобожденія преобладали барщинные.—Между прочимъ, г. Никольскій касается также „класса наемныхъ работниковъ" и, въ частности, найма работниковъ крестьянами. Вотъ нѣкоторыя замѣчанія его по этому поводу. Указавши, что обученію грамотѣ въ крестьянской средѣ, между прочимъ, препятствуютъ домашнія занятія, г. Никольскій замѣчаетъ далѣе: „Одни зажиточные изъ крестьянъ, имѣющіе наемныхъ помощниковъ, не стѣсняясь сказанными обстоятельствами, отдаютъ иногда дѣтей въ ученье приходскимъ причтамъ или конторскимъ писарямъ" (стр. 43—44). „Съемъ земли на кратковременные, т.-е. однолѣтніе, 2-хлѣтніе и 3-хлѣтніе сроки, говоритъ онъ далѣе,—относится большею частью къ зажиточнымъ крестьянамъ, и потому всѣ работы въ этомъ хозяйствѣ производятъ сами съемщики съ незначительнымъ наймомъ издѣльно или поденно во время усиленной рабочей поры... При обширномъ земледѣліи въ уѣздѣ и значительной потребности рукъ естественно рождается вопросъ: кто жъ составляетъ классъ наемныхъ работниковъ?—Тѣ же земледѣльцы, частію—изъ сосѣднихъ губерній, лежащихъ къ сѣверу... Народонаселеніе уѣзда неравномѣрно: лѣвая сторона рѣки Хопра населена гораздо рѣже, чѣмъ правая, и потому въ первой замѣтный недостатокъ рукъ, а во второй мѣстами выказывается недостатокъ земли, да и самыя земли менѣе плодородны; слѣдовательно у жителей правой стороны Хопра довольно остается времени отъ своего земледѣлія и потому лишніе изъ семей идутъ въ постоянный наемъ на сторону; а въ рабочую пору, не обременяясь уборкою своихъ урожаевъ, большая часть жителей сѣверо-запада уѣзда обращается на югъ для издѣльныхъ и поденныхъ наймовъ. Особенно этими заработками пользуются жители казенныхъ имѣній, не обязанныхъ барщиною. Даже случается, что нѣкоторые изъ крестьянъ селеній многоземельныхъ идутъ въ наемъ вслѣдствіе двухъ слѣдующихъ причинъ: или изъ семей вовсе безлошадныхъ, или многолошадныхъ. Первые, оставшись пѣшими, почти безполезны дома и потому нанимаются на сторонѣ, дабы, выработавъ деньги, завести опять лошадью; вторые, имѣя въ избыткѣ лошадей или рабочихъ воловъ, успѣшно оканчиваютъ свои посѣвы и, пользуясь остальнымъ временемъ, нанимаются пахать на сторонѣ и занимаются этимъ уже въ видѣ промысла. Жители малоземледѣльческихъ уѣздовъ Пензенской, Тамбовской и Рязанской губ. также для лѣтнихъ заработковъ большими партіями идутъ на югъ, преимущественно въ Воронежскую губ., въ землю войска Донского и въ Заволжье. Проходя Балашовскій уѣздъ, многіе изъ нихъ остаются и здѣсь нанимаются. Всѣ эти наймы, большею частью, дѣлаются на базарахъ, куда собираются въ извѣстное время и наемщики, и бурлаки. Для постояннаго найма на лѣто охотники стекаются на базарахъ между 1 марта и Пасхою; на зиму—между праздниками Покрова (1 октября) и Введенія (21 ноября); главный же приливъ наемнаго народа на базарахъ бываетъ во всю рабочую пору, съ начала покосовъ и до половины сентября" (стр. 61—63). „Въ нѣкоторыхъ многоземельныхъ помѣстьяхъ и у купцовъ, имѣющихъ большіе собственные участки земли, за обработкою потребнаго для нихъ количества, остаются лишніе, и потому въ уѣздѣ есть классъ земледѣльцевъ-арендаторовъ, изъ людей разныхъ сословій („малоземельные помѣщики, дворяне и чиновники, не имѣющіе своей поземельной собственности; также многіе купцы, мѣщане и зажиточные крестьяне"). Они снимаютъ такія земли на года и обрабатываютъ ихъ наймомъ", нанимая „для необходимыхъ постоянныхъ работъ годовыхъ работниковъ", частью же—временныхъ (стр. 69, 56 и 60). Въ барщинныхъ имѣніяхъ крестьянское тягло, въ среднемъ, получало по 2 дес. въ каждомъ изъ 3 полей; „такое же количество земли тягло обрабатываетъ и на помѣщика. Впрочемъ, при большемъ противъ этого количествѣ господской запашки или при отрывкѣ своихъ рабочихъ для другихъ, напр. строительныхъ дѣлъ, прибѣгаютъ (помѣщики?) къ постороннимъ наймамъ рабочихъ, особенно во время сѣнокоса и жатвы" (стр. 59). Также и „крестьянинъ,... не имѣя достаточнаго числа рабочихъ въ семьѣ, нанимаетъ годового или издѣльнаго работника, основываясь на частныхъ болѣе ему выгодныхъ разсчетахъ" (стр. 90). „Съ 15 ноября лишніе люди изъ большихъ семей, и особенно бѣдныхъ скотомъ, пріискиваютъ уже для себя зимнюю работу на сторонѣ; дома остаются лишь нужные для извозовъ хлѣба и необходимые для домашнихъ дѣлъ". Весною „день св. мученицы Евдокіи здѣсь служитъ обычнымъ срокомъ возвращенія къ хозяйству для людей, отлучившихся отъ домовъ въ разныя ремесла и зимніе заработки на сторону" (стр. 85 и 82); и т. д.

Но если даже въ дореформенное время лица, близко стоявшія къ деревенской жизни, достаточно ясно представляли себѣ все разнообразіе крестьянскихъ хозяйствъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ давали характеристики различныхъ группъ ихъ, невольно напрашивающіяся на сравненіе съ позднѣйшими и даже современными ихъ характеристиками, однако, въ общей литературѣ и въ болѣе широкихъ слояхъ общества—до появленія со второй половины 70-хъ годовъ земско-статистическихъ и другихъ изслѣдованій и очерковъ деревенской жизни—о крестьянствѣ господствовали, несомнѣнно, крайне неопредѣленныя и туманныя представленія. Масса крестьянства, съ ея общиннымъ владѣніемъ землею (являвшимся для многихъ какъ бы синонимомъ какого-то ариѳметическаго равенства), повидимому, чаще всего разсматривалась при этомъ, какъ нѣчто, въ полномъ смыслѣ слова, цѣльное и однородное, и ей противополагались лишь выдѣлявшіяся изъ нея отдѣльныя лица—„кулаки", „міроѣды" и вообще разнаго рода „эксплоататоры". Только земская статистика, вмѣстѣ съ болѣе или менѣе одновременно явившимися другими изслѣдованіями и описаніями деревенской жизни, развернула яркую картину внутренней неоднородности самой массы крестьянства, дала ей достаточно точное цифровое выраженіе и постепенно ввела этотъ крупный фактъ въ общее сознаніе. Въ этомъ смыслѣ можно вполнѣ согласиться съ г. Пѣшехоновымъ, когда онъ говоритъ о „констатированіи" даннаго явленія земскою статистикою. Но *недавнее* точное *констатированіе* извѣстнаго факта, конечно, само по себѣ, не есть еще основаніе для заключенія и о *недавности существованія* этого факта или о существованіи его въ прежнее время въ болѣе ограниченныхъ размѣрахъ. Между тѣмъ, такое заключеніе именно и было сдѣлано, хотя для него не имѣлось сколько-нибудь достаточныхъ и точныхъ фактическихъ данныхъ, такъ какъ ни земскою статистикою, ни другими аналогичными изслѣдованіями пока не могли быть установлены ни наличность широкаго *процесса* „разслоенія" деревни за послѣднія десятилѣтія, ни отсутствіе аналогичной „разнородности" крестьянства, напр., въ „дореформенный" періодъ. *Обнаруженіе* неоднородности крестьянской массы, *представлявшейся* раньше относительно однородною, слѣдовательно, здѣсь принято было, въ извѣстной мѣрѣ, за самое ея *возникновеніе* или *усиленіе* въ дѣйствительности, чему благопріятствовали уже указанныя выше и, несомнѣнно, нѣкоторыя другія обстоятельства, съ точными доказательствами, имѣющія, однако, такъ же мало общаго. Между тѣмъ, какъ бы мы ни рѣшали вопросъ объ эволюціи крестьянскаго хозяйства на основаніи общихъ соображеній и какъ бы онъ ни рѣшился, въ концѣ концовъ, на основаніи изученія фактическихъ данныхъ, пока такого изученія на лицо не имѣется—мы должны допустить *возможность* того, что наблюдаемая нами неоднородность крестьянства вовсе не представляетъ сколько-нибудь новаго явленія, а могла существовать въ приблизительно такихъ же размѣрахъ и въ прежнее время (если, конечно, имѣть въ виду болѣе или менѣе недавнее, а не неопредѣленно-отдаленное прошлое). Даже болѣе того: допустимо предположеніе, что эта неоднородность,—насколько бы она ни казалась значительною,—можетъ быть не большею, а меньшею по сравненію съ прежнимъ временемъ, о которомъ у насъ имѣются пока лишь крайне смутныя представленія. Въ частности, напримѣръ, высшая группа крестьянскихъ хозяйствъ можетъ быть мыслима не только какъ результатомъ *подъема* части хозяйствъ надъ остальною массою ихъ, но и какъ *остатокъ* слоя болѣе многочисленнаго и сильнаго въ прежнее время. Такой именно взглядъ и высказывается, напримѣръ, г. Пѣшехоновымъ, который, непосредственно послѣ приведенныхъ выше (см. стр. 99) строкъ, продолжаетъ:

„Вполнѣ вѣроятно, что хозяйственный мужичокъ ни больше-ни меньше, какъ обломокъ бывшей общей зажиточности, по тѣмъ или другимъ причинамъ еще незахваченный общимъ разореніемъ или менѣе пошатнувшійся подъ давленіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Вполнѣ вѣроятно, что группа многоземельныхъ крестьянъ не только не увеличиваетъ средняго размѣра своего хозяйства, не только не собираетъ земли, а такъ же, какъ и другія, сокращаетъ его. Вполнѣ вѣроятно, что трехлошадные крестьяне становятся двухлошадными въ то время, какъ однолошадные обращаются въ безлошадныхъ. Вполнѣ вѣроятно предположеніе, что происходитъ не накопленіе богатства, а общее обѣднѣніе земледѣльческихъ производителей"; что многоземельныя хозяйства „въ своей массѣ являются уцѣлѣвшимъ остаткомъ прежнихъ экономическихъ формъ, а не предвѣстникомъ вновь нарождающихся" [1]).

Было бы крайне любопытно подробно и всесторонне прослѣдить ту эволюцію представленій о крестьянствѣ вообще и, въ частности, о его неоднородности и „дифференціаціи", какая имѣла мѣсто за послѣднія десятилѣтія въ средѣ нашей интеллигенціи и находила свое отраженіе какъ въ общей, такъ и въ спеціальной литературѣ. Такое предпріятіе въ данный моментъ было бы вполнѣ своевременно и весьма полезно, такъ какъ оно уяснило бы истинный генезисъ и дѣйствительныя основы какъ прежнихъ, такъ и современныхъ намъ воззрѣній въ указанной области и дало бы одинъ изъ лучшихъ матеріаловъ для ихъ критическаго пересмотра и настоятельно необходимой очистки законныхъ выводовъ отъ тѣсно сплетшихся съ ними и нерѣдко ихъ искажающихъ постороннихъ наслоеній. Не ставя себѣ подобной задачи, мы лишь отмѣтимъ здѣсь нѣкоторыя черты постепенной эволюціи представленій о неоднородности и „разложеніи" крестьянства, по скольку это возможно безъ детальнаго разсмотрѣнія различныхъ теченій общественной мысли въ отдѣльности.

Когда была поставлена на очередь крестьянская реформа, достаточный „поголовный надѣлъ" крестьянъ землею и сохраненіе общиннаго владѣнія ею наиболѣе типичнымъ направленіемъ того времени считались условіями, осуществленіе которыхъ въ русской жизни могло поставить наше крестьянство въ совершенно иныя условія, чѣмъ въ какихъ оно находится въ Западной Европѣ, и гарантировать возможность постепеннаго здороваго развитія всей или главной его массы, по крайней мѣрѣ—при наличности содѣйствующей тому политики власти и дѣятельности общества; особенно же имѣлось въ виду, что поземельное устройство крестьянъ на указанныхъ выше основахъ могло бы, при благопріятныхъ условіяхъ, устранить развитіе крупныхъ неравенствъ въ ихъ средѣ, не допустить значительнаго развитія „пролетаріата" въ Россіи и дать возможность массѣ населенія органически выработать болѣе совершенныя формы жизни на почвѣ соединенія труда и владѣнія средствами для его приложенія. Однако, фактическое осуществленіе реформы далеко не соотвѣтствовало тѣмъ ожиданіямъ, которыя лежали въ основѣ указанныхъ надеждъ; еще менѣе соотвѣтствовали имъ событія и мѣропріятія послѣдующаго времени. Такое положеніе вещей уже a priori порождало убѣжденіе въ невозможности нормальнаго и устойчиваго состоянія крестьянскаго хозяйства, а тѣмъ болѣе—общаго и „прямолинейнаго" (если можно такъ выразиться) его развитія, пока отсутствуютъ въ дѣйствительности необходимыя для этого условія. Постепенное ознакомленіе съ деревенскою жизнью въ пореформенный періодъ вполнѣ подтверждало такого рода апріорныя заклю-

---

[1]) „Рус. Богатство", 1897 г., № 7, стр. 37—39.

ченія и опасенія, развертывая яркую картину нужды, хозяйственнаго неустройства и разстройства, эксплоатаціи, розни и проч.,—картину, тѣмъ болѣе поражавшую наблюдателей, что она (какъ уже подчеркивалось раньше) вырисовывалась на фонѣ крайне смутныхъ и отвлеченныхъ представленій о состояніи крестьянскаго хозяйства въ предшествовавшій періодъ времени, о его однородности, извѣстной внутренней сплоченности и т. д. Въ связи съ этимъ, уже приблизительно съ начала 70-хъ годовъ, по завершеніи важнѣйшихъ реформъ, начались усиленные толки не о развитіи, а объ „упадкѣ" крестьянскаго хозяйства, о „разореніи" и „обѣднѣніи" крестьянъ и т. д. Этотъ „упадокъ", это „обѣднѣніе" и проч. частью представлялись, какъ явленія, охватывающія все или почти все крестьянское хозяйство въ его совокупности, но едва ли не еще чаще они понимались въ видѣ „захуданія", „разоренія", лишенія инвентаря, а затѣмъ дома и земли, и т. д., лишь извѣстной части хозяевъ, менѣе способной противостоять разнаго рода неблагопріятнымъ условіямъ, тогда какъ остальная масса крестьянъ пока еще „держалась" какъ бы на прежнемъ уровнѣ. Причины такого явленія опредѣлялись весьма различно, причемъ, на ряду съ отмѣченными уже раньше условіями общаго характера, въ качествѣ такихъ причинъ фигурировали и семейные раздѣлы, и пьянство, и случайныя бѣдствія (при отсутствіи надлежащей помощи пострадавшему отъ нихъ населенію) и т. д. Но каковы бы ни были объясненія даннаго явленія, намъ кажется наиболѣе характерною для разсматриваемаго періода именно доминирующее значеніе представленія о болѣе или менѣе общемъ стѣсненномъ и ненормальномъ положеніи крестьянства, приводящемъ къ „упадку", „обѣднѣнію" и „фактической пролетаризаціи" (въ противоположность юридическому обезземеленію) все большую и большую его долю, т.-е. представленіе скорѣе о болѣе или менѣе *одностороннемъ* процессѣ „разоренія" и „отслоенія" извѣстной части хозяйствъ, отъ котораго выигрываютъ лишь немногочисленные посторонніе крестьянству элементы и выдѣляющіяся изъ него отдѣльныя лица—„кулаки", чѣмъ о *двухстороннемъ* процессѣ „разслоенія", приводящемъ къ выдѣленію, наряду съ слоемъ разоренныхъ дворовъ, *крупнаго же слоя* хозяйствъ зажиточныхъ. Такой болѣе или менѣе односторонній процессъ образованія массы „упадочныхъ" хозяйствъ,—въ связи съ предполагаемымъ отсутствіемъ достаточныхъ организующихъ силъ иного типа и съ убѣжденіемъ въ нежелательности или даже невозможности быстраго ихъ развитія,—могъ быть разсматриваемъ, конечно, лишь какъ „зло", не оправдываемое какими-либо положительными результатами и съ которымъ поэтому необходимо было бороться всѣми средствами.

Эти общія представленія имѣли громадную важность для всего послѣдующаго времени; хотя они, конечно, съ теченіемъ времени измѣнялись, осложнялись и, частью, оттѣснялись другими, но, въ той или иной формѣ и степени, эти представленія наложили свой отпечатокъ на большую часть нашей литературы, на господствовавшія въ обществѣ взгляды и на самыя изслѣдованія народной жизни, а въ частности—и на большую часть земско-статистическихъ работъ. Упадокъ крестьянскаго хозяйства, сокращеніе крестьянскаго скотоводства, ростъ числа безлошадныхъ, безхозяйныхъ и пр., ухудшеніе техники хозяйства и урожайности на крестьянскихъ земляхъ и т. д.—стали общими мѣстами или даже какъ бы аксіомами, не нуждающимися въ точныхъ доказательствахъ, хотя фактическая ихъ обоснованность съ теченіемъ времени едва-ли замѣтнымъ образомъ подвинулась впередъ. Что касается, въ частности, земской статистики, то на ней вліяніе общихъ представленій сказалось, между прочимъ, въ томъ чрезвычайномъ вниманіи, съ которымъ ею

регистрировались и сосчитывались именно „упадочныя“ хозяйства разныхъ категорій (хотя для такого вниманія были, конечно, и другія причины). Уже одинъ перечень этихъ категорій достаточно говоритъ за себя: мы находимъ здѣсь отсутствующихъ, безнадѣльныхъ, безпосѣвныхъ, сдающихъ надѣльную землю, безлошадныхъ, безкоровныхъ, безъ крупнаго скота, безъ всякаго скота, безъ инвентаря, бездомовыхъ и т. д. Въ то же время полная группировка хозяйствъ по ихъ размѣрамъ и типамъ обращала на себя уже меньшее вниманіе (по крайней мѣрѣ—до послѣдняго времени), а еще меньшее вниманіе удѣлялось высшимъ группамъ хозяйствъ, которыя въ печатныхъ изданіяхъ нерѣдко показывались слишкомъ огульно (напримѣръ—даже „съ 2 и болѣе лошадьми“) и болѣе детальному изученію почти не подвергались; въ частности, примѣненіе наемнаго труда въ крестьянскомъ хозяйствѣ, имѣющее особенную важность для тѣхъ же высшихъ группъ, оставалось какъ бы въ тѣни[1]).

Наряду, однако, съ указаннымъ кругомъ представленій постепенно намѣчалось и иное теченіе мысли, которое пріобрѣтало все большее и большее значеніе, частью оттѣсняя изложенные взгляды, частью уживаясь рядомъ или въ той или иной комбинаціи съ ними, и, въ видоизмѣненной формѣ, получило, наконецъ, едва-ли не преобладающую роль во второй половинѣ 90-хъ годовъ. Уже одно болѣе близкое ознакомленіе съ дѣйствительностью обрисовывало положеніе массы деревенскаго населенія далеко не въ одноцвѣтномъ тонѣ: наряду съ признаками „упадка“ здѣсь наблюдались признаки устойчивости или даже „обогащенія“; наряду съ „обѣднѣвшими“ хозяйствами оказывались многочисленныя группы „зажиточныхъ“ и даже „богатыхъ“ крестьянъ; въ мірскихъ дѣлахъ, вмѣсто предполагавшихся раньше солидарности и единодушія, обнаруживались рознь, борьба интересовъ, отсутствіе передѣловъ земли и проч. Все это,—въ связи съ общими схемами экономическаго развитія, которыя намѣчались теоретическою экономіею на западѣ, и съ представленіями объ однородности и цѣлостности прежней деревни,—не могло не вызвать идей о *двойственности* явленій и процессовъ, имѣющихъ мѣсто въ крестьянской жизни, о дифференціаціи однороднаго раньше крестьянства на разнородныя группы или слои, о разрушеніи или смерти общины и т. д.

Уже кн. Васильчиковъ, весьма рѣзко подчеркивавшій значеніе различій въ аграрномъ строѣ Западной Европы и большей части Россіи [2]), въ своемъ извѣстномъ

---

[1]) Все это, обусловленное вліяніемъ указанныхъ выше общихъ представленій и главныхъ пунктовъ интереса самихъ изслѣдователей, какъ извѣстно, неоднократно давало поводъ въ послѣдніе годы къ упрекамъ по адресу статистиковъ въ извѣстной односторонности, затрудняющей нерѣдко пользованіе ихъ сводками для полнаго освѣщенія многихъ вопросовъ. Нѣкоторые „критики“ при этомъ доходили, повидимому, иногда до заподазриванія статистиковъ едва-ли не въ намѣренномъ затушевываніи высшихъ группъ крестьянства. Такъ, г. Іоновъ въ своей статьѣ „Характеристическія явленія въ области частновладѣльческаго и крестьянскаго хозяйства Саратовской губ.“, замѣчаетъ: „Саратовскіе статистики, подмѣтивъ въ началѣ своихъ изслѣдованій фактъ выдѣленія богатыхъ группъ въ общинѣ, затѣмъ при подсчетѣ внесли ихъ подъ рубрику „съ 2 и болѣе штуками“ (рабочаго скота), хотя матеріалъ, бывшій подъ руками, позволялъ легко выдѣлить ихъ“ („Труды И. В. Э. Общества“, 1898 г., № 2, стр. 90). Возможно, впрочемъ, что мы имѣемъ здѣсь просто неловкое выраженіе извѣстной мысли.

[2]) Такъ, говоря о Литовскихъ губерніяхъ, онъ замѣчаетъ: „Въ этихъ губерніяхъ обнаруживаются уже въ полномъ видѣ тѣ же послѣдствія участковаго владѣнія, какъ и въ западной Европѣ, послѣдствія неотвратимыя: *одна часть сельскаго населенія богатѣетъ, другая бѣднѣетъ*... Какъ въ Германіи крестьянское сословіе распалось на два класса, полныхъ хозяевъ и мелкихъ, такъ и въ сѣверо-западномъ краѣ, *подъ вліяніемъ нѣмецкой культуры*, образуется расколъ въ крестьянствѣ... Первымъ послѣдствіемъ подворнаго владѣнія здѣсь, какъ и въ Европѣ, оказалось: относительное благосостояніе одной части кре-

трудѣ, вышедшемъ первымъ изданіемъ въ 1876 году, замѣчаетъ, что въ хозяйственной жизни крестьянскихъ обществъ „мы встрѣчаемъ явленія, отчасти другъ другу противорѣчащія: съ одной стороны, крестьяне являются повсемѣстно, то въ составѣ цѣлыхъ обществъ, то отдѣльными товариществами и домохозяевами, арендаторами и покупателями помѣщичьихъ земель, что несомнѣнно доказываетъ, что *они расширяютъ свои хозяйства*... Но, съ другой стороны, поражаетъ тотъ фактъ, что *число безземельныхъ крестьянъ быстро умножается*..., что также несомнѣнно свидѣтельствуетъ объ упадкѣ общаго уровня благосостоянія земледѣльцевъ“(т. I, стр. 494; курсивъ принадлежитъ кн. Васильчикову). Но въ объясненіи авторомъ этихъ явленій (какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ замѣчаніяхъ) проглядываетъ указанное выше доминирующее значеніе идеи упадка. „Это кажущееся противорѣчіе,—говоритъ онъ,—соглашается тѣмъ, что изъ общей массы крестьянъ постепенно выдѣляются слабѣйшіе хозяева и одинокіе работники, приходящіе въ разореніе отъ кризиса, постигшаго всѣ отрасли сельскаго хозяйства, отъ вздорожанія оброчныхъ статей, топлива, выгоновъ..., между тѣмъ какъ другая часть сельскихъ сословій, болѣе состоятельная, нѣсколько зажиточная, *еще выдерживаетъ* этотъ критическій переворотъ и, предвидя дальнѣйшее возвышеніе земельныхъ цѣнъ, старается пріобрѣсти въ собственность смежныя угодья, чтобы избавиться отъ зависимости ихъ владѣльцевъ“ (стр. 494; курсивъ нашъ). Хотя кн. Васильчиковъ и говоритъ далѣе, что въ Россіи „*коренное, дѣйствительное землевладѣніе* все-таки остается и *усиливается въ рукахъ крестьянства*“ и что „*будущность въ Россіи принадлежитъ крестьянской поземельной собственности*“ (стр. 496—497; курсивъ принадлежитъ кн. Васильчикову), однако, онъ заканчиваетъ свое сочиненіе слѣдующими, весьма характерными для того времени, тревожными соображеніями: „Для предотвращенія зловредныхъ послѣдствій“ малоземелія и другихъ неблагопріятныхъ условій „нужно заблаговременно принять мѣры къ огражденію мелкихъ хозяйствъ, и это то время, какъ мы думаемъ, наступило въ Россіи. Мы не должны скрывать отъ себя, что... въ немаломъ числѣ отдѣльныхъ мѣстностей обнаруживается уже стѣсненіе многихъ хозяевъ, цѣлыхъ селеній и округовъ“. „Надо приступить неотложно“ къ устройству переселеній. „Общая масса русскаго крестьянства еще живетъ осѣдло, хозяйственно на собственныхъ земляхъ, но уже появляются и на Руси отдѣльныя личности и цѣлыя группы сельскихъ жителей, бросающихъ земли. *Сельскій пролетаріатъ уже зарождается въ однихъ полосахъ Имперіи и въ тоже время въ другихъ цѣлые уѣзды и области лежатъ впустѣ*, ожидая переселенцевъ... А время уходитъ, и тѣ же огромныя замѣшательства, которыя проявились въ Западной Европѣ, могутъ обнаружиться и у насъ; всѣ земли будутъ разобраны частными владѣльцами, приростающему населенію свободнаго мѣста не останется, крестьяне собственники будутъ постепенно превращаться въ бобылей, батраковъ и наемниковъ, и пролетаріатъ водворился и въ Россіи, рядомъ съ крупнымъ помѣстнымъ и мірскимъ землевладѣніемъ“ (т. II, стр. 338).

стьянъ, совершенное обнищаніе другой и упадокъ рабочихъ цѣнъ“ („Землевладѣніе и земледѣліе“ (т. I, стр. 473). Въ этомъ краѣ „полные хозяева изъ крестьянъ, какъ и помѣщики, принимаютъ на свои земли жильцовъ, арендаторовъ, держатъ батраковъ; домохозяева выходятъ на полевыя работы рѣдко...; хозяйки, деревенскія бабы,—еще рѣже. Крестьянскій бытъ все болѣе и болѣе сближается съ помѣстнымъ, и подъ обоими этими классами образуется третій—чернорабочій или, лучше сказать, чисто рабочій, потому что на него падаетъ все бремя хлѣбопашества, между тѣмъ какъ крестьяне-хозяева... все болѣе отвыкаютъ отъ личнаго труда“ (т. II, стр. 167). Наоборотъ, при существующемъ въ большей части Россіи мірскомъ владѣніи „зажиточная часть сельскаго населенія составляетъ очень незначительное меньшинство...; но, съ другой стороны, и до извѣстной степени избѣгается крайнее состояніе круглаго неимущества“ (т. I, стр. XXIX). „Въ Россіи собственностью воспользовались всѣ (крестьяне), бѣдные и богатые; въ прибалтійскихъ губерніяхъ—только богатѣйшіе изъ крестьянъ“ (т. I, стр. 471); и т. д. (Курсивъ вездѣ принадлежитъ кн. Васильчикову).

Черезъ 5 лѣтъ, въ другомъ трудѣ кн. Васильчикова—„Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи“ (вышедшемъ въ 1880 году), мы находимъ уже въ гораздо болѣе опредѣленной формѣ тѣ представленія о неоднородности крестьянства и ея эволюціи, которыя лишь въ зачаточной формѣ имѣются въ цитированной книгѣ. Возражая противъ получившаго „въ послѣдніе годы“ преобладаніе пессимистическаго взгляда на хозяйственное положеніе Россіи вообще и массы населенія въ частности, кн. Васильчиковъ говоритъ, между прочимъ: „Во всякомъ случаѣ, въ настоящій моментъ нашего экономическаго развитія представляется въ народномъ быту много такихъ фактовъ, которые противорѣчатъ одинъ другому или, представляя настоящее хозяйственное положеніе съ разныхъ сторонъ, весьма затрудняютъ всякую оцѣнку этого положенія. Съ одной стороны, несомнѣнно обнаруживается нѣкоторый упадокъ благосостоянія“. Изъ такихъ фактовъ, какъ накопленіе недоимокъ, упадокъ скотоводства, переселенія; отходъ на сторону и т. д., „можно дѣйствительно заключить, что во многихъ мѣстностяхъ уровень народнаго богатства нѣсколько понизился или, по крайней мѣрѣ, что многіе землевладѣльцы и земледѣльцы стѣснены и разстроены въ своихъ хозяйствахъ. Но, съ другой стороны, представляются также факты, несомнѣнно доказывающіе усиленіе производительности и улучшеніе быта, опять-таки въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ и въ нѣкоторыхъ классахъ жителей“, какъ, напр., значительныя покупки земель крестьянами, развитіе арендъ при подъемѣ продажныхъ и арендныхъ цѣнъ на земли и т. д. (стр. 14—17). „При такомъ положеніи вещей, я думаю, что слѣдуетъ лучше воздержаться отъ категорическихъ заключеній объ упадкѣ или развитіи сельскаго хозяйства, оставить вопросъ открытымъ, не смущать общественное мнѣніе голословными отзывами о разстройствѣ народнаго быта, а вмѣсто того стараться его изслѣдовать по вѣрнымъ, яснымъ признакамъ“. „Имѣющіяся свѣдѣнія о народномъ бытѣ указываютъ только на одно явленіе—на совершенно разнообразный ходъ народнаго хозяйства, на разныя обстоятельства, не подходящія ни подъ какую общую оцѣнку. Свобода, равноправность начинаютъ проявлять свое обыкновенное дѣйствіе—неравенство состояній. Покуда крѣпостное право и административный произволъ держали весь сельскій людъ подъ однимъ гнетомъ, уровень крестьянскихъ хозяйствъ былъ почти вездѣ равный; въ уравненіи этомъ были заинтересованы сами владѣльцы. Но какъ только отдѣльнымъ хозяевамъ и обществамъ было предоставлено вольное распоряженіе своими способностями, то начали обнаруживаться факты, что люди разумные, бережливые и воздержные богатѣютъ, а неспособные или слабые, разгульные бѣднѣютъ“. Нѣкоторыя сельскія общества „положительно улучшаютъ свой бытъ“; „изъ другихъ обществъ выдѣляются... наиболѣе смышленые и сильные хозяева, снимаютъ у бѣдныхъ своихъ односельцевъ ихъ полевыя полосы, вносятъ за нихъ подати... и, разумѣется, наживаются на ихъ счетъ“; и т. д. „Однимъ словомъ, бѣдность и богатство зарождаются одновременно и на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ... и вопросъ (лишь) въ томъ, *какая часть мѣстнаго населенія бѣднѣетъ и какая богатѣетъ?*“ (стр. 19—20; курсивъ принадлежитъ кн. Васильчикову). Сообразно съ этимъ, авторъ, между прочимъ, усиленно протестуетъ противъ широкаго пользованія въ статистикѣ „средними цифрами“. „Этотъ то пріемъ *вычисленія среднихъ чиселъ* кажется намъ главнымъ порокомъ всѣхъ статистическихъ изслѣдованій,—говоритъ онъ. Средніе выводы безспорно указываютъ отношеніе разныхъ предметовъ хозяйства и богатства въ цѣлой странѣ или извѣстной ея части... Но въ отношеніи жителей они не даютъ указаній и большею частью даютъ даже фальшивые выводы, не говоря уже о крупныхъ территоріальныхъ округахъ, но и въ самыхъ тѣсныхъ группахъ, какъ, напр., сельское общество. Среднія числа вовсе не указываютъ дѣйствительнаго распредѣленія имуществъ и доходовъ“ (стр. 22). „Метода, принятая для экономическихъ изслѣдованій, сама по себѣ фальшивая; она даетъ ложное понятіе о хозяйственномъ и общественномъ бытѣ, представляя его въ огульныхъ

итогахъ и въ среднихъ числахъ, вовсе не соотвѣтствующихъ дѣйствительному распредѣленію народнаго богатства. Благосостояніе народа измѣряется... не воображаемой математической долей, причитающейся на жителя, изъ имуществъ и продуктовъ по разсчету, а дѣйствительными долями, коими пользуются отдѣльныя лица или семьи, домохозяева, и числомъ жителей или хозяйствъ, пользующихся большимъ или меньшимъ достаткомъ. Какая польза въ томъ, что мы узнаемъ, что въ такомъ-то округѣ или въ такой-то группѣ населенія приходится на жителя столько-то десятинъ земли, лошадей, скота, хлѣба и всякихъ доходныхъ статей, когда мы не знаемъ, сколько изъ числа жителей владѣютъ этимъ имуществомъ, пользуются этимъ доходомъ" (стр. 26—27). Въ виду этого кн. Васильчиковъ подробно разсматриваетъ вопросъ о томъ, какіе именно признаки могутъ наилучшимъ образомъ служить для дѣленія крестьянскихъ дворовъ по ихъ хозяйственному положенію, и находитъ ихъ въ обезпеченности рабочими силами (при данномъ общемъ составѣ семьи), рабочимъ и другимъ скотомъ, въ количествѣ надѣльной земли (въ связи съ сдачею и арендою ея) и въ составѣ и цѣнности строеній, а также наличности или отсутствія промышленнаго или торговаго заведенія (стр. 47 и др.). Имѣя, однако, въ виду преимущественно практическія цѣли, а именно—оказаніе того или иного рода помощи *низшимъ* разрядамъ хозяйствъ,— кн. Васильчиковъ отрицательно относится къ такой, напр., детальной классификаціи дворовъ, какую примѣнилъ П. П. Семеновъ на основаніи подобныхъ признаковъ въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи Мураевенской волости [1]) (съ дѣленіемъ дворовъ на 6 разрядовъ—богатыхъ, зажиточныхъ, достаточныхъ, недостаточныхъ, бѣдныхъ и неимущихъ), находя ее „слишкомъ сложною" и полагая возможнымъ свести 6 разрядовъ въ 3, а именно соединивъ въ одну 3 высшія группы, оставивъ особо недостаточную группу и соединивъ опять-таки вмѣстѣ бѣдныхъ и неимущихъ хозяевъ (стр. 54).

Такимъ образомъ въ послѣднемъ сочиненіи кн. Васильчикова (которымъ мы пользуемся лишь какъ однимъ изъ характерныхъ примѣровъ) уже весьма отчетливо формулируется идея о двойственности процессовъ въ крестьянской жизни, т.-е. не столько о болѣе или менѣе общемъ упадкѣ крестьянскаго хозяйства, сколько объ извѣстныхъ измѣненіяхъ въ распредѣленіи „имуществъ и доходовъ" между отдѣльными хозяйствами, и если не объ образованіи различныхъ „разрядовъ" этихъ хозяйствъ взамѣнъ прежняго „равнаго уровня", то въ постепенномъ увеличеніи разстоянія между крайними группами; вмѣстѣ съ тѣмъ, здѣсь не менѣе отчетливо формулируется и статическая неоднородность крестьянства, требующая раздѣльнаго разсмотрѣнія различныхъ его группъ.

Но еще болѣе характернымъ съ интересующей насъ точки зрѣнія является только что упомянутое изслѣдованіе П. П. Семенова по Мураевенской волости Рязанскаго уѣзда, опубликованное въ 1880 г., но произведенное на мѣстѣ въ 1877—78 годахъ. Уже въ томъ „Опытѣ программы для изслѣдованія поземельной общины", выработанной, при участіи г. Семенова, Русскимъ Географическимъ Обществомъ, которымъ авторъ отчасти руководился и въ данной своей работѣ, мы встрѣчаемъ такіе вопросы, какъ, напр.: „Есть ли въ общинѣ дворы безлошадные, сколько ихъ и какія причины вызвали такое положеніе дворовъ?". „Сколько въ селеніи дворовъ, выдающихся достаточностью или бѣдностью? Желательно подробное описаніе по крайней мѣрѣ одного двора разныхъ типовъ, какъ-то: богатаго, зажиточнаго, средняго, бѣднаго и неимущаго", и т. п. Г. Семеновымъ и было обращено особенное вниманіе на эту сторону жизни подлежавшаго его обслѣдованію района, при чемъ количество „подмѣченныхъ (имъ) типовъ экономическаго благосостоянія дворовъ" (стр. 39)

---

[1]) Въ „Сборникѣ матеріаловъ для изученія сельской поземельной общины", изданномъ въ 1880 г. И. В. Э. Обществомъ.

равнялось, какъ указано выше, шести [1]); относя, по совокупности установленныхъ имъ признаковъ, каждый дворъ къ тому или иному типу, г. Семеновъ даетъ затѣмъ по каждой общинѣ волости примѣрное распредѣленіе общаго количества дворовъ на 6 разрядовъ, при чемъ для приблизительнаго опредѣленія „степени благосостоянія каждой общины" (взятой въ цѣломъ) выводитъ % дворовъ 3 первыхъ разрядовъ (достаточныхъ, зажиточныхъ и богатыхъ въ совокупности) ко всѣмъ дворамъ общины. Далѣе г. Семеновъ переходитъ къ подробному обзору положенія и хозяйственной исторіи каждой общины за пореформенный (а частью и дореформенный) періодъ времени на основаніи разспросовъ отдѣльныхъ крестьянъ и продолжительнаго личнаго знакомства съ мѣстностью, изъ котораго мы приведемъ лишь краткія извлеченія по нѣкоторымъ селеніямъ.—„Первое мѣсто по своему благосостоянію занимаетъ Чернышевская община (въ ней дворы 3 высшихъ типовъ составляютъ 94%)... Община до 1861 года была на оброкѣ... Крестьяне всѣ уже и тогда относились къ разряду зажиточныхъ или достаточныхъ (собственно богатыхъ между ними не было)... Выходъ изъ крѣпостной зависимости мало измѣнилъ экономическое положеніе крестьянъ общины": въ 1877—78 г.г. насчитывалось здѣсь 5 богатыхъ дворовъ, 8 зажиточныхъ, 4 достаточныхъ и 1 недостаточный, всего 18 дворовъ. Такимъ образомъ, „перемѣна въ бытѣ общины произошла та, что 5 дворовъ перешли въ разрядъ *богатыхъ*... За то одинъ дворъ опустился въ разрядъ недостаточныхъ".—Въ слѣдующей общинѣ, Давлетьевской, также „при выходѣ изъ крѣпостной зависимости всѣ крестьяне были достаточны или зажиточны, хотя богатыхъ между ними не было", а въ 1877—78 г.г. въ ней было 8 дворовъ богатыхъ, 9 зажиточныхъ, 9 достаточныхъ, 3 недостаточныхъ и 2 неимущихъ (всего 31 дворъ). Слѣдовательно, здѣсь „восемь

---

[1]) „Типы эти слѣдующіе.—*Богатый дворъ*. Къ этому типу отнесены такіе дворы, которыхъ валовой доходъ, переводя на деньги и все количество собраннаго ими хлѣба, кромѣ сѣмянъ, превышаетъ 1000 р. (отъ 1000 до 2000 р.); чистый доходъ, т.-е. количество денегъ, остающееся за уплатой податей, дополнительнымъ наймомъ земли, наймомъ рабочихъ, довольствіемъ семьи и батраковъ мукою и другими *необходимыми* припасами, довольствіемъ лошадей овсомъ, ремонтомъ рабочаго инвентаря, превышаетъ 500 р. (отъ 500 до 1500 р.). Одинъ изъ наглядныхъ признаковъ богатаго двора—это присутствіе батрака, въ томъ случаѣ, если число работниковъ во дворѣ не больше 3-хъ. Другими признаками служитъ постоянный наемъ довольно значительнаго количества земли сверхъ надѣла, или владѣніе собственною землею, или обладаніе какими-нибудь хозяйственными, промышленными или торговыми заведеніями (какъ напр. вѣтряными мельницами, конными рушалками, переносными молотилками и т. п.), или присутствіе денежныхъ сбереженій или капиталовъ, сохраняемыхъ въ процентныхъ бумагахъ или пускаемыхъ въ оборотъ. Оказалось, что къ этому типу относятся 60 дворовъ, т.-е. 7% всѣхъ дворовъ волости, включая сюда одинъ дворъ высшаго, хотя уже совершенно исключительнаго, типа, крестьянина-богача съ валовымъ доходомъ свыше 5000 р., уже живущаго въ купленной имъ помѣщичьей усадьбѣ, хотя и не вышедшаго изъ состава сельскаго общества.

„Второй типъ есть *дворъ зажиточный*. Сюда относятся такіе дворы, которыхъ валовой доходъ простирается отъ 500 до 900 р., а чистый, т.-е. остающійся отъ уплаты податей, найма земли и рабочихъ и довольствія семьи, отъ 300 до 500 р. Батраки въ зажиточныхъ дворахъ встрѣчаются рѣдко, а именно только когда зажиточный домохозяинъ единственный работникъ семьи; земля нанимается сверхъ надѣла въ количествѣ сообразномъ съ рабочею силою двора, обыкновенно отъ $1^1/_2$ до 2 дес. въ полѣ; скотъ имѣется въ избыткѣ. Сбереженія встрѣчаются въ зажиточныхъ дворахъ, но не въ количествѣ, превышающемъ размѣръ небольшого оборотнаго капитала. Къ этому типу относится 137 дворовъ волости, что составляетъ 16% всѣхъ дворовъ.

„Третій типъ есть *дворъ достаточный*. Валовой доходъ такого двора отъ 300 до 500 р., а чистый, за уплатою податей, найма земли и хлѣбнымъ довольствіемъ семьи, отъ 100 до 300 р. Достаточный дворъ всегда имѣетъ достаточную рабочую силу, лошадь и корову, а также достаточное для семьи число душевыхъ надѣловъ, а если число это недостаточно или размѣръ душеваго надѣла малъ, нанимаетъ себѣ нѣкоторое количество земли. Случается, что достаточный хозяинъ не живетъ дома и не держитъ лошади, но въ такомъ случаѣ имѣетъ хорошій заработокъ и посылаетъ въ свой дворъ, въ которомъ замѣтны всѣ

дворовъ мало-по-малу перешли въ типъ *богатыхъ*, но за то три двора опустились въ разрядъ *недостаточныхъ*, чего не могло быть при крѣпостномъ правѣ при крайней заботливости помѣщиковъ именно этой общины о благосостояніи своихъ крестьянъ. Что же касается до 2 неимущихъ дворовъ, то это дворы безземельные, не имѣющіе права на надѣлъ (изъ быв. дворовыхъ)".—Въ Нарышкинской общинѣ „до освобожденія крестьяне были только достаточными и зажиточныхъ было между ними немного; нынѣ зажиточныхъ (8 дворовъ) почти столько же, сколько и достаточныхъ (11), а 3 двора поднялись до разряда богатыхъ. За то 7 (5?) дворовъ опустились: 5 (4?) до разряда недостаточныхъ, а 2 (1?) впали въ бѣдность" (всего 27 дворовъ въ скобкахъ—цифры изъ таблицы).—Въ Ольховской, Подольховской и Заболотской; общинахъ многія семьи послѣ освобожденія ушли на сторону; среди остальныхъ въ 1877—78 г.г. насчитывалось 24 двора богатыхъ, 56 зажиточныхъ, 130 достаточныхъ, 88 недостаточныхъ, 34 бѣдныхъ и 1 неимущій; съ 1861 года „увеличилась пропорція зажиточныхъ, а почти всѣ 24 богатыхъ двора создали свое богатство уже послѣ 1861 года, и появилось до 34 бѣдныхъ дворовъ, которыхъ до 1861 года было очень мало".—„Лубянская община до 1861 года состояла на барщинѣ; но нѣсколько зажиточныхъ дворовъ, извозничавшихъ и торговавшихъ курами..., уже выпущены были на оброкъ во время крѣпостного права. По освобожденіи 5 оброчныхъ дворовъ превратились изъ зажиточныхъ въ богатые, а изъ достаточныхъ выдѣлились 5 зажиточныхъ. Достаточные и недостаточные дворы были въ общинѣ и при крѣпостномъ правѣ, но 3 двора (къ 1877—78 г.г.) сдѣлались бѣдными, а 2 даже и вовсе неимущими". Между богатыми крестьянами явился одинъ даже исключительный дворъ „богача", ведущій торговые обороты въ теченіе года не менѣе какъ отъ 20 до 30 тыс. руб. и купившій 140 десятинъ земли. „Конечно, развитіе такого богатства въ нашей земледѣльческой, а не промышленной мѣстности, при крѣпостномъ правѣ было

признаки достатка, нужное количество денегъ. Недоимокъ на достаточномъ дворѣ обыкновенно не бываетъ. Къ такому типу относятся 309 дворовъ, составляющихъ 37% всѣхъ дворовъ волости.

„Четвертый типъ есть *дворъ недостаточный*. Валовой доходъ его отъ 150 до 300 р., а чистый, за уплатою податей и дневнымъ довольствіемъ семьи, среднимъ числомъ, въ годъ отъ 30 до 100 р., которые всѣ уходятъ на необходимые домашніе расходы. Одинъ изъ признаковъ недостаточнаго двора есть недостаточность въ немъ рабочей силы, ограничивающейся преимущественно однимъ работникомъ, при чемъ этотъ работникъ живетъ въ батракахъ или на одномъ изъ каменно-угольныхъ пріисковъ, а если работниковъ болѣе одного, то всѣ они уходятъ въ отхожій промыселъ добывать себѣ недостающее количество денегъ, а хозяйство ведется при помощи найма работника съ лошадью, такъ какъ въ такомъ случаѣ во дворѣ уже нѣтъ лошади. Бываетъ, что въ недостаточномъ хозяйствѣ есть и лошадь, но нѣтъ коровы. Впрочемъ, недостаточный дворъ еще непремѣнно держитъ свой надѣлъ, слѣдовательно онъ не безземельный, и въ случаѣ недостаточности своего надѣла даже еще принанимаетъ немного земли и кое какъ справляетъ свои повинности, оставаясь въ неблагопріятные годы въ такихъ недоимкахъ, которыя можно признать только проволочками (arrieres de payemente). Къ этому типу относятся 197 дворовъ волости, т.-е. менѣе 24% всѣхъ дворовъ.

„Пятый типъ есть *дворъ бѣдный*. Весь валовой доходъ такого двора можно оцѣнить отъ 50 до 150 р. въ годъ, а чистый, за уплатою податей и довольствіемъ семьи, никогда не превышаетъ 30 р. Отличительный признакъ бѣднаго двора есть отсутствіе самостоятельнаго хозяйства, или въ случаѣ если оно есть, то замѣтный упадокъ, выражающійся въ полномъ отсутствіи крупнаго скота. Земля у бѣднаго двора большею частію отобрана за недоимки или онъ сдаетъ ее въ люди, а самъ хозяинъ опредѣляется въ пастухи или батраки, взрослыхъ дѣтей отсылаетъ на заработки. Дворовъ этого типа въ волости 105, т.-е. менѣе 13% всѣхъ дворовъ.

„Шестой типъ есть *дворъ неимущій*. Валовой доходъ такого двора не превосходитъ 50 р., чистаго нѣтъ, а есть постоянные дефициты, пополняемые нищенствомъ. Неимущіе дворы земли не имѣютъ, такъ какъ они сдали въ міръ свои надѣлы; домохозяинъ, единственный работникъ семьи, не находится въ достаточныхъ силахъ; скота и рабочаго инвентаря вовсе нѣтъ. Такихъ неимущихъ дворовъ въ волости 22, т.-е. менѣе 3% всѣхъ дворовъ" (стр. 70—72).

немыслимо".—Въ общинѣ д. Богохранимой до 1861 года „крестьяне были едва достаточны, отчасти и недостаточны... Освобожденіе все-таки измѣнило положеніе крестьянъ общины, такъ какъ нынѣ въ ней уже выдались 5 зажиточныхъ дворовъ и 3 бѣдныхъ"; и т. д. (стр. 73—77). Словомъ,—говоря словами одной изъ рецензій того времени,—„во всѣхъ общинахъ г. Семеновъ подмѣтилъ одно и то же явленіе: дифференцированіе состояній: съ теченіемъ времени разрядъ среднихъ хозяйствъ уменьшается и выдѣляетъ изъ себя нѣкоторую часть на пополненіе разряда достаточныхъ и богатыхъ, благосостояніе которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ возростаетъ, а другую, еще большую часть,—въ разрядъ неимущихъ, бѣдность которыхъ увеличивается еще быстрѣе, чѣмъ прибываетъ богатство состоятельныхъ" [1]). Въ этомъ резюме рецензента имѣется лишь то существенное отступленіе отъ источника, что въ послѣднемъ не имѣется замѣтнаго подчеркиванія перевѣса „пониженія благосостоянія" однихъ хозяйствъ по сравненію съ „подъемомъ" другихъ (скорѣе—наоборотъ), и эта комбинація идеи „упадка" съ идеею „дифференціаціи" принадлежитъ едва ли не всецѣло самому рецензенту, такъ какъ самъ г. Семеновъ говоритъ въ заключеніе лишь слѣдующее: „Переходя къ вопросу объ измѣненіи въ степени благосостоянія отдѣльныхъ даже хозяйствъ (по всему району), наблюдатель, хорошо знакомый съ ихъ положеніемъ при крѣпостномъ правѣ, можетъ заключить, что если, съ одной стороны, явилась между крестьянами большая пропорція зажиточныхъ и богатыхъ дворовъ и послѣдніе возвысились до небывалаго и неизвѣстнаго при крѣпостномъ правѣ уровня благосостоянія, то пропорція достаточныхъ къ недостаточнымъ едва ли вообще увеличилась, пропорція же бѣдныхъ дворовъ усилилась и появились такіе неимущіе дворы, которыхъ до 1861 года почти не существовало" (стр. 88—89).

Хотя наше утвержденіе и можетъ показаться нѣсколько страннымъ для тѣхъ лицъ, которыя знакомы преимущественно съ литературою послѣдняго времени, но, въ общемъ, можно признать, что въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ уже получили широкое распространеніе представленія о постепенной „дифференціаціи" деревни и о значительной ея внутренней несродности, какъ результатѣ такой дифференціаціи (хотя именно въ это время и идея „упадка" массы крестьянства получила новую опору въ воззрѣніяхъ г. Николая—она и В. В. на развитіе капитализма въ Россіи). Въ этотъ же періодъ (и, отчасти, въ связи съ указанными представленіями) получило широкое распространеніе и скептическое отношеніе къ нашей общинѣ (особенно у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ), какъ находящейся въ состояніи замиранія или даже разложенія,—какъ къ формѣ, лишенной соотвѣтствующаго содержанія или, вѣрнѣе, прикрывающей совершенно несоотвѣтствующее ей содержаніе [2]). Въ частности, представленія о процессѣ „дифференціаціи" крестьянства упрочились тѣмъ легче, что они, повидимому, подтверждались и нѣкоторыми прямыми статистическими данными, которыя,—при невыработанности въ то время пріемовъ статистической техники и критики матеріаловъ,—могли казаться вполнѣ убѣдительными. Для иллюстраціи этого послѣдняго обстоятельства мы воспользуемся лишь двумя примѣрами.

---

[1]) „Новое Обозрѣніе", 1881 г., январь, стр. 251.

[2]) „Часто общинная шапка прикрываетъ такое экономическое неравенство, которому повѣрить трудно. Общинный принципъ—одно, община, какъ она есть, другое; и вотъ именно воплощеніе то общиннаго принципа въ нашей общинѣ и необходимо провѣрить" („Русское Богатство", 1881 г., № 7; статья г. Рева—„Письма съ далекаго сѣвера", стр. 61).—Наиболѣе характерными въ данномъ отношеніи являются для начала 80-хъ годовъ статьи г.г. Ермолинскаго и Личкова, статья В. И. Орлова въ „Сборникѣ стат. свѣд. по Борисоглѣбскому уѣзду Тамбовской губерніи", его же замѣчанія по поводу доклада В. С. Пругавина въ Статистич. Отдѣленіи Моск. Юридич. Общества и проч.

Первымъ примѣромъ въ данномъ случаѣ можетъ служить то же изслѣдованіе г. Семенова, которымъ мы пользовались на предыдущихъ страницахъ. Хотя это изслѣдованіе можетъ считаться однимъ изъ наиболѣе выдающихся для своего времени, а отчасти сохранило свое значеніе и для настоящаго момента, однако, теперь едва ли кто-нибудь признаетъ убѣдительными тѣ данныя, которыя приводятся авторомъ по интересующему насъ вопросу, не смотря на всю ихъ детальность. Даже болѣе того: именно эта детальность данныхъ и дѣлаетъ особенно наглядною ихъ непригодность для выясненія *динамики* въ сферѣ разсматриваемыхъ явленій, такъ какъ ею усиленно подчеркивается совершенно различный характеръ свѣдѣній за 1877—78 г.г. и за время передъ освобожденіемъ крестьянъ. Въ то время какъ для 1877—78 г.г. мы имѣемъ точныя цифры и подробный количественный учетъ различныхъ группъ крестьянскихъ дворовъ, по отношенію къ дореформенному періоду мы находимъ у г. Семенова лишь расплывчатыя общія характеристики, весьма близкія къ знакомымъ ходячимъ представленіямъ о немъ, какъ, напр.: „всѣ крестьяне были зажиточными или достаточными"; „крестьяне были только достаточными, а зажиточными были между ними немного", „богатыхъ же вовсе не было"; „крестьяне были едва достаточны, отчасти же недостаточны", и т. д. Не удивительно, конечно, что, на фонѣ такой неопредѣленности и общности характеристикъ „прежней" деревни, точно расчлененная изслѣдователемъ на разнородныя группы „новая" деревня даетъ картину болѣе или менѣе рѣзкой „дифференціаціи", хотя бы эта послѣдняя въ дѣйствительности не подвинулась впередъ ни на одинъ шагъ.

Возможно, впрочемъ (хотя этого и не видно съ достаточною ясностью изъ изложенія г. Семенова), что заключенія автора о подъемѣ хозяйственнаго положенія извѣстной доли дворовъ на-ряду съ обѣднѣніемъ другой ихъ доли основаны не только на наличности въ 1877—78 г.г. такихъ крайнихъ группъ, которыхъ до 1861 г.,—по воспоминаніямъ самого автора и опрошенныхъ крестьянъ,—почти не было или „не могло быть", но также и на прямыхъ данныхъ относительно обогащенія и обѣднѣнія опредѣленныхъ дворовъ за время съ 1861 г. Очевидно, однако, что и такого рода данныя, сами по себѣ, доказательными считаться ни въ какомъ случаѣ не могутъ: подъемъ однихъ хозяйственныхъ единицъ и упадокъ другихъ представляютъ необходимыя и повсемѣстныя явленія во всякомъ сложномъ живомъ общественномъ организмѣ, а въ крестьянской средѣ мы имѣемъ многія основанія предполагать ихъ особенно частыми; поэтому эти явленія могутъ указывать лишь на извѣстные постоянные „молекулярные" процессы въ сферѣ крестьянскаго хозяйства, отнюдь не доказывая и не опровергая его „дифференціаціи", пока остаются неучтенными конечные результаты всѣхъ такого рода процессовъ, т.-е. пока остается невыясненнымъ, какъ именно измѣнилась въ конечномъ счетѣ за истекшій періодъ времени численность обѣихъ крайнихъ группъ крестьянскихъ дворовъ [1]).

---

[1]) Насколько крупные и сложные процессы „молекулярнаго" характера должны были имѣть мѣсто въ изслѣдованномъ г. Семеновымъ районѣ за время съ 1861 по 1877—78 г. г. и насколько эти процессы, въ ихъ совокупности, не могутъ быть охвачены упрощенною формулою—подъема однихъ дворовъ и пониженія хозяйственнаго положенія другихъ, можно судить уже по тому, что за указанный періодъ, въ общемъ по волости, населеніе (не считая семей, ушедшихъ въ сторону) возросло на 17%, а слѣдовательно соотвѣтственно измѣнилось и самое число хозяйственныхъ единицъ, при чемъ должна была произойти существенная перетасовка ихъ по экономическому положенію вслѣдствіе семейныхъ раздѣловъ, перемѣнъ въ семейномъ составѣ и проч. Но это—въ среднемъ по волости; по отдѣльнымъ же общинамъ картина получается нерѣдко поражающая. Такъ, въ Чернышевской общинѣ, по словамъ самого автора, „населеніе неимовѣрно увеличилось" (стр. 74), а именно—на

Другой примѣръ представляетъ особенный интересъ въ виду того, что здѣсь „дифференціація“ въ сферѣ крестьянскаго хозяйства, въ наиболѣе распространенномъ ея пониманіи, повидимому, доказывалась прямымъ составленіемъ данныхъ двухъ разновременныхъ переписей. А именно, во II томѣ „Сборника стат. свѣд. по Московской губ.“, изданномъ въ 1878 г., мы читаемъ слѣдующее: „Сравнивая состояніе крестьянскаго скотоводства въ 1869 и 1877 гг., мы пришли къ заключенію, что въ послѣднія 8 лѣтъ произошло болѣе или менѣе значительное уменьшеніе скота... Однако... нельзя не замѣтить, что измѣненіе количества скота въ разныхъ слояхъ крестьянства произошло въ противуположныхъ направленіяхъ: часть домохозяевъ стала содержать скота гораздо больше сравнительно съ 1869 г., другая, большая часть, осталась совсѣмъ безъ скота, т.-е. число домохозяевъ, не имѣющихъ въ настоящее время ни лошади, ни коровы, значительно увеличилось съ 1868 г. Такъ, по Подольскому уѣзду на 1000 домохозяевъ было имѣющихъ:

Годы переписей:	Не имѣющихъ лошади.	По 1 лош.	По 2 лош.	По 3 лош.	Болѣе 3 лошадей.
Въ 1869 г.	346	476	141	26	11
				178	
„ 1877 г.	416	394	140	34	16
				190	

„Итакъ, въ то время, какъ на каждую 1000 двѣнадцать домохозяевъ увеличили въ своемъ хозяйствѣ количество лошадей, 70 домохозяевъ, имѣвшихъ съ 1863 г. по 1 лошади, обратились въ безлошадныхъ. Иначе сказать: изъ 476 домохозяевъ, имѣвшихъ въ 1869 г. по 1 лошади, 12 домохозяевъ имѣли возможность въ теченіе 8 лѣтъ завести по двѣ и больше лошадей, а 70 дворовъ совсѣмъ лишились лошадей [1]).

72%; въ Давлетьевской общинѣ имѣлъ мѣсто „громадный приростъ населенія“ (стр. 75), а именно—56%; въ одной Хорошевской общинѣ приростъ равнялся 59%, въ другой даже 91%, въ 2 Зеркальныхъ—33 и 38%, въ Гремяченской и Краснослободской—28% и т. д. При такихъ обстоятельствахъ сведеніе происходившихъ съ 1861 г. перемѣнъ въ хозяйственномъ положеніи различныхъ дворовъ къ постепенному отхожденію извѣстной доли ихъ отъ предполагаемаго для прежняго времени болѣе или менѣе одинаковаго уровня представляется, конечно, совершенно невозможнымъ.

[1]) Это мѣсто особенно характерно, какъ образчикъ того упрощеннаго пониманія процесса „дифференціаціи“ деревни, которое частью уже отмѣчено было выше по отношенію къ изслѣдованію г. Семенова и которое и до сихъ поръ, если не высказывается прямо, то довольно ясно проглядываетъ въ большинствѣ случаевъ при обсужденіи даннаго предмета. Здѣсь, какъ мы видимъ, совершенно игнорируется вся сложность явленій реальной жизни, всякаго рода „молекулярные“ процессы и проч., и дѣло рисуется такъ, какъ если бы мы имѣли дѣло всегда съ одними и тѣми же „безсмертными“, какъ бы недѣлимыми и болѣе или менѣе отвлеченно представляемыми хозяйственными единицами, которыя только обладаютъ способностью или „оставаться на одномъ уровнѣ“, или „подниматься“, или „падать“; такъ, 12 лишнихъ хозяйствъ съ 2 или болѣе лошадьми получились, въ разсматриваемомъ случаѣ, будто бы, именно изъ прежнихъ однолошадныхъ, и изъ нихъ выдѣлились 70 безлошадныхъ. Конечно, такое представленіе не могло никогда быть сознательно проводимымъ и послѣдовательно выдерживаемымъ; но, въ полусознательной и смутной формѣ, оно почти всегда фигурируетъ въ ходячихъ формулировкахъ явленій крестьянской жизни. Даже по скольку при подобныхъ формулировкахъ принимаются въ соображеніе, напр., семейные раздѣлы, чаще всего это дѣлается въ крайне неполномъ и одностороннемъ видѣ.

„Такое же измѣненіе произошло и въ подворномъ распредѣленіи коровъ: изъ 1000 домохозяевъ имѣли:

Годы переписей:	Не имѣли коровы.	По 1 коровѣ.	По 2 коровы.	По 3 коровы.	Болѣе 3 коровъ.
Въ 1869 г.	270	530	165	24	11
„ 1877 г.	305	470	182	33	10

„Т.-е... число дворовъ, имѣвшихъ въ 1869 г. въ своемъ хозяйствѣ по 1 коровѣ, уменьшилось на 60; за вычетомъ изъ послѣдняго числа 25 дворовъ, увеличившихъ въ своемъ хозяйствѣ количество рогатаго скота, остальные 35 дворовъ лишились послѣдней коровы“.

„Сдѣлать подобное же сравненіе подворнаго распредѣленія скота по другимъ уѣздамъ мы не можемъ... Тѣмъ не менѣе трудно и даже невозможно предположить, чтобы въ другихъ уѣздахъ встрѣтились статистическіе факты, противорѣчащіе сдѣланнымъ выводамъ: условія экономической жизни въ разсматриваемыхъ (трехъ) уѣздахъ... приблизительно одинаковы, а потому естественно предполагать существованіе и одинаковыхъ хозяйственныхъ явленій“ (Отд. II, стр. 18—19) [1]).

---

[1]) Приведенныя данныя по Подольскому уѣзду были, между прочимъ, использованы г. Скалономъ въ его статьяхъ, печатавшихся въ періодическихъ изданіяхъ 1879—80 г. г. и затѣмъ изданныхъ въ 1882 году подъ общимъ заглавіемъ—„Земскіе вопросы“. Въ главѣ VII означенной книги авторъ приводитъ рядъ доказательствъ „упадка крестьянскаго хозяйства и благосостоянія въ большей части Россіи“, усматривая такой упадокъ въ сокращеніи скотоводства и въ „возрастаніи числа крестьянъ домохозяевъ, имѣющихъ мало скота или совсѣмъ его неимѣющихъ“. Въ частности, указавъ % безлошаднымъ въ Тверской губ., онъ замѣчаетъ: „Къ сожалѣнію, книга г. Покровскаго (по названной губерніи) не даетъ свѣдѣній о томъ, въ какой промежутокъ времени образовалось столь значительное число безлошадныхъ хозяйствъ. Недостатокъ этотъ можетъ быть пополненъ свѣдѣніями.., относящимися до Подольскаго уѣзда Московской губ., въ которомъ за 8 лѣтъ % безлошадныхъ поднялся съ 34,6 до 41,6, т.-е. на 7%, а % безкоровныхъ—на 3,3%“ (стр. 184—186; далѣе авторомъ приводится полностью то мѣсто изъ соотвѣтствующаго „Сборника“, которое цитировано нами въ текстѣ). Въ главѣ VIII г. Скалонъ снова возвращается къ даннымъ по Подольскому уѣзду, но уже въ связи съ нѣсколько иною постановкою вопроса о процессахъ, происходящихъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, не ограничиваясь подчеркиваніемъ „упадка“ послѣдняго. „Есть, правда, нѣкоторые признаки,—говоритъ онъ,—доказывающіе, что общая состоятельность крестьянскаго населенія не уменьшилась; но если это и справедливо, то нельзя не обратить вниманія на тотъ крупный фактъ, что распредѣленіе богатства въ послѣдніе годы существенно измѣнилось,—что одновременно совершаются два процеса—обѣднѣніе однихъ и возрастаніе состоятельности другихъ. Въ послѣдніе годы сельское населеніе распалось на двѣ, одна отъ другой отличныя группы, изъ которыхъ одна, одаренная способностью приноравливаться къ современнымъ условіямъ, все болѣе и болѣе упрочиваетъ свое благосостояніе, а другая, насчитывающая въ своихъ рядахъ большинство крестьянства, падаетъ въ борьбѣ за существованіе и представляетъ собою зародышъ постепенно развивающагося пролетаріата. Въ предыдущей главѣ мы указали на измѣненія, происшедшія въ распредѣленіи скота между домохозяевами Подольскаго уѣзда: въ промежутокъ времени съ 1869 по 1877 г. на каждую 1000 домохозяевъ 12 успѣли увеличить число лошадей, но зато семьдесятъ обратились въ безлошадныхъ! Эти послѣдніе домохозяева, не выдержавши борьбы, бросаютъ землю и скоро переходятъ въ разрядъ бездомовыхъ и безпріютныхъ пролетаріевъ, а на ихъ обѣднѣніи строятъ свое благосостояніе сельскіе капиталисты, называемые „міроѣдами“, „кулаками“ (стр. 193—194).

Но, какъ уже замѣчено выше, цитированныя данныя по Подольскому уѣзду могли казаться доказательными лишь при невыработанности въ 1877—78 гг. точныхъ пріемовъ статистической техники. Дѣло въ томъ, что, во-первыхъ, обѣ переписи [какъ 1869 г., такъ и 1877 г.] не могутъ быть отнесены къ типу земско-статистическихъ переписей послѣдующаго періода: перепись 1869 г. производилась членами Подольской Уѣздной Земской Управы, а перепись 1877 года—волостными правленіями, лишь „подъ руководствомъ" статистиковъ, которые въ то время еще и сами только вырабатывали планъ и пріемы собственныхъ изслѣдованій. Во-вторыхъ, и помимо того данныя обѣихъ переписей не могутъ быть сколько-нибудь точно между собою сравниваемы, такъ какъ, напримѣръ, въ 1877 г. принимались въ разсчетъ жеребята и телята, а въ 1869 г.—только взрослый скотъ, что, естественно, должно было увеличить въ 1877 г. количество дворовъ съ 2-мя и болѣе головами скота, а, съ другой стороны, несомнѣнно, что въ 1877 г. болѣе полно регистрировались и дворы другой крайней группы, т.-е. безлошадные: составители „Сборника" прямо отмѣчаютъ, что, по крайней мѣрѣ, одна категорія безлошадныхъ, а именно бездомовые, въ 1869 г. регистрировались неполно (чѣмъ только и можетъ быть объяснено невѣроятное при другихъ обстоятельствахъ повышеніе за 8 лѣтъ % бездомовыхъ съ 3 до 12) [1]).

Каковы бы, однако, ни были причины, содѣйствовавшія укорененію идеи о наличности въ крестьянствѣ процесса „двухсторонней" его дифференціаціи, но, какъ уже замѣчено, съ конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ эта идея пріобрѣла характеръ одной изъ ходячихъ истинъ, „всѣмъ извѣстныхъ", безспорныхъ и обычно подразумѣвавшихся въ той или иной степени при разсужденіяхъ о деревенской жизни, при чемъ и наблюдавшаяся всюду хозяйственная неоднородность крестьянскихъ дворовъ сдѣлалась какъ бы синонимомъ и выраженіемъ указаннаго процесса [2]). Но здѣсь естественно мо-

---

[1]) См. отд. II, стр. 18, 3, 50 и др.

[2]) Уже въ имѣвшихъ въ свое время весьма крупное значеніе „Деревенскихъ будняхъ г. Златовратскаго, написанныхъ въ 1878—79 г.г., мы читаемъ, напр., слѣдующее: „Съ точки зрѣнія наблюдателя „новой деревни", я былъ очень доволенъ, что судьба занесла меня именно въ данную общину. По моему мнѣнію, она представляетъ собою тотъ средній типъ современной „новой" деревни, къ которому или стремятся приблизиться всѣ вообще русскія деревни, или нѣкоторыя успѣли шагнуть уже далеко дальше въ томъ же направленіи, т.-е. въ направленіи дезорганизаціи устоевъ деревни старой, какъ представительницы принципа труда и экономическаго равенства. Какъ видите, организація нашей общины, несмотря на ея очень небольшой объемъ, представляетъ, однако, собою довольно крайнія степени экономическаго неравенства, при томъ она очень ясно дѣлится на „красную сторону" и „холодную сторону". Вы не увидите въ новой деревнѣ того единообразія „деревенскихъ устоевъ", которое чаще бывало въ деревнѣ старой, захолустной"; и т. д. („Сочиненія", т. II, стр. 359).

Приведемъ еще слѣдующую выписку изъ книги В. Пругавина—„Русская земельная община", изданной въ 1888 году, но составившейся, какъ замѣчаетъ авторъ, преимущественно изъ статей, печатавшихся въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ съ 1882 по 1888 годъ: „Крѣпостное право нивеллировало экономическій уровень крестьянства; строгая регламентація, проникавшая всѣ хозяйственныя сферы крѣпостной жизни, связывала руки богатому крестьянину, поддерживала бѣдняка, препятствовала семейнымъ раздѣламъ. Натуральное хозяйство слишкомъ съуживало арену дѣятельности и не давало достаточно широкаго простора для развитія духа предпріимчивости и иниціативы. Съ 60-хъ годовъ условія измѣняются" и, въ связи съ этимъ, въ общинѣ развивается „экономическое неравенство". „Теперь уже нельзя разсматривать крестьянскую массу, какъ нѣчто однородное. Въ настоящее время въ этой средѣ, вслѣдствіе происшедшей экономической дифференцировки, болѣе или менѣе рѣзко обособились три слова домохозяевъ: зажиточныхъ крестьянъ-кулаковъ, среднихъ хозяйственныхъ „мужиковъ-середняковъ" и бѣдняковъ-пролетаріевъ, поставщикомъ которыхъ служитъ классъ безлошадныхъ домохозяевъ. При такихъ неравныхъ условіяхъ двѣ первыя группы крестьянъ имѣютъ больше шансовъ на успѣхъ въ той борьбѣ, которая происходитъ въ общинѣ" (стр. 32 и 34).

жетъ возникнуть вопросъ: чѣмъ же объясняется та рѣзкость полемики съ прежними взглядами по данному предмету, которую проявило сложившееся у насъ въ 90-ые годы новое направленіе общественной мысли, и то особенное подчеркиваніе факта деревенской „дифференціаціи", которую составляло столь характерную его особенность и которое обыкновенно имѣло форму извѣстнаго противопоставленія новыхъ взглядовъ прежнимъ воззрѣніямъ?

Фактъ такого рѣзкаго противопоставленія имѣлъ, несомнѣнно, многія причины. Во-первыхъ, прежніе взгляды на деревенскую жизнь вообще и на „дифференціацію" деревни въ частности не представляли чего-либо вполнѣ однороднаго и даже въ предѣлахъ отдѣльныхъ оттѣнковъ общественной мысли не отличались, какъ намъ кажется, надлежащею цѣльностью и послѣдовательностью. Во-вторыхъ, новое направленіе, въ лицѣ значительной доли его представителей, обладало, съ своей стороны, повидимому, весьма недостаточнымъ знакомствомъ съ прежнею литературою и оказалось мало способнымъ разобраться въ ней и установить преемственную связь новыхъ идей съ нѣкоторыми изъ прежнихъ теченій мысли. Въ-третьихъ, наконецъ (что наиболѣе важно), какъ самое пониманіе, такъ и оцѣнка значенія „дифференціаціи" крестьянства наиболѣе характерными направленіями 70—80-хъ и 90-хъ годовъ представляли и въ дѣйствительности весьма существенныя различія. Выясненіе этихъ различій въ ихъ полномъ объемѣ выходитъ за предѣлы поставленныхъ нами задачъ; отмѣтимъ только, что характерными чертами новаго направленія были—доведеніе до крайности сложившихся раньше представленій объ интересующихъ насъ процессахъ въ области крестьянскаго хозяйства и болѣе спеціальная и яркая ихъ квалификація. Въ этомъ отношеніи довольно характерными могутъ считаться слѣдующія замѣчанія г. Ильина, который,—указавши, что „разложеніе" „означаемъ коренное разрушеніе стараго патріархальнаго крестьянства и созданіе *новыхъ типовъ* сельскаго населенія",—говоритъ затѣмъ слѣдующее: „Указаніе на этотъ процессъ дѣлалось въ нашей литературѣ очень давно и очень часто. Напримѣръ, еще г. Васильчиковъ констатировалъ образованіе „сельскаго пролетаріата" въ Россіи и „распаденіе крестьянскаго сословія" („Землевладѣніе и земледѣліе", I-ое изданіе, т. I, гл. IX). Указывалъ на этотъ фактъ и В. Орловъ (Сборн. стат. свѣд. по Московской губ., т. IV, в. 1, стр. 14) и многіе другіе. Но... никогда не дѣлалось попытки систематически изучить это явленіе, и потому... мы и о сю пору имѣемъ недостаточно свѣдѣній о немъ. Въ связи съ этимъ находится и то обстоятельство, что большинство авторовъ, касавшихся даннаго вопроса, смотритъ на разложеніе крестьянства, какъ на *простое возникновеніе имущественныхъ неравенствъ*, какъ на *простую* „дифференціацію"... Несомнѣнно, что возникновеніе имущественнаго неравенства есть исходный пунктъ всего процесса, *но одной этой „дифференціаціей" процессъ отнюдь не исчерпывается*. Старое *крестьянство* не только „дифференцируется", оно *совершенно разрушается, перестаетъ существовать, вытѣсняемое новыми типами сельскаго населенія*,—типами, которые являются базисомъ общества съ господствующимъ товарнымъ хозяйствомъ и капиталистическимъ производствомъ. Эти типы —*сельская буржуазія* (преимущественно мелкая) и *сельскій пролетаріатъ, классъ* товаропроизводителей въ земледѣліи и *классъ сельскохозяйственныхъ наемныхъ рабочихъ*" [1]).

---

[1]) „Развитіе капитализма въ Россіи", стр. 115—116. Курсивъ въ послѣдней цитатѣ вездѣ принадлежитъ намъ.—Небезынтересно отмѣтить, что и здѣсь, въ качествѣ „исходнаго пункта всего процесса" послѣдующаго классоваго „разслоенія" крестьянства фигурируетъ не *существованіе* среди крестьянъ „простого" имущественнаго неравенства, а *возникновеніе*

Дѣйствительно, въ литературѣ прежняго времени, хотя и получилъ признаніе, на-ряду съ „обѣднѣніемъ“ и „пролетаризаціею“ одной части крестьянства, фактъ экономическаго подъема или „обогащенія“ извѣстной доли другихъ хозяевъ, однако размѣры послѣдняго явленія никогда или почти никогда не представлялись настолько крупными, какъ это мы встрѣчаемъ во многихъ произведеніяхъ послѣдняго времени; вмѣстѣ съ тѣмъ, и *широкіе слои* относительно зажиточнаго крестьянства едва ли считались раньше результатомъ преимущественно *недавняго подъема* ихъ надъ общимъ уровнемъ хозяйственнаго положенія остальной массы населенія и при томъ подъема настолько значительнаго и специфическаго по своему происхожденію и характеру, чтобы эти слои чуть ли не цѣликомъ можно было разсматривать, какъ болѣе или менѣе опредѣлившійся особый „классъ“, соотвѣтствующій одному изъ типичныхъ подраздѣленій капиталистическаго общества, постепенно концентрирующій въ своихъ рукахъ средства производства и уже организующій самое производство на новыхъ началахъ. Ростъ неравенства среди крестьянъ признавался за несомнѣнный фактъ, но разсматривался въ значительной мѣрѣ именно какъ усиленіе „неравенства состояній“, т.-е. неравенства преимущественно количественнаго характера, которое лишь могло бы въ будущемъ, при условіи его дальнѣйшаго роста и развитія, явиться базисомъ общей перестройки крестьянскаго хозяйства на капиталистическихъ началахъ. „Капитализмъ“ въ деревнѣ также признавался за развивающееся явленіе, но, главнымъ образомъ, въ формѣ „первоначальнаго капиталистическаго накопленія“ и, частью, капитализаціи промысловъ, а не въ формѣ реорганизаціи земледѣльческаго *производства*; сообразно съ этимъ, сельскій „капитализмъ“ разсматривался преимущественно какъ болѣзненное и разрушительное явленіе, но не какъ творческая и организующая сила. Новое направленіе, получившее характеръ рѣзко выраженной реакціи по отношенію къ прежней системѣ воззрѣній, оцѣнило совершенно иначе роль капиталистическихъ процессовъ въ нашей деревнѣ; въ связи съ этимъ,—цѣликомъ воспринявъ сдѣлавшееся ходячимъ представленіе о „дифференціаціи“ крестьянства,—оно существенно переоцѣнило значеніе и размѣры и этого явленія. Частью съ извѣстными оговорками, частью же съ поражающею категоричностью, оно признало (по крайней мѣрѣ—въ лицѣ наиболѣе яркихъ своихъ представителей) не только всю ту долю крестьянства, которая стоитъ, по состоянію и размѣрамъ своего самостоятельнаго земледѣльческаго хозяйства, ниже извѣстнаго уровня,—болѣе или менѣе намѣтившимся или даже сложившимся классомъ „сельскихъ пролетаріевъ“, но и всю ту долю хозяевъ, которая нѣсколько возвышается надъ тѣмъ же уровнемъ,—настолько же опредѣлившимся или намѣтившимся классомъ „сельской буржуазіи“, мелкихъ предпринимателей капиталистическаго типа, постепенно расширяющихъ примѣненіе наемнаго труда въ своихъ хозяйствахъ и вытѣсняющихъ изъ области самостоятельнаго земледѣльческаго производства остальную массу крестьянства.

Мы видѣли уже выше, что, напримѣръ, по мнѣнію г. Ильина, „разложеніе (деревни) теперь уже совершившійся фактъ, что крестьянство совершенно раскололось на противоположныя группы“. „Еще при господствѣ натуральнаго хозяйства“,—говоритъ онъ далѣе,—„при первомъ же расширеніи самостоятельности зависимыхъ крестьянъ, появляются уже зачатки ихъ разложенія. Но развиться эти зачатки могутъ только“ съ развитіемъ денежнаго

его. Невольно является вопросъ, что же такое могло представлять собою крестьянство *до* возникновенія *такого* неравенства и къ какому моменту въ исторіи можетъ быть пріурочено представленіе о его ариѳметически-уравнительномъ состояніи?

хозяйства (стр. 117). „Чѣмъ дальше идетъ проникновеніе товарнаго производства въ земледѣліе, чѣмъ сильнѣе, слѣдовательно, становится конкуренція между земледѣльцами, борьба за землю, борьба за хозяйственную самостоятельность,—тѣмъ съ большею силою долженъ проявиться законъ („большей продуктивности, а, слѣдовательно, и большей устойчивости крупныхъ крестьянскихъ хозяйствъ"), ведущій къ вытѣсненію средняго и бѣднаго крестьянства крестьянской буржуазіей" (стр. 34—35). При этомъ „хозяйство средняго крестьянина находится въ положеніи неустойчивомъ"; изъ многихъ данныхъ „ясенъ... неустойчивый, переходный характеръ этой группы между крестьянской буржуазіей и сельскимъ пролетаріатомъ" и фактъ ея „вытѣсненія" (стр. 38 — 39). „Факты показываютъ именно развитіе капиталистическаго земледѣлія *среди* „общинниковъ" и полное приспособленіе пресловутыхъ „общинныхъ связей „къ батрацкому хозяйству крупныхъ посѣвщиковъ" (стр. 48). „Рядомъ съ концентраціей посѣвовъ и возростаніемъ торговаго характера земледѣлія идетъ превращеніе его въ капиталистическое. Мы видимъ... продажу рабочей силы въ низшихъ группахъ и покупку ея въ высшихъ" (стр. 51). „Ничтожный" „въ общемъ и среднемъ" процентъ хозяйствъ съ батраками оказывается очень внушительнымъ у того зажиточнаго крестьянства, которое держитъ въ своихъ рукахъ больше половины производства, которое производитъ крупныя количества зерна на продажу. Можно судить поэтому о нелѣпости того мнѣнія, будто это батрацкое хозяйство—„случайность", бывшая и 100—200 лѣтъ тому назадъ!" (стр. 36). „*Большинство* зажиточныхъ крестьянскихъ дворовъ пользуется наемнымъ трудомъ въ тѣхъ или другихъ формахъ. *Необходимымъ условіемъ существованія зажиточнаго крестьянства является образованіе контингента батраковъ и поденщиковъ*" [1]); причемъ факты указываютъ „на образованіе въ высшихъ группахъ крестьянства настоящихъ батрацкихъ хозяйствъ, основанныхъ на постоянномъ употребленіи наемнаго труда" (стр. 63; курсивъ г. Ильина). Далѣе, „если мы знаемъ, напримѣръ, что пореформенное „крестьянство" въ одно и то же время и создавало контингентъ безлошадныхъ и безскотныхъ дворовъ, и „возвышало сельско-хозяйственную культуру", переходя къ удобренію земли..., то это съ полною ясностью указываетъ намъ, что „прогрессивныя теченія" знаменуютъ просто-на-просто прогрессъ сельской буржуазіи. Еще явственнѣе сказывается это на распредѣленіи улучшенныхъ орудій" (стр. 64). „Уравнительность" надѣльнаго землевладѣнія превратилась теперь въ одну юридическую фикцію" (стр. 74), такъ какъ, путемъ аренды, сдачи и проч., „зажиточное крестьянство „собираетъ" землю.., а неимущее—бросаетъ ее и превращается въ наемныхъ рабочихъ" (стр. 76). „Отношенія между высшею и низшею группами крестьянства отмѣчаются именно тѣми чертами, которыя характерны для отношеній сельской буржуазіи къ сельскому пролетаріату; эти отношенія замѣчательно однородны въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ съ самыми различными условіями; даже числовыя выраженія этихъ отношеній (т.-е. процентныя доли группъ въ общемъ количествѣ посѣва, скота и проч.) колеблются въ очень небольшихъ, сравнительно, предѣлахъ" (стр. 90). „Численно крестьянская буржуазія (къ которой г. Ильинъ, въ общемъ по Россіи, относитъ хозяйства, имѣющія не менѣе 3 рабочихъ лошадей, хотя для отдѣльныхъ мѣстностей допускаетъ и иное дѣленіе) составляетъ

---

[1]) Точно также на стр. 88-й г. Ильинъ повторяетъ: „Зажиточное крестьянство (несмотря на свою большесемейность)... не можетъ существовать безъ „дополняющаго" его-*класса* сельско-хозяйственныхъ рабочихъ" (курсивъ нашъ). См. также стр. 118 и др.

небольшое меньшинство всего крестьянства,—вѣроятно, не болѣе $^1/_5$ доли дворовъ... Но по своему значенію во всей совокупности крестьянскаго хозяйства,—въ общей суммѣ принадлежащихъ крестьянству средствъ производства, въ общемъ количествѣ производимыхъ крестьянствомъ земледѣльческихъ продуктовъ, крестьянская буржуазія является безусловно преобладающей. Она—господинъ современной деревни" (стр. 116—118) и „играетъ уже теперь главенствующую роль..., сосредоточивая въ своихъ рукахъ почти такую же долю посѣва, какъ и все остальное крестьянство, вмѣстѣ взятое" (стр. 87). „Къ представителямъ сельскаго пролетаріата должно отнести не менѣе половины всего числа крестьянскихъ дворовъ..,. т.-е. всѣхъ безлошадныхъ и большую часть однолошадныхъ крестьянъ" (стр. 119). „Промежуточнымъ звеномъ между этими пореформенными типами „крестьянства" является среднее крестьянство"; при его малой обезпеченности и „неустойчивомъ положеніи... каждый неурожай выбрасываетъ массы средняго крестьянства въ ряды пролетаріата. По своимъ общественнымъ отношеніямъ эта группа колеблется между высшей, къ которой она тяготѣетъ и въ которую удается попасть лишь небольшому меньшинству счастливцевъ, и между низшей, въ которую ее сталкиваетъ весь ходъ общественной эволюціи. Мы видѣли, что крестьянская буржуазія *оттѣсняетъ* не только низшую, но и среднюю группу крестьянства. Такимъ образомъ происходитъ специфически свойственное капиталистическому хозяйству вымываніе среднихъ членовъ и усиленіе крайностей—„раскрестьяниваніе" (стр. 122).

Мы позволили себѣ сдѣлать такія обширныя выписки изъ книги г. Ильина съ тою цѣлью, чтобы возможно рельефнѣе обрисовать конечный обликъ, который приняла въ послѣдніе годы идея о „дифференціаціи" и неоднородности деревни [1]), и чтобы имѣть такимъ образомъ болѣе опредѣленную почву подъ ногами при послѣдующемъ сопоставленіи фактовъ дѣйствительной жизни съ ихъ новѣйшимъ идеологическимъ отраженіемъ. Характерною чертою послѣдняго, какъ мы видимъ, является то, что вся или почти вся „не-

---

[1]) Съ этой точки зрѣнія однимъ изъ наиболѣе характерныхъ примѣровъ является уже цитированная выше (на стр. 18) статья г. Іонова. Авторъ статьи, неоднократно указывая на то, что „эволюція въ хозяйствѣ крестьянъ имѣетъ двойственный характеръ", что „средства производства концентрируются въ болѣе крупныхъ хозяйствахъ" и т. д. (стр. 39 и др.), дѣлитъ всѣ крестьянскіе дворы Саратовской губ. на группы—безлошадныхъ, 1-лошадныхъ или „бѣдныхъ", 2-лошадныхъ или „среднихъ" и съ 3, 4 и болѣе лошадьми или „богатыхъ", выдѣляя въ послѣдней группѣ еще подгруппу „богачей"—съ 4 и болѣе лошадьми. Хозяйства послѣдней подгруппы, составляющія 18% и владѣющія 52% всего рабочаго скота, по мнѣнію автора, „скорѣе могутъ быть отнесены къ хозяйствамъ частныхъ владѣльцевъ" (стр. 12). То же самое повторяетъ онъ на стр. 17, при чемъ и опредѣляетъ затѣмъ количественныя отношенія между частно-владѣльческимъ и крестьянскимъ хозяйствомъ въ одномъ изъ уѣздовъ, во-первыхъ, „безъ поправки", т.-е. считая всѣ крестьянскія хозяйства за таковыя, и, во-вторыхъ, „съ поправкою", т.-е. выдѣляя изъ нихъ и присоединяя къ частно-владѣльческимъ хозяйствамъ всѣ дворы, имѣющіе не менѣе 4 лошадей. Такимъ образомъ, съ помощью подобнаго упрощеннаго пріема, болѣе половины крестьянскаго рабочаго скота въ губерніи (52%, каковая цифра, впрочемъ, выведена неправильно и относится, въ сущности, лишь къ части губерніи) могло бы быть перечислено въ сферу хозяйствъ частновладѣльческаго типа. Особенно любопытенъ пріемъ автора въ виду того, что, по его же исчисленію (стр. 10), въ хозяйствахъ частныхъ владѣльцевъ („безъ поправки") насчитывается лишь 8% рабочихъ лошадей и 18% рабочихъ быковъ или, въ общей сложности, около $10^1/_2$% всего рабочаго скота, имѣющагося въ губерніи (у крестьянъ и частныхъ владѣльцевъ въ совокупности); такимъ образомъ, примѣненіе „поправки" ко всей губерніи (а не къ одному взятому имъ на стр. 17 уѣзду) превратило бы дѣйствительные 10% приблизительно въ 57%. Повторяемъ, впрочемъ, что цифра — 52% — является весьма преувеличенною для губерніи, взятой въ цѣломъ.

однородность" крестьянства была имъ окончательно вдвинута въ рамки капиталистическаго „разслоенія", развившагося въ пореформенный періодъ на почвѣ „денатурализаціи" крестьянскаго хозяйства, и такимъ путемъ было создано въ теоріи, въ качествѣ какъ-бы существующаго факта, постепенно усиливающееся *господство* мелко-капиталистическаго земледѣльческаго производства въ общинной деревнѣ. Мало того—въ рамки капиталистическаго хозяйства была вдвинута при этомъ не только „неоднородность" крестьянства, но, въ сущности, все современное крестьянское хозяйство въ его цѣломъ. Если раньше это хозяйство разсматривалось (хотя, быть можетъ, и не съ надлежащею ясностью), какъ нѣчто своеобразное, допускавшее сближеніе крестьянства почти во всей его массѣ съ другими категоріями „трудящихся" и противопоставленіе этого хозяйства хозяйству капиталистическому, теперь мы читаемъ, напримѣръ, у г. Ильина слѣдующее: „Строй общественно-экономическихъ отношеній въ крестьянствѣ (земледѣльческомъ и общинномъ) показываетъ намъ наличность всѣхъ тѣхъ противорѣчій, которыя свойственны всякому товарному хозяйству и всякому капитализму... Нѣтъ ни одного экономическаго явленія въ крестьянствѣ, которое бы не имѣло этой, специфически свойственной капиталистическому строю, противорѣчивой формы, т.-е. которое не выражало бы борьбы и розни интересовъ, не означало плюса для однихъ и минуса для другихъ... Именно эти противорѣчія и показываютъ намъ наглядно и неопровержимо, что строй экономическихъ отношеній въ „общинной" деревнѣ отнюдь не представляетъ изъ себя особаго уклада („народнаго производства" и т. п.), а обыкновенный мелко-буржуазный укладъ. Вопреки теоріямъ, господствовавшимъ у насъ въ послѣдніе полвѣка, русское общинное крестьянство—не антагонистъ капитализма, а, напротивъ, самая глубокая и прочная его основа" (стр. 114—115).

Оставляя, однако, въ сторонѣ общее стремленіе подвести явленія крестьянскаго хозяйства подъ категоріи и понятія капиталистическаго строя (стремленіе, проявлявшееся до извѣстной степени и раньше, но особенно характерное для новѣйшаго теченія русской мысли, въ которомъ оно нерѣдко граничило съ полною неспособностью, по отношенію къ текущей жизни, выйти изъ рамокъ указанныхъ понятій [1]), постараемся, на основаніи всего

---

[1]) Во многихъ литературныхъ произведеніяхъ недавняго времени замѣчается, напр., какъ бы полное отрицаніе (вѣроятно безсознательное) или непониманіе возможности какой-либо иной „неоднородности" хозяйственныхъ единицъ въ деревнѣ, кромѣ классовой или имѣющей характеръ капиталистической „дифференціаціи". Вслѣдствіе этого, неоднородность или хозяйственное неравенство сдѣлались для многихъ какъ бы синонимами *капиталистической* неоднородности: доказавши или просто указавши на существованіе значительной неоднородности крестьянскихъ хозяйствъ, нѣкоторые авторы, повидимому, полагаютъ, что они тѣмъ самымъ доказали уже и существованіе въ широкихъ размѣрахъ капиталистическихъ процессовъ въ крестьянской средѣ (даже въ области земледѣльческаго производства), и существованіе „классовъ" и проч. и искренне возмущаются „замазываніемъ дѣйствительности", когда ихъ противники возражаютъ „противъ очевидности", такъ какъ безспорно существуютъ, напр., съ одной стороны, безлошадные и однолошадные дворы, а съ другой—многолошадные. Въ этомъ смыслѣ очень характерна оцѣнка этими авторами данныхъ земской статистики. Такъ, г. Гурвичъ дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія въ своей книгѣ: „Народникъ семидесятыхъ годовъ... не имѣлъ никакого представленія о классовомъ антагонизмѣ внутри отдѣльныхъ разрядовъ русскаго крестьянства; онъ различалъ только эксплоататора-кулака или міроѣда, и его жертву—пропитаннаго якобы коммунистическимъ духомъ крестьянина. Земскіе статистики, какъ и слѣдовало ожидать, приступили къ своимъ изслѣдованіямъ съ предвзятой идеей относительно однородности крестьянства, какъ класса... Изученіе фактовъ привело ихъ впослѣдствіи къ пониманію истиннаго положенія дѣлъ, и въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ земскихъ статистическихъ сборникахъ дѣлались попытки систематизировать данныя о классовыхъ различіяхъ въ средѣ крестьянскаго населенія" („Экономич. полож. рус. деревни", стр. 123—124). Едва ли, однако, можно при-

сказаннаго, опредѣлить въ главнѣйшихъ чертахъ реальное содержаніе господствующихъ представленій о томъ процессѣ, который разумѣется при употребленіи термина—„разслоеніе“ или „дифференціація“ крестьянства.

Во-первыхъ, одною изъ характерныхъ чертъ даннаго процесса должна быть признана ею *двухсторонность*, — одновременный *ростъ обѣихъ крайнихъ группъ* крестьянства. „Въ однѣхъ мѣстностяхъ,—говоритъ г. Ильинъ,—особенно рельефно сказывается образованіе изъ крестьянъ сельскихъ предпринимателей, а въ другихъ—образованіе сельскаго пролетаріата“ (стр. 72); но, во всякомъ случаѣ, явленіе односторонняго подъема или односторонняго-же упадка извѣстной части дворовъ не подходило бы подъ интересующее насъ понятіе, если брать его въ наиболѣе точномъ смыслѣ; еще менѣе согласнымъ съ нимъ, конечно, было бы, напримѣръ, явленіе роста низшихъ группъ при сокращеніи значенія высшихъ группъ или, наоборотъ, ростъ высшихъ при сокращеніи низшихъ [1]). Одновременный ростъ обѣихъ группъ не-

---

знать, что изученіе фактовъ привело „земскихъ статистиковъ“ къ пониманію „истиннаго положенія дѣлъ“ въ смыслѣ признанія *классоваго* характера неоднородности крестьянскихъ хозяйствъ,—поскольку, по крайней мѣрѣ, рѣчь идетъ о земско-статистическихъ трудахъ, а не о личныхъ мнѣніяхъ тѣхъ или иныхъ лицъ изъ среды статистиковъ. Въ статистическихъ „Сборникахъ“, дѣйствительно, собранъ и, частью, сгруппированъ богатый матеріалъ относительно неоднородности крестьянства; но,—оставляя въ сторонѣ возможныя исключенія имелькомъ брошенныя замѣчанія,—намъ кажется, что въ этихъ работахъ (до послѣдняго времени, когда и земская статистика частью подчинилась новому теченію) неоднородность деревни изучалась обыкновенно безъ точнаго опредѣленія ея характера, такъ какъ для такого опредѣленія не имѣлось, съ научной точки зрѣнія, достаточныхъ фактическихъ основаній. Намъ кажется поэтому, что „земская статистика“, въ лицѣ большинства ея представителей, едва ли можетъ признать за собою нѣкоторыя „заслуги“, которыя ей нерѣдко приписываются, какъ это можно, напр., видѣть изъ слѣдующей цитаты: „Какія бы стороны жизни деревни мы не разсматривали, для правильнаго пониманія ихъ необходимо имѣть въ виду, что крестьянство давно *перестало* быть экономически однородной массой, что эта масса *распалась* уже на отдѣльные слои съ экономическими признаками отдѣльныхъ *классовъ*. Констатированіе экономической дифференціаціи русской деревни составляетъ одну изъ безспорныхъ заслугъ нашей земской статистики“ („Начало“, 1899 г., янв.—февр.; ст. П. П. Румянцева—„Къ характеристикѣ вліянія неурожая на жизнь деревни“, стр. 257; курсивъ принадлежитъ намъ). Констатированіе „дифференціаціи деревни“ *въ такомъ смыслѣ*, если и представляетъ чью-либо заслугу, то едва ли земской статистики, которая въ данномъ вопросѣ отличалась обыкновенно большою осторожностью и говорила о „группахъ“ и „типахъ“ хозяйствъ, но не о „классахъ“ (въ строго опредѣленномъ смыслѣ этого слова).

[1]) Когда настоящая глава уже была подготовлена къ печати, вышли въ свѣтъ „Матеріалы по статистикѣ Вятской губ.“, т. XII, часть II. Это изданіе, авторами котораго являются г.г. Громанъ и Берсеневъ, представляетъ выдающійся интересъ по затронутымъ въ немъ вопросамъ, по методологическимъ пріемамъ и проч., хотя и носитъ на себѣ многіе слѣды чрезмѣрнаго вліянія тѣхъ воззрѣній на крестьянство, которыя широко распространились за 90-ые годы. Въ частности, этотъ трудъ имѣетъ многіе пункты соприкосновенія съ нашею настоящею работою, почему намъ, вѣроятно, и придется касаться его въ послѣдующихъ отдѣлахъ. Здѣсь же мы укажемъ лишь на одинъ фактъ, лишній разъ доказывающій, какъ намъ кажется, необходимость болѣе точнаго и опредѣленнаго пониманія термина „дифференціація“, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ настоящее время. Касаясь группировки семей по ихъ величинѣ, г. Громанъ замѣчаетъ, что „характерно слѣдующее постоянное совпаденіе. Минимумъ малосемейныхъ дворовъ падаетъ на ту же волость, на которую приходится maximum многосемейныхъ дворовъ... и, наоборотъ, maximum малосемейныхъ дворовъ на ту волость, на которую приходится minimum многосемейныхъ дворовъ.. Если такое совпаденіе не случайное, то оно указываетъ на то, что причины, способствующія образованію или сохраненію дворовъ малосемейныхъ, прямо мѣшаютъ образованію или сохраненію дворовъ многосемейныхъ и наоборотъ... Это подтверждается и тѣмъ, что ни въ одной волости мы не встрѣтили такой комбинаціи дворовъ съ различной величиной семьи, чтобы одновременно и процентъ дворовъ малосемейныхъ, и процентъ дворовъ многосемейныхъ были выше средняго для такихъ дворовъ процента. А это значитъ, что дифференціація (!) дворовъ по семейному составу совершается обыкновенно не такимъ путемъ,

обходимъ (по крайней мѣрѣ — по новѣйшимъ представленіямъ) уже въ силу того, что, какъ мы видѣли, условіемъ существованія высшихъ группъ предполагается наличность низшихъ (при томъ болѣе многочисленныхъ). Что касается самаго „роста" крайнихъ группъ, то для низшихъ категорій хозяйствъ онъ можетъ выражаться, главнымъ образомъ, въ увеличеніи ихъ численности (частью же въ все большей и большей „пролетаризаціи"), а для высшихъ категорій—лишь частью въ увеличеніи ихъ численности, преимущественно-же—въ постепенномъ усиленіи ихъ значенія и „господства" въ общей массѣ крестьянскаго хозяйства (по количеству посѣва, скота и проч.).

Во-вторыхъ, при двухсторонности даннаго процесса, хотя и предполагается, что высшія группы всегда составляютъ лишь меньшинство населенія, однако, это меньшинство представляется довольно многочисленнымъ; во всякомъ случаѣ, здѣсь идетъ рѣчь именно о цѣломъ „слоѣ" или „классѣ", а не объ отдѣльныхъ, выдѣляющихся изъ общей массы, зажиточныхъ крестьянахъ.

Въ-третьихъ, разсматриваемый процессъ, обнимая всѣ сферы хозяйства, признается широко захватывающимъ и хозяйство земледѣльческое, а въ частности—и земледѣльческое *производство*, что имѣетъ особенно важное значеніе, такъ какъ именно въ этомъ должна выражаться „преобразующая" рѣчь „капитала" въ сферѣ крестьянскаго хозяйства. „Въ русской общинной деревнѣ,—говоритъ г. Ильинъ,—капиталъ обращается и на производство... Если бы капиталъ въ нашей деревнѣ былъ безсиленъ создать что-либо, кромѣ кабалы и ростовщичества, тогда бы мы не могли, по даннымъ о производствѣ, констатировать (какъ это сдѣлано, по мнѣнію г. Ильина, въ его книгѣ) разложеніе крестьянства, образованіе сельской буржуазіи и сельскаго пролетаріата, — тогда бы все крестьянство представляло изъ себя довольно ровный типъ придавленныхъ нуждою хозяевъ, среди которыхъ выдѣлялись бы ростовщики, выдѣлялись исключительно размѣромъ денежнаго имущества, а не размѣромъ и постановкою земледѣльческаго производства" (ст. 126).

Въ-четвертыхъ, процессъ „дифференціаціи" признается явленіемъ, главнымъ образомъ, „внутри-общиннымъ", а не заключающимся, напримѣръ, въ болѣе или менѣе общемъ подъемѣ крестьянства въ однѣхъ мѣстностяхъ и упадкѣ его въ другихъ. Мы уже видѣли выше, что, напримѣръ, г. Ильинъ

что обѣ крайнія группы растутъ на счетъ средней, а такимъ, что на счетъ средней и одной изъ крайнихъ группъ растетъ другая крайняя группа" (стр. 490 — 491); и далѣе: „*Дифференціація* дворовъ по семейному составу совершается, повидимому, всегда въ *одномъ* направленіи: никогда не растетъ одновременно число дворовъ малосемейныхъ и многосемейныхъ... *Дифференціація* дворовъ по семейному составу проявляется обыкновенно въ видѣ выдѣленія (?) растущаго числа малосемейныхъ дворовъ, *проявляется въ измельчаніи семьи*" (стр. 495; курсивъ нашъ); и т. д. „Дифференціація" „въ одномъ направленіи" и въ формѣ „измельчанія семьи" представляетъ собою нѣчто довольно странное уже по самому сочетанію словъ, объединяемыхъ въ этомъ случаѣ въ одно цѣлое, и потому едва ли законное въ логическомъ смыслѣ. Какъ видно изъ стр. 491—495, г. Громанъ пользуется здѣсь терминами: „дифференціація", „болѣе дифференцированныя волости" и „менѣе дифференцированныя волости" и т. д., на томъ основаніи, что относительная численность *среднихъ* группъ или, иначе говоря, *сумма* обѣихъ *крайнихъ* группъ въ различныхъ случаяхъ оказываются различными; но одинъ этотъ признакъ еще не можетъ служить показателемъ степени „дифференцированности" сравниваемыхъ мѣстностей, какъ это будетъ выяснено далѣе; во всякомъ случаѣ, если „болѣе дифференцированною" можетъ быть названа, въ извѣстномъ смыслѣ и въ извѣстныхъ случаяхъ, мѣстность съ повышеннымъ количествомъ крупныхъ семей при меньшей численности среднихъ и мелкихъ семей, то этотъ терминъ уже совершенно не приложимъ къ мѣстностямъ съ повышеннымъ количествомъ мелкихъ семей, если въ то же время группа крупныхъ семей мерѣе развита и менѣе разнообразна по своему составу.

называетъ это „элементарной истиной“, упрекая въ забвеніи ея г. Вихляева. Точно также, говоря объ уравнительности надѣльнаго землевладѣнія, онъ замѣчаетъ, что „весь процессъ разложенія земледѣльческаго крестьянства въ томъ и состоитъ, что жизнь обходитъ эти юридическія рамки“ (стран. 58). Внутри-общиннымъ (или „внутри-селеннымъ“) этотъ процессъ долженъ считаться и въ томъ смыслѣ, что въ результатѣ его предполагаются преобразующимися въ извѣстномъ направленіи экономическія отношенія между тѣми хозяйственными единицами, которыя остаются на мѣстѣ въ деревнѣ же; иначе говоря—въ томъ смыслѣ, что этотъ процессъ признается происходящимъ въ сферѣ крестьянскаго хозяйства и сельскаго населенія и постольку, поскольку они остаются таковыми. Уходъ или „выбрасываніе“ извѣстной части населенія изъ деревни можетъ быть однимъ изъ результатовъ хозяйственной дифференціаціи, но они не могутъ считаться, сами по себѣ, характерными проявленіями подобнаго процесса уже потому, что вопросъ касается здѣсь, главнымъ образомъ, не судьбы крестьянскаго или сельскаго *сословія*, а явленій сельскаго *хозяйства* и жизни фактическаго *сельскаго населенія*. Помимо того, уходъ на сторону (взятый въ отдѣльности) не является характернымъ и потому, что имъ обрисовывается лишь одна сторона процесса— „пролетаризація“ крестьянства, при чемъ во многихъ случаяхъ значительные размѣры ухода скорѣе могутъ быть показателемъ отсутствія или незначительности другой его стороны— „капитализаціи“ мѣстнаго хозяйства, чѣмъ сильнаго роста послѣдней, и, во всякомъ случаѣ, не доказываютъ наличности такого роста.

Въ-пятыхъ, наконецъ, почти во всѣхъ разсужденіяхъ о „дифференціаціи“ деревни частью прямо высказывается, частью болѣе или менѣе смутно предполагается, что являющіяся въ результатѣ ея крайнія группы (особенно— когда имъ приписывается специфически классовой характеръ) представляются болѣе или менѣе устойчивыми по своему конкретному составу, т.-е. съ большею или меньшею опредѣленностью признается, что, напримѣръ, хозяйства низшихъ группъ обречены на все большую и большую „пролетаризацію“ и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ могутъ подняться вновь хотя бы до средняго, а тѣмъ болѣе до высшаго уровня, хозяйства же высшихъ группъ преимущественно все болѣе и болѣе укрѣпляются и отдаляются отъ средняго уровня, лишь сравнительно рѣдко опускаясь въ низшіе разряды; неустойчивыми же и какъ бы колеблящимися представляются при этомъ только среднія хозяйства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, каждая изъ группъ представляется внутренне болѣе или менѣе однородною и до извѣстной степени объединяемою солидарностью интересовъ составляющихъ ее единицъ.

Сдѣланное опредѣленіе реальнаго содержанія понятія о „дифференціаціи“ крестьянства, какъ намъ кажется, можетъ считаться достаточно полнымъ и едва ли можетъ вызвать какія-либо существенныя возраженія относительно его правильности, а потому мы и будемъ имѣть его въ виду при послѣдующемъ анализѣ фактическихъ данныхъ; при этомъ анализѣ попутно выяснятся и нѣкоторыя другія стороны даннаго предмета, которыхъ здѣсь мы не коснулись или коснулись слишкомъ бѣгло. Во всякомъ случаѣ намъ казалось безусловно необходимымъ сдѣлать попытку (хотя бы она оказалась и не вполнѣ удачною) разобраться въ пониманіи одного изъ наиболѣе употребительныхъ, но едва ли не наименѣе ясныхъ терминовъ, прежде чѣмъ пользоваться имъ въ дальнѣйшей части нашей работы.

Изъ всего сказаннаго видно, что,—если мы отрѣшимся на время отъ какихъ-либо предвзятыхъ толкованій факта неоднородности крестьянскихъ

хозяйствъ,—при изученіи ея необходимо, прежде всего, держаться строгаго разграниченія вопросовъ о ея статикѣ, съ одной стороны, и динамикѣ, съ другой. При этомъ, въ частности, по отношенію къ статикѣ даннаго явленія мы будемъ имѣть слѣдующій рядъ основныхъ вопросовъ: 1) насколько общимъ или повсемѣстнымъ фактомъ оно является въ настоящее время? 2) какова его болѣе точная географія, т.-е. какія различія въ его размѣрахъ и въ относительной численности разныхъ группъ наблюдаются при сравненіи различныхъ мѣстностей и съ какими особенностями отдѣльныхъ мѣстностей могутъ быть поставлены въ связь эти различія? и 3) каковъ дѣйствительный *характеръ* или каковы *основы* хозяйственной неоднородности крестьянскихъ дворовъ и могутъ ли быть установлены—и какія именно—существенныя различія въ данномъ отношеніи между различными мѣстностями?—По отношенію же къ динамикѣ разсматриваемаго явленія мы будемъ имѣть такія двѣ группы основныхъ вопросовъ: 1) замѣчаются ли существенныя измѣненія въ *размѣрахъ* неоднородности крестьянскихъ хозяйствъ и вообще въ численныхъ соотношеніяхъ между различными ихъ группами за послѣдній періодъ времени (для котораго имѣются болѣе точныя и полныя данныя), въ какомъ направленіи (или въ какихъ направленіяхъ) они совершаются и въ какихъ размѣрахъ; какая разница при этомъ наблюдается по отношенію къ различнымъ мѣстностямъ и въ связи съ какими именно особенностями ихъ; какія существенныя различія въ данномъ отношеніи могутъ быть установлены по сравненію съ предшествовавшимъ періодомъ времени (поскольку о немъ имѣются болѣе или менѣе достовѣрныя данныя)? и 2) замѣчаются ли существенныя измѣненія въ самомъ *характерѣ* или основахъ группового расчлененія крестьянства, какія именно, въ какихъ размѣрахъ и т. д.? Къ этимъ двумъ категоріямъ вопросовъ, относящихся, если можно такъ выразиться, къ сферѣ *массовой* или *групповой* динамики крестьянскаго „разслоенія“,—въ виду указанныхъ уже въ предыдущихъ главахъ нѣкоторыхъ характерныхъ чертъ крестьянскаго хозяйства,—представляется необходимымъ присоединить еще третью, относящуюся къ тому кругу явленій, который можетъ быть названъ сферою процессовъ *молекулярнаго* характера, а именно—3) представляются ли хозяйственныя группы крестьянскихъ дворовъ болѣе или менѣе устойчивыми по своему конкретному составу, или же между этими группами совершается постоянный обмѣнъ составными элементами и самый составъ каждой группы болѣе или менѣе быстро обновляется; реальный ходъ такихъ измѣненій конкретнаго состава отдѣльныхъ группъ (поскольку они имѣютъ мѣсто), ихъ значеніе и т. д.?

Какъ и въ предыдущей части нашей работы, мы ни въ какомъ случаѣ не претендуемъ здѣсь на болѣе или менѣе полное и всестороннее разсмотрѣніе затронутаго нами предмета. Вопросъ о неоднородности или „дифференціаціи“ деревни весьма обширенъ и сложенъ, и предыдущими замѣчаніями мы имѣли въ виду лишь нѣсколько подготовить почву для его изученія, выдѣлить въ данной области то, что можетъ считаться въ ней уже достаточно установленнымъ, освободить это установленное отъ различныхъ наслоеній, болѣе или менѣе незаконнымъ, на нашъ взглядъ, съ научной точкой зрѣнія, и намѣтить, хотя бы въ нѣкоторыхъ чертахъ, тотъ путь, которымъ слѣдуетъ идти далѣе въ дѣлѣ изслѣдованія даннаго вопроса. Точно такъ же и въ послѣдующемъ изложеніи мы попытаемся сдѣлать лишь нѣкоторые шаги въ указанномъ сейчасъ направленіи, останавливаясь преимущественно на тѣхъ сторонахъ даннаго предмета, которыя намъ кажутся наиболѣе важными для правильнаго его пониманія, но до сихъ поръ оставались въ тѣни или же получали ложное истолкованіе. Руководящею нитью при этомъ намъ будетъ

служить, какъ уже замѣчено раньше, понятіе о крестьянскомъ дворѣ, какъ „семьѣ-хозяйствѣ". Это понятіе, конечно, также болѣе или менѣе апріорное или „предвзятое"; но, какъ извѣстно, безъ всякихъ „предвзятыхъ" понятій плодотворное изученіе фактическихъ матеріаловъ совершенно невозможно; важно только, чтобы эти „предвзятыя" понятія, во-первыхъ, были заимствованы, по возможности, изъ сферы тѣхъ же явленій или объектовъ наблюденія, къ которымъ они затѣмъ прилагаются, а не изъ какой-либо иной области, и, во-вторыхъ, примѣнялись бы къ дѣлу вполнѣ сознательно, т.-е. именно въ качествѣ сознательно принятыхъ *исходныхъ предвзятыхъ* представленій, которыя должны помочь разобраться въ фактическихъ данныхъ и должны быть немедленно же отброшены, видоизмѣнены или дополнены, если эти фактическія данныя окажутся съ ними въ той или иной мѣрѣ несогласными. Вредное вліяніе на ходъ изслѣдованій оказываютъ не сами по себѣ предвзятыя представленія, но забвеніе объ ихъ „предвзятости" или гипотетичности, ведущее часто къ безсознательной фальсификаціи дѣйствительности.

Какъ уже замѣчено выше, неоднородность или извѣстная градація крестьянскихъ хозяйствъ можетъ быть обнаружена, какой бы хозяйственный признакъ мы ни положили въ основу ихъ групповаго дѣленія, что весьма просто объясняется тѣмъ, что различныя стороны крестьянскаго хозяйства, въ дѣйствительности, являются тѣсно между собою связанными; поэтому, распредѣляя дворы по одному какому-либо признаку (хотя бы даже второстепенному), мы всегда получимъ рядъ группъ, которыя будутъ представлять правильную послѣдовательность или градацію (прямую или обратную) и по массѣ другихъ признаковъ. Это обстоятельство, въ связи съ нѣкоторыми теоретическими предпосылками, привело, между прочимъ, къ значительной путаницѣ въ вопросѣ о такъ называемыхъ „факторахъ" въ сферѣ крестьянскаго хозяйства, которымъ удѣлено было довольно много мѣста въ земско-статистической литературѣ. Но очевидно, что правильное рѣшеніе вопроса объ относительномъ значеніи различныхъ элементовъ крестьянскаго хозяйства и о раздѣленіи ихъ на „основные" („факторы") и второстепенные или „производные" возможно было бы лишь при наличности достаточно выработанной общей „теоріи" даннаго хозяйства, о которой мы говорили раньше и которой до настоящаго времени не существуетъ. Поэтому мы можемъ пока только болѣе или менѣе предположительно выбирать для группировокъ наиболѣе существенные *признаки* или *показатели* общаго состоянія хозяйства отдѣльныхъ дворовъ. Наиболѣе часто полагавшееся въ основу группировокъ количество надѣльной земли въ отдѣльныхъ хозяйствахъ, на нашъ взглядъ, является въ данномъ случаѣ признакомъ наименѣе удачнымъ уже потому, что это—показатель не строго хозяйственный, не говоря о другихъ его недостаткахъ [1]); наиболѣе же цѣлесообразными признаками для групповыхъ дѣленій крестьянскихъ хозяйствъ,—поскольку они разсматриваются, какъ хозяйства *земледѣльческія*,—должны, повидимому, считаться количество рабочаго скота и размѣры посѣвной площади: оба эти признака наиболѣе точно и наиболѣе полно выра-

---

[1]) „Количество надѣльной земли въ отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствахъ вообще обусловливается, во-первыхъ, *числомъ* и, во-вторыхъ, *размѣромъ* принадлежащихъ имъ душевыхъ надѣловъ...; иначе говоря, оно зависитъ всегда столько же отъ существующихъ формъ владѣнія и способовъ разверстки земли, сколько и отъ общей обезпеченности землею тѣхъ селеній, къ которымъ извѣстныя хозяйства принадлежатъ. Поэтому, группируя хозяйства по величинѣ надѣльныхъ участковъ, мы получаемъ такую классификацію, которая является результатомъ совмѣстнаго дѣйствія обоихъ указанныхъ условій, и лишаемся возможности опредѣлить роль котораго-либо изъ нихъ въ отдѣльности" („Сборникъ стат. свѣд. по Кузнецкому уѣзду Саратовской губ.", отд. I, стр. 58)

жаютъ собою объемъ и положеніе земледѣльческаго производства въ каждомъ дворѣ (при достаточномъ сходствѣ другихъ условій) и преимущества котораго-либо одного изъ нихъ, по сравненію съ другимъ, представляются весьма спорными. Мы въ настоящей работѣ будемъ пользоватся, главнымъ образомъ, первымъ признакомъ, т.-е. количествомъ рабочаго скота, такъ какъ это основаніе для группировки дворовъ (оставляя въ сторонѣ группировки по размѣрамъ землевладѣнія) наиболѣе часто принималось до сихъ поръ въ земско-статистической литературѣ, а слѣдовательно въ этой литературѣ имѣется и болѣе значительное количество готовыхъ матеріаловъ для изученія группировки хозяйствъ по этому именно признаку. Въ извѣстномъ смыслѣ можно даже сказать, что группировка дворовъ по рабочему скоту въ земской статистикѣ общепринята, а именно—если мы будемъ имѣть въ виду не такъ называемыя групповыя и комбинаціонныя таблицы, а простое указаніе *числа* дворовъ безъ рабочаго скота, съ 1 головою рабочаго скота и т. д., которое, хотя и не даетъ матеріаловъ для разносторонней характеристики различныхъ группъ, но, во всякомъ случаѣ, позволяетъ, во-первыхъ, судить о ихъ численности и, во-вторыхъ,—безъ большого труда и вполнѣ точно,—вычислить распредѣленіе по группамъ самаго количества рабочаго скота. Если принять, затѣмъ, въ соображеніе, что группировки по рабочему скоту даются также и военно-конскими переписями, то будетъ вполнѣ ясно относительное богатство матеріаловъ для изученія крестьянскаго „разслоенія" въ рамкахъ именно этого рода группировокъ и понятна одна изъ причинъ того, почему большинство авторовъ, касавшихся упомянутаго сейчасъ вопроса, пользовались преимущественно ими же въ своихъ работахъ [1]).

---

[1]) Распространенность группировокъ по рабочему скоту по сравненію, напр., съ группировками по посѣвной площади обусловливается многими причинами. Не говоря уже о томъ, что рабочій скотъ является однимъ изъ важнѣйшихъ орудій производства въ земледѣльческомъ хозяйствѣ, а слѣдовательно какъ бы естественнно напрашивается на роль не только „показателя", но и одного изъ главныхъ „факторовъ" въ области крестьянскаго хозяйства, данный признакъ является, во-первыхъ, однимъ изъ наиболѣе легко и точно регистрируемыхъ, что въ практическомъ отношеніи имѣетъ громадное значеніе; во-вторыхъ, этотъ признакъ при пользованіи имъ для группировки дворовъ даетъ не произвольно намѣчаемыя дѣленія, а какъ бы представляемыя самою жизнью, и въ то-же время такія дѣленія, при которыхъ каждая группа является (по крайней мѣрѣ—на первый взглядъ) довольно рѣзко обособленною даже отъ ближайшихъ подобныхъ же группъ, и т. д. Послѣднее обстоятельство, т.-е. сравнительно рѣзкая обособленность различныхъ группъ (съ градаціею—0 лошадей, 1 лошадь, 2 лошади и т. д.),—при широкомъ примѣненіи группировокъ по рабочему скоту и при наличности извѣстныхъ предвзятыхъ взглядовъ на значеніе „лошади" въ крестьянскомъ хозяйствѣ,—вѣроятно, съиграло также нѣкоторую роль въ созданіи представленій о классовомъ характерѣ деревенской неоднородности.

ГЛАВА VI.

Матеріалы военно-конскихъ переписей, какъ одинъ изъ источниковъ для изученія хозяйственной неоднородности деревни.—Общая группировка дворовъ по числу лошадей (всѣхъ возрастовъ) въ 299 уѣздахъ по даннымъ военно-конской переписи 1888—91 г.г.—Крупныя различія между уѣздами въ распредѣленіи дворовъ по группамъ и, въ частности, въ численности крайнихъ группъ.—Наличность опредѣленной правильности въ различіяхъ группировки дворовъ по мѣстностямъ; наблюдаемая, какъ преобладающая тенденція, общая „подвижка" всей группировки въ ту или иную сторону въ связи съ различіями въ среднемъ числѣ лошадей, приходящемся на 1 дворъ.—Аналогія съ тѣмъ, что было установлено раньше по отношенію къ рабочему составу семей.—Наличность, наряду съ указанною преобладающею тенденціею, многочисленныхъ и существенныхъ отклоненій отъ нея.—Двойственность явленій, обнаруживаемая болѣе глубокимъ изученіемъ мѣстныхъ различій въ характерѣ группировки дворовъ: а) сходство группировки при одинаковой средней обезпеченности населенія лошадьми въ однихъ случаяхъ и б) существенныя различія въ той же группировкѣ, несмотря на одинаковую среднюю обезпеченность лошадьми, въ другихъ случаяхъ.—Классификація уѣздовъ, сообразно съ этою двойственностью явленій, по различіямъ въ характерѣ или типѣ группировки при одинаковомъ среднемъ числѣ лошадей на 1 дворъ.—Послѣдующее примѣрное объединеніе однотипичныхъ, по характеру группировки, уѣздовъ въ разряды или классы (независимо отъ средняго числа лошадей на 1 дворъ).—Естественная группировка уѣздовъ, при нанесеніи классовыхъ дѣленій на общую карту Россіи, въ опредѣленные географическіе районы, объединяющіеся затѣмъ въ извѣстныя полосы.—Некапиталистическій характеръ различій въ фактической группировкѣ дворовъ по числу лошадей, какія наблюдаются въ предѣлахъ отдѣльныхъ районовъ (въ зависимости отъ неодинаковыхъ соотношеній между числомъ лошадей и числомъ дворовъ въ разныхъ уѣздахъ).—Необходимость строгаго различенія разныхъ формъ хозяйственной неоднородности или „дифференцированности".—Явленія, наблюдаемыя по отношенію къ группѣ безлошадныхъ дворовъ при повышеніи средняго числа лошадей на 1 дворъ (въ предѣлахъ каждаго района).—Специфическій характеръ различій въ группировкѣ дворовъ между намѣченными выше районами и полосами, какъ подходящихъ подъ понятіе различій въ степени дифференцированности крестьянскихъ хозяйствъ въ точномъ смыслѣ этого термина.—Географическая послѣдовательность полосъ въ предѣлахъ изучаемой территоріи; сохраненіе данной послѣдовательности и при сравненіи характера группировки дворовъ по числу лишь взрослыхъ лошадей.—Возможность различныхъ гипотетическихъ объясненій наблюдаемыхъ различій въ типѣ группировки между отдѣльными районами и полосами.—Необходимость дальнѣйшаго изученія предмета для провѣрки правильности тѣхъ или иныхъ объясненій.—Приложенія: таблицы и картограмма.

Однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ массовыхъ данныхъ для изученія вопросовъ, намѣченныхъ въ предыдущей главѣ, являются матеріалы военно-конскихъ переписей, періодически производимыхъ по болѣе или менѣе однородному плану съ 1882 года. Въ публикуемыхъ сводкахъ этихъ переписей, помимо болѣе общихъ свѣдѣній, имѣются, между прочимъ, весьма подробныя данныя о распредѣленіи лошадей между отдѣльными хозяйствами. Этими данными мы и предполагаемъ воспользоваться въ настоящей главѣ, при чемъ главною нашею задачею явится выясненіе вопроса о наличности и характерѣ *мѣстныхъ* различій въ группировкѣ хозяйствъ по количеству лошадей.

Изъ 3 военно-конскихъ переписей, результаты которыхъ имѣются въ нашемъ распоряженіи (1882 г., 1888—91 гг. и 1893—94 гг.), мы останавливаемся въ настоящей главѣ на переписи 1888—91 гг., какъ охватывающей наиболѣе полно территорію Европейской Россіи и въ то же время дающей интересующую насъ подробную группировку дворовъ по числу лошадей. Перепись 1882 г. въ послѣднемъ отношеніи наименѣе удовлетворительна, такъ какъ въ опубликованной сводкѣ ея имѣется лишь дѣленіе дворовъ на лошад-

ные и безлошадные; перепись же 1893—94 гг., хотя и даетъ подробную группировку ихъ, но она, во-первыхъ, не коснулась многихъ губерній, а во-вторыхъ, данныя ея относятся къ сравнительно ненормальному періоду, слѣдовавшему непосредственно за неурожайными 1891—92 гг. [1]). Матеріалами переписей 1893—94 гг. и, частью, 1882 г. мы надѣемся воспользоваться въ другомъ мѣстѣ и уже съ иною цѣлью, а именно—для выясненія нѣкоторыхъ явленій въ сферѣ крестьянскаго хозяйства *динамическаго* характера; здѣсь же мы ограничимся явленіями характера строго *статическаго*.

Матеріалы военно-конскихъ переписей, по общему признанію компетентныхъ лицъ, могутъ считаться достаточно точными и достовѣрными, не уступая, въ общемъ, или мало уступая въ этомъ отношеніи земскимъ переписямъ. Однако, въ частности, учетъ одной важной категоріи крестьянскихъ дворовъ, а именно—безлошадныхъ, вѣроятно, въ конскихъ переписяхъ менѣе точенъ и, во всякомъ случаѣ, едва ли одинаково точенъ для всѣхъ мѣстностей. Какъ извѣстно, полная регистрація безлошадныхъ и другихъ подобныхъ категорій дворовъ вообще представляетъ наибольшія затрудненія на практикѣ, а потому при военно-конскихъ переписяхъ, производимыхъ не спеціалистами-статистиками и имѣющихъ главнѣйшею цѣлью лишь учетъ лошадей и ихъ распредѣленія по хозяйствамъ, есть полныя основанія предполагать возможность во многихъ случаяхъ пропуска извѣстной доли такихъ дворовъ. Однако, сравненіе данныхъ конскихъ и земско-статистическихъ переписей показываетъ, что, въ большинствѣ случаевъ, онѣ довольно близки между собою и по отношенію къ безлошаднымъ хозяйствамъ.

Помимо самой достовѣрности данныхъ, военно-конскія переписи (по крайней мѣрѣ—въ ихъ печатной обработкѣ) представляютъ и нѣкоторыя весьма существенныя особенности по сравненію съ земскими, которыя необходимо имѣть въ виду при пользованіи ими и которыя, частью, понижаютъ ихъ цѣнность съ точки зрѣнія многихъ задачъ хозяйственной статистики. Первое отличіе отъ большей части земскихъ переписей заключается въ томъ, что данныя военно-конскихъ переписей пріурочиваются не къ мѣстному приписному крестьянскому населенію, а ко всему населенію, живущему въ предѣлахъ крестьянской осѣдлости, т.-е. и къ населенію „постороннему"; это должно чаще и сильнѣе всего отражаться (особенно тамъ, гдѣ постороннее населеніе болѣе или менѣе многочисленно) опять-таки на количествѣ безлошадныхъ дворовъ, въ той или иной мѣрѣ повышая его, хотя, съ другой стороны, этимъ повышеніемъ, вѣроятно, и компенсируется частью отмѣченная выше неполнота регистраціи собственно крестьянскихъ дворовъ той же категоріи; точно также указанный пріемъ долженъ приводить и къ присоединенію къ крестьянскимъ дворамъ извѣстнаго количества многолошадныхъ хозяйствъ, къ мѣстному крестьянству совершенно не принадлежащихъ. Но гораздо болѣе важнымъ является то обстоятельство, что въ публикаціяхъ военно-конскихъ переписей по отдѣльнымъ уѣздамъ группировка хозяйствъ дается не по количеству *рабочихъ* лошадей, а по количеству *всѣхъ* лошадей, безъ различія ихъ возраста; такой способъ группировки не только лишаетъ возможности сравнивать многія цифры военно-конскихъ переписей съ данными земскихъ и т. п. изслѣдованій, но и не позволяетъ *точно* судить о дѣйствительной

---

[1]) Въ этомъ отношеніи нѣсколько разнохарактерными являются и данныя предыдущей переписи, произведенной во многихъ губерніяхъ лѣтомъ 1891 г., когда уже сказались до извѣстной степени неблагопріятныя условія этого года и, частью, предыдущаго; наоборотъ, та же перепись во многихъ другихъ губерніяхъ, гдѣ она выполнена была въ 1888 г., застала положеніе населенія скорѣе въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ.

хозяйственной силѣ различныхъ группъ дворовъ, а также вноситъ извѣстныя осложненія во всякія сравненія между собою различныхъ мѣстностей и періодовъ, такъ какъ % молодого скота довольно сильно измѣняется и въ пространствѣ, и во времени. Правда, сводки военно-конскихъ переписей въ итогахъ *по губерніямъ* даютъ и группировку по количеству „рабочихъ" лошадей; но, во-первыхъ, губернія представляетъ слишкомъ крупную территоріальную единицу для многихъ сопоставленій, во-вторыхъ же, и здѣсь берется „рабочая" лошадь не въ хозяйственномъ смыслѣ (каковою у крестьянъ считается обыкновенно лошадь старше 3-хъ лѣтъ), а только достигшая возраста свыше 5 лѣтъ.

Несмотря, однако, на отмѣченныя особенности матеріаловъ военно-конскихъ переписей, они представляются незамѣнимыми въ томъ отношеніи, что позволяютъ имѣть по всей Европейской Россіи или извѣстнымъ частямъ ея сплошныя, одновременныя и достаточно однородныя данныя, каковымъ требованіямъ въ гораздо меньшей степени удовлетворяютъ матеріалы земской статистики, не говоря уже о томъ, что конскія переписи повторяются черезъ опредѣленные промежутки времени и, такимъ образомъ, какъ отмѣчено раньше, даютъ богатый матеріалъ также для выясненія перемѣнъ, происходящихъ съ теченіемъ времени въ сферѣ нашей хозяйственной жизни. Вслѣдствіе этого, пользованіе данными конскихъ переписей представляется въ настоящее время безусловно необходимымъ и крайне важнымъ, хотя требуетъ извѣстной осторожности и послѣдующей провѣрки получаемыхъ выводовъ другими матеріалами.

Такъ какъ конскими переписями учитывается лишь одинъ изъ видовъ рабочаго скота, употребляемаго въ русскомъ земледѣльческомъ хозяйствѣ, между тѣмъ какъ въ южной половинѣ Европейской Россіи значительно распространенными и, частью, преобладающими являются, въ качествѣ рабочаго скота, уже не лошади, а волы, то мы можемъ здѣсь пользоваться данными лишь относительно тѣхъ губерній и уѣздовъ, въ которыхъ волы совершенно или почти не употребляются въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Оставляя также въ сторонѣ губерніи польскія, остзейскія и литовскія, какъ отличающіяся многими своеобразными хозяйственно-историческими особенностями, мы получимъ всего 27 губерній, съ которыми и будемъ далѣе оперировать, присоединивъ къ нимъ, сверхъ того, 14 уѣздовъ Саратовской, Самарской, Воронежской и Черниговской губ., въ которыхъ волы у крестьянъ также почти отсутствуютъ. Въ общемъ, мы будемъ, такимъ образомъ, располагать 299-ью уѣздами, изъ которыхъ въ 195 конская перепись была произведена въ 1888 г., а въ 104—въ 1891 г. [1]).

---

[1]) Изъ слѣдующей таблицы можно видѣть, какія именно губерніи охватываютъ наши послѣдующія данныя и въ какой именно годъ была произведена въ каждой изъ нихъ конская перепись:

а) Губерніи, изслѣдованныя въ 1888 г.			б) Губерніи, изслѣдованныя въ 1891 г.		
С.-Петербургская	8	уѣздовъ.	Архангельская	9	уѣздовъ.
Новгородская	11	„	Вологодская	10	„
Псковская	8	„	Вятская	11	„
Тверская	12	„	Олонецкая	7	„
Смоленская	12	„	Костромская	12	„
Витебская	11	„	Пермская	12	„
Могилевская	11	„	Уфимская	6	„
Минская	9	„			
Черниговская	2	„			
Орловская	12	„			

Въ означенныхъ 299 уѣздахъ, по переписи 1888—1891 гг., оказалось всего 5958773 крестьянскихъ двора, которые имѣли 10000136 лошадей (всѣхъ возрастовъ) и распредѣлялись по числу послѣднихъ слѣдующимъ образомъ:

ГРУППЫ ДВОРОВЪ.	Число дворовъ.	% ихъ къ общему числу.	Число лошадей въ каждой группѣ.	% лошадей къ общему итогу.
Безлошадные	1250297	21,0	—	—
Съ 1 лошадью	2101844	35,2	2101844	21,0
„ 2 „	1315352	22,1	2630704	26,3
„ 3 „	670493	11,3	2011479	20,1
„ 4 „	310805	5,2	1243220	12,4
„ 5 „	144210	2,4	721050	7,2
„ 6 „	71006	1,2	426036	4,3
„ 7 „	37205	0,6	260435	2,6
„ 8 „	20570	0,4	164560	1,6
„ 9 „	12151	0,2	109359	1,1
„ 10 „	7483	0,1	74830	0,8
„ 11 и болѣе	17357	0,3	256619	2,6
Итого	5958773	100,0	10000136	100,0

Таковы количественныя отношенія между различными группами крестьянскихъ дворовъ въ общемъ выводѣ по разсматриваемому нами обширному району. Однако, эти отношенія далеко не представляютъ чего-либо одно-

а) Губерніи, изслѣдованныя въ 1888 г.

Калужская	11	уѣздовъ.
Московская	13	„
Владимірская	13	„
Ярославская	10	„
Нижегородская	11	„
Тульская	12	„
Рязанская	12	„
Тамбовская	12	„
Воронежская	5	„
	195	уѣздовъ.

б) Губерніи, изслѣдованныя въ 1891 г.

Самарская	2	уѣзда.
Саратовская	5	„
Симбирская	8	„
Пензенская	10	„
Казанская	12	„
	104	уѣзда.

Вся Архангельская губ., 6 уѣздовъ Пермской и 2 уѣзда Вологодской губ. въ общую перепись 1891 г. не входили и соотвѣтствующія свѣдѣнія здѣсь были собраны Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ уже инымъ порядкомъ; однако, сопоставленіе данныхъ по этому району съ аналогичными свѣдѣніями по другимъ сосѣднимъ мѣстностямъ не указываетъ на какую-либо существенную разницу въ качествѣ матеріаловъ въ томъ и другомъ случаѣ, а потому мы и не нашли основаній къ исключенію указаннаго района изъ общей сводки.

образнаго, если мы обратимся къ отдѣльнымъ уѣздамъ и группамъ уѣздовъ въ предѣлахъ того же района. Такъ, напримѣръ, если мы возьмемъ низшую группу дворовъ, т.-е. безлошадныя хозяйства, то увидимъ, что % ихъ колеблется по уѣздамъ отъ $3,_7$—$4,_0$% до 45—50%. Точно также противоположная группа хозяйствъ—съ 4 и болѣе лошадьми—составляетъ въ разныхъ уѣздахъ отъ $0,_1$—$0,_5$% до 36%. Соотвѣтственныя рѣзкія различія представляетъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ и вся группировка дворовъ по количеству лошадей, а также и самое распредѣленіе послѣднихъ между различными группами хозяйствъ.

Но если группировка крестьянскихъ хозяйствъ по взятому нами признаку представляетъ крупныя различія по отдѣльнымъ мѣстностямъ, то этимъ фактомъ ставится на разрѣшеніе вопросъ: отличаются ли эти колебанія въ численности различныхъ группъ болѣе или менѣе безпорядочнымъ характеромъ, будучи обусловливаемы всецѣло извѣстнымъ сочетаніемъ мѣстныхъ условій, или же въ нихъ можетъ быть подмѣчена какая-либо опредѣленная общая правильность или закономѣрность, и, въ частности, могутъ ли быть установлены какія-либо опредѣленныя соотношенія между крайними, по ихъ положенію, группами? Чтобы подойти къ рѣшенію этого вопроса, мы прежде всего попытаемся разгруппировать всѣ уѣзды по относительной численности одной изъ крайнихъ группъ крестьянскихъ дворовъ, а именно—высшей ихъ группы, отнеся къ ней хозяйства съ 4 и болѣе лошадьми. Таблица № 1 [1]) даетъ возможность видѣть результаты такой группировки (группировка „вверхъ“ въ ней доведена до категоріи хозяйствъ съ 6 и болѣе лошадьми, какъ мы будемъ дѣлать въ большинствѣ случаевъ и въ послѣдующемъ изложеніи).

Просматривая эту таблицу, не трудно замѣтить, что, — не смотря на частныя отклоненія (особенно въ малочисленныхъ группахъ уѣздовъ),—здѣсь наблюдается нѣкоторая, вполнѣ опредѣленная, тенденція въ измѣненіи численности различныхъ категорій хозяйствъ: по мѣрѣ перехода отъ мѣстностей съ минимальнымъ количествомъ дворовъ, имѣющихъ по 4 и болѣе лошадей, къ мѣстностямъ съ максимальнымъ ихъ количествомъ, численность всѣхъ высшихъ группъ хозяйствъ (въ томъ числѣ и съ 3 лошадьми) постепенно возростаетъ; въ то же время численность двухъ низшихъ группъ, т. е. безлошадныхъ и 1-лошадныхъ, наоборотъ, сильно сокращается, и, наконецъ, промежуточная категорія хозяйствъ 2-лошадныхъ сначала нѣсколько возростаетъ (вмѣстѣ съ высшими группами), а затѣмъ сокращается (вмѣстѣ съ низшими группами). Иначе говоря, *чѣмъ малочисленнѣе* въ извѣстныхъ уѣздахъ *высшія группы хозяйствъ, тѣмъ болѣе многочисленными являются низшія ихъ группы, и наоборотъ.*

Такой общій характеръ соотношеній между различными категоріями хозяйствъ по отдѣльнымъ группамъ уѣздовъ ясно указываетъ на тѣсную связь той или иной группировки дворовъ съ извѣстною среднею или „общею“ обезпеченностью населенія лошадьми: группируя уѣзды по % хозяйствъ высшихъ группъ (съ 4 и болѣе лошадьми), мы, очевидно, разгруппировали ихъ, въ той или иной мѣрѣ, также и по упомянутой сейчасъ общей обезпеченности рабочимъ скотомъ, причемъ возростаніе послѣдней и сказалось въ формѣ соотвѣтствующаго измѣненія всей группировки, а, въ частности,—въ сокращеніи численности низшихъ группъ хозяйствъ и ростѣ высшихъ группъ. Этотъ фактъ наглядно обнаруживается слѣдующими цифрами:

---

[1]) См. приложенія въ концѣ главы.

Среднее количество лошадей на 1 дворъ по группамъ уѣздовъ, въ которыхъ % дворовъ съ 4 и болѣе лошадьми равняется:

До 2%.	2—4%.	4—6%.	6—8%.	8—10%.	10—12%.	12—14%.	14—16%.	16—18%.	18—20%.	20—22%.	22—24%.	24—26%.	26—28%.	28—30%.	30—32%.	32—34%.	34—36%.	Св. 36%.
1,02	1,22	1,45	1,53	1,62	1,69	1,87	1,94	2,03	2,12	2,39	2,41	2,59	2,61	(2,95)	2,81	(3,24)	3,01	3,05

Въ другомъ мѣстѣ [1]), разсматривая группировку крестьянскихъ семей по числу работниковъ въ различныхъ мѣстностяхъ, мы установили тотъ фактъ, что опредѣленной средней цифрѣ работниковъ на 1 семью соотвѣтствуетъ и не менѣе опредѣленная группировка отдѣльныхъ семей по тому же признаку (т. е. по количеству работниковъ); или что, говоря иначе, среднія цифры въ этомъ случаѣ могутъ быть разсматриваемы въ качествѣ какъ бы „показателей“ наличности того или иного распредѣленія семей по ихъ величинѣ и по количеству рабочей силы. Выражая тотъ же фактъ въ еще иной формѣ, мы могли констатировать извѣстную закономѣрность въ количественныхъ отношеніяхъ между различными группами семей, въ силу которой всякое существенное измѣненіе относительной численности какой-либо одной группы (за исключеніемъ средней или „промежуточной“) оказывается сопутствуемымъ измѣненіями въ численности и всѣхъ остальныхъ группъ, имѣющими вполнѣ опредѣленный характеръ. Если, напримѣръ, въ извѣстной мѣстности относительная численность одной изъ высшихъ группъ (по числу работниковъ) оказывается болѣе значительною, чѣмъ въ другой мѣстности, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, наблюдается въ первомъ случаѣ большая численность и всѣхъ прочихъ высшихъ группъ, численность же низшихъ группъ оказывается соотвѣтственно меньшею; и т. д. Словомъ,—при переходѣ отъ одной мѣстности къ другой, отличающейся отъ первой по числу работниковъ на 1 дворъ, — всегда или почти всегда наблюдается и соотвѣтствующая общая „подвижка“ всей группировки „вверхъ“ или „внизъ“, выражающаяся въ увеличеніи численности семей, стоящихъ по обезпеченности рабочими силами выше средняго уровня, и въ сокращеніи числа семей, стоящихъ ниже того же уровня, или, или, наоборотъ, въ сокращеніи количества семей первой категоріи и въ увеличеніи второй.

На аналогичное явленіе, какъ видно изъ предыдущаго, мы наталкиваемся, обратившись и къ хозяйственной группировкѣ крестьянскихъ дворовъ (поскольку эта послѣдняя выражается количествомъ лошадей въ отдѣльныхъ хозяйствахъ). Здѣсь также *различія въ численности какой-либо одной группы сопровождаются, въ общемъ, соотвѣтствующею „подвижкою“ всей группировки въ ту или иную сторону* и также крайнія по положенію группы оказываются какъ бы „антагонистичными“ между собою; антагонистичными не въ томъ, однако, смыслѣ, въ какомъ это понимается по обычнымъ представленіямъ о „дифференціаціи“ крестьянства (по которымъ, напр., *большая* численность или *большая* доля высшихъ группъ въ посѣвѣ, скотѣ и проч. предполагаетъ, въ видѣ общаго правила, и *большую* численность низшихъ группъ), а въ совершенно иномъ или даже обратномъ, т. е. въ томъ смыслѣ, что *боль-*

[1]) См. IV главу.

шая численность высшихъ группъ, въ большинствѣ случаевъ, сопровождается *меньшею* численностью низшихъ, и наоборотъ, что *крайнія группы, до извѣстной степени, какъ бы исключаютъ другъ друга.* Затѣмъ, здѣсь также *извѣстной группировкѣ хозяйствъ соотвѣтствуетъ*, въ большей или меньшей степени, *опредѣленная средняя обезпеченность населенія рабочимъ скотомъ;* или, иначе говоря, здѣсь также *эта „средняя обезпеченность" является результатомъ и показателемъ существованія въ данной мѣстности довольно опредѣленной хозяйственной группировки крестьянскихъ семей.*

Всѣ эти положенія (важныя ограниченія которыхъ выяснятся далѣе) не менѣе ясно могутъ быть иллюстрированы таблицею № 2, построенною по тому же типу, какъ это было нами сдѣлано въ IV главѣ по отношенію къ группировкѣ семей по числу работниковъ, т. е. съ дѣленіемъ уѣздовъ уже по среднему количеству лошадей на 1 дворъ.

Однако, хотя въ этой таблицѣ, какъ и въ приведенной раньше, весьма ясно выступаетъ указанная нами основная тенденція въ измѣненіяхъ хозяйственной группировки дворовъ, тѣмъ не менѣе въ обоихъ случаяхъ наблюдаются и довольно многочисленныя и существенныя отступленія отъ общей правильности; а уже одно это ясно показываетъ, что, наряду съ отмѣченною основною или преобладающею тенденціею, здѣсь дѣйствуютъ и какія-либо иныя вліянія, во многихъ случаяхъ парализующія ея проявленіе. Но даже и помимо тѣхъ случаевъ, когда въ таблицахъ наблюдаются прямыя отклоненія отъ общей послѣдовательности въ измѣненіяхъ цифръ, если мы возьмемъ почти любую изъ образованныхъ нами группъ уѣздовъ (напр., съ среднимъ количествомъ лошадей на 1 дворъ отъ 0,81 до 0,90, или отъ 0,91 до 1,00 и т. д.) и сравнимъ между собою входящіе въ составъ ея отдѣльные уѣзды, то замѣтимъ крупныя различія въ характерѣ группировки дворовъ въ разныхъ уѣздахъ. Такъ, взявъ для примѣра группу уѣздовъ съ среднимъ числомъ лошадей на 1 дворъ отъ 0,81 до 0,90 (такъ какъ группы съ меньшимъ количествомъ лошадей на дворъ слишкомъ малочисленны), мы увидимъ, что составъ ея слѣдующій:

Названія уѣздовъ.	Лошадей на 1 дворъ.	Распредѣленіе дворовъ въ %%.						
		Безлошадн.	Съ 1-ой лошад.	Съ 2-мя лошад.	Съ 3-мя лошад.	Съ 4-мя лошад.	Съ 5-ю лошад.	Съ 6-ю и бол. лошад.
1) Вологодскій Вологодской губ.	0,89	26,0	61,1	11,0	1,6	0,3	—	—
2) Грязовецкій „ „	0,89	25,5	61,6	11,1	1,5	0,2	0,1	—
3) Юрьевецкій Костромской губ.	0,88	25,7	61,9	11,1	1,1	0,2	—	—
4) Семеновскій Нижегород. губ.	0,89	26,4	60,1	11,6	1,5	0,3	0,1	—
5) Егорьевскій Рязанской губ.	0,89	28,2	58,7	10,5	1,9	0,5	0,1	0,1
6) Любимовскій Ярославск. губ.	0,87	31,1	53,7	12,7	2,1	0,3	0,1	—
7) Рыбинскій „ „	0,85	34,7	50,2	12,2	2,1	0,5	0,2	0,1
8) Угличскій „ „	0,83	34,5	50,7	12,4	2,0	0,3	0,1	—
9) Даниловскій „ „	0,89	36,9	42,8	15,8	3,6	0,7	0,1	0,1
10) Ярославскій „ „	0,83	40,9	41,8	13,0	3,2	0,8	0,2	0,1
11) С.-Петербургскій С.-Пет. губ.	0,84	41,8	40,7	12,3	3,6	1,1	0,3	0,2
12) Горбатовскій Нижегор. губ.	0,85	50,6	27,5	13,4	5.5	2.0	0,6	0,4
По 12 уѣздамъ.	—	33,0	51,6	12,1	2,4	0,7	0,1	0,1

Приведенный примѣръ, хотя онъ и взятъ нами совершенно случайно, можетъ быть разсматриваемъ, какъ болѣе и менѣе типичный и для остальныхъ группъ уѣздовъ. Мы видимъ въ этомъ примѣрѣ какъ бы два ряда явленій: съ одной стороны, при одномъ и томъ же среднемъ количествѣ лошадей на 1 дворъ, нѣкоторые уѣзды оказываются весьма близкими между собою по проценту дворовъ разныхъ категорій или, выражаясь иначе,—по характеру группировки крестьянскихъ хозяйствъ (особенно близки между собою, напр., первые 3 или даже 4 уѣзда, а затѣмъ—седьмой и восьмой); съ другой стороны, вся группа въ ея цѣломъ оказывается далеко не однородною по своему составу, распадаясь какъ бы на нѣсколько подгруппъ, отдѣляющихся другъ отъ друга весьма рѣзко. Одинъ изъ входящихъ въ данную группу уѣздовъ, а именно—Горбатовскій, правда, можетъ считаться совершенно исключительнымъ, вслѣдствіе существованія въ немъ такихъ промышленныхъ селъ, какъ Павлово, Ворсма и Богородское. Но и отбрасывая этотъ уѣздъ, мы можемъ подмѣтить въ разсматриваемомъ случаѣ не менѣе 3 подгруппъ (если игнорировать болѣе слабыя различія между остальными уѣздами [1]), а именно — 1) 1—5 уѣзды, 2) 6—8 и 3) 9—11. Чѣмъ же именно разнятся между собою эти *подгруппы?* Не трудно замѣтить, что эта разница въ данномъ случаѣ имѣетъ уже совершенно иной характеръ, чѣмъ какой установленъ былъ выше для различій между *цѣлыми группами* уѣздовъ: мы имѣемъ здѣсь не общую „подвижку“ всей группировки дворовъ въ ту или иную сторону, а *параллельный ростъ противоположныхъ* по положенію *крайнихъ категорій дворовъ на счетъ среднихъ, и наоборотъ.*

Аналогичные результаты получимъ мы, взявши и слѣдующую группу уѣздовъ—съ среднимъ количествомъ лошадей на 1 дворъ отъ 0,91 до 1,00 головъ:

Названія уѣздовъ.		Лошадей на 1 дворъ.	Распредѣленіе дворовъ въ %%.						
			Безлошадн.	Съ 1 лошадью.	Съ 2 лошадьми.	Съ 3 лошадьми.	Съ 4 лошадьми.	Съ 5 лошадьми.	Съ 6 и бол. лошадьми.
1) Архангельскій.	Архангельской губ.	0,97	23,5	60,5	13,2	2,2	0,4	0,1	0,1
2) Онежскій . . .	„ „	0,99	23,7	58,1	15,1	2,4	0,5	0,2	—
3) Калязинскій. .	Тверской губ. . .	0,99	25,1	56,1	15,1	2,9	0,5	0,1	0,1
4) Покровскій . .	Владимірской губ..	0,97	26,1	56,4	14,1	2,7	0,4	0,2	0,1
5) Шлиссельбургскій.	С.-Петербург. губ.	0,92	31,5	52,6	12,1	2,4	0,7	0,3	0,4

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что эти небольшія различія въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ также зависѣть отъ той незначительной разницы въ среднемъ количествѣ лошадей на 1 дворъ, которая имѣетъ мѣсто въ предѣлахъ каждой подгруппы (напр. — въ Любимскомъ уѣздѣ по сравненію съ Угличскимъ и Рыбинскимъ или въ Даниловскомъ по сравненію съ Ярославскимъ и С.-Петербургскимъ).

Названія уѣздовъ.		Лошадей на 1 дворъ.	Распредѣленіе дворовъ въ %%. Безлошадн.	Съ 1 лошадью.	Съ 2 лошадьми.	Съ 3 лошадьми.	Съ 4 лошадьми.	Съ 5 лошадьми.	Съ 6 и бол. лошадьми.
6) Галицкій. . . .	Костромской губ. .	0,99	26,2	53,9	15,6	3,5	0,6	0,1	0,1
7) Кинешемскій. .	„ „	0,96	28,4	52,6	14,7	3,1	0,8	0,2	0,2
8) Судогодскій. .	Владимірской губ.	0,98	28,8	51,3	15,4	3,2	0,8	0,2	0,3
9) Шуйскій . . .	„ „	0,94	30,4	50,7	15,0	2,9	0,7	0,1	0,2
10) Гороховецкій .	„ „	0,96	31,1	48,6	15,1	3,9	1,0	0,2	0,1
11) Ром. Борисоглѣбскій. . . .	Ярославской губ. .	0,91	32,4	48,8	15,1	3,1	0,4	0,2	—
12) Ростовскій . .	„ „	0,91	33,1	48,1	14,1	3,3	0,8	0,2	0,1
13) Холмогорскій. .	Архангельск. губ. .	1,00	32,2	45,8	16,0	4,0	1,1	0,4	0,5
14) Муромскій. . .	Владимірской губ. .	0,98	33,8	44,7	14,3	4,9	1,5	0,5	0,3
15) Коломенскій. .	Московской губ. .	1,00	42,7	30,3	17,8	6,5	1,7	0,5	0,5
16) Бронницкій . .	„ „	0,93	45,7	31,5	14,6	5,1	1,7	0,7	0,7
По 16 уѣздамъ.		—	31,6	48,6	14,9	3,6	0,9	0,2	0,2

Здѣсь не менѣе ясно выступаютъ на видъ тѣ же два явленія: 1) существованіе крупныхъ различій въ характерѣ группировки дворовъ въ разныхъ уѣздахъ при приблизительно-одинаковой средней обезпеченности населенія лошадьми и 2) возможность сблизить между собою различные уѣзды по характеру той же группировки въ извѣстное количество подгруппъ, хотя въ данномъ случаѣ такое подраздѣленіе можетъ быть сдѣлано лишь болѣе приблизительно или грубо, чѣмъ въ предыдущемъ случаѣ, вслѣдствіе существованія большаго количества промежуточныхъ оттѣнковъ (примѣрное раздѣленіе, какое намъ кажется въ этомъ случаѣ возможнымъ, указано тонкими горизонтальными чертами).

Мы не будемъ здѣсь разсматривать послѣдовательно составъ остальныхъ группъ уѣздовъ, намѣченныхъ выше на основаніи различій въ среднемъ количествѣ лошадей, приходящихся на 1 дворъ. Какъ уже сказано раньше, каждая такая группа является, съ одной стороны, разнородною по характеру группировки дворовъ въ составляющихъ ее уѣздахъ, но, съ другой стороны, каждая группа поддается расчлененію (хотя и не съ одинаковою степенью точности въ разныхъ случаяхъ) на извѣстное количество какъ бы „естественныхъ“ подгруппъ, объединяемыхъ относительнымъ сходствомъ группировки крестьянскихъ хозяйствъ. Иначе говоря, въ предѣлахъ каждой группы можно подмѣтить какъ проявленіе (при сопостановленіи между собою уѣздовъ, подходящихъ для выдѣленія *въ одну и ту же* подгруппу) установленнаго выше опредѣленнаго соотвѣтствія между среднею обезпеченностью населенія лошадьми и характеромъ распредѣленія послѣднихъ между отдѣль-

ными хозяйствами, такъ и явленіе противоположнаго характера (наблюдаемое при сопоставленіи между собою уѣздовъ, относящихся къ *разнымъ* подгруппамъ), т.-е. наличность различной группировки хозяйствъ (т.-е. различнаго % дворовъ низшихъ, среднихъ и высшихъ категорій) при одинаковой средней ихъ обезпеченности даннымъ видомъ скота. Такая двойственность явленій, наблюдаемая при детальномъ сравненіи уѣздовъ каждой группы (*сходство* группировки въ однихъ уѣздахъ и *различіе* ея въ другихъ), позволяетъ установить болѣе детальную и болѣе „естественную" общую классификацію всѣхъ тѣхъ 299 уѣздовъ, съ которыми мы имѣли дѣло въ таблицахъ № 1 и № 2,—классификацію, построенную по такой примѣрной схемѣ:

Группы уѣздовъ по среднему количеству лошадей на 1 дворъ:	*Подгруппы* уѣздовъ по характеру распредѣленія дворовъ:
Отъ 0,81 до 0,90 и т. д.	I. Уѣзды съ минимальною численностью крайнихъ группъ дворовъ и съ максимальною численностью среднихъ группъ. II. Уѣзды съ болѣе значительнымъ количествомъ дворовъ крайнихъ группъ и менѣе значительнымъ числомъ среднихъ хозяйствъ. III. Уѣзды съ еще большимъ развитіемъ крайнихъ группъ. И т. д.

Расклассифицировавъ такимъ образомъ всѣ уѣзды, съ одной стороны—по средней обезпеченности ихъ лошадьми, а съ другой—по характеру или типу распредѣленія послѣднихъ между отдѣльными хозяйствами, мы можемъ уже затѣмъ попытаться сблизить между собою приблизительно-*однотипичныя* по характеру распредѣленія дворовъ *подгруппы* уѣздовъ (I, II, III и т. д.), принадлежащія *къ разнымъ группамъ* по средней обезпеченности населенія рабочимъ скотомъ (0,81—0,90, 0,91—1,00 и т. д. лошадей на 1 дворъ), и образовать путемъ такого сближенія извѣстное количество классовъ или разрядовъ мѣстностей, уже *независимо отъ различій въ средней обезпеченности ихъ лошадьми*. Эти „классы" или „разряды" мѣстностей, отличаясь между собою общимъ типомъ группировки крестьянскихъ дворовъ, явятся въ то же время (каждый въ отдѣльности) внутренне-объединенными сходствомъ общаго типа той же группировки, хотя бы процентныя отношенія между дворами разныхъ категорій были при этомъ (въ предѣлахъ разряда) совершенно различными, но въ зависимости уже только отъ различій въ средней обезпеченности лошадьми разныхъ уѣздовъ.

Такое сближеніе или объединеніе однотипичныхъ мѣстностей на практикѣ встрѣчаетъ извѣстныя затрудненія, напр., въ томъ обстоятельствѣ, что различныя группы уѣздовъ (съ количествомъ лошадей отъ 0,81 до 0,90 на 1 дворъ, отъ 0,91 до 1,00 и т. д.) распадаются на неодинаковое число подгруппъ по характеру распредѣленія лошадей между хозяйствами; но эти затрудненія не дѣлаютъ поставленную задачу неисполнимою, требуя лишь болѣе тщательнаго пересмотра матеріаловъ и приводя къ тому, что во многихъ случаяхъ приходится сближать, напр., I подгруппу одной группы уѣздовъ не съ I-ю же подгруппою другой группы, а со II-ой или III-ей, и т. д. То же самое, въ общемъ, можно сказать и о другихъ затрудненіяхъ техническаго характера, съ которыми приходится сталкиваться въ данномъ

случаѣ: всѣ эти затрудненія обусловливаютъ лишь извѣстную приблизительность или „глазомѣрность“ классификаціонныхъ дѣленій, что, однако, не уничтожаетъ важнаго значенія намѣчаемыхъ ими различій между отдѣльными разрядами уѣздовъ. Не слѣдуетъ забывать, что извѣстная условность дѣленій присуща всякой классификаціи, а многіе виды послѣдней и не допускаютъ иныхъ пріемовъ дѣленія, какъ болѣе или менѣе приблизительныхъ. Въ частности же, та основная задача, которую мы ставимъ себѣ въ настоящемъ случаѣ, и не требуетъ особенной точности пріемовъ классификаціи: эта задача заключается не столько въ установленіи точнаго состава того или иного разряда уѣздовъ, сколько въ самомъ констатированіи той двойственности явленій, которая наблюдается при разсмотрѣніи мѣстныхъ различій въ распредѣленіи лошадей между разными категоріями крестьянскихъ дворовъ. Въ однихъ случаяхъ различія такого рода между отдѣльными уѣздами, какъ мы видѣли выше, дѣйствительно могутъ быть болѣе или менѣе полно сведены къ неодинаковой средней обезпеченности населенія этихъ уѣздовъ рабочимъ скотомъ; въ другихъ же случаяхъ эти различія должны имѣть какія-либо иныя причины, такъ какъ они наблюдаются и при приблизительно одинаковой средней обезпеченности скотомъ разныхъ уѣздовъ. Группируя уѣзды изложеннымъ выше способомъ, мы несомнѣнно достигаемъ извѣстнаго разъединенія или обособленія случаевъ того и другого рода, при чемъ приблизительность нашихъ дѣленій можетъ вести лишь къ большему или меньшему ослабленію проявленія каждой изъ указанныхъ тенденцій въ отдѣльности, но никакъ не къ преувеличенію его.

Итакъ, изучая детально различія въ распредѣленіи лошадей между отдѣльными группами крестьянскихъ дворовъ, мы получаемъ извѣстное количество „классовъ“ или „разрядовъ“ уѣздовъ, изъ которыхъ каждый заключаетъ въ себѣ уѣзды, болѣе или менѣе однохарактерные по группировкѣ дворовъ и существенно отличающіеся между собою по % дворовъ разныхъ категорій лишь при условіи и въ зависимости отъ существованія значительныхъ различій въ среднемъ количествѣ лошадей на 1 дворъ. Но здѣсь естественно возникаетъ послѣдующій важный вопросъ: что же такое представляютъ собою полученные указаннымъ путемъ „разряды“ или группы уѣздовъ? Представляютъ ли эти группы какъ бы случайное собраніе уѣздовъ, или же входящіе въ составъ ихъ уѣзды объединяются въ силу какихъ-либо общихъ территоріальныхъ условій?

Какъ и слѣдовало ожидать, отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть данъ только въ послѣднемъ смыслѣ: нанеся на карту полученное указаннымъ выше, чисто эмпирическимъ, путемъ дѣленіе уѣздовъ на „разряды“, мы видимъ, что уѣзды съ болѣе или менѣе одинаковымъ „типомъ“ группировки въ громадномъ большинствѣ случаевъ располагаются смежно между собою, т.-е. *группируются*, въ свою очередь, *въ опредѣленные, какъ бы „естественные“, географическіе районы*. Конечно, эти районы, какъ уже видно изъ предыдущаго, могутъ считаться лишь болѣе или менѣе приблизительными и условными; но, тѣмъ не менѣе, этотъ фактъ заставляетъ признать, что измѣненія въ „характерѣ“ или „типѣ“ группировки крестьянскихъ дворовъ (наблюдаемыя наглядно при сравненіи уѣздовъ, одинаково обезпеченныхъ лошадьми, но принадлежащихъ къ различнымъ „разрядамъ“) подчиняются извѣстной *закономѣрности территоріальнаго характера*, каковы бы ни были причины, ее обусловливающія.

На прилагаемой картѣ сѣверной половины Европейской Россіи различными красками обозначены тѣ районы, которые могутъ быть прибли-

зительно намѣчены на ея предѣлахъ на основаніи различій въ „типѣ“ группировки крестьянскихъ дворовъ по конской переписи 1888 — 91 гг. Изъ нея можно видѣть, что такихъ районовъ (или, точнѣе, разрядовъ мѣстностей, такъ какъ однородныя мѣстности обыкновенно не образуютъ *одного* сплошного района) оказалось возможнымъ принять болѣе 10, и, сверхъ того, небольшое количество (16) уѣздовъ пришлись признать „исключительными“, не подходящими, безъ большой натяжки, подъ общую схему принятой классификаціи, вслѣдствіе крайняго своеобразія ихъ мѣстныхъ особенностей [1]). Далѣе мы коснемся болѣе подробно характера и особенностей этихъ районовъ; здѣсь же остановимся еще разъ на тѣхъ явленіяхъ, которыя наблюдаются при сравненіи между собою уѣздовъ, входящихъ въ составъ каждаго района въ отдѣльности.

Въ таблицѣ № 3 приведены для всѣхъ районовъ цифровыя данныя, аналогичныя тѣмъ, какія даны были раньше по всей сѣверной половинѣ Европейской Россіи, съ дѣленіемъ уѣздовъ на группы по среднему количеству лошадей на 1 дворъ (категорія исключительныхъ уѣздовъ при этомъ совершенно выброшена). Разсматривая въ приведенныхъ таблицахъ каждый районъ изолированно, мы замѣчаемъ уже гораздо болѣе наглядное и полное проявленіе той тенденціи въ измѣненіяхъ группировки дворовъ, которая была констатирована выше, въ качествѣ лишь *преобладающей* по отношенію ко всей взятой территоріи Россіи. Не смотря на крайнюю дробность классификаціи,—вслѣдствіе которой очень многія ея подраздѣленія заключаютъ въ себѣ лишь по 1, 2, 3 и 4 уѣзда,—въ измѣненіяхъ цифръ, въ общемъ (особенно, если брать болѣе крупные районы), наблюдается поражающая правильность и закономѣрность, и аналогія съ тѣмъ, что было въ другомъ мѣстѣ установлено по отношенію къ группировкѣ семей по ихъ величинѣ и по числу работниковъ, въ данномъ случаѣ выступаетъ съ полною силою. Поэтому мы можемъ теперь уже съ большею опредѣленностью формулировать слѣдующія положенія: 1) *въ предѣлахъ каждаго изъ районовъ* (т.-е. при извѣстной однородности условій) *опредѣленному соотношенію между количествомъ лошадей и числомъ дворовъ соотвѣтствуетъ и опредѣленная группировка послѣднихъ по числу лошадей, т.-е. опредѣленное распредѣленіе лошадей между отдѣльными хозяйствами,* и 2) *поэтому,*

---

[1]) Въ сущности, къ числу исключительныхъ могли бы быть отнесены и нѣкоторые другіе уѣзды, какъ, напр., Перехтскій уѣздъ Костромской губ., нѣсколько уѣздовъ Московской губ. и т. п.; но мы относили такіе уѣзды къ наиболѣе сходнымъ изъ сосѣднихъ мѣстностей, разъ представлялась къ тому хотя бы нѣкоторая возможность, стремясь свести группу „исключительныхъ“ уѣздовъ къ минимальной величинѣ, дабы избѣжать излишняго произвола въ „очищеніи“ матеріала и внесенія въ него искусственной однородности. Что касается вообще распредѣленія уѣздовъ по районахъ, то въ текстѣ уже была отмѣчена неизбѣжная условность его, усиливающаяся еще болѣе необходимостью оперировать съ такими крупными и внутренне неоднородными административными единицами, какъ цѣлые уѣзды. Поэтому мы отнюдь не считаемъ наше дѣленіе наиболѣе правильнымъ при данномъ матеріалѣ и вполнѣ возможно, что, при болѣе тщательномъ изученіи послѣдняго, чѣмъ какое доступно было для насъ, количество и границы районовъ могли бы быть установлены нѣсколько иныя.—Къ числу „исключительныхъ“ нами отнесены слѣдующіе уѣзды: 1) наиболѣе сѣверные уѣзды Архангельской губ. —Кольскій, Кемскій, Мезенскій и Печерскій (полоса тундръ), 2) Чердынскій уѣздъ Пермской г. (по характеру группировки дворовъ приближающійся къ Мезенскому и Печерскому уѣздамъ Архангельской губ.), 3) Пинскій, Мозырскій, Рѣчицкій и Бобруйскій уѣзды Минской губ. (полѣскій районъ), 4) Ново-Ладожскій уѣздъ С.-Петербургской губ., 5) Екатеринбургскій и Верхотурскій уѣзды Пермской губ. и Сарапульской Вятской губ. (характеризующіеся большимъ количествомъ заводскаго населенія) и 6) Горбатовскій, Нижегородскій и Сергачскій уѣзды Нижегородской губ. (въ которыхъ имѣются крупныя селенія промышленнаго характера.)

при различномъ соотношеніи между количествомъ лошадей и числомъ дворовъ (въ предѣлахъ одного и того же района), *распредѣленіе лошадей между послѣдними представляетъ также соотвѣтствующія различія; но эти различія не нарушаютъ однохарактерности группировки всего даннаго района, т.-е. не измѣняютъ общаго ея типа, свойственнаго этому району*: это—различія какъ бы въ *степени* проявленія тенденціи въ опредѣленной неоднородности хозяйственнаго положенія, но не въ *характерѣ* послѣдней. Полной „однородности" хозяйственнаго положенія крестьянскихъ дворовъ по взятому нами признаку мы, конечно, не наблюдаемъ нигдѣ, и гипотетически такая однородность, очевидно, могла бы быть представлена лишь въ видѣ безлошадности всѣхъ хозяйствъ извѣстной мѣстности. Въ дѣйствительности, взявъ даже уѣзды, наименѣе обезпеченные лошадьми, мы находимъ всегда, хотя бы и при преобладаніи безлошадныхъ и однолошадныхъ дворовъ, извѣстное количество хозяйствъ съ 2, съ 3 и даже большимъ числомъ лошадей; затѣмъ, по мѣрѣ перехода къ мѣстностямъ, все болѣе и болѣе обезпеченнымъ лошадьми, количество такихъ хозяйствъ постепенно возростаетъ, а количество безлошадныхъ и однолошадныхъ все болѣе и болѣе сокращается, хотя и никогда не спускается до нуля; въ общемъ же, по мѣрѣ такого перехода (въ предѣлахъ каждаго изъ районовъ), получается картина болѣе или менѣе общаго подъема положенія всѣхъ категорій крестьянскихъ дворовъ, выражающаяся въ томъ, что добавочное (по сравненію съ ниже стоящими мѣстностями) количество лошадей распредѣляется между этими категоріями дворовъ какъ бы пропорціонально или соотвѣтственно распредѣленію лошадей въ менѣе обезпеченныхъ мѣстностяхъ. Иначе говоря, дѣло обстоитъ такимъ образомъ, какъ если бы во всѣхъ уѣздахъ даннаго района *потенціально* была допустима приблизительно одинаковая группировка дворовъ по количеству лошадей [1]); но различія въ соотношеніи между количествомъ лошадей и числомъ дворовъ обусловливаютъ и соотвѣтствующія различія въ *степени осуществленія* такой потенціи, „пропорціонально" (говоря приблизительно) повышая или понижая хозяйственное положеніе всѣхъ категорій дворовъ по данному признаку.

Существованіе подобной „пропорціональности" между общею обезпеченностью населенія лошадьми и групповымъ распредѣленіемъ послѣднихъ съ еще большею наглядностью выступитъ въ томъ случаѣ, если мы будемъ разсматривать не группировку дворовъ по количеству лошадей въ различныхъ уѣздахъ въ предѣлахъ того или иного района, а самое распредѣленіе лошадей между различными категоріями хозяйствъ. Чтобы избѣжать чрезмѣрнаго обилія цифръ, мы приводимъ въ таблицѣ № 4 такого рода данныя лишь по 3 крупнѣйшимъ районамъ. По тѣмъ же 3 крупнѣйшимъ районамъ мы приводимъ таблицу (№ 5) и съ инымъ дѣленіемъ уѣздовъ, а именно—съ дѣленіемъ ихъ по % дворовъ съ 4 и болѣе лошадьми, какъ это было сдѣлано въ началѣ настоящей главы по отношенію ко всѣмъ 299 уѣздамъ. Изъ этихъ таблицъ можно видѣть, что и при такой группировкѣ, въ предѣлахъ каждаго района, указанный раньше „антагонистическій" характеръ количественныхъ отношеній между крайними группами выступаетъ съ полною

---

[1]) Мы здѣсь пока не касаемся вопроса о возможности или наличности измѣненій *характера* группировки крестьянскихъ дворовъ *во времени;* необходимо не забывать, что въ настоящей главѣ мы вообще разсматриваемъ интересующія насъ явленія строго *статически*, т.-е. беря ихъ такими, какими они являются *въ данный моментъ*, или условно *предполагая*, что упомянутыхъ сейчасъ измѣненій во времени въ дѣйствительности не происходитъ (что, разумѣется, требуетъ послѣдующаго выясненія на основаніи фактическихъ данныхъ).

ясностью, не требуя дальнѣйшихъ доказательствъ и иллюстрацій на основаніи даннаго статистическаго матеріала; добавимъ только, что тотъ же характеръ отношеній между крайними группами мы могли бы съ не меньшею опредѣленностью констатировать, разгруппировавъ уѣзды, напримѣръ, по % безлошадныхъ, или по % лошадей, приходящихся на долю высшихъ группъ („сконцентрированныхъ" въ рукахъ послѣднихъ), и т. д.; но подтвержденіе этого прямыми цифровыми данными намъ представляется совершенно излишнимъ, такъ какъ результаты такихъ группировокъ и вычисленій уже ясно предрѣшаются приведенными данными и упомянутыми сейчасъ дополнительными таблицами по 3 районамъ.

Послѣ всего сказаннаго естественно вновь напрашивается затронутый раньше вопросъ о томъ, насколько установленные нами факты гармонируютъ съ широко распространенными представленіями о капиталистическомъ характерѣ неоднородности крестьянскихъ хозяйствъ въ области земледѣлія? По этимъ представленіямъ, какъ мы видѣли выше, неоднородность послѣднихъ,—если не всецѣло, то въ значительной мѣрѣ,—есть результатъ постепенной дифференціаціи сравнительно однородной прежде массы на разнородныя хозяйственныя группы, результатъ отслоенія или выдѣленія изъ этой массы двухъ крайнихъ категорій хозяйствъ, при чемъ отслоеніе или ростъ и подъемъ одной изъ нихъ (а именно высшей) представляются обусловленными и неразрывно связанными съ количественнымъ ростомъ низшихъ группъ. Но, *оставаясь въ предѣлахъ отдѣльныхъ районовъ или полосъ* сѣверной половины Россіи, мы не могли подмѣтить по нашимъ матеріаламъ подобнаго рода отношеній между различными категоріями дворовъ. Правда, мы на массѣ цифръ лишній разъ могли убѣдиться въ повсемѣстной неоднородности крестьянства или въ извѣстной его „дифференцированности", выражаясь наиболѣе близко къ обычной терминологіи; но эта „дифференцированность" имѣетъ, повидимому, совершенно иной характеръ или даже противоположный тому, какой она должна была бы имѣть при капиталистическомъ ея толкованіи. Такъ, не говоря уже объ общей картинѣ, даваемой использованными нами матеріалами, мы могли убѣдиться, что большая численность высшихъ группъ и большій % принадлежащаго имъ количества лошадей не только не сопровождаются большею численностью низшихъ группъ, но, напротивъ, эти послѣднія группы при такихъ условіяхъ сокращаются до минимальныхъ размѣровъ; и, наоборотъ, при слабомъ развитіи высшихъ группъ, хозяйства низшей категоріи оказываются наиболѣе многочисленными. Въ общемъ же, мы нашли, что, въ предѣлахъ каждаго района, характеръ или типъ группировки хозяйствъ представляется, въ сущности, однороднымъ, не смотря на измѣненія количественныхъ отношеній между группами, связанныя съ различіями въ количествѣ лошадей по отношенію къ числу имѣющихся хозяйствъ; иначе говоря, что *степень „дифференцированности"* послѣднихъ по взятому признаку, *строго говоря, не представляетъ существенныхъ различій въ предѣлахъ районовъ при всей фактической измѣнчивости количественныхъ отношеній между разными группами дворовъ.*

Однако, здѣсь необходимо сдѣлать нѣкоторую оговорку. „Строго говоря", дѣйствительно, степень „дифференцированности" хозяйственныхъ единицъ могла бы быть признана различною лишь въ томъ случаѣ, если бы количественныя отношенія между крайними группами оказывались существенно различными и при одинаковомъ (въ относительныхъ цифровыхъ выраженіяхъ) количествѣ скота у населенія въ разныхъ случаяхъ, т.-е. если бы *одинаковое* (по отношенію къ населенію) *количество скота распредѣлялось* въ разныхъ

мѣстностяхъ существенно *различнымъ образомъ*, чего, однако, въ предѣлахъ каждаго изъ отдѣльныхъ районовъ, мы не наблюдаемъ, или, точнѣе, при каковомъ условіи мы не могли бы и образовать нашихъ районовъ въ данномъ ихъ составѣ и изложеннымъ выше способомъ. Но степень „дифференцированности" хозяйственныхъ единицъ можетъ быть понимаема (и на самомъ дѣлѣ нерѣдко понимается) въ болѣе широкомъ и общемъ смыслѣ, а именно— какъ вообще степень *разнообразія* хозяйственныхъ положеній или какъ *величина разстоянія*, отдѣляющаго въ хозяйственномъ отношеніи (хотя бы и по одному опредѣленному признаку) крайнія группы хозяйствъ. Въ этомъ широкомъ смыслѣ даже и въ предѣлахъ отдѣльныхъ районовъ степень „дифференцированности" или разнообразія положеній крестьянскихъ хозяйствъ должна быть признана весьма различною. Мы видѣли выше, что въ уѣздахъ съ наименьшимъ количествомъ лошадей уже количество дворовъ, имѣющихъ свыше 2 лошадей, оказывается ничтожнымъ, а многолошадныя хозяйства или совсѣмъ отсутствуютъ, или являются единичными; но, по мѣрѣ перехода къ уѣздамъ, все болѣе и болѣе богатымъ лошадьми, высшія группы возростаютъ не только въ общей ихъ совокупности, но и дѣлаются все болѣе разнородными, такъ какъ въ составѣ ихъ начинаютъ представлять замѣтную величину хозяйства, напр., съ 5, 6, 7 и болѣе лошадьми; такъ какъ въ то же время не только 1-лошадные, но и безлошадные дворы также въ наличности всегда имѣются, хотя и въ уменьшенномъ количествѣ, то большая разнородность хозяйственныхъ положеній (по данному признаку) въ послѣднихъ случаяхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Иначе говоря, *при одномъ и томъ же „типѣ" распредѣленія лошадей между различными группами хозяйствъ, степень разнородности групповаго состава или „дифференцированности" всей массы послѣднихъ (понимая данный терминъ въ широкомъ его смыслѣ) тѣмъ болѣе значительна, чѣмъ выше стоитъ общая обезпеченность населенія лошадьми, и наоборотъ.* Этотъ послѣдній фактъ, не смотря на всю его элементарность, имѣетъ весьма важное значеніе для правильнаго представленія явленій крестьянскаго хозяйства; но очевидно, что именно въ интересахъ правильнаго пониманія дѣла необходимо данный фактъ строго отличать отъ того, что мы назвали „степенью дифференцированности" крестьянскихъ хозяйствъ въ узкомъ или собственномъ смыслѣ этого термина и что выражается въ типѣ или характерѣ группировки дворовъ при одномъ и томъ же „общемъ" или „среднемъ" уровнѣ ихъ хозяйственнаго положенія. Между тѣмъ, эти двѣ категоріи явленій обыкновенно не различаются или различаются недостаточно ясно, что ведетъ къ неправильной постановкѣ многихъ вопросовъ и къ неправильнымъ обобщеніямъ [1]).

---

[1]) Такъ, многоземельныя мѣстности въ большинствѣ случаевъ характеризуются и болѣе значительнымъ количествомъ скота по отношенію къ населенію, а въ связи съ этимъ въ нихъ наблюдаются чаще всего большая численность многолошадныхъ группъ и болѣе высокій % лошадей, принадлежащихъ этимъ именно группамъ *при меньшей численности низшихъ хозяйственныхъ группъ*. Столкнувшись съ подобными фактами въ матеріалахъ земской статистики и разсматривая многолошадныя хозяйства во всѣхъ случаяхъ, какъ результатъ, главнымъ образомъ, процессовъ капиталистическаго характера, г. Ильинъ, напр., дѣлаетъ заключеніе, что „слѣдовательно, многоземелье „крестьянства" означаетъ лишь (!) большую численность и большое богатство крестьянской буржуазіи" („Разв. капит. въ Россіи", стр. 58); т.-е., — если мы правильно понимаемъ автора, что многоземельныя мѣстности именно потому характеризуются большимъ развитіемъ высшихъ группъ (по количеству лошадей, посѣва и проч.), что въ нихъ процессъ капитализаціи крестьянскаго хозяйства могъ за послѣднія десятилѣтія проявиться съ наибольшей силою, или, по крайней мѣрѣ, потому, что этотъ процессъ здѣсь происходитъ, главнымъ образомъ, въ сферѣ земледѣлія. Такое толкованіе довольно отчетливо и выражено, напр., на стр. 89—90, гдѣ

Чтобы закончить обзоръ порайонныхъ данныхъ, мы коснемся здѣсь еще одного явленія, наблюдаемаго, въ частности, по отношенію къ низшей группѣ дворовъ, т.-е. къ безлошаднымъ, и, отчасти, также къ однолошаднымъ хозяйствамъ. При переходѣ къ мѣстностямъ, болѣе богатымъ лошадьми, безлошадные дворы не только не исчезаютъ, но % ихъ съ извѣстнаго предѣла перестаетъ сокращаться и пріобрѣтаетъ довольно ясную устойчивость,—по крайней мѣрѣ въ тѣхъ районахъ, въ которыхъ безлошадность вообще менѣе развита. Особенно рѣзко это проявляется въ I районѣ, въ которомъ, уже начиная съ группы уѣздовъ, имѣющихъ отъ $1,_{31}$ до $1,_{40}$ лошадей на дворъ, % безлошадныхъ не представляетъ правильной убыли, а какъ бы колеблется около одного уровня, приблизительно между 4 и 8 %[1]); такъ какъ въ этомъ районѣ наблюдается вообще наименьшее количество безлошадныхъ, то,—если

г. Ильинъ, говоря о малоземельныхъ губерніяхъ, отмѣчаетъ въ нихъ „меньшее сосредоточеніе хозяйства въ рукахъ зажиточнаго меньшинства", чѣмъ въ многоземельныхъ строго-земледѣльческихъ мѣстностяхъ, въ которыхъ „разложеніе земледѣльческаго крестьянства легко учитывается и сказывается поэтому наглядно", тогда какъ въ мѣстностяхъ первой категоріи это „разложеніе" можетъ происходить преимущественно въ сферѣ другихъ занятій крестьянскаго населенія; но „весьма возможно,—прибавляетъ онъ,—что въ среднечерноземныхъ губерніяхъ, каковы Орловская, Воронежская и др., *разложеніе* крестьянства и дѣйствительно гораздо *слабѣе, вслѣдствіе малоземелья*, тяжести податей, вслѣдствіе большого развитія заработковъ: все это условія, *задерживающія разложеніе*" (курсивъ нашъ).— Однако, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, г. Ильинъ, не смотря на все свое отрицательное отношеніе къ „среднимъ величинамъ", „общему уровню хозяйства" и т. п., принужденъ принимать въ соображеніе такіе факты, какъ тотъ, что, напр., въ Орловской губ. „*размѣръ земледѣльческаго хозяйства* у крестьянъ *вообще* гораздо *ниже*", чѣмъ въ разсмотрѣнныхъ раньше многоземельныхъ губерніяхъ, въ связи съ чѣмъ „здѣсь „крестьянство" превращается гораздо быстрѣе въ сельскій пролетаріатъ, выдѣляя лишь едва замѣтныя группы сельскихъ буржуа"; но при этомъ г. Ильинъ напоминаетъ, что „за-то мы видѣли уже и обратные примѣры, когда особенно замѣтнымъ становится этотъ послѣдній полюсъ деревни" (т.-е. сельская буржуазія) (стр. 67—68; курсивъ нашъ). Весьма странна, конечно, уже сама по себѣ, съ точки зрѣнія г. Ильина, подобная территоріальная разъединенность двухъ проявленій одного и того же процесса „дифференціаціи" крестьянства,—процесса, по г. Ильину, едва ли не прежде всего внутри-общиннаго, а въ данномъ случаѣ приводящаго къ образованію какъ-бы особыхъ „пролетарскихъ" и „буржуазныхъ" уѣздовъ и губерній. На самомъ дѣлѣ, однако, очевидно, что мы здѣсь просто имѣемъ дѣло съ подведеніемъ подъ понятіе капиталистической дифференціаціи тѣхъ различій въ группировкѣ крестьянскихъ дворовъ, которыя связаны съ неодинаковостью „общаго" или „средняго" размѣра земледѣльческаго хозяйства или скотоводства въ различныхъ мѣстностяхъ.

Результатомъ неяснаго различенія двухъ разнородныхъ причинъ неодинаковой группировки крестьянскихъ хозяйствъ является также неправильное примѣненіе одного методологическаго пріема для приблизительнаго измѣренія степени ихъ „дифференцированности". „Когда изъ однородной (?) массы хозяйствъ,—говоритъ, напр., г. Вихляевъ, — начинаютъ выдѣляться, съ одной стороны, многолошадныя хозяйства, а съ другой,—безлошадныя, то внѣшнимъ выразителемъ подобнаго процесса можетъ служить итогъ, полученный изъ сложенія этихъ двухъ крайнихъ ступеней крестьянскаго хозяйства. И этотъ итогъ (% безлошадныхъ *плюсъ* % многолошадныхъ хозяйствъ), до извѣстной степени, правда въ довольно грубыхъ чертахъ, въ состояніи выразить, до какой степени достигъ процессъ дифференціаціи крестьянскаго хозяйства" („Сборн. стат. свѣд. по Тверской губ.", т. XIII, вып. 2-й, стр. 56—57). Очевидно, что подобный пріемъ дѣйствительно можетъ примѣняться для указанной цѣли, но лишь постольку, поскольку между собою сравниваются мѣстности или періоды съ одинаковою среднею обезпеченностью населенія рабочимъ скотомъ, т.-е. поскольку имѣется въ виду выясненіе различій именно въ *характерѣ* группировки дворовъ при одинаковомъ (въ относительныхъ цифрахъ) общемъ количествѣ скота, при чемъ въ подобныхъ случаяхъ изложенный пріемъ и дастъ совершенно точные результаты; если же сравниваемыя мѣстности или періоды завѣдомо и существенно различаются между собою по самой обезпеченности рабочимъ скотомъ, то примѣненіе того же пріема не можетъ дать ничего цѣннаго или даже можетъ привести къ совершенно ложнымъ заключеніямъ (какъ въ этомъ не трудно убѣдиться изъ просмотра приведенныхъ выше порайонныхъ таблицъ).

[1]) Въ высшихъ группахъ уѣздовъ въ районѣ почти прекращается и убыль 1-лошадныхъ дворовъ.

только данныя конской переписи объ этой категоріи хозяйствъ по разсматриваемому району достаточно полны, — можно, повидимому, признать, что мы здѣсь наталкиваемся какъ бы на нѣчто, близкое къ „естественному" минимуму количества безлошадныхъ дворовъ, поскольку необходимость существованія послѣднихъ обусловливается, при данномъ строѣ крестьянскаго хозяйства, такими причинами, какъ наличность извѣстнаго числа безрабочихъ семей, естественная смертность лошадей, временное отсутствіе лошади по разнымъ причинамъ и т. д. Въ IV районѣ % безлошадныхъ прекращается съ группы уѣздовъ, имѣющихъ отъ $1,_{71}$ до $1,_{80}$ лошадей на дворъ, остановившись на уровнѣ около 12—13%. Въ VI районѣ остановка сокращенія количества безлошадныхъ начинается на томъ же уровнѣ, но уже съ группы, имѣющей свыше $2,_{40}$ лошадей на дворъ. Что касается другихъ районовъ, то они недостаточно велики и разнообразны по количеству лошадей, чтобы въ нихъ могло быть замѣчено подобное явленіе; въ частности, въ IX, X и, отчасти III районахъ измѣненія % безлошадныхъ вообще не представляютъ опредѣленной правильности, что зависитъ какъ отъ малой величины этихъ районовъ, такъ и отъ особенностей ихъ хозяйственныхъ условій [1]).

Таковы главнѣйшіе результаты, которые даетъ разсмотрѣніе цифровыхъ данныхъ въ предѣлахъ отдѣльныхъ районовъ. Но если извѣстныя полосы или мѣстности Россіи (иногда весьма обширныя) отличаются *однотипичностью* группировки крестьянскихъ дворовъ по количеству лошадей, то тѣ же полосы и мѣстности по отношенію другъ къ другу представляются уже *разнотипичными*, что и дало намъ возможность намѣтить ихъ хотя бы приблизительное разграниченіе. Какъ сказано выше, сопоставляя между собою процентное распредѣленіе дворовъ и лошадей по отдѣльнымъ хозяйственнымъ группамъ *въ разныхъ районахъ*, но *при одномъ и томъ же среднемъ количествѣ лошадей на 1 дворъ*, не трудно видѣть, что здѣсь мы имѣемъ дѣло уже дѣйствительно съ различною степенью „дифференцированности" крестьянскихъ хозяйствъ (по данному признаку), понимая этотъ терминъ даже въ указанномъ выше болѣе тѣсномъ смыслѣ. *Переходя постепенно отъ 1 района къ послѣдующимъ* (въ порядкѣ ихъ нумераціи, особенно—до VIII района включительно), *мы* почти во всѣхъ случаяхъ *наблюдаемъ послѣдовательный и одновременный ростъ крайнихъ категорій дворовъ — высшихъ и низшихъ — на счетъ среднихъ*, какую бы группу уѣздовъ (по количеству лошадей на 1 дворъ) мы ни взяли для сравненія. Мы, однако, не будемъ приводить здѣсь новыхъ табличныхъ сопоставленій, такъ какъ такія сопоставленія легко могутъ быть сдѣланы при помощи приведенныхъ въ концѣ настоящей главы цифровыхъ данныхъ по различнымъ районамъ.

---

[1]) Районы IX и X обнимаютъ собою всю Уфимскую губ. (съ 1 уѣздомъ Самарской губ.) и нѣсколько уѣздовъ Пермской губ. Оба эти района,—въ общемъ, по характеру группировки дворовъ, наиболѣе близко подходя къ районамъ VI — VIII, — въ то же время не вполнѣ укладываются въ общую схему нашей классификаціи и даже внутри себя не представляются достаточно однородными. Объясняется этотъ фактъ многими мѣстными особенностями данныхъ районовъ, изъ которыхъ особенно важное значеніе имѣютъ: присутствіе массы инородческаго населенія, живущаго нерѣдко совершенно своеобразною жизнью (какъ, напр., башкиры), значительное развитіе, наряду съ земледѣліемъ, заводской промышленности, остатки косячнаго или табуннаго коневодства и пр. Въ нашу задачу не входитъ подробное изученіе отдѣльныхъ районовъ, почему мы и не останавливаемся на ихъ детальной характеристикѣ; въ частности, для Пермской и Уфимской губ. богатые матеріалы для выясненія того значенія, какое имѣютъ указанныя выше условія по отношенію къ группировкѣ дворовъ по количеству лошадей и нѣкоторымъ другимъ признакамъ, заключаются въ земско-статистическихъ изданіяхъ по этимъ губерніямъ. Вмѣстѣ съ IX и X районами, нѣкоторыя уклоненія отъ общей правильности въ измѣненіяхъ группировки и проч. представляетъ также III районъ, образуемый нѣсколькими уѣздами сосѣдней Вятской губ.

Разсматривая прилагаемую карту въ связи съ таблицами, мы увидимъ, что всѣ принятые нами районы, при болѣе грубомъ дѣленіи, могутъ быть объединены въ 3 полосы, если мы въ основу такого дѣленія положимъ 3 крупнѣйшихъ района—I, IV и VI и присоединимъ къ каждому изъ нихъ наиболѣе близкіе по характеру и положенію другіе районы или группы уѣздовъ. Первая полоса, заключающая въ себѣ I—III районы, при такомъ условіи будетъ занимать весь сѣверъ и почти весь западъ изучаемой мѣстности; вторая полоса, то-есть IV и V группы уѣздовъ, займетъ почти сплошь среднюю и, частью, западную ея части, и, наконецъ, третья полоса (VI—X районы) займетъ все остальное пространство къ югу, юго-востоку и востоку отъ предыдущихъ полосъ. При этомъ крайнія по положенію полосы—1-я и 3-я—явятся въ то же время крайними и по характеру группировки крестьянскихъ дворовъ, т.-е. по ихъ относительной „дифференцированности“: при сравненіи уѣздовъ съ одинаковымъ среднимъ числомъ лошадей на 1 дворъ, наблюдается всегда въ 1-й полосѣ наиболѣе „уравнительное“ распредѣленіе послѣднихъ между различными группами дворовъ и наиболѣе слабое развитіе крайнихъ группъ; въ 3-ей же полосѣ замѣчаются совершенно противоположныя явленія. Что касается центральной полосы, то она занимаетъ среднее мѣсто и по характеру распредѣленія дворовъ по числу лошадей.

Въ общемъ, — игнорируя въ данномъ случаѣ различія въ характерѣ группировки дворовъ, существующія въ предѣлахъ каждой полосы,—*мы получаемъ*, такимъ образомъ, *опредѣленную географическую послѣдовательность въ измѣненіи размѣровъ „дифференцированности“ крестьянскихъ хозяйствъ по распредѣленію лошадей*, а именно — *постепенное возростаніе ея съ сѣвера и сѣверо-запада къ югу и юго-востоку*. Въ сожалѣнію, данныя конской переписи не позволяютъ продолжить вырисовывающуюся здѣсь картину далѣе въ томъ же южномъ или юго-восточномъ направленіи, да и вообще начинающееся съ извѣстнаго предѣла измѣненіе въ составѣ рабочаго скота (замѣна лошадей волами) дѣлаетъ трудно соизмѣримыми между собою группировки дворовъ южныхъ и сѣверныхъ частей Россіи по этому хозяйственному признаку. Однако, уже изъ общаго характера имѣющихся свѣдѣній о крестьянскомъ хозяйствѣ южной половины Россіи очевидно, что здѣсь можно ожидать не меньшей, а скорѣе еще большей неоднородности въ сферѣ крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства и скотоводства, чѣмъ та, какая наблюдается въ южныхъ частяхъ захватываемой нашими данными территоріи.

Не слѣдуетъ, конечно, забывать того, что сказано было раньше о характерѣ самыхъ данныхъ военно-конскихъ переписей. Во-первыхъ, какъ уже было замѣчено, мы не можемъ имѣть увѣренности, что въ различныхъ полосахъ (т.-е. при извѣстномъ различіи самой хозяйственной жизни) регистрація конскими переписями одной изъ крайнихъ группъ дворовъ, т.-е. безлошадныхъ, производилась съ одинаковою полнотою, а слѣдовательно мы не можемъ быть увѣрены въ *полной* соизмѣримости и всей группировки дворовъ въ различныхъ мѣстностяхъ. Во-вторыхъ,—что гораздо важнѣе,—распредѣленіе дворовъ по количеству лошадей *всѣхъ возрастовъ* уже завѣдомо вноситъ извѣстную несоизмѣримость во всякія порайонныя сравненія, такъ какъ количество молодяка въ различныхъ мѣстностяхъ бываетъ различно и при одномъ и томъ же распредѣленіи дворовъ по количеству *рабочихъ лошадей* (которое, въ сущности, только и важно для характеристики *хозяйственной* группировки въ точномъ смыслѣ слова) можетъ обусловливать существенную разницу въ распредѣленіи тѣхъ же дворовъ по общему количеству лошадей и, наоборотъ, одинаковая группировка по числу всѣхъ лошадей можетъ получаться при

нѣсколько различномъ распредѣленіи дворовъ по количеству рабочихъ лошадей.

На значеніи второго изъ указанныхъ обстоятельствъ здѣсь необходимо остановиться нѣсколько подробнѣе. Изъ числа дворовъ, не имѣющихъ рабочихъ лошадей, лишь очень немногіе имѣютъ лошадей нерабочаго возраста; поэтому количество безлошадныхъ дворовъ измѣняется очень мало отъ введенія въ счетъ молодого скота. Среди дворовъ съ 1 рабочею лошадью уже гораздо чаще встрѣчаются имѣющіе жеребятъ и подростковъ, при чемъ всѣ такіе дворы, при группировкѣ по количеству лошадей всѣхъ возрастовъ, перейдутъ уже въ высшія группы (съ 2 и даже 3 лошадьми), увеличивъ численность послѣднихъ за счетъ 1-лошадныхъ дворовъ. Въ хозяйствахъ съ 2, 3 и болѣе рабочими лошадьми молодой скотъ встрѣчается въ еще большей пропорціи, почему на численности этихъ группъ введеніе его въ счетъ отражается всего сильнѣе. Въ общемъ, при группировкѣ по общему числу лошадей, количество безлошадныхъ хозяйствъ, слѣдовательно, сокращается слабо, среднія группы значительно уменьшаются, а высшія значительно возростаютъ; иначе говоря—вся группировка пріобрѣтаетъ при этомъ въ извѣстной степени характеръ большей „дифференцированности", чѣмъ она имѣла бы при распредѣленіи дворовъ по количеству рабочихъ лошадей [1]). Къ ана-

[1]) Какъ уже сказано выше, публикаціи военно-конскихъ переписей въ итогахъ по цѣлымъ губерніямъ даютъ группировки дворовъ какъ по общему числу лошадей (безъ различія возраста), такъ по числу лошадей старше 5 лѣтъ. Чтобы наглядно показать, какъ именно отражается на численности различныхъ группъ введеніе въ счетъ молодого скота, мы приведемъ здѣсь по нѣкоторымъ губерніямъ параллельныя данныя о распредѣленіи дворовъ въ 1888 — 91 году и по общему числу лошадей, и по числу лошадей старше 5 лѣтъ:

Распредѣленіе дворовъ въ 1888—91 г. по группамъ въ процентахъ:										
Группы дворовъ.	Вологодская губернія.		Московская губернія.		Смоленская губернія.		Пензенская губернія.		Тамбовская губернія.	
	Беря лошадей всѣхъ возрастовъ.	Беря лошадей старше 5 лѣтъ.	Беря лошадей всѣхъ возрастовъ.	Беря лошадей старше 5 лѣтъ.	Беря лошадей всѣхъ возрастовъ.	Беря лошадей старше 5 лѣтъ.	Беря лошадей всѣхъ возрастовъ.	Беря лошадей старше 5 лѣтъ.	Беря лошадей всѣхъ возрастовъ.	Беря лошадей старше 5 лѣтъ.
Безлошадные	13,8	17,8	29,1	29,8	9,8	9,9	26,2	31,4	22,2	23,0
Съ 1 лошадью	53,4	63,9	41,8	51,0	21,8	31,3	33,2	43,8	24,0	35,8
Съ 2 лошадьми.	23,1	15,9	19,4	15,2	28,1	35,6	22,0	18,5	20,3	24,0
Съ 3 „	7,3	2,0	6,3	1,7	19,8	14,1	10,7	4,7	14,0	10,8
Съ 4 „	1,8	0,8	2,0	0,7	10,8	5,8	4,5	1,1	8,6	3,8
Съ 5 „	0,5	0,1	0,6	0,2	5,3	2,0	1,3	0,3	4,6	1,5
Съ 6 и болѣе	0,1		0,6	0,3	4,4	1,3	1,6	0,2	6,3	1,1
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Въ большинствѣ губерній, однако, лошади употребляются для работъ значительно раньше 5 лѣтъ, а потому приведенныя сейчасъ цифры даютъ нѣсколько преувеличенное представленіе о томъ, какое вліяніе оказываетъ введеніе въ счетъ нерабочаго скота; но общій характеръ этого вліянія обрисовывается ими совершенно ясно.

логичному результату должно приводить, конечно, и относительно большее количество молодяка въ однѣхъ мѣстностяхъ по сравненію съ другими.

Въ силу всего сказаннаго, необходимо признать, что намѣченные нами районы по характеру распредѣленія лошадей всѣхъ возрастовъ представляютъ собою нѣчто условное не только въ смыслѣ приблизительности порайонныхъ дѣленій, но и въ томъ отношеніи, что если бы мы могли пользоваться для данной цѣли группировкою дворовъ по количеству рабочихъ лошадей, то, несомнѣнно, получили бы нѣсколько иныя границы районовъ, а также, вѣроятно, и иное количество ихъ и, быть можетъ, даже иную послѣдовательность для тѣхъ районовъ, которые мало разнятся между собою по характеру группировки. Но можно ли ожидать, что при этомъ вообще совершенно сгладилась бы разница между районами и даже болѣе крупными полосами? Точнѣе отвѣтить на этотъ вопросъ было бы возможно, лишь пользуясь другими, напр.—земско-статистическими, данными; здѣсь же мы прибѣгнемъ для выясненія его къ нѣкоторымъ дополнительнымъ матеріаламъ, которые имѣются въ печатныхъ изданіяхъ конской переписи 1888—91 гг.

Въ общемъ, по даннымъ этой переписи видно, что районы, въ которыхъ крестьянскія хозяйства представляются наиболѣе „дифференцированными“ по распредѣленію лошадей всѣхъ возрастовъ, чаще всего характеризуются и болѣе высокимъ % молодого скота[1]); поэтому извѣстную долю того различія, которое наблюдается между разными районами и полосами, мы, несомнѣнно, должны отнести на счетъ именно этого обстоятельства. Но не менѣе несомнѣнно, что мы не можемъ отнести его *цѣликомъ* на счетъ послѣдняго. Прежде всего, это очевидно уже изъ того, что, напр., районы I, II, III и V, будучи весьма близки между собою по возрастному составу „конскаго населенія“, въ то же время существенно разнятся по характеру группировки крестьянскихъ дворовъ; а затѣмъ то же самое доказывается и сравненіемъ различныхъ мѣстностей по характеру распредѣленія между дворами лошадей лишь старше 5-лѣтняго возраста. Мы сейчасъ уже пользова-

[1]) Это можно видѣть изъ слѣдующей таблички:

Районы.	Полосы.	Распредѣленіе лошадей по возрастамъ въ процентахъ.		
		До 1 года.	Отъ 1 до 5 лѣтъ.	Старше 5 лѣтъ.
I	1-я полоса	6,1	13,1	80,8
II		6,6	12,2	81,2
III		(4,4)	(22,2)	(73,5)
IV	2-я полоса	5,6	13,5	80,9
V		5,6	13,5	80,9
VI	3-я полоса	7,8	18,1	74,1
VII		9,9	20,3	69,8
VIII		11,0	21,1	67,9
IX		(4,7)	(15,3)	(80,0)
X		(5,4)	22,4	72,2

лись имѣющимися въ военно-конскихъ переписяхъ группировками дворовъ *по цѣлымъ губерніямъ* не только по общему количеству лошадей, но и по числу „рабочихъ" лошадей, считая таковыми имѣющихъ возрастъ свыше 5 лѣтъ. Теперь, когда нами намѣчена извѣстная схема порайонныхъ различій въ характерѣ распредѣленія *общаго числа* лошадей, даваемыя конскою переписью 1888—91 гг. *погубернскія* группировки дворовъ по количеству *взрослыхъ* лошадей могутъ служить важнымъ повѣрочнымъ матеріаломъ для выясненія того, насколько интересующія насъ различія между районами и, особенно, цѣлыми полосами могутъ быть поставлены въ зависимость отъ неодинаковости возрастнаго состава „конскаго населенія" различныхъ мѣстностей. Съ этою цѣлью мы сдѣлаемъ нѣсколько сопоставленій между губерніями, цѣликомъ или въ большей своей части принадлежащими къ различнымъ полосамъ и районамъ, но, въ среднемъ, имѣющими на 1 дворъ сходное количество лошадей старше 5 лѣтъ.

Такъ, прежде всего, мы имѣемъ въ числѣ 27 губерній, въ полномъ составѣ вошедшихъ въ нашу разработку, 4 губерніи съ среднимъ количествомъ „рабочихъ" лошадей (старше 5 лѣтъ) отъ $0,_{96}$ до $1,_{03}$ на 1 дворъ. Сопоставляя между собою эти губерніи по распредѣленію лошадей того же возраста между различными группами дворовъ, получимъ слѣдующую послѣдовательность цифръ:

Губерніи:	Районы, въ составъ которыхъ онѣ входятъ.	Среднее количество лошадей старше 5 лѣтъ на 1 дворъ.	Количество дворовъ, имѣющихъ лошадей старше 5 л. (въ процентахъ):						
			0 лошадей.	1 лошадь.	2 лошади.	3 лошади.	4 лошади.	5 лошадей.	6 и болѣе лошадей.
Вологодская	I (1-я полоса)	$1,_{03}$	$17,_{8}$	$63,_{9}$	$15,_{9}$	$2,_{0}$	$0,_{3}$	$0,_{1}$	
Олонецкая	II (1-я полоса)	$1,_{00}$	$22,_{3}$	$59,_{9}$	$14,_{9}$	$2,_{2}$	$0,_{5}$	$0,_{1}$	$0,_{1}$
Московская	IV и частью VI (2-я и частью 3-я полосы).	$0,_{96}$	$29,_{8}$	$51,_{0}$	$15,_{2}$	$1,_{7}$	$0,_{7}$	$0,_{2}$	$0,_{3}$
Пензенская	VI и частью V и VIII (3-я и частью 2-я полосы).	$1,_{03}$	$31,_{4}$	$43,_{8}$	$18,_{5}$	$4,_{7}$	$1,_{1}$	$0,_{3}$	$0,_{2}$

Такимъ образомъ, не смотря на то, что здѣсь группировка дана по количеству лошадей одного возраста, различія между полосами (и двумя районами въ предѣлахъ 1-й полосы) по характеру группировки сохраняются въ полной силѣ; особенно же рельефно они выступаютъ при сравненіи двухъ крайнихъ губерній—Вологодской и Пензенской, имѣющихъ совершенно одинаковое количество лошадей даннаго возраста на 1 дворъ.

Аналогичные результаты даетъ и сопоставленіе другихъ губерній, различныхъ по своему положенію, но сходныхъ по количеству лошадей старше 5 лѣтъ на 1 дворъ, какъ это можно видѣть изъ слѣдующей таблицы (въ которую не включены лишь Архангельская, Пермская, Минская и Нижегородская губерніи, какъ заключающія въ себѣ по 2 и болѣе уѣздовъ исклю-

чительнаго характера, и Могилевская губернія, какъ трудно сравнимая съ прочими по среднему количеству лошадей принятаго возраста на 1 дворъ, а именно—имѣющая на дворъ 1,98 головы).

Губерніи.	Районы и полосы.	Среднее количество лошадей старше 5 лѣтъ на 1 дворъ.	Количество дворовъ, имѣющихъ лошадей старше 5 л. (въ процентахъ).						
			0 лошадей.	1 лошадь.	2 лошади.	3 лошади.	4 лошади.	5 лошадей.	6 и болѣе лошадей.
Костромская	I и IV (1-я и 2-я полосы).	0,93	25,2	59,0	14,1	1,5	0,2	0,1	
Владимірск.	IV, V и частью I (2-я и частью 1-я полосы).	0,91	29,1	55,0	13,2	2,1	0,4	0,1	0,1
Ярославская	IV и частью V и I (2-я и частью 1-я полосы).	0,87	33,0	56,5	9,2	0,9	0,2	0,1	0,1
С.-Петербур.	I и частью II, V и исключит. (преимуществ. 1-я полоса).	1,07	21,0	57,9	16,5	3,1	0,7	0,1	0,2
Казанская	VI и частью IV (3-я и частью 2-я полосы).	1,08	28,8	44,1	20,1	5,1	1,3	0,4	0,2
Новгородск.	I, II и IV (1-я и частью 2-я полосы).	1,20	16,6	54,1	23,6	4,7	0,8	0,1	0,1
Тверская	IV и частью I (2-я и частью 1-я полосы).	1,17	18,2	53,2	23,3	4,2	0,8	0,2	0,1
Симбирская	VI и частью VII и IV (3-я и частью 2-я пол.).	1,12	29,6	41,7	20,3	5,8	1,7	0,5	0,4
Рязанская	VIII, VII и VI (3-я полоса).	1,15	29,5	41,3	19,2	6,8	2,0	0,7	0,5
Витебская	I и частью IV и II (1-я и частью 2-я полосы).	1,34	11,4	53,2	27,8	5,9	1,3	0,3	0,1
Псковская	IV, I и II (1-я и 2-я полосы).	1,28	15,8	50,2	26,7	5,8	1,2	0,2	0,1
Вятская	III и частью IV, VI и исключ. (1-я и частью 2-я и 3-я пол.; 1 уѣздъ исключ.).	1,29	18,5	49,2	22,6	6,4	2,1	0,7	0,5
Калужская	IV и VI (2-я и 3-я полосы).	1,42	17,8	42,2	27,4	8,3	2,8	0,9	0,6
Тульская	VI и VIII (3-я полоса).	1,40	22,0	36,6	27,7	9,6	2,7	0,9	0,3
Орловская	VI и частью VIII (3-я полоса).	1,43	22,1	36,7	25,9	9,3	3,5	1,4	1,1
Тамбовская	VII и частью VI (3-я полоса).	1,47	23,0	35,8	24,0	10,8	3,8	1,5	1,1
Смоленская	I и частью IV (1-я и частью 2-я полоса).	1,86	9,9	31,3	35,6	14,1	5,8	2,0	1,3
Уфимская	X (3-я полоса.)	1,80	20,6	34,8	22,0	10,2	5,4	2,7	4,3

Здѣсь, въ общемъ, съ не меньшею ясностью, чѣмъ на предыдущемъ примѣрѣ, сказываются различія въ характерѣ группировки дворовъ между губерніями, лежащими въ предѣлахъ различныхъ полосъ (или различнымъ образомъ распредѣляющимися между этими полосами); въ то же время легко замѣчается и сходство характера группировки въ губерніяхъ, принадлежащихъ къ одной и той же полосѣ (напр.—между губерніями Тамбовскою, Орловскою и Тульскою; Рязанскою, Симбирскою и, частью, Казанскою, и т. д.). Правда, съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что разница между отдѣльными районами (особенно—въ предѣлахъ одной и той же полосы) въ нѣкоторыхъ случаяхъ какъ бы сглаживается при исключеніи лошадей моложе опредѣленнаго возраста; но основныя черты установленной раньше географической послѣдовательности, очевидно, сохраняютъ свое значеніе и при этомъ условіи.

Итакъ, разсмотрѣнныя нами данныя указываютъ на существованіе довольно крупныхъ различій въ характерѣ или въ степени „уравнительности" распредѣленія рабочаго скота между наличными дворами въ различныхъ частяхъ Россіи. Съ точки зрѣнія нѣкоторыхъ изъ обычныхъ представленій о современномъ состояніи крестьянскаго хозяйства, объясненіе такого факта было бы весьма не затруднительно: стоитъ только сдѣлать естественное, съ этой точки зрѣнія, предположеніе (какъ это и дѣлаетъ, напр., г. Ильинъ), что *процессъ* постепенной „дифференціаціи" или „разслоенія" въ сферѣ крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства происходилъ не съ одинаковою интенсивностью въ различныхъ районахъ, и тогда будетъ ясно, почему мы находимъ это хозяйство неодинаково „дифференцированнымъ" и при его статическомъ изученіи въ любой моментъ; наша 3-я полоса при этомъ лишь представляла бы собою одну изъ болѣе высокихъ ступеней развитія даннаго явленія, черезъ которую должны затѣмъ пройти и другія мѣстности. Такое толкованіе могло бы найти себѣ вѣское подтвержденіе и въ самой географической послѣдовательности намѣченныхъ полосъ. Въ самомъ дѣлѣ, даже при бѣгломъ взглядѣ на карту, бросается въ глаза связь этой послѣдовательности съ весьма важными различіями въ естественныхъ и хозяйственныхъ условіяхъ разныхъ частей Россіи. Такъ, наша 1-я полоса обнимаетъ преимущественно сѣверные и западные лѣсные губерніи и уѣзды; для 2-й полосы наиболѣе типичнымъ, повидимому, представляется, такъ называемый, центральный промышленный районъ, и, наконецъ, 3-я полоса заключаетъ въ себѣ, главнымъ образомъ, сѣверную часть черноземнаго земледѣльческаго района. Но разъ процессы дифференціаціи и капитализаціи совершаются въ сферѣ крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства, то, конечно, они и должны проявиться прежде всего именно тамъ, гдѣ земледѣліе имѣетъ наиболѣе центральное значеніе (какъ это опять таки отмѣчается г. Ильинымъ по поводу различій между „малоземельными" и „многоземельными" мѣстностями), а не въ лѣсной и не въ промышленной полосахъ, которыя этими процессами (въ сферѣ земледѣлія) могутъ быть затронуты пока лишь въ болѣе слабой степени.

Какъ, однако, ни соблазнительно, по привычности хода мысли, такое построеніе, его нельзя не признать совершенно произвольнымъ и, во всякомъ случаѣ, преждевременнымъ, пока оно не будетъ подтверждено болѣе опредѣленными и прямыми данными. Прежде всего, не слѣдуетъ забывать, что вопросы и предположенія относительно наличности извѣстныхъ явленій динамическаго характера положительнымъ образомъ могутъ быть рѣшены только на основаніи динамическихъ же данныхъ, т.-е. путемъ прямыхъ со-

поставленій фактическаго положенія вещей за различные періоды времени. Съ другой стороны, à priori не въ меньшей степени допустимо и совершенно иное предположеніе, чѣмъ только что изложенное, а именно—что разница въ характерѣ группировки дворовъ по взятому нами признаку между различными районами вовсе не есть результатъ извѣстныхъ *перемѣнъ* въ области крестьянскаго хозяйства за ближайшее къ намъ время, лишь съ неодинаковою силою проявившихся въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, а есть нѣчто болѣе или менѣе постоянное или устойчивое, опредѣляемое существенными различіями въ основныхъ условіяхъ этихъ мѣстностей и для своего объясненія не нуждающееся въ допущеніи процессовъ „дифференціаціи", „капитализаціи" и проч. Такое предположеніе не требуетъ, конечно, признанія полной неподвижности различій между мѣстностями и особенностей каждой изъ нихъ; значительная часть мѣстныхъ условій, несомнѣнно, измѣняется во времени, а въ связи съ этимъ и особенности разныхъ районовъ могутъ сглаживаться или усиливаться, могутъ возникать различія тамъ, гдѣ ихъ раньше не было, и т. д.; но это не лишаетъ основныя особенности мѣстностей и связанныя съ ними производныя явленія относительнаго постоянства и относительной устойчивости, а главное—не дѣлаетъ эти производныя явленія (при различныхъ обстоятельствахъ могущія, очевидно, при нашемъ предположеніи, имѣть совершенно различный характеръ и различное направленіе) лишь частными случаями проявленія общей тенденціи крестьянскаго хозяйства къ все большей и большей неоднородности.

Какъ ни велика общая наклонность видѣть въ неоднородности размѣровъ крестьянскихъ хозяйствъ явленіе новое, однако, едва-ли кто-нибудь, при прямой и ясной постановкѣ вопроса, рѣшится считать *всю* эту неоднородность, въ ея полномъ объемѣ, результатомъ сравнительно недавно начавшагося процесса „разслоенія" деревни: не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что крестьянскія хозяйства никогда не были и не могли быть „равновеликими" и всегда распадались на группы различной экономической силы. Поэтому вопросъ,—какъ уже намѣчено въ предыдущей главѣ,—можетъ быть лишь въ томъ, *увеличилась ли* въ послѣдній періодъ времени групповая неоднородность крестьянскихъ хозяйствъ и *измѣнился ли существенно* самый *ея характеръ* по сравненію съ прежнимъ временемъ? Но такъ какъ это еще вопросъ, подлежащій рѣшенію, то допустимъ предположительно, что размѣры неоднородности хозяйствъ существенно не измѣнились и что эта неоднородность не имѣетъ капиталистическаго характера или имѣетъ его въ не большей степени, чѣмъ въ прежнее время. Очевидно, однако, что и при такомъ положеніи характеръ группировки дворовъ не могъ бы быть одинаковымъ при различныхъ мѣстныхъ условіяхъ, по крайней мѣрѣ—при дѣленіи дворовъ на группы по какимъ либо *отдѣльнымъ* хозяйственнымъ признакамъ. Въ самомъ дѣлѣ, крестьянское хозяйство повсюду представляетъ изъ себя нѣчто сложное, при чемъ соотношеніе между различными его элементами или отраслями по отдѣльнымъ мѣстностямъ является существенно различнымъ: то, что имѣетъ центральное хозяйственное значеніе въ одной мѣстности, является второстепеннымъ въ другой, и т. д.; при этомъ измѣняется относительная роль разныхъ сторонъ хозяйства не только количественно, но, если можно такъ выразиться, и качественно, въ смыслѣ ея постановки, устойчивости, выгодности и проч. При такихъ условіяхъ очевидно, что, кладя въ основу группировки дворовъ какой-либо одинъ признакъ, касающійся лишь извѣстной стороны ихъ хозяйственной жизни,—невозможно ожидать одинаковаго характера групповой градаціи хозяйственныхъ единицъ въ различныхъ районахъ, хотя бы

эта градація и не имѣла совершенно характера капиталистическаго „разслоенія“.

Остановимся, въ частности, на той группировкѣ дворовъ, которою мы пользовались въ настоящей главѣ. Держась строго фактической почвы, приведенныя выше данныя позволяютъ, въ сущности, формулировать лишь слѣдующее положеніе: „характеръ распредѣленія лошадей между отдѣльными хозяйствами въ различныхъ мѣстностяхъ представляется различнымъ, причемъ наиболѣе уравнительнымъ оно является въ сѣверо-западной лѣсной полосѣ, а наименѣе уравнительнымъ—въ юго-восточной, преимущественно черноземной“. Но очевидно, что уже самое значеніе „лошади“ въ крестьянскомъ хозяйствѣ различныхъ полосъ не можетъ быть одинаковымъ, такъ какъ эти полосы существенно отличаются по плотности населенія и характеру его разселенія (что должно вліять на значеніе лошади, какъ средства сообщенія), по относительной важности извозныхъ и другихъ конныхъ заработковъ, по соотношенію между различными угодіями, по способамъ веденія полевого хозяйства, его интенсивности и необходимости удобренія и т. д. Оставимъ, однако, въ сторонѣ всѣ эти обстоятельства и будемъ разсматривать неодинаковое количество лошадей въ отдѣльныхъ хозяйствахъ преимущественно какъ отраженіе соотвѣтствующей градаціи тѣхъ же хозяйствъ по объему земледѣльческаго хозяйства или даже болѣе узко—по величинѣ посѣвной площади. Но очевидно, что мы не можемъ ожидать одинаковаго распредѣленія дворовъ и по размѣрамъ посѣвной площади въ мѣстностяхъ, существенно различающихся между собою по относительной роли земледѣлія въ крестьянскомъ хозяйствѣ: въ мѣстностяхъ земледѣльческаго типа неоднородность крестьянскихъ дворовъ по ихъ экономической силѣ, *хотя бы она была и некапиталистическаго характера, почти цѣликомъ или преимущественно* должна проявиться именно въ сферѣ земледѣлія; въ мѣсностяхъ же противоположнаго типа, отличающихся именно тѣмъ, что въ нихъ земледѣліе играетъ гораздо меньшую роль и представляетъ занятіе менѣе выгодное, неодинаковость экономической силы различныхъ дворовъ *лишь частью* проявится въ сферѣ земледѣлія, въ значительной мѣрѣ перемѣщаясь уже въ другія области хозяйственной жизни.

Такимъ образомъ, и при капиталистическомъ, и при некапиталистическомъ, и, наконецъ, при смѣшанномъ характерѣ неоднородности крестьянскихъ дворовъ вполнѣ естественнымъ представляется существованіе между разными полосами или районами извѣстныхъ различій въ группировкѣ этихъ дворовъ по объему земледѣльческаго хозяйства вообще и по количеству рабочаго скота въ частности; при этомъ во всѣхъ этихъ случаяхъ, въ общемъ, не могла бы представить чего-либо неожиданнаго именно та территоріальная послѣдовательность въ смѣнѣ различныхъ типовъ группировки дворовъ, какая обнаружена выше на основаніи данныхъ конской переписи 1888—91 гг. Иначе говоря, вопросъ о причинахъ и значеніи междурайонныхъ различій въ характерѣ группировки дворовъ по количеству лошадей остается открытымъ и подлежитъ послѣдующему выясненію уже на основаніи какихъ-либо иныхъ данныхъ.

Приложеніе къ VI главѣ.

ТАБЛИЦЫ

данныхъ военно-конской переписи 1888—91 гг. о группировкѣ крестьянскихъ дворовъ по числу лошадей (въ 299 уѣздахъ).

Таблица № 1-й.

Группы уѣздовъ по % дворовъ съ 4 и бол. лошадьми.	Число уѣздовъ.	Число дворовъ.	Всего лошадей.	Изъ общаго числа дворовъ было въ 1888—91 гг.							Число дворовъ по группамъ въ процентахъ.						
				Безлошадныхъ.	Съ 1 лошадью.	Съ 2 лошадьми.	Съ 3 лошадьми.	Съ 4 лошадьми.	Съ 5 лошадьми.	Съ 6 и болѣе лошадьми.	Безлошадн.	Съ 1 лошад.	Съ 2 лошад.	Съ 3 лошад.	Съ 4 лошад.	Съ 5 лошад.	Съ 6 и бол. лошадьми.
До 2,0 .	59	924929	943475	233012	498527	150688	33159	6945	1631	1067	25,2	53,9	16,3	3,6	0,7	0,2	0,1
2,1— 4,0 .	45	768650	939518	189029	336437	163891	56132	15927	4451	2783	24,6	43,8	21,3	7,3	2,1	0,6	0,3
4,1— 6,0 .	38	767279	1114606	145368	309914	192162	81017	26097	8064	4657	18,9	40,4	25,0	10,6	3,4	1,1	0,6
6,1— 8,0 .	24	486554	743438	102911	170468	121539	57806	21599	7516	4715	21,2	35,0	25,0	11,9	4,4	1,5	1,0
8,1—10,0 .	17	299854	486531	66860	92136	74300	39594	16468	6159	4337	22,3	30,7	24,8	13,2	5,5	2,1	1,4
10,1—12,0 .	25	528424	891234	121609	160509	121384	67695	31343	13476	12408	23,0	30,4	23,0	12,8	5,9	2,6	2,3
12,1—14,0 .	21	515189	961321	95431	153717	124689	74153	35523	16222	15454	18,5	29,8	24,2	14,4	6,9	3,2	3,0
14,1—16,0 .	14	267987	520929	53563	69290	63720	41107	21345	9691	9271	20,0	25,8	23,8	15,3	8,0	3,6	3,5
16,1—18,0 .	13	294203	598796	61750	71354	66409	44210	24360	12238	13882	21,0	24,2	22,6	15,0	8,3	4,2	4,7
18,1—20,0 .	5	145826	309688	31141	34239	31055	21578	12824	6698	8291	21,3	23,5	21,3	14,8	8,8	4,6	5,7
20,1—22,0 .	6	197342	471510	34900	47648	43289	28756	16957	9798	15994	17,7	24,1	21,9	14,6	8,6	5,0	8,1
22,1—24,0 .	9	221395	533361	37585	49912	47708	34820	21761	12438	17171	17,0	22,5	21,6	15,7	9,8	5,6	7,8
24,1—26,0 .	9	245690	635826	36272	53750	52791	40203	25984	14963	21727	14,8	21,9	21,5	16,3	10,6	6,1	8,8
26,1—28,0 .	5	104203	271635	16615	19132	22721	17859	11394	6771	9511	16,0	18,4	21,8	17,1	10,9	6,5	9,3
28,1—30,0 .	4	92427	272835	10918	18382	19757	15904	10522	6367	10777	11,8	19,9	21,4	17,2	11,4	6,9	11,4
30,1—32,0 .	1	16804	47211	2279	2490	3687	3143	2130	1344	1731	13,6	14,9	21,9	18,7	12,7	8,0	10,2
32,1—34,0 .	2	47977	155319	7414	9583	8512	6528	4622	3191	8127	15,5	20,0	17,7	13,6	9,6	6,7	16,9
34,1—36,0 .	1	21472	64605	2579	2855	4303	4097	3089	1962	2587	12,0	13,3	20,0	19,1	14,4	9,1	12,1
36,1—38,0 .	1	12568	38298	1061	1501	2747	2732	2015	1230	1282	8,4	11,9	21,8	21,8	16,0	9,8	10,3
Итого . . .	299	5958773	10000136	1250297	2101844	1315352	670493	310805	144210	165772	21,0	35,2	22,1	11,3	5,2	2,4	2,8

Таблица № 2-й.

Количество лошадей на 1 дворъ.	Число уѣздовъ.	Число дворовъ.	Всего лошадей.	Изъ общаго числа дворовъ было въ 1888—91 гг.							Количество дворовъ въ процентахъ:						
				Безлошадныхъ.	Съ 1 лошадью.	Съ 2 лошадьми.	Съ 3 лошадьми.	Съ 4 лошадьми.	Съ 5 лошадьми.	Съ 6 и болѣе лошадьми.	Безлошадн.	Съ 1 лошад.	Съ 2 лошад.	Съ 3 лошад.	Съ 4 лошад.	Съ 5 лошад.	Съ 6 и бол. лошадьми.
0,63—0,70 .	3	30273	20046	13875	13792	2019	394	104	41	48	45,8	45,5	6,7	1,3	0,4	0,1	0,2
0,71—0,80 .	2	40057	30452	17245	17304	4185	947	231	66	79	43,0	43,2	10,4	2,4	0,6	0,2	0,2
0,81—0,90 .	12	201543	175444	66494	104090	24414	4872	1137	300	236	33,0	51,6	12,1	2,4	0,7	0,1	0,1
0,91—1,00 .	16	229751	220851	72418	111567	34259	8341	2085	581	500	31,6	48,6	14,9	3,6	0,9	0,2	0,2
1,01—1,10 .	23	382868	401542	107631	186586	63659	17430	4901	1566	1095	28,1	48,7	16,6	4,6	1,3	0,4	0,3
1,11—1.20 .	20	337260	389036	87176	154506	66817	20314	5547	1642	1258	25,9	45,8	19,8	6,0	1,6	0,5	0,4
1,21—1,30 .	22	412321	515699	86505	197261	88247	28078	8004	2400	1826	21,0	47,9	21,4	6,8	1,9	0,6	0,4
1,31—1,40 .	15	342556	464273	79752	139062	75074	31159	11115	3767	2627	23,3	40,6	21,9	9,1	3,2	1,1	0,8
1,41—1,50 .	24	456678	668528	91963	181716	107670	47648	17542	6207	3932	20,1	39,8	23,6	10,4	3,8	1,4	0,9
1,51—1,60 .	23	472064	732179	98856	168231	117120	53715	19950	7551	6641	20,9	35,7	24,8	11,4	4,2	1,6	1,4
1,61—1,70 .	24	458469	758191	84635	154966	119953	60191	23737	8711	6276	18,5	33,8	26,1	13,1	5,2	1,9	1,4
1,71—1,80 .	20	410627	721313	72620	131693	106264	57373	24763	10051	7863	17,7	32,1	25,9	14,0	6,0	2,4	1,9
1,81—1,90 .	18	436250	805363	85025	128242	106134	61124	29107	13200	13418	19,5	29,4	24,4	14,0	6,7	3,0	3,0
1,91—2,00 .	16	315453	612608	58972	88528	74329	47032	23998	11216	11378	18,7	28,1	23,6	14,9	7,6	3,5	3,6
2,01—2,10 .	13	273584	561441	46845	69008	69013	44968	22947	10491	10312	17,1	25,2	25,2	16,5	8,4	3,8	3,8
2,11—2,20 .	8	144133	308049	25111	33262	36583	24061	12670	5998	6448	17,4	23,0	25,4	16,7	8,8	4,2	4,5
2,21—2.30 .	4	130073	292515	21863	33229	29366	19355	11406	6495	8359	16,8	25,6	22,6	14,9	8,8	4,9	6,4
2,31—2,40 .	6	185900	442760	32921	46379	38868	26069	16180	9419	15464	17,7	24,9	20,9	14,4	8,7	5,1	8,3
2,41—2,50 .	6	219071	537478	42721	46728	44377	32677	20741	12302	19525	19,5	21,3	20,3	14,9	9,5	5,6	8,9
2,51—2,60 .	6	97330	250804	11844	18831	23926	18300	11417	5981	7031	12,2	19,4	24,6	18,8	11,7	6,1	7,2
2,61—2,70 .	6	151296	400820	19156	35736	33283	24507	15200	9161	14253	12,7	23,6	22,0	16,2	10,0	6,1	9,4
2,71—2,80 .	2	25967	71456	1783	3965	6956	5924	3831	1925	1593	6,9	15,2	26,8	22,8	14,8	7,4	6,1
2,81—2,90 .	3	54101	152733	5936	8400	12454	10794	7147	4277	5093	11,0	15,5	23,0	20,0	13,2	7,9	9,4
2,91—3,00 .	2	32091	94052	1704	5131	8512	7024	4313	2458	2949	5,3	16,0	26,5	21,9	13,4	7,7	9,2
3,01—2,10 .	4	95983	294352	12895	18666	18144	15055	10969	7092	13162	13,4	19,5	18,9	15,7	11,4	7,4	13,7
3,39 .	1	23074	78151	4351	4975	3726	2541	1763	1312	4406	18,9	21,6	16,2	11,0	7,6	5,7	19,0
Итого . . .	299	5958773	10000136	1250297	2101844	1315352	670493	310805	144210	165772	21,0	35,2	22,1	11,3	5,2	2,4	2,8

Количество лошадей на 1 дворъ.	Число уѣздовъ.	Общее число дворовъ.	Общее число лошадей.	ИЗЪ ОБЩАГО		
				Безлошадныхъ.	Съ 1 лошадью.	Съ 2 лошадьми.
			I	р	а	й
0,81—0,90	5	100070	89247	26364	60737	11054
0,91—1,00	4	48829	47787	12253	27781	7104
1,01—1,10	11	161889	170506	32463	97113	25875
1,11—1,20	2	20060	23136	2904	12376	3820
1,21—1,30	7	135490	169338	18785	76655	30246
1,31—1,40	1	12968	16994	1101	7874	3074
1,51—1,60	3	44252	69615	3207	20859	13855
1,61—1,70	4	82124	137456	5721	36082	25464
1 71—1,80	2	21834	37467	927	9936	7058
1,81—1,90	1	30949	58202	1187	11440	10912
1,91—2,00	2	19317	37258	1265	6414	6651
2,01—2,10	3	51457	105692	3152	15688	17068
2,11—2,20	2	19978	43029	1468	4881	6677
2,31—2,40	1	12123	28160	1024	2218	3856
2,51—2,60	4	46163	118583	3560	7815	13227
2,61—2,70	3	35815	94353	3093	6060	9539
2,71—2,80	2	25967	71456	1783	3955	6956
2,81—2,90	1	15442	44281	1011	2255	3843
2,91—3,00	2	32091	94052	1704	5131	8512
3,01—3,10	1	12568	38298	1061	1501	2747
Итого	61	929386	1494910	124033	416771	217535
			II	р	а	й
0,91—1,00	1	5716	5245	1800	3004	689
1,01—1,10	1	7078	7508	1523	4014	1252
1,11—1,20	3	43538	49551	8639	23537	8768
1,21—1,30	5	76228	95118	14000	38733	16746
1,31—1,40	2	23307	32092	3592	11517	5469
1,41—1,50	6	85731	125102	11446	40235	22040
1,51—1,60	3	45079	68574	5787	19731	12712
1,61—1,70	3	55140	91125	5795	21945	17084
1,71—1,80	1	18185	32030	1960	6685	5479
Итого	25	360002	506345	54542	169401	90239
			III	р	а	й
1,31—1,40	1	33142	44242	5201	17276	6916
1,41—1,50	1	26877	38821	4169	13217	5466
1,51—1,60	1	30967	48614	4318	13175	8090
1,71—1,80	1	29095	50554	4388	11132	6897
1,81—1,90	1	48968	89184	7963	17866	10984
1,91—2,00	2	78515	152229	10684	27213	18776
2,61—2,70	1	47220	123109	4392	12417	10645
Итого	8	294784	546753	41115	112296	67774

Таблица № 3-й.

ЧИСЛА ДВОРОВЪ.				Количество дворовъ въ процентахъ.						
Съ 3 лошадьми.	Съ 4 лошадьми.	Съ 5 лошадьми.	Съ 6 и болѣе лошадьми.	Безлошадн.	Съ 1 лошад.	Съ 2 лошад.	Съ 3 лошад.	Съ 4 лошад.	Съ 5 лошад.	Съ 6 и бол. лошадьми.
О	**Н**	**Ъ.**								
1534	260	61	63	26,3	60,7	11,0	1,5	0,3	0,1	0,1
1323	247	65	56	25,1	56,9	14,6	2,7	0,5	0,1	0,1
4999	1015	270	154	20,0	60,0	16,0	3,1	0,6	0,2	0,1
783	138	27	12	14,4	61,7	19,1	3,9	0,7	0,1	0,1
7731	1577	364	132	13,9	56,5	22,3	5,7	1,2	0,3	0,1
750	136	25	8	8,5	60,7	23,7	5,9	1,0	0,2	—
4754	1237	253	87	7,3	47,1	31,3	10,7	2,8	0,6	0,2
10668	3061	790	338	7,0	43,9	31,0	13,0	3,7	1,0	0,4
2763	801	232	117	4,2	45,5	32,3	12,7	3,7	1,1	0,5
5348	1559	387	116	3,8	37,0	35,3	17,2	5,0	1,3	0,4
3258	1160	375	194	6,6	33,2	34,4	16,9	6,0	1,9	1,0
9701	3750	1348	750	6,1	30,5	33,2	18,8	7,3	2,6	1,5
4298	1788	592	274	7,3	24,4	33,4	21,5	9,0	3,0	1,4
2936	1365	499	225	8,4	18,3	31,8	24,2	11,3	4,1	1,9
10400	6161	2944	2056	7,7	16,9	28,7	22,5	13,3	6,4	4,5
7815	4629	2532	2147	8,7	16,9	26,6	21,8	12,9	7,1	6,0
5924	3831	1925	1593	6,9	15,2	26,8	22,8	14,8	7,4	6,1
3559	2360	1282	1132	6,5	14,6	24,9	23,0	15,3	8,4	7,3
7024	4313	2458	2949	5,3	16,0	26,5	21,9	13,4	7,7	9,2
2732	2015	1230	1282	8,4	11,9	21,8	21,8	16,0	9,8	10,3
98300	41403	17659	13685	13,4	44,8	23,3	10,6	4,5	1,9	1,5
О	**Н**	**Ъ.**								
140	40	18	25	31,5	52,6	12,1	2,4	0,7	0,3	0,4
213	55	11	10	21,5	56,7	17,7	3,0	0,8	0,2	0,1
2060	427	78	29	19,8	54,1	20,1	4,7	1,0	0,2	0,1
5011	1245	324	160	18,4	50,8	22,0	6,6	1,6	0,4	0,2
1840	559	202	128	15,4	49,4	23,5	7,9	2,4	0,9	0,5
8606	2540	630	234	13,4	46,9	25,7	10,0	3,0	0,7	0,3
4921	1360	391	177	12,8	43,8	28,2	10,9	3,0	0,9	0,4
7417	2103	557	239	10,5	39,8	31,0	13,5	3,8	1,0	0,4
2591	980	336	154	10,8	36,8	30,1	14,3	5,4	1,8	0,8
32799	9309	2547	1165	15,1	47,1	25,1	9,1	2,6	0,7	0,3
О	**Н**	**Ъ.**								
2475	857	289	128	15,7	52,1	20,9	7,3	2,6	0,9	0,5
2474	932	400	219	15,5	49,5	20,3	9,2	3,4	1,4	0,7
3414	1244	477	249	13,9	42,6	26,4	11,1	4,0	1,2	0,8
3655	1673	733	617	15,1	38,3	23,8	12,6	5,7	2,5	2,0
6120	2948	1447	1640	16,3	36,5	22,4	12,5	6,0	3,0	3,3
11064	5374	2686	2718	13,6	34,8	23,9	14,0	6,8	3,4	3,5
7820	4749	2840	4357	9,3	26,3	22,6	16,1	10,6	6,0	9,1
37022	17777	8872	9928	13,9	38,1	23,0	12,6	6,0	3,0	3,4

Количество лошадей на 1 дворъ.	Число уѣздовъ.	Общее число дворовъ.	Общее число лошадей.	ИЗЪ ОБЩАГО		
				Безлошадныхъ.	Съ 1 лошадью.	Съ 2 лошадьми.
			IV	**р**	**а**	**й**
0,61—0,70	1	24474	16338	11125	11307	1530
0,71—0,80	1	18491	14177	7451	8854	1672
0,81—0,90	3	39408	33399	13274	20237	4890
0,91—1,00	7	119267	113606	35938	60348	17806
1,01—1,10	4	55193	58714	16009	25707	9605
1,11—1,20	8	133996	153147	32394	63884	27884
1,21—1,30	6	102748	128530	24588	44583	22810
1,31—1,40	5	125686	173237	23202	55466	30582
1,41—1,50	6	115433	166952	20394	49111	28536
1,51—1,60	7	134372	210123	23135	47842	38522
1,61—1,70	6	97875	159991	16726	33529	27255
1,71—1,80	6	109026	192942	14310	35307	33628
1,81—1,90	2	25823	47578	3484	8513	7223
1,91—2,00	2	25406	49777	3347	7208	7281
2,01—2,10	3	46532	95466	5909	12642	13029
2,11—2,20	1	15069	31913	2037	3150	4453
Итого	68	1188799	1645890	253323	487688	276706
			V	**р**	**а**	**й**
0,71—0,80	1	21566	16275	9794	8450	2513
0,81—0,90	3	41767	35557	16602	17527	5750
0,91—1,00	2	22109	21852	7388	9946	3264
1,11—1,20	1	16137	18325	4609	6753	3252
1,41—1,50	2	39003	56465	7848	15337	9629
Итого	9	140582	148474	46241	58013	24408

ЧИСЛА ДВОРОВЪ.				Количество дворовъ въ процентахъ.						
Съ 3 лошадьми.	Съ 4 лошадьми.	Съ 5 лошадьми.	Съ 6 и болѣе лошадьми.	Безлошадн.	Съ 1 лошад.	Съ 2 лошад.	Съ 3 лошад.	Съ 4 лошад.	Съ 5 лошад.	Съ 6 и бол. лошадьми.
О Н Ъ.										
332	95	40	45	45,5	46,2	6,2	1,3	0,4	0,2	0,2
323	107	33	51	40,3	47,9	9,0	1,7	0,6	0,2	0,3
804	143	41	19	33,7	51,3	12,4	2,0	0,4	0,1	0,1
3930	889	204	152	30,1	50,6	14,9	3,3	0,8	0,2	0,1
2656	759	257	200	29,0	46,6	17,4	4,8	1,3	0,5	0,4
7496	1656	366	316	24,2	47,7	20,8	5,6	1,2	0,3	0,2
7569	2126	564	508	23,9	43,4	22,2	7,4	2,1	0.5	0,5
11586	3376	951	523	18,5	44,1	24,3	9,2	2,7	0,8	0,4
11716	3829	1230	617	17,7	42,7	24,4	10,3	3,3	1,1	0,5
17531	5291	1399	652	17,2	35,6	28,7	13,1	3,9	1,0	0,5
13083	4954	1589	739	17,2	34,2	27,8	13,4	5,0	1,6	0,8
17063	5974	1827	917	13.1	32,4	30,8	15,7	5,5	1,7	0,8
3707	1753	703	440	13,5	32,9	28,0	14,4	6,8	2,7	1,7
4383	1936	772	479	13 2	28,4	28,7	17,2	7,6	3,0	1,9
8185	3848	1695	1224	12,7	27,2	28,0	17,6	8.3	3 6	2,6
3129	1501	531	268	13,5	20,9	29,6	20,8	9,9	3,6	1,7
113493	38237	12202	7150	21,3	41,0	23,3	9,6	3,2	1,0	0,6
О Н Ъ.										
624	124	33	28	45,4	39,1	11,7	2,9	0.6	0,2	0,1
1410	336	76	66	39,7	42,0	13,8	3,4	0,8	0,2	0,1
1027	311	97	76	33,4	45,0	14,8	4,7	1,4	0,4	0,3
1157	277	72	17	28,6	41,8	20,2	7,2	1,7	0,4	0,1
4066	1426	436	261	20,2	39,0	24,7	10,6	3,7	1,1	0,7
8284	2474	714	448	32,8	41,3	17,4	5,8	1,9	0,5	0,3

Количество лошадей на 1 дворъ.	Число уѣздовъ.	Общее число дворовъ.	Общее число лошадей.	ИЗЪ ОБЩАГО		
				Безлошадныхъ.	Съ 1 лошадью.	Съ 2 лошадьми.
			VI	**р**	**а**	**й**
0,91—1,00.	2	33830	32361	15039	10488	5396
1,01—1,10.	5	128529	132973	45246	50568	21540
1,11—1,20.	5	109515	129303	34523	41040	21241
1,21—1,30.	4	97855	122713	29132	37290	18445
1,31—1,40.	2	54030	71088	15897	19641	10423
1,41—1,50.	4	85006	124037	20494	30270	19362
1,51—1,60.	5	92072	142146	23763	28372	20715
1,61—1,70.	7	138717	231601	31404	42772	32232
1,71—1,80.	7	173785	304365	35024	53890	41139
1,81—1,90.	6	126899	234985	26231	32860	32291
1.91—2,00.	6	95673	186974	19165	24096	22702
2,01—2,10.	4	91874	186724	17359	23793	21264
2,11—2,20.	2	35842	76084	5990	9075	8840
2,21—2,30.	1	41054	93684	6963	9586	9651
2,31—2,40.	2	38079	91171	5867	7933	8825
2,41—2,50.	1	20548	50924	2581	4314	4850
2,51—2,60.	1	33945	87898	4905	8050	7260
2,61—2,70.	1	15325	41324	1862	3004	3507
2,81—2,90.	2	38659	108452	4925	6145	8611
3,01—3,10.	1	21472	64605	2579	2855	4303
Итого. . . .	68	1472709	2513412	348949	446042	322597
			VII	**р**	**а**	**й**
1,31—1,40.	2	47841	65126	15232	15218	9069
1,51—1,60.	2	48816	77222	13740	14711	9645
1,61—1,70.	2	49303	79127	13790	13517	10298
1,71—1,80.	3	58702	103955	16011	14743	12063
1,81—1,90.	1	29521	55543	6969	7712	6345
2,01—2,10.	2	69507	144025	17555	14376	14053
2,21—2,30.	1	32270	72311	7273	6930	6239
2,31—2,40.	1	25148	59557	5360	5497	4976
2,41—2,50.	2	79458	193042	16281	15211	15770
Итого. . . .	16	440566	849908	112211	107915	88458

ЧИСЛА ДВОРОВЪ.				Количество дворовъ въ процентахъ:						
Съ 3 лошадьми.	Съ 4 лошадьми.	Съ 5 лошадьми.	Съ 6 и болѣе лошадьми.	Безлошади.	Съ 1 лошад.	Съ 2 лошад.	Съ 3 лошад.	Съ 4 лошад.	Съ 5 лошад.	Съ 6 и бол. лошадьми.
О	**Н**	**Ъ.**								
1921	598	197	191	44,4	31,0	15.9	5,7	1.8	0,6	0,6
7588	2377	723	487	35,2	39.3	16,8	5,9	1,8	0,6	0,4
8144	2854	1026	687	31.5	37,5	19,5	7,4	2,6	0,9	0,6
7767	3056	1148	1017	29.8	38,1	18 9	7,9	3.1	1.2	1,0
4709	1884	765	711	29,4	36 4	19,3	8.7	3,5	1,4	1,3
8896	3567	1390	1027	24,1	35.6	22,8	10.5	4 2	1,6	1.2
11047	4787	1919	1469	25,8	30,8	22.5	12,0	5.2	2,1	1.6
17866	8096	3375	2972	22,6	30,8	23.2	12,9	5.8	2,4	2,3
23672	11212	4874	3974	20.2	31.0	23,7	13,6	6,4	2,8	2.3
19393	8982	3708	3434	20,7	25,9	25,4	15,3	7,1	2.9	2,7
15284	7882	3275	3269	20,0	25.2	23.7	16.0	8,3	3 4	3,4
14186	7629	3683	3960	18,9	25.9	23.2	15,4	8,3	4.0	4,3
5565	3071	1548	1753	16.7	25,3	24.7	15,5	8,6	4,3	4.9
6236	3758	2127	2733	16,9	23,4	23,5	15,2	9,4	5,0	6,6
6664	4154	2164	2472	15.4	20,8	23,2	17.6	10,9	5,7	6,5
3930	2339	1213	1321	12,6	20,9	23,6	19..	11,4	5.9	6.5
5142	3460	1917	3211	14.4	23,7	21,4	15,2	10,2	5,6	9,5
2727	1645	1049	1531	12,2	19,7	22,9	17,8	10,8	6,9	9,7
7235	4787	2995	3961	12,7	15.9	22,3	18,7	12,4	7.8	10.2
4097	3089	1962	2587	12,0	13,3	20,0	19,1	14,4	9,1	12,1
182069	89227	41058	42767	23,7	30 3	21,9	12,4	6,0	2,8	2,9
О	**Н**	**Ъ.**								
4584	2164	832	742	31,8	31.8	19,0	9.6	4.5	1,7	1,6
5417	2627	1351	1325	28,2	30,1	19,7	11,1	5,4	2.8	2 7
6308	3001	1313	1076	28,0	27,4	20,8	12,8	6,1	2,7	2.2
7629	4123	2049	2084	27.3	25,1	20,5	13,0	7.0	3.5	3,6
3993	2138	1128	1236	23.6	25,8	21,6	13 5	7.3	3.8	4,4
10143	6185	3178	4017	25,2	20,7	20.2	14,6	8.9	4,6	5,8
4670	3020	1828	2310	22.5	21.5	19.3	14,5	9,4	5.7	7,1
3425	2283	1418	2189	21,3	21,9	19,8	13,6	9,1	5,6	8.7
12416	8261	4785	6734	20,3	19,2	19,9	15.6	10,4	6,1	8,5
58585	33802	17882	21713	25,5	24,5	20,1	13,3	7,7	4,0	4,9

Количество лошадей на 1 дворъ.	Число уѣздовъ.	Общее число дворовъ.	Общее число лошадей.	ИЗЪ ОБЩАГО		
				Безлошадныхъ.	Съ 1 лошадью.	Съ 2 лошадьми.
			VIII	**р**	**а**	**й**
1,41—1,50	2	34398	50776	12219	6923	7578
1,61—1,70	2	35310	58891	11199	7121	7620
1,81—1,90	2	42340	78140	12022	8114	9537
1,91—2,00	3	42263	81810	11228	8155	9188
2,01—2,10	1	14214	29534	2870	2509	3599
2,11—2,20	2	32802	70138	7541	5365	7462
2.41—2,50	1	26935	66459	6358	4566	4882
2,51—2,60	1	17222	44323	3379	2966	3439
Итого . . .	14	245484	480071	66816	45719	53305
			IX	**р**	**а**	**й**
1,41—1,50	2	53961	82044	10968	21220	11763
1,81—1,90	1	34188	61744	7142	9933	8015
2,11—2,20	1	40442	86885	8075	10791	9151
2,31—2,40	1	39080	93156	7446	10302	7672
2,41—2,50	1	49798	122955	10465	11639	10411
3,01—3,10	1	24903	77168	3063	4608	4786
Итого . . .	7	242372	523952	47159	68493	51798
			X	**р**	**а**	**й**
1,81—1,90	1	55337	102741	10540	18363	12518
2,21—2,30	1	42230	93492	6439	12765	6306
2,31—2,40	1	71470	170716	13224	20429	13539
2,41—2,50	1	42332	104098	7036	10998	8464
2,61—2,70	1	52936	142034	9809	14255	9592
3,01—3,10	1	37040	114281	6192	9702	6308
3,31—3,40	1	23074	78151	4351	4975	3726
Итого . . .	7	324419	805513	57591	91487	63453

ЧИСЛА ДВОРОВЪ.				Количество дворовъ въ процентахъ.						
Съ 3 лошадьми.	Съ 4 лошадьми.	Съ 5 лошадьми.	Съ 6 и болѣе лошадьми.	Безлошади.	Съ 1 лошад.	Съ 2 лошад.	Съ 3 лошад.	Съ 4 лошад.	Съ 5 лошад.	Съ 6 и бол. лошадьми.
О Н Ъ.										
4378	2053	746	501	35,5	20,1	22,0	12,7	5,9	2,2	1,6
4849	2522	1087	912	31,5	20,2	21,8	13,9	7,1	3,0	2,5
6217	3383	1527	1540	28,6	18,9	22,5	14,7	8,1	3,6	3,6
6577	3712	1745	1658	26,5	19,3	21,8	15,5	8,8	4,2	3,9
2753	1535	587	361	20,2	17,7	25,3	19,4	10,8	4,2	2,4
5907	3511	1611	1405	22,9	16,2	22,8	18,1	10,7	4,9	4,4
4153	2740	1695	2541	23,6	17,0	18,1	15,4	10,2	6,3	9,4
2758	1796	1120	1764	19,6	17,2	20,0	16,0	10,4	6,5	10,3
37592	21252	10118	10682	27,2	18,7	21,7	15,3	8,7	4,1	4,3
О Н Ъ.										
5912	2355	1005	738	19,8	39,4	21,9	11,0	4,5	1,9	1,5
4757	2214	1115	1012	20,9	29,0	23,4	13,9	6,5	3,3	3,0
5162	2799	1716	2748	20,0	26,7	22,7	12,8	6,9	4,3	6,6
5010	3094	1887	3669	19,1	26,4	19,6	12,8	7,9	4,8	9,4
6399	3668	2261	4955	21,0	23,4	20,9	12,9	7,4	4,5	9,9
3987	2859	1879	3721	12,3	18,5	19,2	16,0	11,5	7,5	15,0
31227	16989	9863	16843	19,4	28,3	21,4	12,9	7,0	4.1	6,9
О Н Ъ.										
6751	3347	1671	2147	19,1	33,2	22,6	12,2	6,1	3,0	3,8
5798	3327	1912	2683	15,2	30,2	22,1	13,7	7,9	4,6	6,3
8634	5284	3451	6909	18,5	28,6	18,9	12,1	7,4	4,8	9,7
5779	3733	2348	3974	16,6	26,0	20,0	13,7	8,8	5,5	9,4
6145	4177	2740	6218	18,5	26,9	18,1	11,6	7,9	5,2	11,8
4239	3006	2021	5572	16,4	26,2	17,1	11,4	8,2	5,5	15,2
2541	1763	1312	4406	18,9	21,6	16,2	11,0	7,6	5,7	19,0
39887	24637	15455	31909	17,7	28,2	19,6	12,3	7,6	4,8	9,8

Количество лошадей на 1 дворъ.	Число уѣздовъ.	Число дворовъ.	Число безлошадныхъ дворовъ.	Количество лошадей у дво		
				У 1-лошадныхъ.	У 2-лошадныхъ.	У 3-лошадныхъ.
			I	**р**	**а**	**й**
0,81—0,90	5	100070	26364	60737	22102	4602
0,91—1,00	4	48829	12253	27781	14208	3969
1,01—1,10	11	161889	32463	97113	51750	14997
1,11—1,20	2	20060	2904	12376	7640	2349
1,21—1,30	7	135490	18785	76655	60492	23193
1,31—1,40	1	12968	1101	7874	6148	2250
1,51—1,60	3	44252	3207	20859	27710	14262
1,61—1,70	4	82124	5721	36082	50928	32004
1,71—1,80	2	21834	927	9936	14116	8289
1,81—1,90	1	30949	1187	11440	21824	16044
1,91—2,00	2	19317	1265	6414	13302	9774
2,01—2,10	3	51457	3152	15688	34136	29103
2,11—2,20	2	19978	1468	4881	13354	12894
2,31—2,40	1	12123	1024	2218	7712	8808
2,51—2,60	4	46163	3560	7815	26454	31200
2,61—2,70	3	35815	3093	6060	19078	23445
2,71—2,80	2	25967	1783	3955	13912	17772
2,81—2,90	1	15442	1011	2255	7686	10677
2,91—3,00	2	32091	1704	5131	17024	21072
3,01—3,10	1	12568	1061	1501	5494	8196
Итого . . .	61	929386	124033	416771	435070	294900
			IV	**р**	**а**	**й**
0,61—0,70	1	24474	11125	11307	3060	996
0,71—0,80	1	18491	7451	8854	3344	969
0,81—0,90	3	39408	13274	20237	9780	2412
0,91—1,00	7	119267	35938	60348	35612	11790
1,01—1,10	4	55194	16009	25707	19210	7968
1,11—1,20	8	133996	32394	63884	55768	22488
1,21—1,30	6	102748	24588	44583	45620	22707
1,31—1,40	5	125686	23202	55466	61164	34758
1,41—1,50	6	115433	20394	49111	57072	35148
1,51—1,60	7	134372	23135	47842	77044	52593
1,61—1,70	6	97875	16726	33529	54510	39249
1,71—1,80	6	109026	14310	35307	67256	51189
1,81—1,90	2	25823	3484	8513	14446	11121
1,91—2,00	2	25406	3347	7208	14562	13149
2,01—2,10	3	46532	5909	12642	26058	24555
2,11—2,20	1	15069	2037	3150	8906	9387
Итого . . .	68	1188799	253323	487688	553412	340479

различныхъ группъ ровъ.			Всего лошадей.	% безлошадныхъ дворовъ.	Количество лошадей у различныхъ группъ дворовъ въ процентахъ.					
У 4-лошадныхъ.	У 5-лошадныхъ.	У имѣющихъ 6 и болѣе лошадей.			У 1-лошад.	У 2-лошад.	У 3-лошад.	У 4-лошад.	У 5-лошад.	У имѣющ. 6 и болѣе лош.
О	**Н**	**Ъ.**								
1040	305	461	89247	26,3	68,0	24,8	5,2	1,2	0,3	0,5
988	325	516	47787	25,1	58,1	29,7	8,3	2,1	0,7	1,1
4060	1350	1236	170506	20.0	57,0	30,3	8,8	2,4	0,8	0,7
552	135	84	23136	14,4	53,5	33,0	10,1	2,4	0,6	0,4
6308	1820	870	169338	13,9	45,3	35,7	13,7	3,7	1,1	0,5
544	125	53	16994	8,5	46,3	36,2	13,3	3,2	0,7	0,3
4948	1265	571	69615	7,3	30,1	39,8	20,4	7,1	1,8	0,8
12244	3950	2248	137456	7,0	26,2	37,1	23,3	8,9	2,9	1,6
3204	1160	762	37467	4,2	26,5	37,7	22,1	8,6	3,1	2,0
6236	1935	723	58202	3,8	19,7	37,5	27,6	10,7	3,3	1,2
4640	1875	1253	37258	6,6	17,2	35,7	26,2	12,5	5,0	3,4
15000	6740	5025	105692	6,1	14,8	32,3	27,5	14,2	6,4	4,8
7152	2960	1788	43029	7,3	11,3	31,0	30,0	16,6	6,9	4,2
5460	2495	1467	28160	8,4	7,9	27,4	31,3	19,4	8,8	5,2
24644	14720	13750	118583	7,7	6,6	22,3	26,3	20,8	12,4	11,6
18516	12660	14594	94353	8,7	6,4	20,2	24,8	19,6	13,5	15,5
15324	9625	10868	71456	6,9	5,5	19,5	24,9	21,4	13,5	15,2
9440	6410	7813	44281	6,5	5,1	17.4	24,2	21,2	14,5	17,6
17252	12290	21283	94052	5,3	5,5	18,1	22,4	18,3	13,1	22,6
8060	6150	8897	38298	8,4	3,9	14,3	21,4	21,1	16,1	23,2
165612	88295	94262	1494910	13,4	27,9	29,1	19,7	11,1	5,9	6,3
О	**Н**	**Ъ.**								
380	200	395	16338	45,5	69,2	18,8	6,1	2,3	1,2	2,4
428	165	417	14177	40,3	62,5	23,6	6,8	3,0	1,2	2,9
572	205	193	33399	33,7	60,5	29,4	7,2	1,7	0,6	0,6
3556	1020	1280	113606	30,1	53,1	31,4	10,4	3,1	0,9	1,1
3036	1285	1508	58714	29,0	43,8	32,7	13,6	5,2	2,2	2,5
6624	1830	2553	153147	24,2	41,7	36,4	14,7	4,3	1,2	1,7
8504	2820	4296	128530	23,9	34,7	35,5	17,7	6,6	2,2	3,3
13504	4755	3590	173237	18,5	32,0	35,3	20,1	7,8	2,7	2,1
15316	6150	4155	166952	17,7	29,4	34,2	21,0	9,2	3,7	2,5
21164	6995	4485	210123	17,2	22,8	36,7	25,0	10,1	3,3	2.1
19816	7945	4942	159991	17,2	20,9	34,1	24,5	12,4	5,0	3,1
23896	9135	6159	192942	13,1	18,3	34,9	26,5	12,4	4.8	3,2
7012	3515	2971	47578	13,5	17,9	30,4	23,4	14.7	7,4	6,2
7744	3860	3254	49777	13,2	14,5	29,2	26,4	15,6	7,8	6,5
15392	8475	8344	95466	12.7	13,2	27,4	25,6	16,2	8,9	8,7
6004	2655	1811	31913	13,5	9,9	27,9	29,4	18,8	8,3	5,7
152948	61010	50353	1645890	21,3	29,6	33,6	20,7	9,3	3,7	3,1

Количество лошадей на 1 дворъ.	Число уѣздовъ.	Число дворовъ.	Число безлошадныхъ дворовъ.	Количество лошадей у дво		
				У 1-лошадныхъ.	У 2-лошадныхъ.	У 3-лошадныхъ.
			VI	р	а	й
0,91—1,00.	2	33830	15039	10488	10792	5763
1,01—1,10.	5	128529	45246	50568	43080	22764
1,11—1,20.	5	109515	34523	41040	42482	24432
1,21—1,30.	4	97855	29132	37290	36890	23301
1,31—1,40.	2	54030	15897	19641	20846	14127
1,41—1,50.	4	85006	20494	30270	38724	26688
1,51—1,60.	5	92072	23763	28372	41430	33141
1,61—1,70.	7	138717	31404	42772	64464	53598
1,71—1,80.	7	173785	35024	53890	82278	71016
1,81—1,90.	6	126899	26231	32860	64582	58179
1,91—2,00.	6	95673	19165	24096	45404	45852
2,01—2,10.	4	91874	17359	23793	42528	42558
2,11—2,20.	2	35842	5999	9075	17680	16695
2,21—2,30.	1	41054	6963	9586	19302	18708
2,31—2,40.	2	38079	5867	7933	17650	19992
2,41—2,50.	1	20548	2581	4314	9700	11790
2,51—2,60.	1	33945	4905	8050	14520	15426
2,61—2,70.	1	15325	1862	3004	7014	8181
2,81—2,90.	2	38659	4925	6145	17222	21705
3,01—3,10.	1	21472	2579	2855	8606	12291
Итого. . . .	68	1472709	348949	446042	645194	546207

*) Эту группу составляютъ Бронницкій и Коломенскій уѣзды Московской губ., свыше 20 лошадей.

различныхъ группъ ровъ.			Всего лошадей.	% безлошадныхъ дворовъ.	Количество лошадей у различныхъ группъ дворовъ въ процентахъ.					
У 4-лошадныхъ.	У 5-лошадныхъ.	У имѣющихъ 6 и болѣе лошадей.			У 1-лошад.	У 2-лошад.	У 3-лошад.	У 4-лошад.	У 5-лошад.	У имѣющ. 6 и болѣе лош.
О	**Н**	**Ъ.**								
										*)
2392	985	1941	32361	44,4	32,4	33,4	17,8	7,4	3,0	6,0
9508	3615	3438	132973	35,2	38.1	32,4	17,1	7,1	2.7	2.6
11416	5130	4803	129303	31.5	31,7	32,9	18,9	8,8	4,0	3,7
12224	5740	7268	122713	29,8	30,4	30,1	19.0	9,9	4,7	5,9
7536	3825	5113	71088	29,4	27,6	29,3	19,9	10,6	5,4	7,2
14268	6950	7137	124037	24,1	24,4	31,2	21,5	11,5	5,6	5,8
19148	9595	10460	142146	25,8	20,0	29,1	23,3	13,5	6,7	7,4
32384	16875	21508	231601	22,6	18,5	27,8	23,1	14,0	7,3	9,3
44848	24370	27963	304365	20,2	17,7	27,1	23.3	14,7	8,0	9,2
35928	18540	24896	234985	20,7	14,0	27,5	24,7	15,3	7,9	10,6
31528	16375	23719	186974	20,0	12,9	24,3	24,5	16,9	8,7	12,7
30516	18415	28914	186724	18,9	12,7	22,8	22,8	16 3	9,9	15,5
12284	7740	12610	76084	16,7	11,9	23,1	22,0	16,2	10,2	16,6
15032	10635	20421	93684	16,9	10.2	20,6	20,0	16,0	11,4	21,8
16616	10820	18160	91171	15,4	8,7	19,3	22 0	18,2	11,9	19,9
9356	6065	9699	50924	12,6	8,5	19,0	23,2	18,4	11,9	19,0
13840	9585	26477	87898	14,4	9,2	16,5	17,5	15,7	10,9	30 2
6580	5245	11300	41324	12,2	7,2	17,0	19,8	15,9	12,7	27,4
19148	14975	29257	108452	12,7	5,7	15.9	20,0	17,6	13.8	27,0
12356	9810	18687	64605	12,0	4,4	13,3	19,0	19,1	15,2	29,0
356908	205290	313771	2513412	23,7	17,7	25,7	21,7	14,2	8,2	12,5

въ которыхъ 55 хозяевъ имѣютъ каждый свыше 10 лошадей и изъ нихъ 14 хозяевъ—

Группы уѣздовъ по % дворовъ съ 4 и болѣе лошадьми.	Число уѣздовъ.	Число дворовъ.	Число лошадей.	ИЗЪ ОБЩАГО		
				Безлошадныхъ.	Съ 1 лошадью.	Съ 2 лошадьми.
			I	**р**	**а**	**й**
До 2,0	28	455740	488214	89749	269713	76167
2,1— 4,0	6	83103	123498	8093	40670	23747
4,1— 6,0	4	78552	132384	5456	34237	24265
6,1— 8,0	2	41070	75652	1614	16233	13980
8,1—10,0	2	19317	37258	1265	6414	6651
10,1—12,0	2	32065	64951	1960	9880	10710
12,1—14,0	2	28969	61207	1866	8084	9709
14,1—16,0	1	10401	22563	794	2605	3326
16,1—18,0	1	12123	28160	1024	2218	3856
22,1—24,0	2	21156	53996	1148	3840	6453
24,1—26,0	2	23938	62144	2022	3938	6682
26,1—28,0	4	51150	135566	4473	8324	13465
28,1—30,0	2	25702	73706	1428	4089	6952
30 1—32,0	2	33532	97313	2080	5025	8525
36,1—38,0	1	12568	38298	1061	1501	2747
Итого . . .	61	929386	1494910	124033	416771	217535
			IV	**р**	**а**	**й**
До 2,0	19	320053	309547	96830	158305	49707
2,1— 4,0	15	241958	305267	54121	107334	55200
4,1— 6,0	13	291453	428510	53777	116342	74543
6,1— 8,0	9	147125	246331	22136	50395	43473
8,1—10,0	4	75380	131501	11682	23799	21797
10,1—12,0	2	25823	47578	3484	8513	7223
12,1—14,0	3	38608	76486	5122	10268	11335
14,1—16,0	3	48399	100670	6171	12732	13428
Итого . . .	68	1188799	1645890	253323	487688	276706
			VI	**р**	**а**	**й**
2,1— 4,0	8	192102	199034	69443	73271	32350
4,1— 6,0	7	154222	188315	47928	56435	30371
6,1— 8,0	8	178438	249327	46936	64585	37565
8,1—10,0	6	108842	174099	25807	33659	25647
10,1—12,0	12	249126	425734	54578	75202	58818
12,1—14,0	7	166850	307036	33915	46340	40339
14,1—16,0	6	102262	201127	20169	25534	24469
16,1—18,0	4	96634	198490	17785	25242	22562
18,1—20,0	1	15151	32192	2706	3887	3469
20,1—22,0	1	41054	93684	6063	9586	9651
22,1—24,0	3	58627	142095	8448	12247	13675
24,1—26,0	1	33945	87898	4905	8050	7260
26,1—28,0	1	15325	41324	1862	3004	3507
28,1—30,0	1	21855	61241	2646	3655	4924
30,1—32,0	1	16804	47211	2279	2490	3687
34,1—36,0	1	21472	64605	2579	2855	4303
Итого . . .	68	1472709	2513412	348949	446042	322597

Таблица № 5-й.

ЧИСЛА ДВОРОВЪ.				Количество дворовъ въ процентахъ.						
Съ 3 лошадьми.	Съ 4 лошадьми.	Съ 5 лошадьми.	Съ 6 и болѣе лошадьми.	Безлошадн.	Съ 1 лошад.	Съ 2 лошад.	Съ 3 лошад.	Съ 4 лошад.	Съ 5 лошад.	Съ 6 и бол. лошадьми.
О	**Н**	**Ъ.**								
15750	2995	693	371	19,7	59,2	16,8	3,4	0,7	0,1	0,1
7936	2032	456	169	9,7	48,9	28,6	9,6	2,4	0,6	0,2
10451	3017	782	344	7,0	43,6	30,9	13,3	3,8	1,0	0,4
6516	1987	541	199	4,0	42,2	32,8	14,4	4,6	1,4	0,6
3258	1160	375	194	6,5	33,2	34,5	16,9	6,0	2,0	0,9
6154	2233	746	382	6,1	30,8	33,4	19,2	7,0	2,3	1,2
5663	2327	855	465	6,5	26,9	33,9	20,2	8,1	2,9	1,5
2182	978	339	177	7,6	25,2	32,0	21,0	9,4	3,3	1,5
2936	1365	499	225	8,4	18,3	31,8	24,2	11,3	4,1	1,9
4906	2747	1278	784	5.6	18,1	30,5	23,1	12,9	6,1	3,7
5342	3138	1580	1236	8,4	16,5	27,9	22 4	13,1	6,6	5,1
11222	7055	3642	2969	8,8	16,3	26,3	21,9	13.8	7,1	5,8
5679	3495	1946	2113	5,6	15,9	27,0	22,2	13,5	7,6	8,2
7573	4859	2695	2775	6,2	15,0	25,4	22,6	14,5	8,1	8,2
2731	2015	1230	1282	8.4	11,9	21,8	21,8	16,0	9,8	10,3
98300	41403	17659	13685	13,3	44,8	23,4	10,6	4,5	1,9	1,5
О	**Н**	**Ъ.**								
11581	2542	623	465	30,2	49,5	15,6	3,6	0,8	0,2	0,1
18189	4903	1319	892	22,4	44,4	22,8	7,5	2,0	0,5	0,4
32109	10145	2927	1610	18,4	39,9	25,6	11,0	3,5	1,0	0,6
20567	7248	2257	1049	15,0	34,3	29,6	14,0	4,9	1,5	0,7
11643	4361	1375	723	15,5	31,6	28,9	15,4	5,8	1,8	1,0
3707	1753	703	440	13,5	33,0	28,0	14,3	6,8	2,7	1,7
6997	3047	1168	671	13,3	26,6	29,4	18,1	7,9	3,0	1,7
8700	4238	1830	1300	12,7	26,3	27,7	18,0	8,8	3,8	2,7
113493	38237	12202	7150	21,3	41,0	23,3	9,6	3,2	1,0	0,6
О	**Н**	**Ъ.**								
11412	3610	1158	858	36,2	38,2	16,8	5,9	1,9	0,6	0,4
12191	4492	1594	1211	31,1	36,6	19,7	7,9	2,9	1,0	0,8
17381	6982	2768	2221	26,2	36,2	21,0	9,8	3,9	1,6	1,3
13755	5798	2367	1809	23,7	30,9	23,6	12,6	5,3	2,2	1,7
33173	15442	6396	5517	21,9	30,2	23,6	13,3	6,2	2,6	2,2
24693	11816	5146	4601	20,3	27,8	24,2	14,8	7,1	3,1	2,7
16484	8549	3599	3458	19,7	25,0	23,9	16,1	8,4	3,5	3,4
14638	8005	3925	4477	18,4	26,1	23,4	15,1	8,3	4,1	4,6
2311	1301	678	799	17,9	25,7	22,9	15,2	8,6	4,5	5,2
6236	3758	2127	2733	16,9	23,4	23,5	15,2	9.2	5,0	6,8
10594	6493	3377	3793	14,4	20,9	23,3	18,1	11,1	5,7	6,5
5142	3460	1917	3211	14,4	23,7	21,4	15,2	10,2	5 6	9,5
2727	1645	1049	1531	12,2	19,7	22,9	17,8	10,8	6,9	9,7
4092	2657	1651	2230	12,1	16,7	22,5	18,7	12,2	7,6	10,2
3143	2130	1344	1731	13,6	14,9	21,9	18,7	12,7	8,0	10,2
4097	3089	1962	2587	12,0	13,3	20,0	19,1	14,4	9,1	12,1
182069	89227	41058	42767	23,7	30,3	21,9	12,3	6,1	2,8	2,9

К. Л. РИККЕРТ

СХЕМА

К

Европе

указыва

съ разл

теромъ

крестья

по коли

РОЙОНЪ ИЛИ ГРУ

К. Л. РИККЕРЪ

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ.

Москва — Книжный магазинъ „Трудъ“, Тверская.
Одесса — Книжный магазинъ „Образованіе“, Ришельевская.
Саратовъ — Книжный складъ губернскаго земства.
Нижній-Новгородъ — „Книжный музей“, Большая Покровка.

Книжнымъ магазинамъ обычная уступка.

Адресъ для *письменныхъ* сношеній и денежныхъ переводовъ: Москва, Мясницкая, Козловскій пер., д. Ермоловой, А. П. Воробьевой.

Изданія книгоиздательства „Новое Товарищество".

Черненковъ — Къ характеристикѣ крестьянскаго хозяйства вып. I. . . . . 80 к.
С. Закъ—Земля и капитализмъ . . . . . 30 к.
Ф. А. Бейерлейнъ—Вечерняя заря . . . . . 35 к.
И. Гильдебрандтъ—Ѳома Мюнцеръ . . . . . 20 к.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Ан-скій — Крестьянскій вопросъ во Франціи.
К. Качоровскій — Русская Община.
В. Черновъ—Монистическая точка зрѣнія въ психологіи и соціологіи.
Б. Баксъ—Человѣчество и классовый инстинктъ, съ предисловіемъ **В. Чернова.**
Вандервельде — Идеализмъ въ марксизмѣ съ предисл. **В. Чернова.**
Вандервельде — Аграрный вопросъ въ Бельгіи.
Новоторжскій — Земельный вопросъ.

Типографія РУССКАГО ТОВАРИЩЕСТВА. Москва.
1905.

3 2044 022 554 505

A FINE IS INCURRED IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW.

MAR 1973 4680169

4128393

JAN 1 '77

CANCELLED

JUN 8

CANCELLED